ВАДИМ ПАНОВ

ПРОДАВЦЫ НЕВОЗМОЖНОГО

· АНКЛАВЫ ·

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Может быть, давно предсказанный Апокалипсис уже наступил? Казавшиеся спасением от всеобщего хаоса Анклавы не справляются с распадом общества. Эпоха Цифры вместо свободы несет вымирание от страшного наркотика. Улицы городов залиты кровью враждующих мафиози. Китай, Европейский Исламский Союз и страны Католитического Вуду не способны отыскать выход из тупика, в котором очутился мир. А между тем на севере России возводится неприступная Станция. Здесь будет вырабатываться принципиально новая энергия – надежда человечества. У этой надежды есть только один недостаток: власть над миром, которую она обещает, не делится. И поэтому к решающей битве готовятся все – Анклавы, государства, террористы и, конечно же, адепты древних Традиций…

(Подробности о цикле "Анклавы" – на www.anclaves.ru.)

- Вадим Панов
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Эпилог
  - Словарь
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

Вадим Панов
Продавцы невозможного

Лишь почитая богов
И храмы побежденных,
Спасутся победители.

Эсхил. «Агамемнон»

Пролог

Анклав: Москва
Территория: Сити
Можешь делать – делай

Если смотреть с Болота,[1] например, с последнего уровня кольца, то первым бросается в глаза именно «Угольный Шпиль» – тонкий, без особых изысков небоскреб, по самую макушку облицованный черным стеклом. Двадцать лет уже бросается, исполняя роль пограничного столба Сити и раздражая эстетов непрезентабельной внешностью. Не шпиль, даже, а заурядная линейка, непонятно для чего воткнутая рядом с «Подсолнухом», «Дядей Степой», «Пирамидомом» и прочими красавцами делового сердца Москвы. А если забраться на эту «линейку» и посмотреть на север, то, кроме Болота, можно разглядеть пыхтящую производствами Колыму и даже Мутабор. Последний, разумеется, только в ясную погоду, но тем не менее – можно. С вершины «Угольного Шпиля» открывался превосходный вид на Анклав, на беспорядочный хаос центра, безыскусные прямоугольники промышленной зоны и аккуратные крыши самой загадочной московской территории. Вид, не считающийся «открыточным» – в отличие от панорамы Сити, – зато честный, без элегантного корпоративного гламура.

Однако люди, что появились на крыше «Уголька», плевать хотели на замечательный вид, они смотрели совсем в другую сторону, на лабиринт делового центра, и кричали друг другу – из-за дикого ветра разговаривать иначе не получалось.

– Патриция! Самый сложный участок – за «Степой»! Там небоскребы в ряд, получается труба…

– Твою мать, Кимура, я знаю!

Одетая в тщательно пригнанный комбинезон из карбошелка, Патриция справлялась с походом по крыше лучше спутника: ветер не рвал штаны, не надувал пузырем куртку, предательски забираясь под короткие полы. Очки позволяли спокойно смотреть, но вот дышалось с трудом, и еще больших усилий требовал разговор.

– Я хотел помочь!

– Заткнись!

Цепляясь за установленные на крыше поручни, Кимура и Патриция медленно двинулись к краю, а в дверях появились две другие фигуры. Еще один парень и еще одна девушка, благоразумно решившие не покидать укрытие.

– Ты идиот! – в очередной раз повторила Матильда. – Ты же

знал, что Пэт заведется!

– Я пытался ее остановить!

– Заткнись!

Разные женщины и такие одинаковые…

Рус понимал, что виноват, а потому не злился на Матильду – ругалась подруга по делу. Сидели в мастерской, пили пиво, трепались о самолетах, благо тут же, в ангаре, стоял распотрошенный под полное переоснащение спортивный «Воробей». Потом о прыжках заговорили, тут Рус и ляпнул, что Патриция не дотянет до Царского Села, и не замолчал, когда брови девушки удивленно поползли вверх. Теперь расклад простой: с «Уголька» до Царского Села, Сити насквозь. Цена вопроса – пять юаней. В качестве бонуса – злобное шипение любимой женщины.

– Если с Пэт что-нибудь случится, я тебя убью!

«Знаю, знаю…»

И отвернулся, делая вид, что больше всего на свете интересуется действиями Кимуры, который возился с натянутой по периметру крыши металлической сеткой. Но тут же услышал (и снова не в первый раз!) вопрос:

– Ты позвонил?

– Позвонил.

– И что? Где они?

– Позвонить еще раз? – огрызнулся парень.

– Ты…

Кимура, несмотря на сумасшедшие порывы ветра, все-таки справился с сеткой и сразу же ушел влево, подальше от пропасти, на край которой ступила Патриция.

– Поздно! – простонала Матильда. – Звони!

– Теперь уже точно поздно.

Под ногами Патриции – двести метров прямой дороги вниз, к закатанной в асфальт земле, но короткий путь не привлекает. И не пугает. Девушка устремлена не вниз, а вперед. Высота не страшна, высота – лишь физическая величина, позволяющая взять хороший старт.

Пэт задержалась на краю не от страха, а оценивая силу и направление ветра. Порыв, еще один, еще… Предсказать их невероятно сложно, но нужно, потому что Пэт собирается не просто прыгнуть, ее цель – влиться в поток, оседлать гуляющий меж небоскребов ветер, а потому девушка выжидала. И бросилась вперед, почувствовав – не поняв, а именно почувствовав, – что время пришло.

Черная фигура исчезла с края крыши.

– Какого черта нас не арестовали? – простонала Матильда. –

Главный кабинет «Пирамидома» находился на самом верху штаб-квартиры московского филиала СБА и представлял собой маленькую пирамиду, вид изнутри: четыре наклонных стены и окна во все стороны. Странное, но своеобразное помещение.

Хозяином главного кабинета был человек, которого все звали Мертвым. За спиной, естественно, звали, вполголоса, но тем не менее – все. А он, в свою очередь, внешне совсем не производил впечатление самого страшного человека Москвы – невысокий, щуплый, с редкими, мышиного цвета волосами и невыразительным лицом: тонкие губы, крючковатый нос, впалые щеки… Самой запоминающейся частью лица были глаза – внимательные, умные, голубые и очень холодные. Но они только подчеркивали общую невыразительность, за которую, вполне возможно, хозяина кабинета и наградили его кличкой. Ничего опасного в облике, ничего беспощадного.

И еще он не часто бывал резок, а потому, когда в кабинет без доклада вошел худощавый молодой мужчина в элегантном, но несколько старомодном костюме-тройке, Мертвый лишь поднял голову – он работал с бумагами – и холодно осведомился:

– Да? – Но в этом коротком, негромко прозвучавшем вопросе читалось куда больше смыслов, чем в иной длиннющей фразе.

Однако на пришельца откровенное неудовольствие хозяина кабинета не произвело особого впечатления. Он невозмутимо поправил квадратные очки и тоже негромко, в тон Мертвому, произнес:

– Безы получили анонимное сообщение о том, что группа хулиганов планирует использовать «Уголек» в качестве парашютной вышки.

Хозяин кабинета-пирамиды – директор московского филиала СБА. Очкарик – Мишенька Щеглов, начальник Управления дознаний и первый заместитель директора. Два высших офицера СБА, по сути – два главных в Москве человека, и сообщение о хулиганах – это последнее, о чем им должны докладывать. В голубых глазах Мертвого загорелись веселые огоньки.

– Это основное сегодняшнее событие?

– Безы хотели арестовать хулиганов, но увидели, что их возглавляет Патриция, и не стали спешить.

Безы московского филиала СБА выдрессированы лучше цирковых собачек, к людям из VIP-списка просто так не лезли.

– Понятно. – Мертвый вздохнул и принялся поправлять тонкие черные перчатки, всегда закрывающие кисти его рук. Документы, судя по всему, перестали заботить главного

московского беза. – Высота «Уголька»?

– Двести тридцать четыре метра.

– Хорошо.

В переводе на человеческий: «Достаточно, чтобы парашют раскрылся. Девочке ничего не угрожает». Согласный с этим выводом Мишенька тем не менее не преминул заметить:

– Опасный трюк.

– Она знает.

Короткое замечание прозвучало приказом. Щеглов снова поправил очки, после чего изложил план действий:

– Встретим Патрицию в точке приземления, отругаем и отпустим. В новостях напишем, что нарушитель приговорен к штрафу. Никаких имен.

– И проследи, чтобы на ее пути не оказалось вертолетов.

– Никаких вертолетов. – Мишенька улыбнулся. – Я уже распорядился. Полеты над всем Сити прекращены, кто знает, куда занесет нашу девочку?

«Альбатрос» – лучший в мире планирующий парашют – бросает тень на глухие окна небоскребов. Издевается, демонстрируя, что высота придумана для полета и офисам под облаками делать нечего. Дразнит. Манит. Поет гимн свободе и… отчаянной, балансирующей на грани безумия храбрости. Тень «Альбатроса» скользит по лицам подбежавших к окнам людей и говорит: «Вы никогда не повторите трюк, но, черт возьми, смотрите – это возможно!» И некоторые слышат.

Одни смеются и тычут пальцами. Другие называют парашютиста хулиганом. Прикидывают, останется ли он жив? Подсчитывают размер штрафа, который наложат на него безы. Сообщают о происшествии в СБА и новостные каналы, ругаются, что не успели вовремя: полет уже показывают в прямом эфире… Но некоторые, некоторые слышат гимн, что парашютист поет свободе и… отчаянной, балансирующей на грани безумия храбрости.

Некоторые говорят себе: «Я хочу так же!»

И парашютист их слышит.

Тот самый парашютист, что прыгает с одного потока на другой, держит высоту и рвется вперед. Тот самый парашютист, что уверенно закладывает виражи, следуя вдоль улиц, но высоко, очень высоко над мостовыми. Девушка, сосредоточенная на управлении «Альбатросом», слышит непроизнесенные вслух фразы: «Я хочу так же!», и вдруг понимает, что не уязвленное самолюбие стало причиной полета.

Тень «Альбатроса» напоминает, что мы все еще люди.

А человек, которого все зовут Мертвый, уподобляется зевакам. Он стоит у окна и смотрит на парашютиста до тех пор, пока тот не скрывается за соседним небоскребом. Но не уходит, продолжает стоять, словно надеясь, что отчаянный вернется, вновь пролетит мимо «Пирамидома» и еще раз бросит тень на окно. Человеку, которого все зовут Мертвый, не с кем обсудить увиденное, поэтому он просто стоит, молчит и улыбается.

Глава 1

Анклав: Марсель

Территория: 7-й район

Большая комната без окон

Часто бывает так, что лишь демонстрация силы позволяет точно выразить свою позицию по тому или иному вопросу

– Ты – легенда! – жарко произнес Восемьдесят Три.

«Я знаю…»

– Люди прислушиваются к тебе, – поведал Шестьдесят Девять. – Разные люди с разных континентов.

«Это называется уважением».

– Тебя любят во всем мире, – поддержал коллег Тринадцать.

Льстивые слова с неестественным грохотом отскакивали от высокого потолка конференц-зала, от гладких стен недоразвитого голубого цвета, от прилепленного на высоте человеческого роста коммуникатора. Отскакивали и ядовитыми шариками летели в сидящего во главе стола мужчину.

– Ты – воплощение неукротимого духа Поэтессы, воплощение нового мира…

– Черт побери, Сорок Два, ты и есть новый мир!

Последнюю реплику, «не сдержавшись», бросил Двадцать Пять. Вежливый и хитрый китаец, обычно – самый молчаливый из лидеров dd.

«Кажется, ребята, я вас здорово достал!»

Сорок Два пристроился на краешке удобнейшего кресла, разработанного самыми дорогими дизайнерскими головами планеты для самых дорогих задниц планеты: массаж, подогрев, любая форма, настоящая кожа, настоящее, нейрошланг ему в корни, дерево и хромированные железяки наилучшей пробы. Возможно, если нажать кнопку, кресло сварит кофе или споет колыбельную. Возможно, кресло умеет что-то еще, но Сорок Два плевать хотел на работящую мебель. Он сидел на краешке, прижимаясь грудью к столу и сложив перед собой руки. Голова опущена. Взгляд упирается в пальцы. Удобная поза для отталкивания ядовитых шариков проникновенных слов.

– Двадцать Пять правильно сказал: Сорок Два и есть новый мир! Он сотворил настоящее чудо!

«Это наука, придурок, просто наука! Я не занимаюсь чудесами».

А еще Сорок Два совсем не походил на сытого и важного верхолаза, для задницы которого разрабатывалось великолепное

кресло. Непримечательный, усталый на вид мужчина лет сорока, одетый в дешевую синтетическую рубашку, мятые штаны и грубые армейские ботинки. Голова гладко выбрита. Заурядное лицо лавочника или мелкого служащего, обремененного детьми и кредитами. Мешки под усталыми, слегка воспаленными глазами. Бледная кожа. На вид – типичный неудачник.

– Ты – наше знамя.

«Не знамя, а щит! За мной вы прячетесь, когда вас называют так, как должны».

– Я пересек половину Земли, чтобы увидеть тебя.

– Братья, давайте не будем хвастаться стоимостью билетов, – предложил Тринадцать. – Сорок Два прекрасно осведомлен, откуда прибыл каждый из нас.

Последняя реплика прозвучала полушутливо. Но именно – полу-. Доля раздражения, хорошо различимого в голосе Тринадцать, отразила настроение всех метателей ядовитых шариков: выбранная Сорок Два манера поведения сбивала с толку. Лидеры всемирной организации наемников ждали, что «их знамя» хоть как-то отреагирует на лесть, были уверены, что слова не пропадут, что заполнят липкой гадостью душу, однако Сорок Два отмалчивался.

«Мучайтесь, нейрошланги вам в задницу, мучайтесь!»

– Надеюсь, ты понимаешь, для чего мы собрались? – деликатно поинтересовался Двадцать Пять. Вежливый китаец руководил дальнеазиатским кустом dd, объединяющим Китай, Юго-Восточную Азию, Австралию с Новой Зеландией, и считался самым осторожным лидером сообщества.

– С удовольствием послушаю, – не поднимая головы, ответил Сорок Два. – Мне же просто приятно вас видеть.

Это были первые слова, произнесенные им с начала встречи.

– Необходимо обсудить твою тактику, – хмуро произнес контролирующий европейский куст Шестьдесят Девять. – Она кажется непродуманной.

Резкая смена тональности, от цветастой лести к мрачной деловитости, на Сорок Два не подействовала – он просчитал все варианты развития разговора.

– Твои действия опасны, – грубовато уточнил представляющий Северную Америку Тринадцать.

– Много вреда, – кивнул Пятьдесят Семь, в зоне ответственности которого находились Индия и Средняя Азия.

– Много шума, – добавил Девяносто Один, куратор Ближнего Востока и Африки.

– Ненужного шума, – пояснил Тринадцать. – В результате к нам проявляют гораздо больше внимания, чем хотелось бы.

Трудно договариваться с нужными людьми. Страдает дело.

«Какие обтекаемые фразы!»

– Бизнес, – поправил американца Сорок Два. – Страдает бизнес.

Он оторвал взгляд от пальцев и медленно, задерживаясь на каждом лице, оглядел собеседников. Никто не отвернулся. Никто не отвел взгляд. Лидеры dd смотрели на Сорок Два уверенно и спокойно. Они считали себя правыми.

«Да как же так, братья? Мы ведь вместе начинали!»

– Хорошо, – согласился Тринадцать. – Называй это бизнесом. Хотя я не понимаю разницы.

– Хвост вертит собакой, – едва слышно объяснил Сорок Два, вновь опуская голову. – Вот в чем разница.

– Нет, – не согласился Двадцать Пять. – Просто собака попробовала мясо, и оно ей понравилось.

– Получается, вы и есть знаменитые подруги Сорок Два? – поинтересовался Фрэнк Дьюки, пристально изучая девушек.

– Ага, – невозмутимо ответила Ева Пума.

– Они самые, – подтвердила Красная Роза, не открывая глаз.

Рыжая девушка утонула в большом кресле и, казалось, спала, однако указательный палец ее правой руки елозил по подлокотнику, терзая вживленную в подушечку «мышку» – Красная пребывала в сети. А вот Пума была не прочь побеседовать.

– Нравимся? – И кашлянула, вежливо прикрыв рот тонкими пальчиками с идеально ухоженными ногтями.

Дьюки хмыкнул:

– Типа того.

В Марсель руководители dd явились в сопровождении многочисленных помощников, телохранителей и секретарей. Некоторые прихватили даже личных поваров – все они не так давно были нищими машинистами, но ведь к роскоши быстро привыкаешь? Однако непосредственно на встречу руководители сообщества договорились взять не более двух сопровождающих, поэтому в большой комнате, вплотную примыкающей к конференц-залу, коротало время четырнадцать человек: двенадцать мужчин и две женщины. Травили анекдоты, лениво обсуждали новости, пили кофе, периодически выдавливая пластиковые стаканчики с черным из примостившегося в углу пузатого автомата. Оружие на вид не выставляли, все-таки все свои, – однако «дыроделы» нет-нет да мелькали из-под полы пиджака или задравшейся ветровки, напоминая, что ребята на службе.

– Вы не выглядите опасными, – заметил Фрэнк, откровенно разглядывая длинные ноги Евы. – Скорее сексуальными.

Прислушивающиеся к разговору качки весело переглянулись.

– Мы с Красной много чего умеем, – спокойно ответила Пума. – Можем трахаться, а можем и трахать. По обстоятельствам.

– Всегда на пару работаете?

– Частенько.

– Нам покажете?

– Мы не по вызову, парень. – На губах Евы заиграла легкая улыбка. – Обслуживаем только владельцев сезонных абонементов.

– И сколько их?

– Один.

– Не скучно?

– Нам хватает.

Фрэнк держался, не переходил грань, отделяющую неприятные уколы от прямого оскорбления, но и не отдалялся от нее. Готовит скандал или демонстрирует дурной характер?

– Не хочешь поискать кого-нибудь получше?

– Времени жалко. – Пума подалась вперед, снова кашлянула и едва слышно прошептала: – Не обломится, Дьюки, даже не рассчитывай.

От нее пахло «Сладким миражом» – восемьсот пятьдесят динаров за двадцать пять миллиграммов, – духами, которыми баловались только жены верхолазов.

– Не нравлюсь?

– Не заводишь.

Красная усмехнулась. И вновь – не открывая глаз. Все ее внимание было сосредоточено на работе в сети.

Здание, в котором совещались лидеры dd, прикрывали отличные машинисты, работающие на отличном «железе». Они контролировали все входы и выходы, управляли каждой лампочкой и розеткой, всей аппаратурой, включая грузики для раздвигания штор. Они видели все помещения (за исключением конференц-зала), однако не разглядели несколько программ, которые Красная отправила во внутреннюю сеть дома. Программ, написанных настоящим гением.

– Тебя называют террористом!

– Я беру только то, что мне нужно!

– Все, что тебе нужно, ты должен брать у нас!

– Вы отрезали меня от ресурсов!

– Слишком много смертей, брат!

– И много полиции на хвосте?

– Да, слишком много.

– Мешает бизнесу?

– Из-за тебя нейкистов считают убийцами!

– А из-за вас – бандитами!

– Тебе придется ответить.

– Я пришел не на суд!

– Ты пришел, потому что мы потребовали!

Ядовитые шарики не поразили Сорок Два, зато отравили атмосферу. От благодушного настроения, которое лидеры dd изображали в начале совещания, не осталось и следа. Сорок Два стоит, опираясь руками о стол, напротив – взъерошенный Тринадцать, красный и потный. Шестьдесят Девять на стороне американца, застыл рядом и яростно таращится на неуступчивого Сорок Два. Восемьдесят Три и Двадцать Пять вяло пытаются вернуть разговор в конструктивное русло, но получается не очень. Девяносто Один нервно расхаживает за спинами ругающихся коллег. Спокойствие сохраняет лишь Пятьдесят Семь: сидит в кресле, едва заметно постукивая пальцами по столешнице, то ли не знает, чью сторону принять, то ли наоборот: все давно решил и не хочет тратить время на бессмысленные вопли.

– Мы не хотим никого обвинять, – примирительно произнес Двадцать Пять, мягко оттирая взбешенного Тринадцать в сторону. – Мы хотим обсудить ту непростую ситуацию, что сложилась…

– Из-за него! Сорок Два пошел против всех!

– Бред!

Двадцать Пять вздохнул:

– К сожалению, брат, Тринадцать в чем-то прав.

Сорок Два хмыкнул, провел рукой по бритой голове, и в его взгляде мелькнуло… разочарование? Да, именно разочарование. Сорок Два понял, какая пропасть отделила его от тех, кого он все еще называл братьями.

– Ты даешь новое, но ты торопишься, – негромко продолжил Двадцать Пять. – Ты забыл, что мы тоже работаем над становлением Эпохи Цифры. Ты забыл, что победу может принести не только лихая атака. Мир сложен, а потому необходимо договариваться. Год назад книгу Поэтессы разрешили в Исламском Союзе…

– Под моим давлением!

– Нет, – скривился Шестьдесят Девять. – Ты едва все не испортил.

– Книгу разрешили потому, что верхолазы поняли: нет ничего страшного в том, чтобы машинист читал Поэтессу, – улыбнулся Двадцать Пять. – И еще они поняли, что все машинисты читали

Поэтессу.

– Верхолазы не дураки, они понимают, что Эпоха Цифры уже настала и сопротивляться бесполезно, – добавил Шестьдесят Девять.

– Но они по-прежнему верхолазы.

– А разве смена эпохи всегда сопровождается революцией? – удивленно поднял брови Девяносто Один.

– Нет, – прищурился Сорок Два. – Если оставить у власти верхолазов, все пройдет тихо.

– Вот видишь.

– Только новая эпоха не наступит.

Девяносто Один вздохнул.

– Почему ты не можешь смириться с тем, что война закончилась? – поинтересовался Двадцать Пять.

– Потому что она еще не начиналась.

– Брат наш Сорок Два не понял, что Поэтесса дала не путь, но направление, – громко произнес Восемьдесят Три. – Он следует букве…

– Хватит нести чушь! – рявкнул Шестьдесят Девять и тяжело посмотрел на Сорок Два. – Мы хотим сказать, что террористические методы нас задолбали. Пора, черт бы тебя побрал, повзрослеть!

Тринадцать кивнул, подтверждая слова Шестьдесят Девять, однако внимательный наблюдатель смог бы разглядеть в глазах американца беспокойство: тридцать секунд назад Тринадцать отправил приказ на захват несговорчивого Сорок Два, однако врываться в конференц-зал бойцы почему-то не торопились.

Автомат честно предупредил почтенную публику, что собирается свихнуться. Для начала шумно рыгнул, наполнив комнату запахом кофе, затем из его пуза донесся металлический лязг, с утробным рычанием изверглась стопка пластиковых стаканчиков, и только после этого, завладев, подобно хорошему актеру, вниманием присутствующих, кофейное устройство разродилось мощным потоком горячей воды.

Почтенная публика среагировала на происходящее со здоровым солдафонским юмором.

– Об…ся! – громогласно прокомментировал действия автомата Дьюки, приправив сообщение парой крепких словечек.

– Фрэнк, здесь женщины!

– Они подумали так же!

– Но не сказали.

– Да и хрен с ними!

Вода стремительно растекалась по полу, к потолку бодро

поднимался пар, публика веселилась.

– Сделайте что-нибудь, – попросила вскочившая на кресло Роза.

– Что?

– Позовите уборщика!

– Пока идет совещание, сюда никого не пустят.

– Сами справьтесь!

– Оттуда кипяток шпарит!

– Тоже мне, мужчины. Тьфу!

– Ладно-ладно.

Двое телохранителей нехотя направились к взбесившемуся кофейнику, а остальные столпились вокруг, снабжая добровольных механиков бесплатными советами:

– Ноги не промочите!

– Не спешите, мужики, рано или поздно вода закончится.

– Из розетки выдерните – и все дела!

– Черт! – Маленький дротик, снабженный лошадиной дозой снотворного, вонзился в шею Фрэнка. – Девки…

– Ребята!

Поздно. Слишком поздно. Пума и Красная стреляли молча. Стояли позади отвлекшихся на автомат мужиков и хладнокровно палили из пневматических пистолетов, распределяя дротики между телохранителями. Ударить в ответ никто не успел.

Пауза затянулась.

Тринадцать смотрел на Шестьдесят Девять, Двадцать Пять – на них обоих, недоуменно, словно пытаясь понять, почему они переглядываются. Трое остальных застыли у стены, и человек опытный, бывавший в переделках, легко догадался бы, что лидеры dd ушли с открытого пространства, освобождая место… Кому?

Сорок Два вопросительно изогнул бровь.

– Да, – невпопад ответил Тринадцать. – Мы… мы все-таки хотим договориться.

– Мы же братья, – протянул Шестьдесят Девять.

А Восемьдесят Три не удержался – посмотрел на дверь, чем вызвал у Сорок Два веселую улыбку.

– Кого-то ждешь?

– Нет, – опомнился руководитель южноамериканского куста.

– То есть приказ на атаку, который Тринадцать отправил пару минут назад, был шуткой?

Восемьдесят Три опешил.

– Откуда ты знаешь?

– Я перехватываю сигналы с ваших «балалаек», – дружелюбно

объяснил Сорок Два. – Ничего личного – простая предосторожность.

Шестьдесят Девять машинально шагнул к двери.

– Не надо! – Сорок Два уже не походил на придавленного бытом клерка, на растерянного парня, с трудом отбивающего льстивые слова. Перед руководителями dd стояла легенда. Террорист номер один и он же – пророк, открывший людям двери в новый мир. Холодный, жесткий и знающий, что должен делать. – Девочки обезвредили ваших телохранителей. А другие мои люди взяли под контроль здание.

– Нас шестеро, а он один! – прорычал Тринадцать.

Американец еще не понял, что партия проиграна. Или же не мог смириться.

– Мои девочки, – напомнил Сорок Два. – Тронете меня, и они перестанут играть по правилам.

– По каким еще правилам?

Сорок Два вплотную подошел к Тринадцать, помедлил, глядя ему в глаза, и затем отчеканил:

– Несмотря на ваше предательство, кровь не пролилась. Ева и Роза никого не убили, потому что мы – братья. И так должно оставаться.

Перед лидерами dd стоял пророк, а не убийца, стоял тот, кто все еще считал их своими. Перед ними стоял тот, кто их любил.

– Как ты нас заблокировал? – угрюмо спросил Двадцать Пять.

Сорок Два усмехнулся: ну хоть один задал правильный вопрос. Хоть один показал, что жажда наживы не угробила в нем машиниста.

– Как ты это сделал?

– Все дело в программах. На вас работают лучшие машинисты мира, но я стою над ними. А значит – и над вами.

– Поискать кого-нибудь получше? – Удар под ребра. – Я тебе покажу, скотина, поискать получше! – Еще один удар. – Ты меня надолго запомнишь, тварь…

В носках изящных полусапожек Пумы прятались металлические набойки, поэтому удары, которыми она осыпала бесчувственного Дьюки, получались весьма жестокими.

– Продолжаешь спор? – поинтересовался вышедший из конференц-зала Сорок Два.

– Заканчиваю! – Раскрасневшаяся Ева врезала валяющемуся на полу Фрэнку в последний раз, повернулась и, мило улыбнувшись, объяснила: – Он большой нахал.

– Угу, – подтвердила Красная. – Нахал и скотина.

– Как скажете. – Сорок Два рассеянно оглядел комнату,

лежащие вповалку тела, лужицу крови рядом с Дьюки – Пума била Фрэнка не только в живот – и осведомился: – Мы можем уйти?

– Обижаешь, дорогой, – улыбнулась Роза. – Мы полностью контролируем здание. Твои новые программы великолепны, местные машинисты не видели, как ребята…

– Спасибо, Роза. – Легкий взмах руки заставил Красную замолчать.

– Машина у входа, – тихо произнесла Ева.

Сорок Два нерешительно посмотрел на дверь в конференц-зал. На закрытую дверь, за которой притаились лидеры почти всемогущего сообщества dd, за которой остались его братья. Посмотрел так, словно надеялся, что кто-нибудь из них выйдет и… Нет. Не выйдет. Никто и носа не высунет до тех пор, пока очнувшиеся телохранители не обеспечат должный уровень безопасности. Пока не уйдет напугавший их пророк.

– Уезжаем, – негромко приказал Сорок Два. – Нам здесь не место.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»

Спокойное утро в милом доме – что может быть прекраснее?

Вот перед нами лежит голубой Эльдорадо,
И всего только надо – опустить паруса.
Здесь, наконец, мы в блаженной истоме утонем,
Подставляя ладони золотому дождю.

Запись была старой, можно сказать – древней, то ли начала двадцать первого века, то ли вообще конца двадцатого. Имя исполнителя затерялось в череде музыкальных поколений, а вот Кирилл его помнил. Грязнов коллекционировал старую музыку на старых же носителях: виниловых дисках и толстых пленках, иногда, оставаясь один, включал ее – в кабинете антиквара стояли громоздкие проигрыватели – и слушал, сидя с закрытыми глазами в глубоком кресле. Пэт же регулярно пользовалась архивом отца, цифровым, разумеется, архивом, не дисками. Сначала из любопытства, потом втянулась, почувствовав, что

слова некоторых забытых песен прикасались к тем стрункам души, до которых не добирались современные идолы.

Девушка открыла глаза, сладко потянулась и улыбнулась ползущему по противоположной стене солнечному лучику, непонятно каким образом пробившемуся сквозь толстые шторы.

– Привет!

Луч не ответил.

> Здесь можно петь и смеяться, и пальцы купать в жемчугах.
> Можно гулять по бульварам, и сетью лукавых улыбок
> Можно в девичьих глазах наловить перламутровых рыбок,
> И на базаре потом их по рублю продавать.

Когда-то Пэт, как и подавляющее большинство нормальных людей, просыпалась с помощью «балалайки». В указанное время в голове начинала звучать негромкая музыка, намекая хозяину, что пора вставать, или шептал что-нибудь приятное мягкий голос няни. Теперь же приходилось пользоваться коммуникатором.

Пэт дотянулась до тумбочки, остановила запись, подумала и надавила на пару кнопок, подключив карманный компьютер к настенному монитору. Привычку смотреть утренние новости Грязнов называл первым признаком взросления.

– После короткого топтания на месте акции «Науком» вновь пошли вверх…

С тех пор как ведущая русская корпорация стала главным подрядчиком строительства Станции, ее акции только и делали, что росли. Или, по меткому выражению комментатора, «топтались на месте». А потом снова росли. Даже трехнедельный кризис, случившийся несколько месяцев назад на азиатских площадках, не поколебал позиции «Науком», хотя опустил акции почти всех монстров мировой экономики.

Пэт поднялась с кровати и направилась в ванную. Высокая, стройная, подтянутая… На первый взгляд грациозная девушка могла показаться хрупкой, однако в каждом ее движении чувствовалась сила. Не выставленная напоказ рельефными мышцами, как это бывает у профессиональных спортсменок, не придающая жестам грубоватую резкость, характерную для солдат, но внутренняя сила, дарующая уверенность и спокойствие.

– Министр внутренних дел Франции заявил, что отключение электричества в семи районах Эль-Парижа стало результатом аварии, а не атаки ломщиков, как было объявлено ранее, – проорал ей вслед комментатор. – «Признаков вторжения не

обнаружено, и я с уверенностью заявляю, что террористическая организация Сорок Два непричастна к инциденту…» Тем не менее министр признал, что Франция, как и весь Европейский Исламский Союз, испытывает гораздо более серьезные проблемы с π-вирусом, нежели Индия и Китай…

Пэт выдавила на щетку немного пасты. Некоторые ее знакомые уже пользовались выброшенной на рынок новинкой – «Нанодентом», подсаженными ботами, которые трудолюбиво ползали по зубам, избавляя хозяина от необходимости утренних и вечерних процедур. Говорили, что удобно. Однако Пэт с нанами не дружила. А даже если бы и дружила, то вряд ли воспользовалась модной диковиной. «Прогресс дело хорошее, но человек должен заботиться о себе сам, – любил говорить Кирилл. – Хотя бы для того, чтобы не чувствовать себя овощем». Несколько лет назад, едва оказавшись в доме Грязнова, Пэт с удивлением и непониманием восприняла подобную философию – выросшей в роскоши девушке казалось, что Кирилл издевается. Однако постепенно осознала, что тот небольшой набор обязательных ежедневных упражнений, который требовал от нее Грязнов: самостоятельно одеться, прибраться в комнате, приготовить, если потребуется, еду – жить не мешает. Напротив – помогает стать более организованной.

– Пресс-служба центральной штаб-квартиры СБА официально подтвердила, что массовые отравления и смерти, произошедшие в Кейптауне, Сиэтле и Шанхае два дня назад, связаны с применением синтезированного «синдина». Напомним, что вспыхнувшие в перечисленных Анклавах беспорядки были направлены против предприятий и офисов «Фарма-1» и подавлены силами СБА. Тем не менее в Цюрихе ясно дали понять, что корпорация не причастна к появлению на черном рынке некачественного аналога…

«Синдин» слишком дорог и… неповторим. Благодаря Сорок Два спрос увеличился на порядок, а то и несколько порядков, однако до сих пор никто не смог повторить достижение таинственных разработчиков и получить нормальный наркотик. Попытки синтезировать «синдин» предпринимались постоянно, однако все они приводили к одному результату: массовые жертвы, уличные беспорядки, уничтожение дилеров, рискнувших связаться с ненадежными поставщиками, а также самих поставщиков – с неудачниками расправлялись крайне жестоко. Убивали их не безы или полицейские, и даже не производители настоящего «синдина», а более осмотрительные коллеги. Тем не менее случаи появления некачественного «синдина» множились.

– Открытие орбитального отеля в очередной раз

откладывается! Широко разрекламированный «Леонов Sol», который должен был стать вторым после «Гагарин Sol» космическим отелем корпорации «Хруничев», по-прежнему заперт…

Ну и что?

Умывшись, Пэт расчесала и стянула в хвост пышные каштановые волосы, отключила новости, запустила пришедшие за ночь сообщения и стала одеваться к завтраку.

– После нашей встречи я могу думать только о тебе…

Приятный, чуть хриплый баритон, голос уверенного в себе ловеласа. Это сообщение от мачо из «Девяток», который пытался соблазнить ее весь вечер.

«Неужели я дала ему номер коммуникатора? Зачем? Нет, вроде не давала… Или давала?»

Окончание вчерашней вечеринки пряталось в тумане ощущений: беззаботное веселье, руки на плечах, чувственные губы… Постаравшись, Патриция наверняка вспомнила бы все подробности, но зачем? В жизни должно быть место маленьким тайнам.

– Удалить! – велела девушка. Компьютер исполнил волю хозяйки и тут же вскрыл следующее послание.

– Пэт, ты не забыла, что сегодня Клара Мим показывает летнюю коллекцию…

«Модный показ? Гм… надо подумать».

– Следующее!

– Патриция, ученый совет факультета готов предложить вам…

Успехи в учебе не остались незамеченными. Профессора постоянно намекали Пэт, что занятие семейным бизнесом – пусть даже речь идет о почтенной, известной всем верхолазам планеты антикварной фирме – совсем не то будущее, которого достойна столь одаренная девушка. Профессора настаивали от чистого сердца, видели, что Патриция способна вырасти в великого ученого, и не хотели отпускать ее из Университета. Профессора были уверены, что действуют в интересах девушки, не догадываясь, что именно подразумевала Пэт, говоря о «семейном бизнесе».

– Сообщение удалено.

– Патриция! Мое письмо к вам вызвано глубочайшими чувствами…

«Влюбленный, черт бы его драл, однокурсник! Удалить немедленно!»

– Владельцам мотоциклов! – Загремели фанфары, и на мониторе появился красавец «Судзуки». – Только до конца мая

наша мастерская…

«А спам как сюда проник? Удалить!»

– Милая, милая, милая Патриция! Я ужасно соскучилась! Почему…

Таисия Кук… Вспоминать, как выглядит подруга, не пришлось – Таисия прислала видеописьмо. Надиктовала его, расположившись на антикварной софе. Волосы забраны в изысканно растрепанную прическу, шелковое домашнее платье открывает плечи и грудь, в руке – раскрытый томик стихов. Утонченная натура или играющая в «возвышенность» метелка? Патриция еще не разобралась, а потому не рвала с Таисией, держала рядом, помня, что ключ может оказаться где угодно.

«Ключ… – Пэт посмотрела на тонкие кисти, на длинные пальцы с тщательно ухоженными ногтями. – Ключ…»

Похоже, придется навестить госпожу Кук и окончательно выяснить, что она из себя представляет.

– Из Эдинбурга сообщают, что майские показатели уже превзошли ожидаемые в два раза. Томми счастлив, словно в первый раз влюбился, и уверен, что в этом квартале обязательно уделает Клозе.

Михаэль Клозе руководил франкфуртским филиалом фирмы, и его оборот уступал только Москве, чем въедливый бюргер весьма гордился.

– С Михаэля давно пора сбить спесь, – хмыкнул Кирилл.

– Согласен. – Таратута заглянул в коммуникатор. – Теперь о нашем транспортном подразделении: все грузы прибыли по графику. Инцидентов нет. Ночь прошла спокойно.

Официально Филя Таратута числился в антикварной фирме Грязнова бухгалтером на все руки: сводил дебет с кредитом, контролировал расходы, обеспечивал поставки и совал взятки нужным людям. Однако эта суета была лишь видимой частью айсберга, гораздо больше времени и сил отнимала у Таратуты работа на Консорциум, региональным менеджером которого являлся Кирилл.

– Никаких приключений?

– Ну, почему же? – Филя улыбнулся. – Есть один интересный нюанс.

– Какой?

– Последнее время все чаще возникают проблемы со связью. Сегодня ночью машинисты дважды засекали повышенное внимание к нашим переговорам.

Теоретически, хороший специалист мог перехватить ведущийся через коммуникатор со сдвоенным шифрованием

диалог, но никто этим не занимался, поскольку на извлечение из цифровой белиберды полезной информации потребовалось бы несколько десятков лет. Целью большинства атак ломщиков был объект, они пытались определить точку входа и, соответственно, вычислить местонахождение ведущих разговор людей.

– Насколько активно они работают? – осведомился Кирилл.

– Машинисты говорят, что парни пока не наглеют, принюхиваются. Но наши защитные программы их со следа не сбивают.

– Нейкисты?

– Угу, – подтвердил Таратута. – Тритоны Сорок Два.

– Как же вы их засекли?

– Etiam capillus unus habet umbram suum.[2]

Говоря о нейкистах, или «тритонах Сорок Два», Филя совсем не имел в виду, что его прощупывают именно сподвижники главного террориста планеты. «Тритонами» с недавних пор величали всех, кто использовал придуманную Сорок Два троицу: и правоверных последователей Поэтессы, и тех, кто плевал на Эпоху Цифры с высокой колокольни. Возможно, пророк нейкистов действительно мечтал о справедливом мире, однако пока действия Сорок Два привели лишь к выходу сетевых преступников на качественно новый уровень.

– Надеюсь, вы их не спугнули?

– Ни в коем случае, – подтвердил Таратута.

– Хорошо.

Грязнов вытащил из кармана золотую коробочку и вытряхнул на ладонь белую пилюлю. Сообразительный Филя поднес хозяину стакан воды и, дождавшись, когда Кирилл проглотит лекарство, участливо осведомился:

– Болит?

– У меня всегда болит, – угрюмо ответил Грязнов, возвращая стакан.

– Но в последнее время сильнее?

Кирилл прищурился на помощника.

– Ты защитил докторскую по медицине?

– Я просто вижу, – негромко ответил Таратута, продолжая вертеть в руке стакан. – Я просто все вижу.

Именно Филя ездил в Мутабор за таблетками для Грязнова, а потому он лучше других знал, насколько больше пилюль приходится принимать Кириллу в последнее время. Речь шла не о привыкании – лекарство храмовников не было наркотиком, просто усилились мучающие антиквара головные боли.

– Я успею, – все так же угрюмо произнес Грязнов. То ли Таратуте пообещал, то ли себе. Помолчал, вернул коробочку в

карман и спросил: – Ты помнишь, что сегодня вы с Олово…

– Ipso.[3] А почему вы спросили?

– Memoria minuitor, nisi eam exerceas.[4]

– Не мой случай.

– Надеюсь.

Кирилл поднялся на ноги.

– Позавтракаешь с нами?

– Так поздно не завтракаю, – улыбнулся Филя. – Надо соблюдать режим.

Они не часто ужинали вместе: Грязнов признавал за Пэт право являться домой в любое время. Совсем редко обедали – днем у каждого были свои дела. А потому совместные завтраки оставались практически единственной для них возможностью встретиться, поговорить или просто посмотреть друг на друга.

– Апельсиновый сок?

– Сегодня – грейпфрутовый.

– Непростая ночь?

– Не особенно.

Она знала, что выглядит отлично: под глазами нет кругов, взгляд ясный, кожа дышит свежестью… Но тем не менее отец понял, что спала Пэт совсем чуть-чуть.

– Тусовалась в клубе.

– Ну и правильно.

Приняв пилюлю, Кирилл повеселел: разгладились морщины на лбу, заблестели глаза, с губ не сходила улыбка. Пэт на его фоне казалась сонной, почти недовольной, однако так только казалось. Для того чтобы поговорить с отцом, Патриция просыпалась гораздо раньше, чем могла бы. Сама просыпалась – Грязнов не просил дочь об этом. Просыпалась, потому что ценила их встречи не меньше, чем Кирилл. Потому что научилась любить.

– Еще сок? – вошедший в столовую Олово взялся за опустевший кувшин.

– Спасибо, не надо.

– Ка-ак ска-ажете.

Кувшин исчез, а в руках Олово возник поднос с дымящимися тарелками – где маленький слуга его прятал, осталось загадкой.

– Овсяна-ая ка-аша. – Тарелка перед Патрицией. – Омлет с помидором и луком. – Тарелка перед Грязновым.

Кланяться Олово не стал, просто исчез, вновь оставив отца с дочерью наедине.

– Чем собираешься заняться?

– Заеду в Университет.

– Сегодня суббота.

– Если хочешь много успеть, нужно торопиться.

– Торопиться не нужно, достаточно просто делать быстрее.

– Время – это единственное, чем невозможно управлять, – усмехнулась Пэт. – Мы берем его взаймы, а потому его вечно не хватает.

– Это моя фраза, – припомнил Кирилл.

– Теперь ты убедился, что я хорошая дочь?

– Я давно в этом убедился. – Грязнов отставил тарелку. Олово мгновенно убрал ее и выставил перед хозяином чашку с кофе. Потер ладони одну о другую и очень легким тоном поинтересовался: – Успехи есть?

– Нет, – так же легко, словно речь шла о сущей безделице, ответила девушка. – Как собираешься провести день?

– Буду дома. – Грязнов не часто покидал стоящий на Сретенке особняк.

– В таком случае… – Пэт чуть скосила глаза, намереваясь посмотреть время, ничего не увидела и тихонько выругалась. – Опять!

– Часы?

– Да.

К потере вживленных в организм гаджетов Пэт стала готовиться сразу же, едва узнала, кем является. Переживала, конечно, опасаясь остаться без привычных удобств, ведь в современном мире «балалайка» считалась столь же неотъемлемой частью человека, как печень или сердце. Хотела даже создать исследовательскую группу, профинансировать изыскания, позволившие бы ей сохранить чип, однако Грязнов посоветовал не тратить силы на борьбу с неизбежным, и девушка, подумав, согласилась.

Тем более она уже почувствовала вкус новых возможностей.

Через год, протянув на пару месяцев дольше, чем предсказывал Кирилл, сдох напыленный на глаза наноэкран. Просто сдох, чем ввел в ступор специалистов, убежденных, что подобный казус невозможен даже в теории. Патриции предложили нанести экран повторно, однако девушка отказалась, ибо окончательно поверила словам отца. Вернувшись домой, сказала, что готова удалить вживленную в затылок «балалайку». Грязнов отвез дочь в клинику Мутабор, и через неделю голова девушки вернулась, если можно так выразиться, в исходное состояние: чип и его «гнездо» исчезли, не оставив даже шрама.

В Университете Патриция сказала, что у нее вскрылась патология, несовместимость с «балалайкой», что в общем-то было недалеко от истины. Подруги сочувственно вздыхали: «Как

неудобно! Бедняжка!» Рекомендовали держаться: «Наверняка врачи придумают, как справиться с твоим недугом». Некоторые хихикали: в современном мире человек без «балалайки», считай, инвалид. А Пэт, неожиданно даже для себя, освоилась очень быстро. Коммуникатор, конечно, не столь удобен, как «балалайка», зато в голове ничего лишнего, только мысли. И ни один тритон не сможет сломать твою память.

Вот только привычка искать часы в левом нижнем углу никак не хотела уходить.

– Вернешься поздно?

– Ага.

* * *

Анклав: Франкфурт
Территория: Zwielichtsviertel
Клуб виртуальных игр «Эверест»
Тебя всегда ведет вперед вера, даже если это – вера в тебя

Интересно, какими играми баловались пещерные люди? Бросали камни на дальность? Метали копья на точность? Боролись? Дрались «стенка на стенку»? Все вместе или ничего из перечисленного? Кто первым предложил «сыграть во что-нибудь»? Потратить время и силы не на добывание еды, а ради развлечения? Кто первым сообразил, что человек способен жертвовать настоящим ради несуществующего?

«Какая разница – кто?»

«А я уверен, что это был тот же самый парень, который потом взял в руки бубен и стал шаманом. То есть сел племени на шею. Если уж играть, то играть по-крупному».

«Религия – не игра».

«Иррациональное по своей сути занятие, требующее времени и сил, но не приносящее взамен ничего материального. Конечно же, не игра. Да и как я смел провести такую аналогию? Ведь религия – это респектабельное занятие, чистенький, опрятный и законный бизнес… – Почти крик: – Религия подавляет волю!»

И тут же ехидный ответ: «Планируешь оболванить своих последователей?»

«Нейкизм не религия! Это свободный выбор свободных людей!»

«Ах, да!»

Сорок Два вскочил на ноги, прошелся… нет – пробежался по комнате. Семь шагов до двери и семь обратно, к столу. Остановился, вновь уперся взглядом в монитор коммуникатора,

перечитывая резанувшие душу строки.

> *«Детальный анализ «Чисел Праведности» показывает, что Эммануэль Мария Нейк хорошо изучила опыт становления существующих Традиций и создала книгу, способную заложить основы полноценного учения, весьма и весьма интересного современному человеку. Учения, ставшего порождением материального мира, а потому понятного каждому..»*

Сообщение пришло с незарегистрированного коммуникатора. Короткое объяснение: «Когда-то вы приложили много сил, чтобы прочесть эту книгу», и Сорок Два мгновенно догадался, откуда взяты отрывки.

> *«Люди знают, что такое компьютер, сеть, программное обеспечение, легко увязывают все это в глобальное понятие «Цифра», оглядываются вокруг, видят, сколь глубоко проникла она в привычный мир, и задаются вопросом: «Где место Человека?» Нейк дает ответ: в слиянии. Нейк дает ответ: мы изменили мир и не должны бояться управлять им. Блестящие игрушки обретают сакральную силу и тянутся к душам. Не Слово лежит в основе нейкизма, но холодное железо, творение рук человеческих, инструмент…»*

Нейкизм не религия! Не очередная игрушка для уставшего от серых будней коллективного разума. Не способ убежать в лучший, но выдуманный мир. Нейкизм строит лучший мир здесь и сейчас! Нейкизм реален, ибо опирается на факты, на разум, а не причудливые фантазии и чудеса, которых никто не видел.

«Ты видел!»

«Ерунда! Ложь!!»

> *«Заявляя, что любой человек способен достичь уровня бога, и предъявляя, в качестве доказательства, группу обколотых «синдином» ломщиков, нейкисты не просто выставляют себя на посмешище, но и допускают еще одну системную ошибку.*

Если бога можно создать, если его уровня можно достичь, то это уже не религия. Это компьютерная игра…»

– Это жизнь, нейрошланг вам в задницу! Жизнь, а не игра!

«Не нравится, как выглядишь со стороны?»

– Он был психом! Мыслил категориями Традиций и чудес!

«Вряд ли за мемуары сумасшедшего убили бы столько людей…»

Сорок Два выругался. Плюнул в монитор грязным ругательством, врезал кулаком по неповинной столешнице и снова выругался – ничем другим он ответить не мог.

Урзак.

Проклятый Урзак, с книги которого начались для Сорок Два поиски истины, безумцем не был. Прав, тысячу раз прав внутренний голос: записки сумасшедшего не поставили бы на уши Исламский Союз, вудуистов и Китай.

– Нейкизм не религия и никогда ею не будет!

«Тогда зачем ты искал чуда?»

Резанули ножом воспоминания: маленькая комната дешевого эдинбургского отеля, раскрытый «раллер» и голос… его голос: «Чудо, мне нужно чудо. Мне нужно чудо. Мне…» А потом – боль. Возможно – смерть. А еще потом – великая разгадка, сделавшая его пророком нейкистов и легендой.

– Чуда не случилось! Наука – вот что привело меня на вершину. Торжество чистого разума!

«То, что ты остался жив после эксперимента, само по себе чудо. Но ты не просто выжил – у тебя все получилось».

– Хочешь сказать, что мне помог дух Поэтессы?

«Тебе достаточно лишь намекнуть, и люди подхватят эту версию. Они готовы принять новую Традицию. Дай им то, что они ищут, то, чего они ждут».

«Нейкизм – переполненное системными ошибками порождение материального мира. Любой уважающий себя машинист читал «Числа Праведности», но Библией она стала не для всех. Книга Поэтессы приятно щекочет самолюбие машинистов, уверяя их в собственной значимости, если не сказать – избранности, но не более того. Люди душой чувствуют Слово, настоящее Слово, и не ощущают ничего сакрального в холодном железе, а потому многие чтящие «Числа Праведности» машинисты ходят по воскресеньям в церковь или расстилают молитвенный коврик пять раз в день…»

Пальцы коснулись прохладной поверхности монитора, надавили на строки, словно выдавливая послание, стирая рассуждения о Традиции из цифрового настоящего. А перед глазами калейдоскопом пробегают виденные когда-то картины: миллион человек возле храма Иисуса Лоа в Новом Орлеане – трансляция с рождественской мессы, тысячи людей, вышедшие на общую молитву в Ланданабаде, – перекрытые улицы, расстеленные коврики, согнутые колени и уходящие в землю лбы.

– Религия дает власть над душами, – хрипло прошептал Сорок Два. – А Эпоха Цифры – это общество свободных.

«Ключевое слово – власть, – задумчиво произнес некто, сидящий внутри Сорок Два. – Разве не ее ты добиваешься?»

Тихие стоны. Обрывистые. Нежные. Возбуждающие.

Растворились в убежавших минутах.

Оставили на память лишь теплое утомление.

– Хорошо… – прошептала Пума.

Она вытянулась на кровати, уткнулась лицом в подушку и тихонько сопела, улыбаясь с закрытыми глазами.

Довольный собой Сорок Два провел рукой по спине девушки, подался вперед, дотянулся до бокала, стоявшего на прикроватной тумбочке, и жадно сделал несколько глотков вина.

– Ты не с нами, – грустно заметила Красная, прижавшись к спине мужчины.

Она слишком хорошо его знала.

Не отвечая, Сорок Два допил вино и вернул бокал.

– Красная, заткнись… Не порти момент… – попросила Ева.

И кашлянула.

– Думаешь о них? – не отставала Роза.

– Помню о них, – уточнил Сорок Два и скривился. – Помню их лица…

Даже сейчас, после упоительного секса, он помнил. Не мог забыть.

Они смотрели, как доны, мать их, корлеоны! Сытые, самодовольные, «всего добившиеся», хотя на самом деле… Хотя на самом деле такие они и есть. Каждый из них и все сразу. Пока он искал путь, пока долбил стену, преградившую дорогу Эпохе Цифры, они прагматично «вписывались» в реальную жизнь. Он совершил невозможное – подарил людям новый мир. Не образ нового мира – это сделала Поэтесса, а мир. Настоящий Мир Цифры. Они же обрели силу и власть. Положение в обществе. Обеспечили себе настоящее. И высокие их слова о стремлении – всего лишь слова. Они не против сохранения системы. Они уже часть ее.

– Они забыли, для чего мы все затеяли, для чего начинали, почему согласились делать то, что теперь они называют бизнесом.

– Может, не забыли? – В ореховых глазах Красной мелькнула грусть.

– Не забыли? – удивился Сорок Два.

– Может, они всегда были такими, – глухо объяснила лежащая на животе Пума. – Может, вы с самого начала шли по одной дороге, но в разные стороны?

Организация dd создавалась как силовое крыло нейкизма, как

могучий кулак, позволяющий последователям Поэтессы наносить врагам не только цифровые удары. У истоков глобального объединения наемников стояли энтузиасты, отличные ломщики и машинисты, сумевшие не только наладить работу в сети, но и привлечь крепких профессионалов из ветеранов армий и спецслужб. Постепенно dd вышла на мировой уровень, встав на одну доску с такими мощными преступными организациями, как объединяющий контрабандистов Консорциум Транснациональных Перевозчиков и с работорговцами из Всемирной Ассоциации Поставщиков Биоресурсов. Но при этом dd не вызывала отвращения у обывателей, изрядная часть которых симпатизировала движению нейкистов. Ломщики, бросающие вызов корпорациям. Ломщики, почитающие запрещенные почти во всем мире «Числа праведности» и ждущие наступления Эпохи Цифры, наступления времени полной свободы. Нейкисты виделись в романтическом свете, простые люди не считали зазорным поддержать попавшего в беду ломщика, и dd воспользовалась этим обстоятельством.

Сорок Два помнил времена, когда высший совет организации составляли девятнадцать человек. Молодые, умные, энергичные идеалисты. Теперь их осталось шестеро, и каждый сосредоточил в своих руках огромную власть. Вот только идеи Поэтессы верхушку dd уже не завораживают. Они вписались в общество, убили дух нейкизма, оставив лишь красивый фантик.

Уж не потому ли среди лидеров dd не оказалось ни одного из двенадцати легендарных ломщиков? Ни одного из тех, кто первым вставил «поплавки» в «балалайку». Да, большинство из великих уже в могиле, но ведь остальные исчезли, спрятались, не желая присоединяться к новой версии нейкизма. Неужели они понимали, во что выльется dd?

– Нашим братьям не нужен новый мир, – с грустью констатировал Сорок Два. – Не нужна Эпоха Цифры.

Поэтому они предали человека, способного изменить общество.

А ведь когда-то давно, сразу после сделанного Сорок Два открытия, эти козлы взяли себе цифровые псевдонимы. В знак глубочайшего уважения к легенде, чтоб им нейро-шланги поотрывало. «Здравствуйте, Шестьдесят Девять! Доброго здоровья, Девяносто Один». Смешно! Обозвались цифрами, но ни черта не сделали для продвижения троицы, отговариваясь тем, что «еще не время», что «нужно накопить силы» и «тщательно взвешивать последствия каждого шага».

– Дверь открыта, а мы топчемся на пороге, – произнес Сорок Два. – Если бы я контролировал dd, мир уже вошел бы в Эпоху

Цифры!

– В организации много твоих сторонников, – заметила Пума.

– Среди тех, кто ничего не решает.

– Так ведь решать должен ты, – мягко произнесла Красная. Ее губы скользнули по щеке мужчины. – Ты – пророк.

Гибкая Ева поднялась и оказалась рядом, с другой стороны. Ореховые глаза Розы слева, черные Пумы справа. Горящие, любящие, верящие глаза. И запах пота будоражит…

– Ты сделал все, что мог. Пришло время следующего шага.

– Они предали, потому что боятся. Потому что знают: люди пойдут за тобой.

– Но ты должен быть твердым.

Пылающие глаза, обжигающее дыхание и жаркие, очень жаркие слова.

Поэтесса сказала, что люди станут богами. Они изменили мир и теперь должны измениться сами. Людям нужен путь, а указать его могу только я.

Революция? Если потребуется!

Старое и новое не могут существовать одновременно. Симбиоза не будет, акула и тигр никогда не дадут потомства. Новый мир требует нового человека. Круг должен замкнуться. Я должен принять решение.

– Вина, – отрывисто попросил Сорок Два.

Красная послушно слезла с кровати и отправилась к столу за бутылкой. Сорок Два повернулся к Еве и медленно провел пальцами по тонкой шее девушки.

– Знаешь, судя по всему, я снова хочу вас.

– Не имею ничего против, – улыбнулась Пума.

* * *

Анклав: Цюрих

Территория: Альпийская Поляна

«Замок Ван Глоссинга»

Если банка не открывается, нужно взять другой консервный нож

– Кубинскую?

Аромат из распахнутого хумидора напрочь отбивал желание отказаться.

– С удовольствием.

– Нет ничего лучше, чем хорошая сигара к хорошему виски.

– Под хороший разговор, – прищурился Стефан Дрогас, беря в руки золотую зажигалку.

– Верно, – согласился Моратти, усаживаясь в соседнее кресло. – Хороший разговор о хорошем деле. Надеюсь, ты соскучился по сложным заданиям?

– Да я не жалуюсь, – улыбнулся Стефан. – Ерундой мне заниматься не приходилось.

– Что верно, то верно…

Хозяином кабинета, медленно наполняющегося клубами ароматного дыма, был Моратти. Ник Моратти, президент всесильной СБА. Человеку ненаблюдательному, или же просто глупому, обходительный Моратти вполне мог показаться типичным бюрократом, вознесшимся на высокий пост благодаря аппаратным интригам. Плотный и большеголовый любитель дорогих костюмов, виски и сигар, Ник умел быть обаятельным, знал, как расположить к себе людей, и не производил впечатления героя, способного пойти под пули. Тем не менее ему приходилось и воевать, и убивать. Слабаков в руководстве СБА отродясь не водилось, и Моратти, несмотря на внешний лоск, был безжалостным хищником. И рядом с собой травоядных не держал.

– На этот раз все очень серьезно, – мягко продолжил Ник, внимательно глядя на своего главного специалиста по тайным операциям. – Я не просто хочу, чтобы ты занялся делом, для меня принципиально важно добиться успеха. Ставка необычайно высока.

– О чем речь?

– «Синдин».

Пауза.

– Судя по серьезному тону, вы не собираетесь избавлять мир от заразы.

– Мне нужно взять за жабры производителя, – спокойно ответил президент СБА.

– Понимаю… – Дрогас попыхтел сигарой. – Мои полномочия?

– Делай что сочтешь нужным.

Громкая фраза не произвела на Стефана особого впечатления – он всегда творил то, что хотел. А вот тон, которым Ник выдал стандартное напутствие, сказал Дрогасу о многом. Стефан знал президента СБА много лет и понял, что Моратти взвинчен. Ему нужен производитель, он не может его добыть, а потому взвинчивается все больше и больше.

– У вас есть идеи, которые подсказали бы мне, с чего начинать, или я должен действовать с чистого листа? – осведомился Дрогас.

– Учитывая, сколько лет СБА безуспешно гоняется за производителями «синдина», я бы не рекомендовал тебе прислушиваться к нашим идеям, – зло усмехнулся Ник. – Но

накопленной информацией поделюсь. Я приказал подготовить вводный доклад.

– С удовольствием послушаю.

Вызов Моратти отправил через «балалайку», а сам продолжал играть роль радушного хозяина: поднялся, принес и поставил на столик еще один стакан, разлил виски. Спиртное и сигары скорее подчеркивали серьезность происходящего, чем смягчали обстановку. А еще одним показателем того, насколько важным Ник считал текущее дело, стала личность докладчика: им оказался Альфред Солович, директор Главного управления СБА по борьбе с наркотиками.

– Представлять вас не нужно, поэтому перейдем непосредственно к делу. – Моратти удобнее устроился в кресле. – Угощайся, Альфред.

– Спасибо. – Солович взял стакан с виски и сделал маленький глоток. Потом второй, чуть больше. Захотелось еще, но сдержался – нельзя показывать слабость.

Начальник Главного управления по борьбе с наркотиками чувствовал себя униженным: отчитываться перед Дрогасом? Перед скользким ублюдком с репутацией киллера и физиономией висельника? Официально Стефан числился помощником президента СБА по общим вопросам, однако высшие офицеры знали, в чем они заключались – Дрогас занимался проблемами, решить которые законным путем не представлялось возможным. Последний довод короля… извините – последний довод президента СБА. Человек, привыкший к полной безнаказанности.

– Альфред!

– Да! – Голос Моратти вывел Соловича из задумчивости.

– Начни, пожалуйста, с главных цифр.

– За последние шесть месяцев оборот «синдина» увеличился на пятьдесят процентов, – сухо сообщил офицер.

– Ты слышал, Стефан?

Дрогас пыхнул сигарой и поинтересовался:

– Из-за Сорок Два?

На Соловича Стефан не смотрел. На Моратти, впрочем, тоже. Уставился на раскрытый бар с таким видом, будто впервые в жизни увидел бутылки со спиртным.

– Совершенно верно, – подтвердил Альфред. – Идеи Сорок Два распространяются, а вместе с ними растет число «синдиновых» наркоманов.

– На что адекватно реагирует производитель.

– Именно, – кивнул Ник.

Солович глотнул виски и угрюмо продолжил:

– Какое-то время назад нам казалось, что мы сумели

справиться с распространением «синдина». По крайней мере, мы удерживали его поставки на стабильном уровне, была даже тенденция к снижению. Но едва выросло потребление – тут же выросло предложение. Дефицит не возник, а значит, наши усилия ни к чему не привели. – Альфред помолчал. – Есть ощущение, что мы проиграли «синдиновую» войну.

– И я позвал тебя, – негромко заметил Моратти, глядя на Стефана.

Солович скривился, словно от удара, но оставил слова прямого начальника без комментариев. С другой стороны, он, Альфред Солович, уже признал поражение и должен уступить место.

– «Полицейские и воры» относится к классу игр, в которых невозможно проиграть, – невозмутимо произнес Дрогас, продолжая таращиться на бар. – Как, впрочем, невозможно и выиграть.

– Верно, – согласился Солович. – Однако мы еще не выиграли ни одной партии. Локальные успехи не в счет.

– Что вы называете «локальными успехами»?

– Перехват крупной партии. Аресты крупных распространителей.

– Отлично.

– Но мы до сих пор не знаем, кто производит «синдин».

– Да кто угодно!

– Я бы отнесся к этому с таким же спокойствием, если бы хоть одна корпорация смогла синтезировать «синдин», – пробасил Моратти. – Но ведь нет, черт побери! Даже «Фарма-1» сдалась!

Ник раздраженно взмахнул рукой, в которой держал сигару. На мгновение показалось, что президент собирается швырнуть ее в угол, однако Моратти сдержался. И в этот момент Дрогас окончательно понял, что ярость Ника вызвана отнюдь не тем обстоятельством, что в мире стремительно растет численность наркоманов. Моратти хочет заполучить «синдин». Почему? Судя по всему, к игре в «полицейские и воры» это желание отношения не имеет. А значит, говорить о своих истинных целях в присутствии Соловича Ник не станет.

– Давайте вернемся к докладу, – миролюбиво предложил Стефан. – Если, конечно, господину Соловичу есть, что еще сказать.

– Альфред?

– Полагаю, нет нужды повторять прописные истины и рассказывать о структуре распространения наркотиков?

Моратти кивнул, а вот Дрогас неожиданно не согласился:

– Есть нужда.

– Есть? – удивился Солович.

– Вы не справляетесь, значит, в ваших рассуждениях или действиях имеется системная ошибка, – хладнокровно объяснил Стефан. – Чтобы ее отыскать, я должен посмотреть на проблему вашими глазами.

Фраза прозвучала несколько высокомерно и очень не понравилась Альфреду. Однако деваться некуда: повинуясь холодному взгляду Моратти, Альфред проглотил оскорбление и начал излагать азы. Как школьник.

– Низовое звено цепочки – мелкие распространители, пушеры. Их количество не поддается учету, а потому купить дозу «синдина» можно практически везде. Пушеры крайне зависимы от поставщиков и не накапливают больших запасов – на руках у них не более сотни доз. Этот уровень мы называем «поставщик С».

Дрогас поморщился: он не любил бюрократов, которые каждому преступнику присваивали отдельное наименование, тщательно его описывали и изучали. Вместо того чтобы уничтожать.

– «Поставщики В» – мелкие оптовики. Среди них встречаются руководители небольших преступных сообществ, или же они действуют под крылом крупной гангстерской группировки. «Поставщики В» весьма уязвимы, поскольку пушеры знают их в лицо. Соответственно, «поставщики В» часто попадают в руки полиции. Как правило, у них изымают до десяти тысяч доз «синдина».

– С нашей подачи в большинстве государств ужесточено законодательство против оптовиков, – добавил Моратти. – Плюс СБА получила приказ не церемониться во время захватов. Если мы уверены, что «поставщик В» не в состоянии сообщить нам интересную информацию, он гибнет при задержании.

Ник рассчитывал, что любящий активные мероприятия Дрогас одобрительно воспримет информацию о жестких мерах, однако Стефан лишь кисло улыбнулся:

– Результаты есть?

– «Поставщиков В» стало меньше, цены на «синдин» поднялись.

– Это не то, что им нужно…

– Что ты сказал?

– Промежуточный вывод. Потом объясню подробно, когда оформлю. – Стефан постучал себя пальцем по лбу. – Продолжайте.

Солович вздохнул:

– Следующий уровень – «поставщики А», крупные оптовики. Лидеры разветвленных преступных сообществ либо организаций,

специализирующихся исключительно на наркотиках. Запасы – до ста пятидесяти тысяч доз, но и добраться до них сложно. – Солович сделал большой глоток виски. – Тем не менее некоторых нам удалось взять.

Если Альфред ждал хотя бы видимости похвалы, то его надежды оказались напрасны.

– Насколько я понимаю, выше вы не поднимались? – хмыкнул Дрогас.

– Нет, – мрачно ответил Солович.

– Почему?

– Потому что «поставщики А» не имеют прямой связи с теми, у кого берут наркотики и которых мы называем «поставщиками Х».

– Предполагаемые производители?

– Да, – кивнул Альфред. – Их взаимоотношения с «поставщиками А» выстроены настолько надежно, что цепочка обрывается в ста случаях из ста. Деньги идут по сети, товар доставляют в условленное место. Максимум, чего мы добивались, допрашивая «поставщиков А», – перехватывали крупные поставки.

– Насколько крупные?

– До ста тысяч доз.

– Где происходили подобные захваты? – быстро спросил Дрогас.

– По всему миру.

– В Анклавах или государствах?

– В государствах, – помедлив, ответил Солович. И прищурился, догадавшись, куда клонит Стефан. – Только в государствах.

– В Анклавах крупные партии «синдина» захватывали?

– Никогда.

– Максимальная партия, которую перехватывали в Анклавах?

– Двадцать тысяч доз.

– Наблюдались ли перебои с поставками «синдина» после крупных захватов?

– Нет.

– И всплеск потребления, вызванный идеями Сорок Два, не привел к дефициту, – медленно повторил Дрогас услышанную ранее информацию.

Моратти внимательно посмотрел на помощника, Ник понял, что Стефан уже увидел нечто такое, что ускользнуло от внимания Соловича.

– Мы давим изо всех сил, – глухо закончил Альфред. – Мы пересажали кучу «поставщиков В», мы взяли несколько очень крупных рыб, ужесточили наказание за «синдин», но… – Солович

поставил на стол опустевший стакан. – «Синдина» не становится меньше. Цены, правда, растут…

– Да, да, я понял. – Дрогас попыхтел сигарой и выразительно посмотрел на президента СБА.

– Спасибо, Альфред, – улыбнулся Ник.

Уточнять свое пожелание президенту СБА не потребовалось. Сообразительный Солович коротко кивнул, поднялся и вышел из кабинета. Он чувствовал себя оплеванным.

– И? – Моратти добавил в стаканы виски. – Что скажешь?

Стефан поднял левую ладонь, показывая, что просит время на размышление, помолчал с полминуты и только после этого негромко начал:

– Производитель «синдина», будем называть его «поставщиком Х», раз вам так нравится, располагает сетью производств, охватывающей весь мир. Причем производства обладают огромным запасом мощности. – Дрогас раздавил сигару в пепельнице и отодвинул от себя стакан с виски. – Я ведь не случайно спрашивал о дефиците: его не было. Как только увеличился спрос, «поставщик Х» мгновенно увеличил предложение, причем с опережением – ведь одновременно активизировалась и полиция. «Поставщик Х» стал производить очень, очень много «синдина». Словно в этом и заключается его цель.

– Это понятно, – нетерпеливо перебил Дрогаса Моратти.

Стефан едва заметно улыбнулся.

– Если понятно, то почему вы с Альфредом не сделали правильный вывод?

– Не забывайся, – порекомендовал Ник. – Какой вывод?

– «Поставщик Х» прогнозировал лавинообразное увеличение спроса на «синдин».

– Он знал о Сорок Два?

– Или предполагал, что Сорок Два появится.

– Гм… – Моратти несколько секунд обдумывал заявление Стефана, после чего недоверчиво покачал головой: – Ты выдвигаешь эту версию только на том основании, что не было дефицита?

– Отсутствие дефицита – очень весомое основание, – уверенно ответил Дрогас. – Производство «синдина» – опасное занятие, поэтому разумные люди, а «поставщики Х» люди весьма разумные, ограничатся тем количеством лабораторий, которое покрывает существующую потребность. В этом случае при появлении массового спроса обязательно бы возник дефицит: «поставщику Х» потребовалось бы время, чтобы ввести в строй новые производства. Но дефицита не было. Вот и получается, что

либо у «поставщика Х» есть возможность мгновенно нарастить уровень производства, либо он заранее знал о появлении Сорок Два. В любом случае круг подозреваемых сужается.

– У тебя уже есть подозреваемые?

– А для чего вы меня позвали? – «удивился» Стефан.

Ник усмехнулся:

– Говори.

– Подозреваемые очевидны, – пожал плечами Дрогас. – Поскольку крупные партии «синдина» перехватывались исключительно в государствах, можно с большой вероятностью утверждать, что производство налажено в Анклавах.

– В свое время мы отрабатывали эту версию, – разочарованно протянул президент СБА. – Но ни черта не нашли.

– Потому что не искали по-настоящему, – спокойно парировал Дрогас. – Вы не уделяли должного внимания тем, кто способен производить «синдин». Вы искали подпольные лаборатории, а они не в состоянии справиться с резко выросшим спросом. Речь идет о промышленном производстве.

– Корпорация, – понял мысль помощника Моратти. – «Синдин» производит какая-то корпорация… – Пауза. – Невозможно. В свое время мы досконально проверили всех, кто мог организовать подобное производство.

– Значит, кто-то сумел вас обмануть, Ник. И я догадываюсь кто.

– Мутабор?

– Храмовники всегда первые в списке подозреваемых.

Моратти почесал подбородок, пыхнул сигарой, взялся за стакан, но передумал, отставил виски и вновь почесал подбородок.

– Когда «синдин» только появился, все решили, что его придумал Мутабор. СБА потребовала объяснений, и Владыка распорядился открыть для проверки производства корпорации. Это был единственный в истории случай, когда храмовники согласились на тотальный досмотр своих зон. – Ник помолчал. – Мы ничего не нашли, подозрения были сняты.

– Это ничего не доказывает.

– В принципе, я согласен, – кивнул Моратти. – Тогда «синдин» еще не получил такого распространения, а значит, его могли производить в нескольких небольших лабораториях… – Ник вздохнул: – На повторную проверку храмовники не пойдут. Да и нет у нас повода ее проводить.

– Внезапная проверка? – предложил Стефан. – А повод… на то он и повод, чтобы его найти. Было бы желание.

– Мутабор не любят, но уважают. А некоторые корпорации

серьезно зависят от разработок храмовников… – Моратти задумчиво посмотрел на тлеющую сигару. – Атаковать Мутабор в лоб мы пока не будем. – Еще один клуб дыма отправился к потолку. – Пока.

«Но если потребуется – пойдем ва-банк, – понял Дрогас. – Ради «синдина» ты готов на все».

– В таком случае продолжим делать выводы из доклада Альфреда, – невозмутимо произнес Стефан. – Мне кажется, вы упустили еще один немаловажный факт: «поставщик Х» занимается «синдином» не ради прибыли. Точнее, можно предположить, что на данном этапе прибыль не является его основной целью.

Президент поперхнулся.

– Не понял.

Заявление помощника стало для Моратти большой неожиданностью.

– Если данные Альфреда не лгут, мы имеем странную картину, – задумчиво и даже слегка отстраненно, словно рассуждая с самим собой, произнес Дрогас. – Спрос увеличился лавинообразно, однако поставки выросли еще больше – дабы компенсировать активность полицейских сил. «Поставщик Х» делает все, чтобы цены на «синдин» не росли, его интересует охват.

– Разумно, учитывая, что «поставщик Х» – монополист, – проворчал пришедший в себя Ник.

– Разумно, если бы «синдин» только входил в моду, – покачал головой Стефан. – А он уже номер один в мире. Самое время стричь купоны, а «поставщик Х» продолжает насыщать рынок. Не сходится.

– Возможно, их маркетологи мыслят иначе.

– Возможно, – не стал спорить Дрогас. – Тем не менее мы должны воспользоваться сложившейся ситуацией.

– Каким образом?

– Что нам известно? Выход на производителей, или тех, кто стоит максимально близко к производителям, имеет ограниченное число «поставщиков А», то есть – действительно крупные акулы. Мы их брали после того, как проходила первая встреча с представителями «поставщика Х», на которой обговаривались основы работы. То есть мы приходили уже тогда, когда «поставщик Х» исчезал, чтобы больше не появиться. Именно поэтому «поставщики А» ничем не могли нам помочь: о поставке они договариваются через сеть, платят через сеть, товар забирают, где скажут – никаких следов. Значит, нужно попасть на первую встречу. Мы должны создать «поставщика А».

– Думаешь, не пытались? – Моратти крякнул. – Не один раз пробовали. И мы, и Европол, и ФБР… Только операции ни к чему не приводили: ни одной первой встречи провести не удалось.

– Значит, операции не были достаточно продуманы.

– Альфред не такой дурак, каким ты его считаешь.

– Я не считаю Альфреда дураком, я считаю производителей «синдина» умными, согласитесь – есть разница.

– Я лично курировал две последние подобные операции, – веско произнес президент СБА. – Мы учитывали каждую мелочь, использовали надежнейшие легенды и схемы легализации в преступной среде. Мы задействовали лучших агентов и не допустили ни одной ошибки. Ни одной утечки. Но первой встречи не добились. Они очень осторожны.

Дрогас молча обдумал услышанное, после чего, глядя Моратти в глаза, ответил:

– Пожалуй, я был не прав: ваши попытки создать «поставщика А» были продуманы. Они провалились по другой причине. – Стефан вновь взял в руку стакан и сделал глоток виски. – В спокойные времена производители «синдина» выбирали только надежных партнеров из числа тех, кто успел зарекомендовать себя на рынке. Сейчас же ситуация иная. СБА и полиция выкосили изрядную часть оптовиков, включая и крупных. А идеи Сорок Два продолжают увеличивать число наркоманов. Сейчас горячие денечки, Ник, «поставщикам Х» необходимо постоянно наращивать поток «синдина», и я уверен: они не будут столь разборчивы, как раньше.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Сити

Ясный день, шумная улица, забавные приключения

Оказавшись не в своей тарелке, постарайтесь не расплескать суп

– Какие-то проблемы?

– А? Нет, что вы, разумеется, нет!

Однако постная физиономия господина главного менеджера салона «Ламборджини Москва» резко контрастировала с оптимистичным тоном заявления.

– Вы получили деньги?

– А? Да, разумеется, да.

– Тогда в чем дело?

Как ответить? «Ни в чем. Все в порядке»? Вроде так и надо,

но… Но уж больно не походили эти двое на обычных клиентов салона. В «Ламборджини Москва» – единственный, между прочим, салон «Ламборджини» в Анклаве, – приходила публика особого сорта. Вымытый до блеска мраморный пол топтали ботинки высшей пробы да туфельки от лучших дизайнеров. О кожу диванов терлись лучшие шмотки современности. И пахло в салоне не бензином – боже, упаси! – а дорогим парфюмом, старыми винами и ароматными сигарами.

«Мы продаем не автомобили, а образ жизни!»

А эти…

«Эти» вызывали у господина главного менеджера большие сомнения. Хорошо еще, что других клиентов не было и никто не увидел, какие посетители приходят в респектабельный салон. Могли ведь поползти слухи!

Подвижный толстячок в дешевом коричневом костюме и несвежей – фи! – рубашке! Даже не сорочке, а именно рубашке, купленной на какой-нибудь распродаже. На голове – мятая шляпа, в руке – потертый кожаный портфель совершенно древнего дизайна, а штиблеты… Штиблеты следовало выбросить лет восемь назад. Приятель толстячку не уступал. Невысокий, тощий, одетый в длинную рубаху без воротника, шаровары и – внимание! – тапочки, он поразил господина главного менеджера обилием татуировок. Черные символы, узоры и снова символы сплетались в невероятно запутанную вязь, покрывающую все видимые участки тела, оставляя чистым только лицо.

Когда они вошли в салон – жизнерадостный толстячок впереди, разрисованный семенит следом, – господин главный менеджер решил, что сейчас его будут просить о небольшом вспоможении на покрытие житейских неурядиц. Приготовился вызвать охрану. А потом долго-долго таращился на документы, согласно которым должен выдать странной парочке недавно доставленную «Ламборджини Ифрит», стоимостью – задержите дыхание – два миллиона девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять евродинов. Выдохните.

– Мы можем забрать машинку? – осведомился толстячок. – Tardum est differe quod placet.[5]

– А? – Господин главный менеджер совершенно растерялся.

– Это латынь.

– А-а…

– Нам нужна машинка.

– Э-э… думаю, наверное, – рассеянно отозвался господин главный менеджер, наблюдая, как разрисованный снимает тапочки и забирается внутрь «Ламборджини Бедуин» – вызывающе роскошного внедорожного купе. – Она ему

понравилась?

– Procul dubio,[6] – пожал плечами толстячок. – Но вы не волнуйтесь – Олово человек робкий и ничего не испортит.

«Бедуин» заморгал фарами, разрисованный широко улыбнулся и принялся тренировать другие кнопки.

– Забирайте-ка свой «Ифрит», – решительно произнес господин главный менеджер. – И… – Он очень хотел сказать: «Убирайтесь», но не смог – воспитание не позволило. – Надеюсь, у вас есть права?

Некоторые недоброжелатели Кауфмана любили замечать, что московские корпоративные территории охраняются не хуже иных крепостей. Что периметр, отделяющий Сити, Колыму, Царское Село и Университет от свободных зон, чрезмерно укреплен, чем вызывает у простых жителей Анклава не менее простую классовую вражду. Намекали, что возведенные Мертвым редуты демонстрируют слабость директора филиала СБА, неспособного наладить в Анклаве мирное сосуществование общин. Замечали, намекали, хихикали, но при этом не любили вспоминать, что московские корпоративные территории считались самыми безопасными в Анклавах и редко, очень редко бунтовщики рисковали штурмовать зоны, которые Кауфман считал своей вотчиной.

Мертвый отвечал за безопасность корпоративных территорий, и потому даже в спокойные времена все въезды и выезды на них контролировались укрепленными постами. Правда, это были отнюдь не бетонные бункеры, окруженные рядами колючей проволоки, что рисовались в воспаленном воображении либерально настроенных недоброжелателей, но аккуратные заставы, расположенные на первых этажах зданий и защищенные скрытой от глаз титапластовой броней. Стандартный наряд – три беза. Двое приглядывают за порядком на улице, третий изучает показания стационарного наноскопа, выискивая «поплавки», «синдин», взрывчатку и липовые чипы. Правильно зарегистрированные «балалайки» и процессоры мобилей бодро отзывались на запрос, остальные… А вот остальных не было: местонахождение постов не скрывалось, а потому ребята с неблагополучными чипами, «поплавками», «синдином» и взрывчаткой старались около них не светиться.

Порядок функционирования постов давно превратился в рутину, однако появление тритонов Сорок Два внесло в него некоторое разнообразие.

– Как я и думал – π-вирус. – Техник выдернул шнур тестера из наноскопа. – Диск на форматирование, затем полное

обновление программ. Два часа работы.

– Опять?! – возмутился командир поста сержант Слепко.

– Что значит опять?

– Три дня назад его уже чистили. Откуда он снова взялся?

– Отовсюду. – Техник небрежно надавил на кнопки, принуждая компьютер наноскопа к стиранию памяти, зевнул и закончил: – Вирус цепляется почти ко всем программам, прячется в «балалайках» и приходит вместе с отзывом на запрос, засечь его очень сложно. А когда вирус оказывается в наноскопе – начинает гадить.

И в результате мощная машина перестает различать «поплавки».

– Говорят, π-вирус скоро будет поставляться вместе с базовым обеспечением. Чтобы не тратить время на лишние проверки.

– Очень смешно. – Слепко выругался. – Ублюдки Сорок Два!

– Скорее уж ублюдок – Сорок Два. Я думаю, он сам написал π-вирус.

– Один? – недоверчиво прищурился без.

– Такую хрень, как π-вирус, нельзя придумать на заказ, – задумчиво протянул техник. – Случилось озарение, гениальное озарение. Поверь, я в подобных вещах разбираюсь.

– В озарениях?

– К сожалению, нет – в работе на заказ.

– Вот и работай. – Слепко вышел на улицу и мрачно посмотрел на подчиненных. – Наноскоп сдох.

– Мы так и поняли.

– Тогда чего стоите? Берите полевые и на выборочную проверку.

– Через два часа они тоже сдохнут.

– Зато эти два часа мы будем работать.

– Куда собрался? Там же пост!

– Уже нет.

– Что значит, нет?

– Ты карту давно смотрела? – ехидно осведомился Кряж. – Район заражен π-вирусом.

– Все равно опасно, – буркнула Куня. И посмотрела назад: – Что скажешь?

В просторном «Опеле Запорожье» ехали четверо. За рулем Кряж, бывший когда-то неплохим уличным гонщиком. Рядом с ним Куня, метелка еще в соку, свеженькая, ни один без не подумает, что «дыроделы» оторванная симпатяга с двенадцати лет в ход пускает. На заднем диване Кир и Шпора. Кир – главный, как скажет, так и будет.

– Самый короткий путь, – пояснил Кряж.

– Ребята Сорок Два не ошибаются, – добавил Шпора. – Если сказали, что все наноскопы в этой зоне сдохли, значит, так оно и есть.

– Стационарный пост, – напомнила Куня.

– Поедем, – решил Кир. – В конце концов, это самая короткая дорога, а мы опаздываем.

Да и чего бояться, если в машине полно оружия, а у Шпоры в башке «поплавок»? Случись что, и оседлавший цифровой ветер Шпора обеспечит такое прикрытие, что безы только рты разинут. К тому же «синдин» пузырился не только в крови машиниста – Кир тоже принял дозу, и она придала храбрости.

– Поехали!

– Смотри, какая тачка! – восхищенно воскликнула Куня.

– Завтра купишь себе такую же.

– На кой ляд покупать спортивную машину, если средняя скорость в Анклаве двадцать километров в час? А? – Филя покосился на приятеля: – Перестань!

– Не меша-ай!

Внутреннее убранство «Ламборджини» привело Олово в полнейший восторг. Кожа, дерево, полированный титапласт, сенсорные экраны, кнопочки… Стекла с нанонапылением – меняют прозрачность в зависимости от освещенности. Обволакивающие тело кресла…

– Удобно, – сообщил Олово, в десятый или девятнадцатый раз меняя конфигурацию пассажирского сиденья. – У тебя-а хуже.

– А ты, оказывается, наблюдательный.

Таратута водил потрепанный «Рено Арба» – без излишеств и удобств, зато неприметный и вместительный.

– Поста-авь себе та-акие.

– Ignavia corpus hebebat, labor firmat.[7]

Олово задумался, тихо бубня себе под нос, а примерно через минуту осведомился:

– Ка-ак труд свя-аза-ан с сиденья-ами?

– Спроси у своей задницы, – злорадно посоветовал Филя.

– Потом. – Олово вновь вернулся к кнопкам. – Это люк?

– Не трогай!

Поздно. Часть крыши исчезла, довольный собой Олово вскочил на сиденье и по пояс высунулся наружу.

– Мне нра-авится!

– Обивку испачкаешь!

– Мне нра-авится!

– Попросишь Пэт, она тебя покатает.

– За-ачем? Мне просто нра-авится. – Олово вернулся на место, помолчал, внимательно наблюдая за шоферскими манипуляциями Фили, после чего осведомился: – Рулить трудно?

Таратута поперхнулся:

– Зачем тебе?

– Просто спросил. – Олово погладил ручку дверцы. – Любопытно.

– Жарко.

– Не трави душу.

Полевой наноскоп представлял собой нетяжелую конструкцию, напоминающую радар – служащий для определения скорости прибор древних полицейских, который безам показывали в музее СБА. Небольшой сектор, небольшая дальность – наноскоп работал всего на тридцать метров, и слабая чувствительность: «поплавок», конечно, определит, а вот канистру «синдина» в двадцати шагах – большой вопрос. Одним словом, не работа – маета. Да и свалившаяся на Анклав жара, мгновенно превратившая Москву в раскаленную духовку, радости безам не добавляла.

– Что у тебя?

– Пусто.

– А в «Ламборджини»?

– Два урода… – Без прищурился в маленький экран. – Один вообще не подключен. А второй…

Однако в следующий миг в зону действия наноскопа попал ползущий на несколько машин позади «Ламборджини» «Опель Запорожье», и…

– Черт!!!

Кряж вертел баранку, Шпора ломал систему охраны – в его башке сидел купленный на общие деньги «поплавок», Кир был главным, а Куня – резкой. Выросшая на московских улицах метелка отличалась необычайной внимательностью, подмечала самые незначительные детали, не упускала ни одной мелочи и всегда – всегда! – была настороже. Великолепная реакция Куни и ее умение выстрелить первой не один раз спасали Киру жизнь или просто выправляли ситуацию. Однако сегодня они сыграли злую шутку. Киру следовало посадить метелку назад, к Шпоре.

Наблюдательная Куня заметила легкое, едва уловимое движение: правая рука беза пошла к кобуре. И это движение стоило безу жизни.

Куня среагировала, как привыкла – вскинула «дыродел» и пальнула безу в грудь.

– Нападение на пост!

Слепко врезал по тревожной кнопке и рванул на улицу.

Второй без укрылся за киоском. Отпихивает разбегающихся людей, пытаясь не упустить преступников.

Кряж подал «Опель» на встречную полосу – уехать к чертовой матери, уехать… хотя бы до ближайшего переулка. Бросить машину, уйти. Но надо ехать, потому что пешком сейчас не уйдешь…

Кир полоснул из «дрели» по безу, появившемуся в дверях поста.

– Гони, придурок!

Но навстречу – плотный поток. И тоже едва ползет. Водилы еще не поняли, что тут стреляют, едут, рискуя словить шальную пулю.

– Безы!

Куня выскочила из «Опеля» и открыла огонь по высунувшемуся из переулка патрулю. Уже из «дрели» – «дыродел» вернулся в кобуру. Грохот выстрелов, вопли, удары бамперов, возмущенные клаксоны – теперь начали разбегаться и водители. Присела, шестым чувством уловив, что надо пропустить очередь. Не ошиблась – беза, что сидел на посту, Кир не достал. Очередь прошла совсем рядом. Куня досчитала до двух, вскочила и несколькими прицельными выстрелами заставила беза укрыться.

– Сзади!

Кир тоже на улице, лупит в другую сторону, оттуда тоже безы. Центр Анклава, мать его, патрулей полно, кругом видеокамеры.

– Надо уходить!

– Куда?

Быстрый взгляд на машину, и сердце падает в холодную пропасть – Кряж давит на руль простреленной башкой. Рот приоткрыт. Глаза стеклянные.

Когда его успели? Кто?

На полу у заднего сиденья ерзает перепуганный Шпора. Еще не понял, что пора уносить ноги?

– Безы!

Выстрелы.

Выстрелы.

– Безы!

Нападение на пост вызвало у безов ярость, а потому за наглыми бандитами пошли все окрестные патрули. И Куня, и Кир понимали, что времени мало – минут через пять придет вертолет, а за ним – спецназ.

Куда прорываться?

– Куня! Пост!!

Разошлись титапластовые пластины, вынырнули из амбразур беспощадно-черные стволы «ревунов». Конец? Но почему улыбается выползающий из «Опеля» Шпора?

– Туда! Туда!

Три «ревуна» послушно повернули в указанном Шпорой направлении и врезали, расчищая неудачливым бандитам путь к отступлению.

– Сколько гражданских?

– Шестнадцать. Тридцать один раненый.

«Ревуны», чертовы «ревуны»! Три свинцовых полосы, уходящие от поста на север, сливались в одну широкую дорогу. Искореженные мобили – расстрелянные, разнесенные в клочья, сметенные с пути одиннадцатимиллиметровыми снарядами. Перепаханный асфальт. Осколки стекла под ногами и кровь. Очень много крови. И куски тел.

– Они хотели прорваться к Болоту, а в переулке наши, как засекли – сразу положили гадов.

Еще через пару минут над постом завис вертолет, спецназ блокировал улицу, но «ревуны» продолжали стрелять до тех пор, пока машинисты Пирамидома не вернули себе контроль над автоматическими пулеметами.

– Я их не задействовал, – угрюмо сказал Слепко, – потому что…

Понятно, почему – люди. «Ревуны» на постах предназначены на самый крайний случай – отбивать штурм во время массовых беспорядков. Ни один без не запустит «ревун», чтобы взять мелкого уголовника. А вот той твари, что сидела в «Опеле», на гражданских было плевать. Обколотой «синдином» твари с «поплавком» в башке. Тварь хотела сбежать, а потому устроила кровавый хаос.

– Тритоны… – злобно протянул Кукушкин, ткнув носком ботинка в ближайшее тело.

– Так точно, – подтвердил Слепко.

– Да я не спрашивал.

– Прошу прощения.

С Кукушкиным сержант держался если не подобострастно, то довольно близко к этому – с офицерами из Управления дознаний не шутят. А потому и спешил с ответами.

– Это кто?

Кукушкин кивнул на двух мужчин, скучающих на тротуаре в позе «грешника»: стоя на коленях и держа руки за головами.

– Подозрительные.

– Гм…

Слева – толстячок в дешевом костюме. Круглая физиономия выражает высшую степень недовольства, однако рот на замке – то ли ученый, то ли безы уже объяснили правила парой тычков в зубы. Тот, что справа, куда занятнее. Невысокий, худой, одетый в широкую рубашку без воротника и шаровары, он выглядел абсолютно безмятежным и удивлял окружающих обилием татуировок – черный узор покрывал все, кроме лица.

Кукушкин хотел было пошутить насчет разрисованного, однако прикусил язык. После того как он посмотрел на «подозрительных», «балалайка» зафиксировала их лица, автоматически связалась с базой данных, отыскала совпадения и вывела на наноэкран сообщение: VIP-список.

Вместо шутки последовало чертыхание.

– Что случилось?

– Подожди!

Повторная проверка подтвердила первоначальную информацию: скучающие на тротуаре клоуны внесены в список особо охраняемых людей.

«Вот, дьявол!»

– Чем они показались подозрительными?

– Они в «Ламборджини» сидели, – немедленно ответил без и кивнул на припаркованный неподалеку «Ифрит». – Они!

Толстячок и разрисованный действительно не походили на владельцев шикарного спортивного автомобиля. Но ошибка исключалась: Кукушкин успел связаться с Пирамидомом и получить третье подтверждение из уст оператора. VIP-список.

– Что с твоей «балалайкой»?

– Тритон спалил все каналы. Похоже, вирус пустил.

– Теперь понятно.

– Прошу прощения, что понятно?

Кукушкин сплюнул.

– Вы их били?

– Нет.

«Хоть здесь не налажали!»

– Документы у них в порядке?

– С виду – да, мы не успели проверить…

– В таком случае принеси им извинения, сержант, и отпускай на все четыре стороны.

– Но…

– Они из VIP-списка, понял. – Кукушкин поморщился: – Так что извиняйся старательно, их жалоба может стоить тебе должности.

* * *

Анклав: Франкфурт
Территория: Zwielichtsviertel
Клуб виртуальных игр «Эверест»
Если у тебя нет ничего, тебе нужно все

– Мы не пытаемся найти свое место в мире. Мы не гости, мы – хозяева. Мир изменился, он перестал быть таким, каким знают его люди прошлого. Жалкие, слабые трусы, цепляющиеся за обломки ушедшей эпохи. Люди прошлого боятся перемен, они не понимают, что обязаны сделать следующий шаг. Что только в движении – жизнь. Они не понимают, что мы не разрушаем их мир – он уже разрушен, он уже ушел в историю. Они не понимают, что мы не можем спуститься к ним, ибо мы слишком далеко, а даже если и могли бы вернуться, то не захотели бы. Они не понимают, что должны подняться, встать с нами вровень. Они не понимают, но я верю – поймут…

Со стороны могло показаться, что семь человек, сидящие в устланной циновками комнате, медитируют. Что впали в транс, путешествуя по внутреннему космосу, и что в этой экспедиции их, возможно, сопровождает средней тяжести наркотик. Глаза закрыты, головы опущены… и тишина, неестественная тишина, наполнившая комнату-аквариум.

Сорок Два расположился лицом к людям, у стены, прямо под портретом Поэтессы. Свои обращения, свое Слово Сорок Два передавал только по сети, прямо в «балалайки» слушателей, а потому его речам внимало гораздо больше семи человек. По самым скромным подсчетам, Слово Сорок Два он-лайн ловило тридцать миллионов пользователей сети, а в ближайшие сутки запись послушают еще около ста миллионов. По самым скромным подсчетам.

Но даже те, кто собрался в комнате, даже самые преданные сторонники Сорок Два: Красная, Пума, Ян Крюгер, Саймон Хост и другие, даже они, находившиеся подле своего пророка, внимали Слову через сеть – такова была его воля.

– Старый мир боится нас. Страх заставляет людей прошлого думать, что с нами можно договориться, а когда не получается, они пытаются нас купить. Люди прошлого извлекают на свет замшелые ценности и трясут ими, как дикари – связкой раковин. Останься с нами, твердят они, и у тебя будут власть, богатство, сила. Не иди вперед. Откажись от мечты. Склонись перед лидерами ушедшего в небытие мира, склонись перед прошлым.

Раздели с нами страх нового. И некоторые, увы, поддаются искушению. – Тщательно выверенная пауза. – Несколько дней назад меня пытались убить. Братья. Наши братья, души которых затуманило искушение. Я не виню их, ведь человек слаб и способен ошибаться. Мы шагаем вперед, но меняемся не сразу. И как величие нового мира невозможно осознать в одно мгновение, так же и новое Я – оно приходит постепенно. Я прощаю тех, кто поднял на меня руку, – я верю в них. Мое сердце открыто для каждого, даже для того, кто искушает нас. Даже для того, кто уговорил братьев пойти против меня. Неужели он думает, что моя смерть отсрочит Эпоху Цифры? Нет. Тысячу раз нет. Наш новый мир давно реальность, и тот, кто ощутил его, никогда не станет прежним. Им придется убить всех нас. А потом убить всех других, кто познает Мир Цифры. Но им не повернуть время вспять. Не повернуть!

Сорок Два открыл глаза и сразу же встретился взглядом с Красной. Никогда и никому Сорок Два не показывал заранее текст очередного обращения, случалось – обрывал его на полуслове, но всякий раз, открывая глаза, видел, что Роза уже смотрит на него. Остальные еще переживают услышанное, еще погружены в Слово, а она уже поняла, что речь окончена. Порой Сорок Два казалось, что Красная читает его мысли.

– Замечательная речь. Очень сильная.

– Спасибо.

– Не слишком ли ты великодушен? – кашлянув, поинтересовалась Ева.

– Это признак величия, – задумчиво произнесла Красная. – И силы.

– Это слово пророка, – добавил Саймон.

– Лучше быть и великим, и живым, – проворчал Ян.

В отличие от других адептов Сорок Два, Крюгер плохо разбирался в цифре, «поплавок» в голову, разумеется, вставил – кто сейчас без него? – однако машинистом от этого не сделался. Зато Ян был отличным воякой.

– Враги Его пойдут следом и поднимут штандарты Его, – отозвалась Роза. – Так будет.

– Хотел бы я разделить твою уверенность.

– Врага уничтожают! – кивнула Пума и шлепнула по выставленной ладони Яна.

– Согласен, Ева!

Слово закончилось, однако трансляция продолжалась. Так было заведено изначально: Сорок Два всегда отвечал на несколько вопросов почитателей. А уж на этот раз, когда непонимание разделило людей почти напополам, избегать беседы

было нельзя.

– Они наши братья.

– Предатели!

– Убийцы!

Сорок Два не просил девушек скрывать случившееся, поэтому о ловушке, которую приготовили в Марселе руководители dd, узнали все. По сети прокатилась волна возмущения, горячие головы предлагали обрушить серверы dd, парализовать работу организации и только после ожесточенных споров решили подождать очередного Слова. А Сорок Два взял да и протянул отступникам руку.

– Ты рискуешь!

– Мы не должны воевать со своими!

– Всему есть предел! Они напали!

– Сорок Два прав – они поймут!

Сеть гудит. Несколько миллионов человек пытаются высказаться. Каждую секунду к разговору присоединяются новые собеседники.

Последователи.

Большинство способно лишь на моральную поддержку. Высказывают мнение о каждом выступлении. Критикуют. Соглашаются. Но много и таких, кто готов что-то сделать, а это уже армия. Это – новый мир.

Новый хрупкий мир.

Сорок Два прекрасно понимал, насколько уязвимо его дело. Дело, ради которого тысячи людей готовы отдать жизни. Несмотря на уверенные заявления пророка, старый мир способен и уничтожить, и взять под контроль нейкистов. Поставки «поплавков» нерегулярны, кто производит «синдин» – неизвестно. Нужна база, опора, а те, кто должен был ею стать, предпочли договориться с властями. Люди внимают Слову, люди готовы принять новую эпоху, готовы измениться, но где брать ресурсы? Нужен «синдин», много «синдина» – очень много. Нужны «поплавки», и отнюдь не за те деньги, которые они стоят сейчас. Нужно…

Нужно найти тех, кто может все это дать, потому что без ресурсов движение умрет.

А тем временем роботы накапливают статистику, делят миллионы высказываний на «за» и «против», погрешность, конечно, велика, но кое-какое представление предварительный подсчет дает. Шестьдесят пять процентов слушателей считает, что лидеров dd необходимо наказать.

– Они продались верхолазам!

– Не верхолазам, а СБА!

– Стали уголовниками!
– Они забыли Поэтессу!
– Ребята! Кто работает на dd! Вы чего молчите?
– А что мы можем?
– Вы все можете!
– Им нужны деньги и власть!
– Давайте послушаем Сорок Два!
– Дайте сказать Сорок Два!

Миллионы людей замолчали почти мгновенно, можно считать, что в сети случилось настоящее чудо.

Сорок Два мягко улыбнулся.

– Я верю в каждого, в чьем сердце живет Поэтесса. Я верю в каждого, кто хоть на мгновение почувствовал новый мир. Я верю в человека, и я готов принять его со всеми слабостями. Я верю.

Франкфуртский Zwielichtsviertel представлял собой типичный для Анклавов район смешения культур, на улицах которого экзотические немецкие пряники соседствовали с традиционным европейским кебабом, китайские лавочки перемежались индийскими заведениями и звучали все языки мира. Чем-то Zwielichtsviertel напоминал московское Болото, однако было и два существенных отличия. Во-первых, Анклав Франкфурт славился сравнительно невысоким уровнем преступности, и даже печально знаменитые албанцы вели себя здесь не столь нагло, как в Эдинбурге или Марселе. Во-вторых, в Zwielichtsviertel не было ни одного храма: молиться богам люди отправлялись на этнические территории. В результате район-смешенье, район-перекресток, район, копии которого в других Анклавах считались самыми взрывоопасными зонами, во Франкфурте был довольно спокоен. Плати дань бандитам и живи.

И жили.

Убежище Сорок Два, его штаб-квартира, находилось в «Эвересте» – самом большом центре виртуальных игр Zwie–lichtsviertel. Известный на весь Франкфурт и даже в Баварском султанате, клуб занимал старое, но качественно отреставрированное здание в самом центре района, через который ежедневно проходили сотни, если не тысячи людей, затеряться среди них сторонникам Сорок Два не составляло труда. Прекрасное со всех точек зрения убежище, а наличие трехуровневого подвала делало «Эверест» и вовсе идеальной точкой для размещения штаб-квартиры движения.

Именно в подвале, на самом нижнем его уровне, и находился личный кабинет Сорок Два, входить в который запрещалось даже Красной и Пуме. Тайное убежище внутри тайного убежища.

Маленькая комната для большого человека. Иногда Сорок Два проводил в ней целые часы, иногда – спускался всего на несколько минут. Чтобы проверить сообщения, приходящие на незарегистрированный коммуникатор. Не тот, о котором знали все и который Сорок Два постоянно носил с собой, а другой, тайный, в который поступали весьма и весьма интересные послания.

«Деньги получены. Ваш информационный пакет находится по адресу…»

Сорок Два активизировал ссылку, ввел пароль и принялся скачивать лежащие на безликом сервере программы. Обновления и новые пакеты для тех, кто вставляет в «балалайки» запретные «поплавки». Программы, авторство которых будут приписывать гению Сорок Два.

* * *

Анклав: Цюрих
Территория: Альпийская Поляна
«Замок Ван Глоссинга»
Белые не всегда выигрывают, но всегда владеют инициативой

– Ремонт взорванного участка железной дороги проводился нашими силами, поэтому график прибытия грузов сбился всего на четыре часа. – Максимилиан Кауфман, директор московского филиала СБА, посмотрел в лежащую перед ним бумажку, помолчал и скучно продолжил: – Отставание было ликвидировано в течение следующего дня, пятницы, и в настоящее время поставки осуществляются в плановом режиме. Пойманные диверсанты не знают заказчиков преступления, их наняли для проведения разовой акции.

– Надеюсь, их допрашивали в соответствии с юридическими нормами? – поинтересовался Моратти.

Совещание высших офицеров СБА – только президент и директора филиалов – проходило в режиме видеоконференции, а потому вопрос Ника долетел до Кауфмана с двухсекундным опозданием.

– Таким образом… Что? Ах, нормы… Разумеется, господин президент, в отношении задержанных диверсантов были применены все подходящие случаю процедуры… – Заканчивая фразу, директор московского филиала сообразил, что прозвучала она несколько двусмысленно, поэтому добавил: – Им был представлен адвокат. – И вновь пришлось поправляться: – В

смысле – предоставлен.

Кауфман смотрелся невзрачно на фоне остальных участников совещания, к тому же он довольно далеко отодвинул видеокамеру, отчего на мониторах коллег выглядел совсем маленьким. Тем не менее слушали Максимилиана очень и очень внимательно. Ведь внешность и габариты далеко не всегда правильно указывают на положение человека в обществе.

– Таким образом, можно сказать, что строительство Станции идет по графику. – Резко закончив – можно даже сказать, обрезав доклад, Кауфман откинулся на спинку кресла, подпер подбородок кулаком, затянутым в черную перчатку, и уставился в камеру.

– Вопросы есть? – осведомился президент СБА.

Бонзы выдержали приличествующую моменту паузу, демонстрируя, что люди они серьезные, просто так отвечать не станут, сначала все обдумают, и лишь через несколько секунд начали качать головами. Чего спрашивать-то? О положении дел на Станции Мертвый всегда информировал предельно полно и понятно. Ну а скомканный финал… Все знали, что Кауфман не терпел, когда его перебивали.

– Полагаю, мы можем поблагодарить директора московского филиала СБА за развернутый доклад, – улыбнулся Моратти. – Спасибо, Максимилиан.

– Всегда, пожалуйста, Николо.

На лицах некоторых директоров змеями проскользнули усмешки. Подчеркнутая вежливость, с которой вели себя по отношению друг к другу Моратти и Кауфман, никого не вводила в заблуждение – взаимная ненависть президента и директора московского филиала была секретом Полишинеля.

Ник же, стерев с лица официальную улыбку, серьезно оглядел подчиненных:

– В таком случае, господа, займемся «Проблемой Сорок Два».

Отчет о положении дел на тринадцатом полигоне «Науком» входил в обязательную программу совещаний руководства СБА, показывая, что Моратти, как и все верхолазы планеты, считает Станцию самым важным проектом современности. Однако у встреч высших офицеров всегда была и главная тема. На этот раз ею стали нейкисты.

– Чэнь?

– Это уже не проблема, Ник, – отозвался директор сингапурского филиала. – Это катастрофа. – Чжантин не считался паникером, а потому в его устах слово «катастрофа» прозвучало весомо. – В моем Анклаве число компьютерных преступлений зашкаливает за все мыслимые пределы. Корпоративные сети мы удерживаем, но только потому, что полностью переоснастили

машины. О чем говорить, если даже в коммуникатор секретарши я был вынужден вставить «поплавок»? – Китаец помолчал. – А на свободных территориях полный бедлам, ломают все, что могут.

– Половина преступников, которых мы берем, ломает серверы ради развлечения, – мрачно вставил Артур Скотт, директор марсельского филиала СБА. – Сорок Два снабдил хулиганов универсальной отмычкой.

– Предприниматели воют, – поддержал коллег Игнасио де ла Крус. – В Рио теперь предпочитают расплачиваться наличными.

– В Кейптауне тоже.

– И в Сиэтле.

– Нам нужна стратегия!

– Нам нужна другая планета.

Скотт удивленно посмотрел на подавшего голос Кауфмана:

– Извини, Макс, не понял.

Московский директор покосился на Моратти – субординация есть субординация – и, дождавшись разрешительного кивка, любезно объяснил:

– Сорок Два – не проблема. Сорок Два – порождение системы. Нашей системы, прошу заметить. Мы оцифровали все, до чего смогли дотянуться. В головах чипы, в костях наны. Рано или поздно развитие должно было сделать качественный скачок, и вот он, пожалуйста. – Мертвый выдержал паузу. – Вы рады? Я – нет.

– Предлагаешь вырубить, к чертям собачьим, сеть? – осведомился Моратти.

Кауфман улыбнулся:

– Предлагаю действовать предельно жестко.

– Почему-то я не удивлен.

– Мы и так упустили массу времени, – повысил голос Мертвый. – Так что не следует удивляться тому, что усилия не дают результатов.

– С нейкистами можно договориться, – оборвал Кауфмана президент. – Проблема – в Сорок Два.

– Проблема в том, что мы, договорившись с одними бандитами, закрыли глаза на других.

Впервые нейкисты показали силу во время разразившегося почти три года назад «Альпийского кризиса». Подоплека тех событий до сих пор оставалась неясной, однако закончилось скрытое противостояние уничтожением целой группы адептов Поэтессы – сотрудников мюнхенского сервера dd. В ответ нейкисты атаковали Китай и Европейский Исламский Союз, развеяв по ветру сотни миллионов юаней и продемонстрировав СБА и правительствам, что те проморгали появление весьма серьезного игрока. Первая реакция была предсказуема: на dd

обрушилась вся мощь полицейского аппарата. Нейкисты в долгу не остались, нанося ответные удары по экономике государств и Анклавов. Ситуация зашла в тупик – никто ведь не собирался уничтожать всех машинистов и ломщиков планеты, а потому Моратти сумел убедить верхолазов пойти на компромисс. Лидерам dd предложили закончить бессмысленную войну и принять существующие правила игры в «полицейские и воры», грубо говоря, впустили в тот же зал казино, где крутили рулетку остальные. Предложение было принято.

Однако остался радикал – Сорок Два. То ли гениальный машинист, то ли просто везунчик. И все пошло наперекосяк.

– Лидеры dd не в состоянии справиться с Сорок Два, – громко произнес Моратти. – Они попытались, но безуспешно. Они просят нашей помощи.

– Если бы мы знали, где он, то давно решили бы проблему, – проворчал Чжантин. – И без всяких просьб.

– А вы уверены, что Сорок Два существует? Что это вообще человек?

– Сорок Два – типичный псих.

– Значит, точно человек.

– Максимилиан, пожалуйста, обойдитесь без привычных шуток.

– Прошу меня извинить, Николо.

– Существует Сорок Два или нет – не важно! Существует проблема с этим именем и поразительное изобретение, которое ему приписывают.

Гений или везунчик? Изобретение существует, получается – гений. Но как Сорок Два создал троицу? Как догадался, какой результат даст сочетание «поплавка», «синдина» и особых нанов? Повезло? Может, и так. Только вот теперь троица вводит в ступор экономику планеты.

– Верхолазы требуют, чтобы мы объявили крестовый поход, – продолжил Ник. – Но я не хочу превращать его в очередную шумиху, которая закончится пшиком. Чэнь назвал происходящее катастрофой. Пока я не склонен с ним соглашаться, однако знаю, что мир на пороге коллапса. Нам нужен не просто крестовый поход, нам нужна победа. Мы должны найти уязвимое место Сорок Два и ударить по нему. – Моратти взмахнул кулаком, выдержал короткую паузу, насупленно изучая директоров, однако продолжил гораздо спокойнее, по-деловому: – Троица Сорок Два известна: наны, «синдин», «поплавок». Формула нанов давно в Сети, создать их не сложно. «Синдин» продается на каждом углу. Поэтому наша единственная крепость, последняя преграда на пути хаоса учения Сорок Два – «поплавки».

Мертвый внимательно посмотрел на президента СБА, но от комментариев воздержался. Только волосы взлохматил, умудрившись тем не менее сохранить серьезный вид.

– Подпольных мастеров, способных производить «поплавки», не так уж много, и большинство из них известны СБА. Кустарное производство процессоров дорого и трудоемко, только поэтому нам удается сдерживать Сорок Два, в противном случае все уже давно полетело бы к черту.

– Процессоры слишком заметны. – Кауфман воспользовался короткой паузой, которую выдержал Моратти, и вставил свое слово: – Наноскопы легко засекают человека, в голове которого жужжит «поплавок».

Президент СБА с трудом удержался от презрительной усмешки.

– Максимилиан, похоже, вы забыли о π-вирусе?

– С ним можно бороться.

– Это он борется с нами.

– Следует расширить производство полевых наноскопов и оснащать ими все патрульные группы.

– По самым скромным оценкам, численность тритонов Сорок Два в разы превосходит численность сотрудников СБА. Мы просто не успеваем их ловить.

– Мы объявили премию в миллиард юаней тому, кто найдет противоядие против р-вируса, – напомнил Мертвый. – Тысячи машинистов пытаются стать богатыми, и я уверен, что рано или поздно прикончат заразу.

– Ключевые слова: «рано или поздно», – холодно отрезал Моратти. – Мы должны ударить здесь и сейчас. Это не обсуждается.

– По кому бить-то?

– Наша цель – «поплавки». Мы обязаны сократить их оборот до минимума.

– А как же «синдин»?

– Мы постоянно усиливаем борьбу, но экстренных мер принимать не будем. Аналитики считают, что если в качестве мишени мы выберем «поплавки», то вероятность конечного успеха будет значительно выше, чем в любом другом случае. И я склонен с ними согласиться. – Президент СБА тяжело посмотрел на Кауфмана: – Это понятно?

– Вполне.

– Вот и хорошо. – Моратти удовлетворенно кивнул и перестал обращать на Мертвого внимание. – Сейчас нам предстоит наметить стратегические шаги по локализации «Проблемы Сорок Два». Я уверен, мы с ней справимся.

– Эту проблему нельзя локализовать, – хмуро бросил Кауфман.

Ник тяжело вздохнул и с иронией посмотрел на Мертвого. Именно с иронией – Моратти не мог позволить демонстрацию других чувств, потому что все знали: президент СБА не в силах снять с должности строптивого московского директора.

– Максимилиан, вы победили: выскажитесь, и мы вернемся к делам.

– Не более одной минуты, господин президент.

– Рад слышать.

И Мертвый, неожиданно для всех, подался вперед:

– Идеи Сорок Два привлекают людей тем, что это следующий этап. Следующий шаг. Сорок Два продает не революцию, а эволюцию. Новое строение общества. Новые связи, новые взаимоотношения, новые идеалы. Вот в чем главная угроза, господа. Мы оцифровали мир, полностью его изменили, а теперь Сорок Два продолжает наше дело – он меняет людей. Подгоняет их под новые стандарты мира, который мы с вами, господа, создали. Это естественный процесс, и тем идеи Сорок Два привлекательны. Он продает надежду.

– То есть мы должны сдаться? – тихо спросил Чэнь.

– Нам нужна идея, – ответил Мертвый. – Идея, а не пулеметы.

– Президент Моратти проявил весьма похвальное рвение, – невозмутимо заметил Мишенька сразу после того, как Мертвый отключил коммуникатор.

– Согласен, – кивнул Кауфман.

Совещания высших офицеров СБА считались строго конфиденциальными, их не слышали даже обеспечивающие связь машинисты. Однако Кауфмана запрет не смущал, а потому Мишенька присутствовал почти на всех подобных мероприятиях, деликатно усаживаясь вне поля зрения видеокамеры.

– И еще меня приятно поразила растерянность, которая звучала в голосах директоров, – продолжил Мишенька. – Сорок Два действует весьма энергично.

– Сейчас ему придется туго, – хмыкнул Мертвый. – Отсутствие «поплавков» способно подкосить движение.

– Отсутствие или повышение цены.

– В любом случае это будет серьезный удар.

– Согласен, доктор Кауфман.

– Печально видеть, как человек, честно работающий над делом всей своей жизни, попадает под власть обстоятельств.

– Надо посмотреть, что можно сделать, – кивнул Мишенька.

И улыбнулся.

Мишенька Щеглов был молод и подчеркнуто элегантен. Темный костюм классического покроя, белоснежная сорочка, галстук, начищенные до блеска туфли и стильные квадратные очки – по какой-то, только ему известной, причине Мишенька не исправлял зрение, сохраняя дарованную природой близорукость. Щеглов походил на шалопая, сунутого высокопоставленным папашей на должность референта всесильного директора филиала СБА. На деле же Мишенька возглавлял Управление дознаний и был ближайшим, самым доверенным помощником Кауфмана, единственным человеком, которому дозволялось входить в кабинет Мертвого без доклада и даже в отсутствие хозяина.

– Ты обратил внимание на то, как ловко Моратти настоял на выбранной мишени? «Поплавки»! Не спорю – звучит весомо и с виду правильно. Однако граверов, способных сделать «поплавок», с каждым днем становится все больше, да и воруют процессоры отовсюду, откуда возможно. К тому же «поплавок» – покупка разовая, добытые чипы тритоны хранят как зеницу ока… А вот «синдин» из организма выводится. Тритонам хотя бы раз в неделю нужен шприц, в идеале – два раза в неделю. Если же они постоянно в деле – то каждый день.

Мертвый остановился и вопросительно посмотрел на помощника.

– Я уверен, что господин президент понимает ситуацию, – невозмутимо и даже несколько безразлично отозвался Щеглов. – И наверняка вплотную занимается «синдином». – Пауза. – Господин президент несколько предсказуем.

– Не согласен, – покачал головой Мертвый. – Моратти не предсказуем, просто мы не оставили ему выбора, и он вынужден стрелять по всем мишеням одновременно. Моратти боится того, что случится после запуска Станции. Он боится, потому что не знает, что произойдет. Он хочет сохранить влияние, а хаос, который несут тритоны Сорок Два – отличная страшилка для верхолазов. Новая энергия изменит мир, но он не перестанет быть цифровым. Именно поэтому Моратти хочет любой ценой получить контроль над Сорок Два – ему нужны козыри для будущей игры.

* * *

Территория: Россия
Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13
Кодовое обозначение – «Станция»

Работа должна приносить удовлетворение

– Вы ошибаетесь!

– Мне жаль вас разочаровывать, господин Гвоздев, но мы никогда не ошибаемся, – ровно ответил Токмаков, не отрывая взгляд от монитора. – Не можем себе позволить.

Токмаков отчаянно напоминал Грегу Мишеньку Щеглова: та же тщательно культивируемая невозмутимость, тот же спокойный голос и аккуратные жесты. Впрочем, возможно, Токмаков и не копировал шефа, ведь все хорошие дознаватели чем-то похожи…

– А я говорю, что вы ошибаетесь, – дрожащим голосом повторил Гвоздев. – Господи, ну чем я должен поклясться…

– Если не хотите отвечать честно, не надо говорить ничего, – порекомендовал Токмаков. – Молчание не вызывает у меня раздражения.

Грег хмыкнул.

Гвоздев поник.

Он стоял в самом центре небольшой – три на три метра – клетки, установленной в одном из подвальных помещений Теплого Дома. Без одежды – на нем остались только трусы – и без надежды на спасение. Заинтересовать своей скромной персоной СБА и так-то считалось весомой неприятностью, а уж загреметь во внутреннюю безопасность, да еще на разговор к самому Слоновски… Одним словом, Гвоздев отчаянно мечтал умереть – быстро и без мучений, но понимал, что для этого ему должно сильно повезти.

– Я – честный бизнесмен, – сглотнув, продолжил Гвоздев. – Вы можете проверить…

– Уже проверили, – рассеянно отозвался Токмаков, читая пришедшее от жены послание. – Ваше прошлое безупречно.

– Вот видите!

– Но есть нюанс, господин Гвоздев, – до сих пор честные бизнесмены не открывали в Кайфограде ночные клубы.

Поселок, что прилепился к восточной линии периметра, когда-то носил другое название, однако близость крупного строительства, а соответственно, большого числа высокооплачиваемых работяг превратили его в Кайфоград – центр ночных удовольствий, бесшабашный перекресток, на котором сплетались интересы бандитов и разведчиков. В Кайфограде все работали на всех и против всех – кто успеет вовремя заплатить, тот и получит приз. Бармены, сутенеры, пушеры – все торговали обрывками информации о Станции, сплетнями и слухами, а если не торговали, значит, покупали, являясь агентами какой-нибудь разведки.

Открытие в Кайфограде очередного ночного клуба не

ускользнуло от внимания Слоновски – он вообще ничего не упускал. Грег велел уточнить, на кого работает владелец, и оставить человека в покое. Однако Гвоздев неожиданно заартачился, и в результате заработал путевку в Теплый Дом.

– Я открыл клуб на свои деньги!

– Да, да… конечно. – Токмаков выключил коммуникатор, откинулся на спинку стула и добродушно сообщил: – Знаете, господин Гвоздев, вы меня утомили. Поэтому допрос продолжит мой помощник… Он, правда, не разговорчив, зато весьма зубаст…

Пленник побледнел. Грег зевнул.

Грегуар Слоновски оказался на тринадцатом полигоне через полгода после того, как президент «Науком» Холодов сообщил верхолазам об открытии новой энергии и призвал объединить ресурсы корпораций для строительства экспериментальной Станции. Щедрое предложение сопровождалось двумя условиями. Во-первых, Холодов настоял на том, чтобы безопасность объекта обеспечивал московский филиал СБА – этим ходом президент «Науком» спас Кауфмана от отставки и даже упрочил положение московского директора в СБА. Во-вторых, Холодов сказал, что намерен сохранить технологию в тайне вплоть до запуска Станции. Верхолазы, в свою очередь, выразили законное желание получить гарантии того, что их не пытаются надуть. После ожесточенных споров стороны договорились создать небольшую научную группу, члены которой получили доступ ко всем секретным разработкам «Науком» и подтвердили главам корпораций существование революционной технологии. А после остались строить Станцию, добровольно заточив себя в «Науком» до ее запуска.

Эти глобального характера события и занесли Слоновски на север.

Грег натаскал для Кауфмана нового начальника Отдела прямых переговоров, передал дела, взял сто пятьдесят ребят и поехал в «самое важное на Земле место».

Так называл стройку Мертвый, а Мертвый громкими фразами не бросался.

«В ближайшее время, Грег, на Станцию будут смотреть из каждого окна, через каждую щель в заборе. Газетчики и разведчики. И я хочу, чтобы все они видели большую фигу. Твою фигу. Задача ясна?»

«Вполне».

«Сплети сеть с мелкими ячейками и дави всякого, кто попадется. А попасться должны все. В этом заключается твоя единственная обязанность».

Официально первым человеком на Станции считался Алексей Прохоров, бывший начальник Департамента безопасности коммуникаций московского СБА. Миролюбивое название прежней должности не вводило знающих людей в заблуждение – Прохоров занимался оборонными системами: границами Анклава и особо охраняемых зон, средствами ПВО, одним словом, был крупным специалистом по созданию периметров безопасности, что на первых порах и требовалось от главного беза Станции.

Прохоров превратил объект в крепость, полностью отрезанную от внешнего мира. В Москве его называли комендантом (в ранге первого заместителя директора московского филиала СБА), однако Моратти, изо всех сил пытающийся вбить клин между Кауфманом и его людьми, придумал для Прохорова другой титул – директор филиала СБА «Станция», намекая, что Алексей может поставить вопрос о переподчинении непосредственно Цюриху. Усилия пропали даром: Прохоров входил в узкий круг ближайших помощников Мертвого, в число тех, кто знал об истинном предназначении Станции, и купить его такой мелочью, как карьерный рост, было невозможно. К тому же Моратти не учитывал присутствия на Станции Слоновски, преданного Кауфману больше, чем Мертвый был предан самому себе.

Оказавшись на севере, Слоновски привычно занял должность скромную и неприметную – пятый заместитель коменданта, начальник Управления внутренней безопасности. Именно внутренней, а не собственной – простое изменение названия позволило Кауфману наделить Слоновски самыми широкими полномочиями. Помимо заботы о чистоте рядов – Отдел собственной безопасности входил в структуру Управления, – Грег закрывал все запретные зоны, находящиеся внутри Станции: особо секретные производства и строительство главного энергоблока. Кроме того, Слоновски полностью контролировал связь с внешним миром, занимался контрразведкой и даже силовыми операциями на сопредельной территории. Через три месяца пребывания на севере в прямом подчинении Грега находилось уже полторы тысячи человек, и скучать ему не приходилось.

Тринадцатый полигон «Науком» располагался на территории России, договоренности о его безопасности заключались на самом верху, между Холодовым и русским президентом. Однако Кауфман, которому требовались настоящие гарантии, провел переговоры с директором ОКР – самой весомой федеральной структуры, и в результате вокруг Станции появилась особая зона, которую контролировала армейская дивизия. Но даже такое

прикрытие не гарантировало отсутствия проблем. Местный губернатор Блиндыев и его сюзерен, северо-западный наместник Каркадоев, организовали весьма доходный бизнес, помогая всем разведкам, стремящимся проникнуть на Станцию. А за дополнительную плату не гнушались устраивать провокации и даже диверсии. Приструнить их не получалось: и Блиндыев, и Каркадоев входили в могущественный клан Чапчарой, что гарантировало им полную безнаказанность. Несколько раз Слоновски собирался прикончить вредных вельмож, однако сдерживался: наследники продолжили бы дело безвременно почивших папаш, но при этом затаили бы злобу. А платить чапчаройцам за спокойствие Кауфман не позволял, он предпочитал держать своих людей в тонусе, и вялотекущая конфронтация Мертвого вполне устраивала.

– Не надо! Умоляю! Не надо!!

Гвоздев вцепился в прутья решетки, то ли сломать пытается, то ли отогнуть… Вырваться хочет. Очень хочет вырваться на свободу. Глаза выкачены, рот перекошен, красное от надрыва лицо, слезы, сопли.

– Не надо!!!

А в другом углу клетки замер сторожевой терьер Мутабор – здоровенная, стокилограммовая зверюга, уже начинающая проявлять интерес к бьющемуся в истерике человечку.

– Я составил его психологический портрет и понял, что господин Гвоздев до колик боится собак, – негромко сообщил Токмаков, раскуривая сигарету. – Терьер в клетку как раз то, что нужно. Я думаю, господин Гвоздев продержится не более четырех с половиной минут.

– Главное, чтобы терьер продержался и не порвал урода, – пробурчал Грег.

– Рекс не подведет, – пообещал приведший пса кинолог. Помялся, но все-таки набрался храбрости спросить: – Мне покурить можно?

– Дыми, – махнул рукой Слоновски.

Тем временем Рекс решил познакомиться с соседом по клетке поближе и, внимательно принюхиваясь, сделал пару шагов к Гвоздеву. Крики «Не надо!» сменились бессмысленным воем. Обезумевший от страха пленник не видел, что собака настроена миролюбиво, забыл, что сторожевые терьеры Мутабор отличаются огромной выдержкой, что силу свою гигантскую понимают, а потому просто так не бросаются. Гвоздев видел огромного пса, зубы, красноватые глаза, шипастый ошейник и движение… Гвоздев видел, что собака приближается, и…

– А-а!..

– Интересно, он идейный или его запугали?

– Скорее запугали, – подумав, ответил Грег. – Идейных сейчас мало.

– Китайцы, – простонал Гвоздев, вжимаясь в прутья решетки с такой силой, словно решил их продавить. – Деньги на клуб мне дали китайцы.

Токмаков посмотрел на часы.

– Три минуты и двадцать секунд.

– Я могу забрать Рекса?

Терьер с надеждой посмотрел на хозяина – ему было скучно.

– Конечно.

– Пусть скажет, кто его связной и убирается ко всем чертям, – распорядился Грег и повернулся к выходу.

Несчастный Гвоздев еще не понял, что быть в Кайфограде агентом – не исключение, а норма. На китайцев ты работаешь, на индийцев, американцев, арабов, русских – преследовать тебя не будут, ибо с тем же успехом можно попытаться вычерпать море. Слоновски просто хотел знать, под чьей ты крышей – когда-нибудь эта информация обязательно пригодится.

* * *

Анклав: Москва
Территория: Царское Село
Жилой комплекс «Замок Снежной Королевы»
Поиски в пустоте дарят лишь усталость

Мелкий весенний дождь призрачной изморосью долбил Москву. Время веселых майских гроз прошло, и теперь облака выдавливали из себя последние капли, которых едва хватало на то, чтобы припорошить темным асфальт да слегка умыть толстые стекла. Хилый дождь уходил, оставляя Анклав под властью наступающей летней жары, уходил, обещая вернуться осенью, чтобы тщательно прочистить Москву перед зимой. Весенние дожди полны сил и веселья, осенние же, подобно людям пожилым и серьезным, не поливают, а работают, их стихия – сосредоточенность.

Стоящая у окна Пэт улыбнулась, провожая арьергард уходящей весны, и тихонько спросила:

– Увидимся?

Дождь промолчал. То ли не знал ответ, то ли не рискнул. Попрощался последними каплями да растаял.

«А ведь можем и не увидеться…»

Пэт перевела взгляд на кисти рук, на черные руны, небольшие, но четко очерченные руны, что мягко скользили по ее пальцам. Менялись местами, складывались в новые комбинации, замирали, позволяя девушке проникнуть в тайну сформированной последовательности, насладиться красотой и мощью древней силы, и снова путались, перебегали с пальца на палец, чтобы вновь замереть. Иногда казалось, что по рукам Патриции стекает грязь. А иногда совершенство очередного узора щемило душу.

Руны открывали девушке тайны, но главный свой секрет пока хранили. Для главного секрета нужен ключ…

– Патриция!

Последний взгляд на руки, в глазах вспыхивает властный огонек, и руны послушно бледнеют, исчезают, словно их и не было.

Пэт обернулась:

– Да?

Таисия хрустнула пальцами:

– Ты стояла у окна, и мне вдруг показалось, что ты сейчас уйдешь. Что хрупкая стеклянная преграда рухнет и тьма кинжалом вонзится в нежный мир. – Она подошла ближе и взяла девушку за руку. – Мне показалось, что все будет разрушено.

– Тебе просто показалось, – улыбнулась Пэт.

– Я чувствую, как твои мысли уносятся в сверкающие дали. Как мчатся они, опережая одна другую, способные за секунду обогнуть Ойкумену. Я сама такая. Ты ведь знаешь. И мне бы очень хотелось, чтобы наши мысли мчались вместе. На крыльях ветра свободы, окутывающего настоящих творцов.

Пэт познакомилась с Таисией Кук чуть меньше месяца назад на приеме в честь дня рождения директора «МосТех» и сразу же ощутила то настырное давление, которое госпожа Кук называла «природным обаянием». Светская львица всерьез увлеклась юной красавицей и, не теряя времени даром, засыпала Пэт знаками внимания: невинные, но чертовски дорогие подарки, приглашения на выставки модных художников, на концерты и в литературные салоны. Таисия штурмовала девушку по всем правилам военного искусства, а Пэт… Пэт медлила обрывать знакомство. Таисия выделялась среди других одуревших от скуки верхолазок, и, возможно, в болоте этой непохожести прятался необходимый ключ.

Правда, надежда на это таяла с каждой минутой.

– Ты напоминаешь мне меня, какой я была совсем недавно, год или два назад. Молодая, неопытная, ищущая, но при этом – цельная. Я твердо знала, чего хочу, и ты, я вижу, такая же. У тебя

есть цель, а свою цель я знала с самого детства. Я почти сразу ощутила себя Творцом, личностью с особым взглядом на мир, но как же трудно мне было расти в мире, где женщина не имеет права на самовыражение!

Через пару дней после знакомства Кирилл принес дочери досье на Таисию.

«Посмотри, если станет интересно».

«Зачем?»

«Ты еще плохо разбираешься в людях. Изучи факты, сопоставь с человеком. В следующий раз ты увидишь его Я и без документов».

Знать все обо всех было в духе Грязнова, и Пэт постепенно становилась похожей на отца.

Из досье девушка узнала, что Таисии, дочери мелкого капера из Эдинбурга, повезло влюбить в себя сына весьма и весьма крутого верхолаза. После чего жизнь, собственно, и удалась. Муж боготворил творчески одаренную супругу и позволял Таисии жить так, как ей заблагорассудится. Очередная пустышка? Сомнений в этом практически не осталось, но Пэт решила дать светской львице последний шанс. В конце концов, Таисия действительно была своеобразной особой.

– Как раз сейчас я взялась за поэму. За поэму, Патриция, за поэму! У меня были наброски, но теперь я хочу разложить их на строки… Нет! Даже на слова! На буквы! И собрать новое целое. Я дни напролет провожу в кабинете, обдумывая образы, что посещают меня, и вплетаю их в картину… Да, Патриция, я уже вижу, как из старых моих набросков появляется величественный корабль нового полотна. Старые наброски, такие наивные… Я начала эту поэму, когда мне было девять лет. Я помню, как родилась первая строка. Она меня очаровала. Я написала ее на коммуникаторе и почти час думала о ней. Уже тогда я знала, что не скоро завершу грандиозный труд, совсем не скоро. Я предвидела, что мне потребуются годы, в течение которых я буду оттачивать мастерство, но однажды… Теперь я перечитываю наброски и понимаю, что уже тогда, в юности, я видела элементы того великолепного полотна, которое выходит сейчас из-под моего пера. Теперь я смотрю на мир новым взглядом, я жгу многие старые наброски, недостаточно сильные и яркие, но дым не исчезает, а обволакивает мою поэму, показывая всем, какой я была и какой стала…

Таисия называла себя писательницей, периодически издавала за счет мужа тоненькие книжки путаных стихов и странные романы, главным достоинством которых были прилагательные – в одном из предложений назойливый критик насчитал их целых

пятнадцать.

– В моей поэме будут только личности, яркие, красочные образы и многовариантность событий! Я поняла, что в настоящем творчестве нет места убожеству. Я поняла это в горах. Я рассказывала тебе? Я провела два месяца на своей вилле в Кордильерах. Горы не похожи друг на друга. Мне ближе Кордильеры – дикие, необузданные, смелые! Я впитывала в себя их величие и поняла, что главное – перспектива! Глубина и ширь! Простор! Я поняла простор. Путешествия сильно влияют на творческое развитие, когда-нибудь, Патриция, ты меня поймешь. Ты должна поехать со мной в Ланданабад. Мне нужно напитать творчество новыми красками, расцветить его. Я мечтаю стоять с тобой на берегу Темзы и смотреть на величественное здание Вестминстерской мечети. Ты была в Ланданабаде?

– Не сейчас, – мягко ответила Пэт. – Я еще не готова.

– Почему? Ты ведь вот-вот окончишь Университет, избавишься от якоря, удерживающего тебя в этой серой и скучной Москве, и мы вместе отправимся путешествовать по миру. Я хочу показать тебе великие города. И еще горы. Горы гениально меняют сознание Творца. Ты приходишь в них одним человеком, а возвращаешься иным. Еще лучше понимаешь свое Я, видишь мир иначе, под следующим углом, четко понимаешь совершенно туманные раньше вещи. Я всегда была натурой цельной, устремленной, я выбрала свой путь в детстве и шла, не сворачивая. Годы, даже десятилетия. Меня совершенно нереально сбить с пути. И всегда была уверена, что дойду. Я не лгу, потому что мне незачем и не перед кем лгать…

– Я говорила с отцом, он просит обождать с путешествием хотя бы месяц.

– Патриция, это невозможно! Ты должна поставить его на место. Эти мужчины… я рассказывала, в каких нечеловеческих условиях росла? Раз ты женщина, значит, ни на что не способна. Корпорацию должен унаследовать сын. Я не была сыном и всегда чувствовала презрительный взгляд отца. Ты должна освободиться. – Таисия взяла девушку под локоть, приблизилась еще на полшага, обожгла дыханием. Шепчущие губы совсем рядом. Глаза в глаза. Локон упал на лоб. – Я невероятно счастлива, что познакомилась с тобой, сумела тебя увидеть и почувствовать. Мы избранные, ты и я. Нам суждено быть вместе. Я знаю, что теперь ты никогда не покинешь мое сердце и душу. Потому что столько любви, счастья, света и снова любви, сколько я чувствую к тебе, я никогда не испытывала. Ты меня любишь?

Я – сверхновая звезда.

Точнее, мне сказали, что я – звезда. И еще сказали, что рано или поздно я это осознаю. И еще сказали, что, когда я осознаю, – я проснусь и в тот же миг из моей жизни исчезнет понятие «невозможно».

Из моей жизни, которая не будет долгой.

И поэтому я боюсь.

Я боюсь проснуться, но понимаю, что в этом случае умру еще раньше. Потому что не стану звездой. Я осознала свою силу и свою власть, но еще не поняла саму себя. Я должна вспыхнуть ярче всех звезд Вселенной, но еще не отыскала ключ к своей душе. Мотыльком устремляюсь я к любому огоньку, готова сгореть в нем, чтобы проснуться, но всякий раз натыкаюсь лишь на отражение настоящего пламени.

И теперь боюсь, что ключа нет нигде…

– Мы с тобой – Творцы, способные создать Вселенную. Но нам дано слишком мало времени, чтобы так много успеть. Мы не должны тратить его ни на что, кроме полноценной жизни. Мы должны ценить каждую минуту, наслаждаться ею. Наслаждаться вместе с тем, кого любишь, в кого веришь.

Губы скользнули по шее.

Пэт отступила на шаг и покачала головой.

– Нет.

– Нет?

Нет искры, нет пламени, нет ключа. Яркие слова прикрывают пустоту тучи, которая улепетывает сейчас из Москвы. Нет дождя, что хлестнул бы по душе резкими каплями.

В глазах Таисии мелькнула злость.

– Я надеялась, что мы одинаковые! Но ты… Но ты! Ты совсем не такая! Ты только притворяешься нежной, утонченной натурой!

– Извини.

– Извинить?! – Гримаса вновь превратилась в улыбку. Немного натянутую, правда, но все-таки улыбку. – Я чувствую глубочайшее разочарование, но вижу, что это не ты – это порыв. Я культивирую в себе счастье и добро. Я могу поделиться ими, ты кажешься опечаленной. Ощущение радости не берется вдруг, позволь, я научу тебя.

– Присядем? – Пэт увлекла женщину на софу.

– Конечно. – Улыбка Таисии стала более естественной. – Мне кажется, здесь слишком яркий свет. Мы совсем забыли о вине… – Рука скользит по плечу. – Твой порыв испугал меня, ты такая… такая сильная…

– Я знаю.

На пальцах вновь появились руны. Черные символы, видимые

только Патриции. И беспрекословно подчиняющиеся ей. Взглядом, одним только взглядом девушка сложила символы в нужную последовательность и мягко провела рукой по лбу Таисии.

– Кажется, ты устала.

Фраза осталась без ответа: женщина уснула в тот самый миг, как ее коснулась Пэт.

Обмякшее тело, ровное дыхание, тишина… Отличный момент, чтобы уйти, не прощаясь.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз
Баварский султанат
Франкфурт-Копенгаген, в воздухе и на земле
Наказание не всегда соответствует проступку

– Курс проложен?

– Так точно.

– Встреча?

– Отряд спецназа Европол.

Карл Мэнсон, заместитель директора франкфуртского филиала СБА, провожал груз лично – все-таки пять тысяч «поплавков». Предназначались они расположенному под Копенгагеном научно-производственному комплексу имени Махмуда Кемаля, одному из трех центров Баварского султаната, имеющих лицензию на работу с самыми мощными процессорами современности. В Анклавах их называли «помойками». Государства щедро финансировали подобные комплексы, надеясь если не догнать, то хотя бы не сильно отстать от корпораций в технологиях, однако выпускаемое в центрах «новейшее» оборудование не отвечало жестким стандартам Анклавов, хотя и пичкалось самыми современными комплектующими. В том числе – «поплавками», доставка которых в научные комплексы являлась для СБА лишней головной болью.

– Коды сменили?

– Девять минут назад.

– Хорошо.

Груз отправлялся транспортным «Ка-95» «Толстяк» производства «Науком». Согласно сопроводительным документам, вертолет совершал плановый рейс с военной базы под Загребом в Познань с дозаправкой во Франкфурте. По мнению Мэнсона, это был лучший вариант, нежели предложенный изначально эскорт из двух истребителей – тайна хранила груз лучше любого

силового прикрытия.

– Говорит борт 4344. Прошу разрешение на взлет.

– Даю разрешение на взлет.

Мэнсон посмотрел на оторвавшуюся от земли машину и хмыкнул:

– Все. Теперь это не наша проблема.

Даже в оцифрованном мире, в безбрежном информационном океане, повелителями которого не без оснований чувствовали себя тритоны Сорок Два, им было доступно далеко не все. Да, ломщики могли проскользнуть в самую защищенную сеть, однако любой из них, даже самый опытный, даже тот, у кого в голове жужжит «поплавок», а в крови бурлит «синдин», оставит следы, которые укажут, что информация перестала быть секретной. Именно поэтому далеко не все тайны попадали в сеть. И именно поэтому тритоны высоко ценили предателей, готовых передать нужные сведения с помощью обычного звонка.

Среди работающих на корпорации и государства машинистов хватало тех, кто разделял идеи Поэтессы. Собственно, практически все машинисты планеты читали «Числа праведности». На некоторых книга не произвела особого впечатления, другие увлеклись, стали правоверными нейкистами, и уж совсем немногих «Числа праведности» сделали фанатиками, разделяющими радикальные убеждения Сорок Два. Именно они, готовые пожертвовать всем ради торжества идеи, и составляли «пятую колонну» движения.

Едва вертолет поднялся в воздух, из штаб-квартиры франкфуртского СБА ушло короткое невинное послание, неспособное вызвать никаких подозрений. Оно было принято и тут же переслано на незарегистрированный коммуникатор, лежащий на столе перед Пумой.

– Птичка вылетела.

Связь с Крюгером Ева держала через «балалайку», поэтому он прекрасно услышал произнесенную фразу.

– Отлично!

Пума покосилась на склонившуюся над «раллером» Красную.

– Мы начинаем!

– Мы готовы.

Когда-то давно, можно сказать – в древности, перехват управления вертолетом или машиной считался возможным лишь в приключенческих фильмах. Драматурги охотно вставляли интригующие эпизоды в сценарии, искренне полагая, что рано или поздно подобные фокусы станут если и не обыденным явлением, то вполне возможным. И не ошиблись.

Совершенствование бортовых компьютеров привело не только к улучшению управляемости и повышению безопасности полетов, но и снизило роль пилота, что открыло широкие возможности для ломщиков. Фактически им требовалось только одно: пробиться в канал связи вертолета с землей. Задача непростая, но учитывая, что в «раллерах» Евы и Розы пряталось по двенадцать «поплавков», еще два сидели в «балалайках», а программы были написаны самим Сорок Два – вполне решаемая.

В итоге бортовой компьютер «Толстяка» потерял невинность именно там, где хотели Красная и Пума.

– Внимание! Говорит борт 4344! У меня нештатная ситуация!

И почти сразу же в «балалайку» Мэнсона пришел вопль от машинистов:

– Перехват управления! Они подключились к нашему каналу!

– Вырубите связь!

– Поздно!

– Говорит борт 4344! Полная потеря управления!

– Переходите на ручной режим!

– Я заблокирован!

– Мы не можем вышибить их из компьютера «Толстяка»!

– Перезагрузитесь! Есть же резервный компьютер!

– Не получается!

– Это наверняка нейкисты! – скрипнул зубами Мэнсон. – Тритоны!

А кто еще мог преодолеть защиту, которую обеспечивали лучшие машинисты СБА и Европола? Только те, кто вставлял в «балалайки» самые мощные процессоры современности, разгоняя свое сознание в цифровое торнадо.

– Я сажусь! – завопил пилот. Больше ему ничего не оставалось. – Я их вижу!

– Лично тебе ничего не грозит!

– Если не будешь сопротивляться, – добавил Карл и побрел в кабинет: предстоящую свистопляску имело смысл встретить стаканчиком виски.

Посадку стремительно снизившийся вертолет совершил неловко. Грубовато совершил, если быть до конца откровенным – остался без левого шасси, едва не перевернулся, чудом удержав горизонт, а напоследок ткнулся носом в оказавшийся на пути камень. Однако полученные машиной или ее пилотом повреждения никого не интересовали. Главное, что «Толстяк» сел именно там, где и было запланировано.

– Птичка в точке! – сообщил Крюгер.

– Извлекайте, – распорядилась довольная Ева и вызвала Сорок Два: – У нас все отлично.

– Вертолеты с группой захвата будут на месте через пятнадцать минут!

– Слишком поздно!

– Европол объявил тревогу. Они перекроют дороги…

– Нейкисты наверняка продумали пути отхода.

От Мэнсона пахло виски, но Карлу было плевать на то, что подумают подчиненные. И на то, что они сообщат в собственную безопасность, – на все плевать. Пять тысяч «поплавков» уплывали из-под носа благодаря…

– В нашем филиале сидит «крыса». Тритоны знали, что готовится поставка.

К сожалению, это открытие вряд ли спасет карьеру. «Крысой» займутся другие люди, а ему придется перекладывать бумажки в каком-нибудь заштатном отделе…

– Господин Мэнсон!

– Что?! – рявкнул Карл.

– Есть хорошие новости, – негромко ответил машинист. – На самом деле – хорошие.

Грузовой люк «Толстяка» открыла сидящая во Франкфурте Красная. Дала соответствующий приказ бортовому компьютеру, и пещера Аладдина распахнулась. Через несколько секунд машинистам СБА удалось отрубить нейкистов от канала и вернуть контроль над вертолетом, но исправить ситуацию они уже не могли: люди Крюгера заблокировали люк и принялись вытаскивать из трюма контейнеры с «поплавками». А сопровождающие груз полицейские просто подняли руки: из закрытой машины они бы пострелять согласились, но при распахнутом люке грузовой отсек «Толстяка» превращался в тир.

– Пятьдесят секунд!

Внешне Крюгер оставался спокоен – командовал четко, двигался неторопливо, однако в его душе играли фанфары: «Получилось!» План сработал на все сто, и Ян был уверен, что теперь им ничего не помешает.

– Сорок секунд!

Следить за слаженно действующими ребятами не было необходимости. Крюгер оглядел поле, на которое сел вертолет, опушку леса, поднял взгляд выше и…

И громко выругался:

– Что за?..

Разрабатывая план захвата, Красная, Пума и Крюгер предусмотрели все. Досконально изучили маршрут вертолета, прикинули, когда он окажется на максимальном удалении от военных баз и крупных полицейских участков. Подобрали подходящую площадку. Тщательно рассчитали время. Придумали, как уйти от облавы, которая начнется, едва «Толстяк» потеряет управление. Красная, Пума и Крюгер не учли одного: Его Величество Баварский султан Махмуд V обожал парашютные войска.

Еще будучи наследным принцем, Махмуд лично возглавлял сначала бригаду, а после – все парашютно-десантные части султаната и до сих пор оставался их почетным командующим. Десантники получали наилучшее обеспечение, самое высокое в армии содержание, были обласканы двором, но при этом – не доведены до положения «паркетной гвардии». Султан с гордостью вспоминал тяготы военной службы, через которые ему пришлось пройти по приказу сурового отца, и требовал, чтобы его любимые войска были готовы в любой момент выполнить любую поставленную задачу. Марш-броски и учебные рейды всегда проводились неожиданно – приказ мог прийти в любой момент, – и выполнялись они в полном боевом снаряжении.

Учесть, когда и где будут тренироваться любимцы султана, Красная, Пума и Крюгер не могли.

Им просто не повезло.

Два тяжелых вертолета, соответственно – два взвода минимум. А если они забиты под завязку…

Впрочем, подсчитывать количество появившихся врагов Крюгеру было некогда. Зависшие над полем «Толстяки» не только выплевывали десантников, но и поливали свинцом в панике разбегающихся нейкистов. Шестиствольные «смерчи» трудолюбиво вспахивали землю, прикрывая рассыпающихся в цепь солдат. Сражаться? Как?! Крюгер ведь предполагал не ограбление, а захват, на всех нейкистов – пять «дрелей» да пара «дыроделов», чтобы напугать охранников. Поднять руки? Вряд ли поможет.

Крюгер видел, что парашютисты почуяли кровь и просто так не остановятся. Понимал это – сам прошел через армию, а потому отчаянно рвался к лесу, намереваясь укрыться за деревьями. Бежал, не боясь пуль, от которых его ребята, не имевшие столь ценного сейчас опыта, пытались укрыться на земле. Бежал, хотя видел, как избавившиеся от десанта «Толстяки» заходят навстречу, отсекая удирающих нейкистов от спасительного леса. Бежал…

А что ему еще оставалось?

Из тех, кто отправился брать «поплавки», только Ян знал, где прячется Сорок Два. И сейчас, под пулями, в его голове билась одна-единственная мысль: хватит ли сил раскусить ампулу с цианидом? Достаточно ли у него мужества и веры, чтобы умереть ради Сорок Два?

Глава 2

Анклав: Цюрих
Территория: Альпийская Поляна
«Замок Ван Глоссинга»
Наличие полос не делает бурундука тигром

«По уточненным данным, во время нападения на конвой погибло двадцать четыре нейкиста, а не девятнадцать, как сообщалось ранее. Представители Европола заявили, что десантники действовали строго в рамках закона, и они благодарны армейскому командованию, которое обеспечило своевременную поддержку полиции и не допустило похищения крупной партии сверхмощных процессоров. В свою очередь, Карл Мэнсон, заместитель директора франкфуртского филиала СБА, подтвердил, что имела место утечка информации. «Мы проводим следственные мероприятия и уже арестовали подозреваемого…»

– Вы обезумели? – Моратти тяжело посмотрел на экран коммуникатора, через который вел разговор. – Или вы издеваетесь надо мной?

Ответом стало гробовое молчание. Лица прячутся за безликими наномасками, выражений не видно, даже глаз не видно, однако Ник знал, что шесть его собеседников нервничают. Кто-то, возможно, вспотел. У кого-то, возможно, дергается глаз, или жилка на виске, или уголок рта. Кто-то, возможно, отвел взгляд, чтобы не видеть разъяренного президента СБА. Крутые ребята, но… недостаточно закаленные. Не сумевшие вырастить в себе такое же спокойное ощущение собственной силы, которое Моратти чувствовал, общаясь с главарями Ассоциации. В тех бандитах внутренняя мощь читалась даже через сеть. Прежде чем подняться на криминальную вершину, они плавали в крови и врагов своих рвали зубами. Они знали цену словам и себе самим, их на голос не возьмешь, не напугаешь. Эти же, прыгнувшие в серьезную игру из виртуального мира, до работорговцев не дотягивали.

– Повторяю вопрос: вы обезумели? Какого черта вы устроили бойню в центре Европы? Что вы о себе возомнили?

– Бойню устроили парашютисты.

– Нашей вины в произошедшем нет.

– Это не наша операция.

– Вы знаете, кто пытался захватить «поплавки»…

– Вы знаете его лучше!

– Что?

– Сорок Два – ваша проблема! – взревел Моратти и врезал

кулаком по столу.

И поймал себя на мысли, что ведет себя с лидерами dd, как с подчиненными.

«Куда катится мир? Почему мощную преступную организацию контролируют такие тряпки? Это и есть Эпоха Цифры? В которой любой слабак и предатель может оказаться на вершине? Ну, ее, тогда, к черту! Я лучше поставлю на старых добрых волков».

Лидеры dd скрывали лица под масками, скрывали свое местонахождение, выходя на связь только по сети, однако Моратти знал их подлинные имена и биографии, которые практически ничем не отличались.

Все эти люди некогда были истинно верующими нейкистами, чьи логические цепи не выдержали прочтения «Чисел праведности». Все они отправились на Борьбу с Системой, возбужденно мечтая о наступлении Эпохи Цифры, и все они добровольно пошли в dd, «ибо насилие – это вынужденная и временная мера, которая позволит нейкизму выжить». Все нынешние лидеры dd изначально находились на вторых ролях – организация создавалась совсем другими людьми, – но постепенно, шаг за шагом, выходили в число солистов. Подставляли ножку конкурентам, демонстрируя их невысокие навыки. Сдавали их полиции. Нанимали убийц. Организация dd создавалась во имя идей Поэтессы, создавалась братьями для братьев, которые верили друг другу по умолчанию, а потому была уязвима для удара в спину. Нынешние лидеры dd не знали, что такое кровь, они устраняли врагов подлостью и обманом, с помощью клавиатуры, а не ножа, упиваясь своим умом и хитростью, но… но не обретая того стержня, что появляется у человека, видевшего смерть.

– Сорок Два – наша общая проблема, – заметил один из нейкистов. – Он неуправляем.

– Не управляйте им, а управьтесь с ним! Тритонов становится больше, вреда от них – тоже. И обвиняют в этом вас! Хотите полномасштабной войны? Вы ее получите.

– Достанется всем, – огрызнулся какой-то dd.

– Нам уже достается, – не стал скрывать Моратти. – Тритоны Сорок Два раскачивают экономику, устраивают хаос в сетях. Все идет к тому, что мы решим разобраться с вами, невзирая на потери. Догадываетесь, что вас ждет в этом случае?

Все прекрасно понимали, что драться в одиночку СБА не станет – ее поддержат все полицейские силы государств, – а этого вполне достаточно, чтобы стереть с лица Земли преступную организацию любого уровня. Войны с Ассоциацией,

Консорциумом, Триадой или dd не начинались именно по той причине, что «достанется всем», а на месте уничтоженного сообщества появится новое. Проще и выгоднее соблюдать определенные правила, не раздражая друг друга сверх меры. И в результате обещанной Ником «полномасштабной войны» dd не исчезнет – поменяет название и обретет новых руководителей. Закон рынка.

– Сорок Два – это не имя, а процесс, – заметил еще один обладатель наномаски. – Устранив его, вы ничего не измените.

– Процесс лишится имени – это уже серьезная победа, – отрезал Моратти. – Знаете, сколько движений погибло из-за того, что продолжатели оказывались недостойными основателя? Сорок Два – гений, флаг тритонов, олицетворение хаоса. Он должен быть уничтожен! Я не жду, что война закончится сразу, однако убежден, что она пойдет на спад.

В окружении великих людей нечасто находится место для столь же мощных личностей. Как правило, рядом стоят помощники. Верные. Преданные. Неспособные подхватить знамя.

– Мы пытались решить проблему Сорок Два.

– И что?

– Сорок Два нас не послушал, – неохотно ответил один из нейкистов.

Моратти с веселым удивлением приподнял брови:

– Неужели?

– Именно так.

– Почему же вы его отпустили?

– Мы…

– Вы прекрасно знаете, что мы не сумели его захватить, – оборвал приятеля другой лидер. – В сети полно информации о том инциденте.

– Кажется, я переоценил уровень вашей организации.

– Если не ошибаюсь, вы тоже пытались его поймать. И с тем же успехом.

– Разница в том, что Сорок Два не соглашается со мной встречаться. А значит, у меня не было возможности устроить ему качественную ловушку.

– Теперь мы в одинаковом положении – Сорок Два нам больше не верит.

Президент СБА весело рассмеялся. Один только Бог знал, какие усилия потребовалось приложить Нику, чтобы его смех прозвучал естественно, потому что бессилие напяливших маски клоунов приводило Моратти в дикое бешенство.

– Знаете, о чем я думаю? Я думаю, что вы тут сидите, рассказываете мне о том, что не способны ничего сделать, а Сорок

Два тем временем подбирается к вашему бизнесу. Я думаю, что вы теряете вес среди нейкистов, и очень скоро мне придется говорить с другими людьми. Точнее, не придется, потому что Сорок Два настроен весьма радикально.

– Наша организация не настолько зависима от нейкистов.

– То есть у вас хватило ума почистить ряды?

Отвечать на скользкий вопрос лидерам dd не хотелось, однако и деваться им было некуда: опытный волк сумел превратить их во вполне управляемое стадо.

– Мы постарались минимизировать влияние Сорок Два на наш бизнес.

– Постарались?

– В каждую душу не заглянешь.

– Тоже верно. – Ник достал сигару, щелкнул гильотиной, раскурил, откровенно наслаждаясь ароматом. Дрессированные бандиты послушно ждали продолжения разговора. – Подключайте всех своих осведомителей, покупайте новых, делайте что хотите, но вы должны принести мне голову Сорок Два. Совещание окончено!

* * *

Анклав: Москва
Территория: Университет
Настроение приподнятое
Яркий весенний день идеально подходит для праздника

– Итак, коллеги, я считаю, что работа Патриции Грязновой заслуживает высшего балла. А если учесть заложенные в ней оригинальные идеи, можно говорить о том, что сделан отличный задел на будущее. Я не удивлюсь, если поднятые Патрицией темы получат развитие…

– Об этом пока рано говорить, – строго заметил оппонент.

– Я высказал свое мнение.

– Постарайтесь не перехвалить соискателя.

– Не смогу это сделать при всем желании.

Пэт с трудом сдерживала улыбку.

Она знала, что произвела впечатление и ее диплом будут ставить в пример не одному поколению студиозусов, как-никак – лучшая на курсе. Маленькая поправка: на всех курсах.

Мы берем время взаймы, а потому его всегда не хватает.

Кирилл сказал, что на учебу у нее есть три года.

«И не месяцем больше, дочь, через три года у тебя будет много важных дел».

«Не останется времени на учебу?»

«Нет, к этому времени ты должна будешь выучиться».

Он сам составил для Пэт зубодробительную программу, основной упор в которой делался на теорию управления. Настоял на дополнительных лекциях по ряду дисциплин. Быть лучшей не требовал – к этому Пэт пришла сама. Не сразу, но пришла, когда поняла, чего именно добивается Кирилл. Когда окончательно осознала, к чему он ее готовит. И теперь, стоя на кафедре и глядя на лучших профессоров Университета, Пэт чувствовала гордость. Не заносчивое высокомерие, а законную гордость. Она справилась. Она справилась на «отлично». Но самое главное – она справилась сама, ни разу не воспользовавшись подвластными рунами.

«Я – человек! Я могу сама!»

И в этом – смысл.

– Господа оппоненты, у вас остались вопросы?

Господа оппоненты переглянулись, пошептались, после чего самый въедливый из них поднялся и с улыбкой произнес:

– Мы рекомендуем поставить высший балл.

«Ура!»

Московский Университет, главное и единственное учебное заведение Анклава, занимал обширную площадь: многочисленные учебные и лабораторные корпуса, несколько самостоятельных кампусов, опытные площадки, спортивные зоны и парки. Он представлял собой небольшой город, со своими легендами, тайнами и целой кучей «особых мест». Однако самым любимым из них была обзорная площадка на Воробьевых горах, с которой открывался замечательный вид на Анклав.

Здесь они и договорились встретиться. Пэт специально просила друзей не сопровождать ее на защиту – не хотела получать стандартный набор ободрений и напутствий, зато теперь, когда все осталось в прошлом, а на плечах развевается невидимая, но ощущаемая мантия магистра, девушке требовалось поделиться радостью.

– Эй, студиозусы! – «Судзуки Плутон», которым Пэт управляла с необычайным искусством, заложил крутой вираж и встал как вкопанный. – От зубрежки не офигели?

«Студиозусов» оказалось много, не меньше сотни парней и девчонок, с которыми Пэт сидела на лекциях и в библиотеках, трепалась в кафешках и веселилась в клубах. Некоторые стояли настолько близко, что могли называться друзьями, имен некоторых Патриция не помнила, но ей было приятно видеть всех. И еще ей было приятно осознавать, что многие по каким-то

причинам не сумели прийти на встречу, но обязательно подтянутся к празднику. Чтобы порадоваться вместе с ней.

– Привет!

– Кто говорит?

– Магистр, черт бы вас всех драл!

– Она сдалась!

– Поздравляем!

Хлопнула первая пробка шампанского.

– Патриция, мы так рады!

– За тебя!

Девушку окружили друзья. Веселые лица, радостные улыбки, возгласы, вино, льющееся в пластиковые стаканчики.

– Это нужно отметить!

– Сегодня вечером в «Стоп-кране»! – громко объявила Пэт.

– А кто приглашен?

– Все!

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз
Ульм, Баварский султанат
Ресторан «Весельная лодка»
Общие интересы сплачивают самых разных людей

– Ты еще скажи, что он летать умел!

– Не умел.

– Вот и не ври!

– Я не вру!

Столики в «Лодке» отделялись друг от друга прикрепленными к потолку рыбацкими сетями, очертания крикунов они скрадывали, однако на слышимость не влияли. Впрочем, о том, что вечерок под пиво и свиные ребрышки коротали именно машинисты, можно было без труда догадаться по диалогу. Один лохматый, собирающий волосы в хвост, и двое бритых наголо, «под Сорок Два». Судя по деловым костюмам – не ломщики, а законопослушные подданные Махмуда V, честные ребята, закончившие очередной рабочий день в каком-нибудь офисе.

– Это, между прочим, одиннадцатый официально подтвержденный подвиг Чайки, – возмутился несправедливо обиженный рассказчик. – Можешь сам проверить!

– Угу, – коротко поддержал его бритый приятель. – Все верно.

«Весельную лодку» машинисты облюбовали давно и навсегда, едва ли не с самого открытия, то есть лет тридцать назад. А до

того собирались в «Эдельвейсе», что на той стороне реки, пока он не стал халяльным… Впрочем, об «Эдельвейсе» уже мало кто вспоминал, кому он нужен со своим кебабом? А уютную «Лодку», расположенную на самом берегу Дуная, с полудня и до закрытия наполняли цифровые сплетни, треп о сетях и каналах связи да рассказы заезжих ломщиков. Непонятные разговоры фанатов бинарного кода отпугивали обычных жителей Ульма, однако хозяева «Лодки» не жаловались: честные машинисты ребята денежные, на предприятиях их ценят, платят как положено, и евродины, что сыпались в кассу, с лихвой компенсировали отсутствие других клиентов.

– Кто же этот подвиг подтвердил? СБА? – Лохматый никак не мог уняться.

– В том числе и СБА, – кивнул рассказчик. – После того как великие исчезли, люди начали описывать их деяния. Кое-что рассказали помощники, а кое-что – СБА. Неофициально, конечно, зато сведения надежные: и в СБА, и в корпорациях работает много братьев, которые и помогли с информацией. Они рылись в архивах…

Сидящий за соседним столиком Шмейхель с интересом прислушивался к спору. Виду не показывал – принимать участие в разговоре в его планы не входило, – однако старался не упустить ни слова. Шмейхеля развлекали цветастые подробности, которыми насыщали повествования такие вот застольные рассказчики. Подробности всякий раз разные и с каждым годом – все фантастичнее. Рассказы о подвигах знаменитых ломщиков обрастали таким количеством деталей, что становились похожими на эпические саги.

– С китайцами Чайка отработал идеально. Обычно операции готовят недели, а то и месяцы, но в Шанхае на каждом углу полиция или безопасность, работать почти так же сложно, как в Москве. Поэтому Чайка сказал, что сделает все без подготовки.

– И сделал?

– Он же один из великих! – не удержался от восклицания рассказчик. – Чайка «поплавок» в «балалайку» вставлял, когда о троице никто и не слышал!

– А это здесь при чем?

Однако недоуменный вопрос лохматого остался без ответа.

– Короче, все ждали, что парень будет искать толстый шнурок, а он заходит по поддельному пропуску в небоскреб «NDC», садится в лифт, нажимает кнопку последнего этажа и по дороге взламывает его.

– Лифт?

– Ну не кнопку же! – Рассказчик смаковал подробности.

Похоже, он не раз подумывал о том, чтобы самому стать ломщиком, распрощаться с обыденностью, стать вольным охотником, но… но постоянно находил причины этого не делать. – Все, что требовалось Чайке, – оказаться одному в лифте, и когда кабина добралась до верхушки небоскреба, он уже контролировал ситуацию. Переключил лифт на самую медленную скорость, вставил в «балалайку» «поплавок», поехал вниз и по дороге распотрошил внутреннюю сеть корпорации.

– Из лифта?

– Ага.

– И его не засекли?

– Пока они поняли, что их ломают, пока сообразили, что их ломают прямо из небоскреба, пока вычислили точку… Короче, Чайка выудил все секреты корпорации, вышел из лифта на последнем подвальном этаже, где его ждали помощники, и ушел через канализацию. Скандал был чудовищным. Вскрылась связь «NDC» с китайцами…

«Все верно, – отметил про себя Шмейхель. – Как ни странно, все верно, от первого до последнего слова. Ни одной лживой детали, рассказано как есть, а потому – абсолютно неинтересно. Публике нужен герой, а не сухие факты».

Которые заключались в том, что результатом той атаки стало уничтожение целой корпорации – редчайший случай в истории Анклавов. И последний. Выдающиеся подвиги остались в прошлом, там же, где и великие. Странно, если вспомнить, что троица Сорок Два превращала любого заурядного ломщика в не знающего преград цифрового монстра. «Поплавок» в голову, еще несколько – в «раллер», кубик «синдина», наны – и твои возможности достигают уровня великих. Ломай самые защищенные серверы, извлекай на свет грязные делишки корпораций, становись героем… Не ломают. Не извлекают. Не становятся. То есть ломают, конечно, но все больше для пропитания. Подвигов же не стало. Ни один нынешний взлом нельзя поставить в ряд с деяниями легендарных ломщиков. Уж не потому ли, что все громкие свершения – результат конкурентных войн? Что корпорации обеспечивали великих необходимой поддержкой, натравливая их на своих врагов? А теперь, поняв угрозу такой политики, стали договариваться, а не воевать?

А заполучившие невиданные возможности ломщики тупеют, пересказывая друг другу чужие подвиги. Привыкают хулиганить. Не продумывают свои операции, как бывало прежде, а нагло крушат все, что попадется под руку.

Сеют хаос.

– Скучаешь?

Шмейхель видел приближающегося мужчину, знал, что тот идет к нему, однако вида не подал. Прикинулся задумавшимся и даже вздрогнул, услышав вопрос.

– Что?

– Ты – Шмейхель?

– Да.

– Алоиз Хан. – Мужчина опустился за столик. – Рад знакомству.

– Гм… наверное, я тоже.

– Еще не уверен?

– Посмотрим, во что оно выльется.

– Осторожен?

– Не без этого.

– Ну и правильно.

Шмейхель сделал глоток пива – машинисты особенно ценили «Весельную лодку» за то, что в ней подавали любые напитки, вплоть до абсента, – и без всякого стеснения оглядел собеседника.

Алоиз не походил на жителя Баварского султаната: прямые светлые волосы, серо-голубые глаза, волевой подбородок с маленькой ямочкой. Впрочем, рыжая шевелюра самого Шмейхеля тоже не имела ничего общего со смолистой порослью чистокровных подданных Махмуда V. Белая кожа и европеоидные черты сближали мужчин, а вот манерой держаться и одеваться они совсем не походили друг на друга. Шмейхель старался казаться натурой утонченной до аристократичности – шелковая сорочка, дорогой костюм и туфли из настоящей кожи. Жесты небрежные, расслабленные, некоторые могли бы назвать их томными. Брутальный Хан на его фоне выглядел примитивно: штаны из прочнейшей кевлайкры, черная футболка, короткая куртка «под кожу» и крепкие башмаки, а уж манеры…

– Я тоже осторожен, поэтому и жив до сих пор. – Алоиз взял из тарелки Шмейхеля колбаску, макнул в горчицу и откусил.

– Но иногда приходится рисковать, – обронил Шмейхель. – Чтобы не просто жить, а жить хорошо.

Замечание вызвало у Хана ухмылку:

– Возможно, я забегаю вперед, но ты, парень, мне нравишься. Ты не дурак.

Колбаску он доел, облизал испачканные жиром пальцы и сделал несколько больших глотков пива из принесенной официантом кружки.

– Еще раз спасибо, – вежливо отозвался Шмейхель. – Вас тоже рекомендовали как человека весьма не глупого. И сильного.

– Тебе нужен именно такой.

– Да.

– Я не спрашивал. – Алоиз отставил пиво, оглядел облизанные пальцы, остался недоволен увиденным и принялся насухо вытирать их салфеткой. – Поговорим о деле?

– Поговорим.

Алоиз Хан был человеком известным. Он руководил небольшим, плотно спаянным отрядом ветеранов Иностранного легиона, готовых открутить голову кому угодно – платили бы деньги. Делишки свои Хан предпочитал проворачивать за пределами Исламского Союза, а потому часто уезжал «в командировки», порой отсутствуя в султанате по нескольку месяцев. Неудобно, разумеется, зато у Европола никаких претензий. Однако теперь, похоже, перелетная жизнь Алоизу надоела, и он озаботился поисками достойного занятия поближе к дому.

Шмейхель же вынырнул из недр государственного научного комплекса имени Фадха аль-Джохара – одного из трех крупных научных центров Исламского Союза. Когда-то рыжий работал в нем машинистом, потом ушел на вольные хлеба, продолжая регулярно навещать комплекс в роли научного консультанта. Официально. А неофициально – обеспечивая запертых в стенах аль-Джохара машинистов «синдином». Однако в последнее время с бизнесом возникли серьезные проблемы: поставщика взял Европол, а руководство центра полностью сменило охрану. Шмейхель попытался наладить контакт с новыми защитниками аль-Джохара, выбрал пару подходящих ребят, но те решили не рисковать и отправили рыжего к Хану – «ему мы доверяем, а тебе – нет».

– Я просил Омара свести меня с тем, у кого есть «синдин».

– У меня будет «синдин».

– Согласитесь, Алоиз, что между «есть» и «будет» пролегает дистанция огромного размера.

– Весь твой размер, Шмейхель, это – я, – хладнокровно ответил Хан. – В новой охране комплекса полно моих камрадов по Иностранному легиону. Мы – друзья. Мы доверяем друг другу. Что это значит, спросишь ты? А значит это, Шмейхель, что без меня ты не сможешь пронести в аль-Джохар даже полдозы «синдина», даже, мать ее, четверть! А если попробуешь – я тебя придавлю.

– Спасибо.

– На здоровье. – Хан хлебнул пива, вытер губы тыльной стороной ладони и дружелюбно продолжил: – Я все понимаю, Шмейхель. Я говорил с Омаром, с другими ребятами и понял, что машинисты тебе верят. Работать с нами они не станут, хотя…

если прижмет – станут. Наркоманы непоследовательны в привязанностях, липнут к любому, кто распределяет дозы, но я не хочу рисковать. Я контролирую мышеловку, а ты – мышей. Мы нужны друг другу.

Предложение высказано открытым текстом, вполне в духе ветерана Иностранного легиона, и крыть Шмейхелю нечем. Все правильно, все так: исчезни он с горизонта, приятели его помучаются-помучаются, но рано или поздно примут предложение другого продавца. Наркоманы, шприц им в половые органы, что с них взять?

– Хочешь или нет, но нам придется работать вместе.

– Да уж, нашему знакомству можно только порадоваться.

– Зато мы честны друг с другом.

Шмейхель потянул свое пиво, лениво ткнул вилкой оставшуюся колбаску, после чего, не глядя на собеседника, произнес:

– До того как началась свистопляска с поставщиком и охраной, я подумывал о расширении бизнеса.

– Что ты имеешь в виду?

– Мои клиенты зарабатывают не так много, как бы им хотелось. Им жалко тратить на «синдин» деньги, зато они готовы наладить бартер.

– Какой?

– «Поплавки».

– Опасный товар, – протянул Хан.

– Не менее опасный, чем «синдин».

– Твои ребята делают их в центре? – хмыкнул Алоиз. – Молодцы…

Шмейхель понял, что наемник тянет время, торопливо обдумывая неожиданное предложение.

– Официально считается, что у нас нет оборудования для производства «поплавков».

– А неофициально?

– А еще нам официально запрещено употреблять «синдин».

– Понимаю. – Хан почесал затылок. – Времена, когда «поплавки» стоили миллионы, прошли, теперь их делают едва ли не на каждом углу.

– Ты знаешь, что это не так, – усмехнулся Шмейхель. Он уже понял, что Хан прям, как пулеметный ствол, и тоже решил перейти на «ты». – Делают процессоры не на каждом углу, и цена у них до сих пор привлекательная. Сорок-пятьдесят тысяч юаней за чип – вполне нормальные деньги, учитывая норму прибыли, которую ты будешь иметь.

– Норма прибыли будет невысокой. Я не собираюсь выходить

на конечных пользователей.

– Почему?

– Потому что за «синдин» меня убьют сразу, а за «поплавки» будут долго мучить, требуя доказать, что я не связан с Сорок Два, – рассудительно объяснил Хан. – Наркотики – это риск, «синдин» – двойной риск, но «поплавки» – это уже политика. Мои люди не захотят связываться с террористами.

– При чем здесь террористы?

– Укоренившееся понятие. Во всех средствах массовой информации Сорок Два намертво связан с террором. А мои люди – нормальные обыватели и не хотят лишних проблем.

На первый взгляд могло показаться, что Алоиз отказывается, однако Шмейхель прекрасно понял смысл выступления: жадный наемник интересовался нормой прибыли.

– Насколько я понимаю, твои люди с пониманием отнесутся к любому занятию, если применить доходчивые стимулирующие средства.

– Почем ты сможешь отдавать процессоры?

– По двадцать.

– Не меньше десяти штук в неделю, – быстро ответил Алоиз. Судя по всему, он уже успел просчитать приемлемый оборот.

– Я знал, что мы договоримся, – улыбнулся Шмейхель.

– Тебе следует работать биржевым предсказателем.

Хан сделал движение правой рукой, словно начал ее протягивать, но тут же убрал, услышав слова собеседника:

– Остался последний вопрос, который мы должны проработать прежде, чем пожмем друг другу руки.

– Я слушаю, – насторожился наемник.

– Я хочу присутствовать на переговорах с поставщиком «синдина».

Алоиз откинулся на спинку стула и прищурился:

– Зачем?

Серо-голубые глаза стали холодными-холодными. Предложение, мягко говоря, не вызвало понимания.

– Времена сейчас трудные, – спокойно объяснил Шмейхель. – Я потерял поставщика и оказался в дурацком положении. Я не хочу повторения ситуации. Ты серьезный человек и занимаешься опасным делом, ты должен понимать, что у тебя могут случиться крупные неприятности, и я не хочу, чтобы твои неприятности разрушили мой бизнес.

– Звучит разумно, – после короткой паузы признал Хан.

– Спасибо.

– Но…

– Ты контролируешь охрану комплекса, я не смогу тебя

кинуть при всем желании, – напомнил Шмейхель. – Почему бы тебе не проявить чуть-чуть доверия, партнер?

– Доверия… – Алоиз жестко усмехнулся, несколько секунд, не мигая, смотрел на Шмейхеля, но все-таки согласился: – Ты получишь свое доверие, партнер, много доверия. Но, не дай бог, ты его не оправдаешь.

– За меня тебе краснеть не придется, – пообещал Шмейхель.

* * *

Анклав: Москва
Территория: Сити
«Пирамидом»
Скелетам нравится выглядывать из шкафа

– Шестнадцать убитых! Три десятка раненых! Двое умерли в госпитале! – Мишенька яростно посмотрел на притихших офицеров. – Это натворил один-единственный мерзавец с «поплавком» в башке. – Пауза. – Почему мы его не поймали?

Щеглову редко, очень и очень редко отказывала обычная невозмутимость. Должно было произойти нечто действительно неординарное, выходящее за рамки, что-нибудь вроде бойни, случившейся на границе Сити и Болота. Жестокий расстрел невинных граждан взбудоражил общество. Все, абсолютно все: и каперы, и обитатели трущоб, почувствовали себя беззащитными. Как можно спать спокойно, если обколотый «синдином» псих способен заполучить контроль над мощным оружием? Все требовали действий. Каких? Они не знали и даже не задумывались над этим вопросом. Есть люди, которым платят, – есть СБА, вот пусть они и думают. Верните нам безопасность!

Утром Кауфман выступил с обращением, пообещав «впредь не допустить». Общество притихло – Мертвому верили. Шум пошел на спад. Мишеньке же, судя по всему, и было велено «не допускать». Вот он и злился, потому что предотвратить подобные случаи можно только одним способом…

– «Ревуны» стационарных постов отключены. То есть до тех пор, пока наше продвинутое Управление коммуникаций не отыщет способ надежно защитить оружие от тритонов Сорок Два, безы останутся без самого мощного прикрытия. – Возглавляющий Управление Сергей Строганов уныло кивнул. – А если не отыщут, нам придется демонтировать автоматическое оружие.

Среди офицеров прокатился недовольный гул. Помимо связистов и дознавателей в совещании принимали участие представители Управления общественной безопасности – идея

Щеглова им весьма не понравилась.

– Что будем делать в случае бунта?

– Ручным оружием не удержим.

– В чем смысл демонтажа?

– Вытащить один блок и сунуть в сейф! А в случае опасности…

– Кто поручится, что в случае опасности «ревуны» будут стрелять по бунтовщикам, а не в безов? – жестко поинтересовался Мишенька. – Вы думаете, что тритоны не примут участия в массовых беспорядках? Примут. В первых рядах пойдут. И кто гарантирует, что мы удержим под контролем собственное оружие?

– Черт!

– Кто гарантирует?

Взгляды офицеров обратились на Строганова.

– Мы работаем над усовершенствованием защиты, – пробубнил Сергей. – Еще дней пять, максимум – неделя, и программы будут готовы. Но в системы придется ставить «поплавки».

Предложение дорогое, но, похоже, другого выхода не оставалось.

Безопасники заметно расслабились: обстановка в Анклаве спокойная, неделю можно посидеть и без тяжелых «ревунов».

– А что будем делать с π-вирусом? – осведомился Мишенька.

– Мы в тупике, – развел руками Строганов.

Собственно, как и весь мир. «Поплавки» стали невидимыми, а значит, тритоны могут пройти куда угодно. Влезть в любую сеть. Сдерживать их можно только с помощью тех же сверхмощных процессоров – «поплавков». Их производят все больше, соответственно, их чаще воруют. Они попадают на «черный» рынок и оказываются в головах уличных бандитов. Замкнутый круг.

– Мои ребята день и ночь чистят наноскопы. Собственно, только этим и занимаемся.

Программисты пытаются найти противоядие, пытаются хотя бы научиться маркировать вирус, чтобы видеть, что наноскоп сдох, но тщетно.

– Против π-вируса мы бессильны.

Пауза.

– Таким образом, господа, легко в ближайшее время не будет, – подытожил Щеглов. – Но общество требует действий, и мы должны действовать. – Тон стал жестким. – Дознавателям отработать связи устроивших бойню ублюдков. Затем спецназ проведет рейды. Жестокие рейды. Все понятно?

Квадратные стекла очков холодно блеснули. Тяжелый взгляд, твердо сжатые губы, тон… На мгновение офицерам показалось, что перед ними стоит сам Кауфман.

– Да.

– Да.

– Я хочу, чтобы уже завтра вечером вы пустили кровь. Нам нужны положительные заголовки новостей.

Формально Щеглов оставался главой Управления дознаний, однако теперь он являлся еще и первым заместителем Мертвого, а потому имел право отдавать распоряжения начальникам других Управлений.

– Послезавтра утром отчет будет принимать доктор Кауфман. Совещание окончено.

Раньше Щеглов занялся бы проблемой лично: отыскал тех, кто продал ублюдку «поплавок», и устроил показательную порку. Однако теперь времени на рутину не оставалось: все силы Мишенька отдавал созданному внутри Управления дознаний центру, который фактически являлся контрразведкой Станции. Вся мощь созданного Кауфманом и Щегловым аппарата работала на обеспечение безопасности далекого северного строительства. Вся сеть агентов и осведомителей, которой москвичи многие годы опутывали земной шар, вынюхивала и высматривала любую угрожающую Станции опасность. Секретные сотрудники работали в государственных учреждениях, в поселениях вокруг Станции, в Кайфограде, на самой Станции и даже среди офицеров Слоновски. Мишенька верил Грегу как себе, но терять контроль над происходящим не собирался. Как он однажды выразился: «Только чтение перекрестных доносов позволяет правильно понять происходящее, не покидая кабинет».

– Поговорим?

Строганов даже со стула не поднимался, кивнул своим связистам: «Идите», а сам остался.

Ожидаемо.

– Поговорим. – Щеглов демонстративно покинул кресло во главе стола и расположился напротив Сергея. – Оружие защитишь?

– Гарантирую.

– Вот и хорошо. – Чрезмерно давить на связиста Мишенька не собирался. – Все знают, что у тебя получится: и я, и доктор Кауфман. А за вирус к тебе претензий нет, эта дрянь весь шарик на уши поставила.

– Как раз о нем я и хотел поговорить.

– Есть подвижки в противоядии? – быстро спросил Щеглов.

– Нет.

– Тогда что?

Строганов посмотрел в холодные, как сталь, глаза Мишеньки, прищурился и криво улыбнулся:

– Я уверен, что подвижек не будет.

– С π-вирусом борются лучшие программисты планеты, – напомнил Щеглов. – Тысячи фанатиков и сотни групп, которые работают в тесном взаимодействии. Корпорации понимают опасность вируса и взялись за него по-настоящему.

– Они уже должны были его победить.

– Сорок Два постоянно обновляет свою отраву.

– Нет, – качнул головой Строганов.

Он был похож на школьника, осмеливающегося спорить с директором, но не отступал, гнул свою линию.

– Ну, я не знаю, как это у вас правильно называется, – улыбнулся Щеглов. – Пусть не обновляет, а, к примеру, апгрейдит.

– Дело не в терминах. – Строганов потер ладони, замер, сжав их вместе, негромко продолжил: – Я много времени уделил π-вирусу. И не только как начальник Управления коммуникаций.

– Я помню, что ты отличный программист.

Один из лучших. Собственно, Мертвый всегда делал ставку на профессионалов. Строганов блестяще окончил Университет, прекрасно зарекомендовал себя в «Науком» и получил весьма лестное и очень щедрое предложение от Кауфмана. Сергей сразу пришел на пост начальника Управления – редчайший для СБА случай.

– Я разобрал π-вирус настолько, насколько смог. Некоторые его элементы вызывают у меня недоумение, некоторые – зависть. Но вот что я хотел сказать… – Строганов вздохнул: – У меня есть ощущение, что π-вирус – самообучающаяся программа.

– Искусственный интеллект?

– В том смысле, который мы вкладываем в это понятие, – нет. Но на своем уровне – да. Вирус очень компактный, но при этом – очень умный. Он поражает только нано-скопы и уклоняется от всех ловушек. Я думаю, что при появлении новых охотничьих программ π-вирус не обновляется, а мутирует.

– Доказательства?

– Я не настолько хорошо в нем разобрался. Есть только ощущения.

– Дела… – Мишенька поднялся и прошелся по комнате. Остановился перед выключенным коммуникатором и хмыкнул: – То есть мы обречены жить с π-вирусом вечно?

– Получается.

– А можно создать самообучающийся антивирус?

– Тот, кто его придумает, станет миллионером.

– Миллиардером, – машинально поправил Строганова Щеглов. – За голову π-вируса СБА предлагает миллиард.

– Гении нечасто работают за деньги, – обронил Сергей.

И если бы начальник Управления коммуникаций смотрел в этот момент на Мишеньку, то наверняка заметил бы холодный огонек, блеснувший в глазах первого заместителя Кауфмана.

– Что ты имеешь в виду?

Голос Щеглова остался спокоен.

– Вирус написал гений.

– Уверен, Сорок Два с тобой согласится.

– Нет, не согласится… – Строганов помялся. – Понимаешь, занимаясь π-вирусом, я провел серьезный анализ других программ Сорок Два. Не только современных. Я начал с тех, что он писал раньше, я изучал программы, которые гарантировано принадлежат Сорок Два, я пытался понять его и обнаружил… – Вот теперь Сергей посмотрел на Щеглова: – Смеяться не будешь?

– Ты – наш лучший машинист, – предельно серьезно ответил Мишенька. – Ты разбираешься в сети лучше, чем кто-либо в Анклаве. Я доверяю твоему мнению и, разумеется, не стану его высмеивать. У меня образования не хватит.

– Дело вот в чем… – Похоже, Строганову удалось справиться со смущением, он начал говорить быстрее и увереннее: – Современные программы очень сложны. В них много элементов, которые нужно связать оптимальным образом.

– Это я понимаю.

– Но элементов много, а потому способов связать их – еще больше.

– Даже оптимально?

– Да, даже оптимально. Идеал недостижим, одна связка улучшает одни параметры, другая – другие. В общем, это не важно. Важно то, что можно говорить о почерке автора программы. Как он обходит трудные места. Не на какой параметр ориентируется, а как он добивается нужного результата. Как он связывает элементы.

– Фирменные приемы?

– Вроде того. Я проанализировал работы, что Сорок Два распространяет в сети, и уловил некоторые характерные черты, которые позволяют говорить… или предполагать, что… – Сергей вновь сбился. – Одним словом, есть ощущение, что…

– Что программы написаны одним человеком? – помог Строганову Мишенька.

– Только самые сложные из них. И вирус, разумеется. Самые сложные программы тритонов написаны одним и тем же

человеком, с очень характерным почерком.

– Мы знаем, что Сорок Два отличный машинист. В чем проблема?

– В том, что программы писал не Сорок Два.

– Не понял. – Щеглов ошарашенно посмотрел на связиста.

– Что тут можно не понять? – Выпалив свое главное подозрение, Строганов окончательно успокоился. – Я сравнил нынешние программы со старыми разработками Сорок Два и не увидел общих черт. Прежние программы Сорок Два хороши, но не дотягивают до грани гениальности. А π-вирус шагнул за нее. И некоторые другие программы – тоже. Я считаю, что Сорок Два не имеет отношения к их написанию. Это не его стиль, не его почерк, не его, черт побери, уровень!

– Сорок Два изменился, – возразил пришедший в себя Щеглов. – Ты правильно сказал: раньше он был обычным нейкистом, а теперь этот урод – чертов пророк. В конце концов, он придумал троицу!

– Среди тех программ, что появляются сейчас, есть его работы, – твердо произнес Строганов. – Я могу их назвать. Я их вижу. Но π-вирус писал не Сорок Два!

– Пусть так, – подумав, согласился Мишенька. – Значит, наш приятель-террорист завел толкового и не амбициозного помощника. Тот создает гениальные программы, а Сорок Два выдает их за свои.

Сергей нервно дернул плечом. Судя по всему, он собирался сказать нечто столь же неожиданное, что и пару минут назад.

«Нет, – поправил себя Щеглов. – Нечто еще более странное. Нечто такое, во что ему самому верится с большим трудом».

– Я понимаю, что говорю о вещах, которые трудно, практически невозможно доказать, – медленно протянул Строганов. – Авторство компьютерной программы… Цифровой почерк… Но я почти уверен, что основные программы Сорок Два, а главное – π-вирус, написаны Чайкой.

У Мишеньки хватило самообладания не сопроводить услышанное удивленным возгласом.

Он снял очки, неторопливо протер линзы извлеченной из кармана салфеткой, водрузил очки на место и тихо произнес:

– Чайка погиб.

– Я знаю, – кивнул Строганов. – Но я говорю как человек, проанализировавший программы Сорок Два и Чайки. И готов поставить на кон свою репутацию: π-вирус написал Чайка.

* * *

Территория: Африка

Горнодобывающий полигон «Всемирной рудной компании»

Кодовое обозначение – «Африка»

Если вдуматься, преисподняя – тоже пригодное для обитания место

Гром?

Нет.

Барабаны?

Нет.

Тогда что?

«Дерьмо – вот что! Самое настоящее дерьмо».

– Подъем, придурки! Хватит яйца массировать, работать пора! Подъем!

Офицер Ушенко презирал сирену или свисток. Палка – вот главное орудие надзирателя. В пять утра начинал долбить по решеткам камер, вызывая неимоверный, бьющий по самому мозгу грохот, к которому Илья так и не смог привыкнуть.

– Шевелите задницами, шлюхи! Быстро! Быстро!

«Дерьмо!»

Плохо, когда день начинается с такой мысли. Но что делать, если мысль эта правильная – впереди еще один дерьмовый день.

– Быстрее, подонки! Или кто-то хочет в карцер?

Нет уж, лучше жить в камере. Три на три метра, двухъярусные нары, толчок и грязная раковина. Из крана течет вечно ржавая вода.

Африка, мать ее.

Дерьмо!

Едва услышал грохот, нужно вскочить и метнуться в «санитарный угол», демонстрируя, что не терпится отлить, дабы быстрее приступить к работе. Сегодня к толчку первым успел Араб, поэтому пришлось чистить зубы. Таковы правила: время попусту не тратить, пока один облегчается, второй умывается. Если офицер Ушенко заметит, что ты брезгуешь полоскать рот под пердеж соседа, карцера не избежать.

– Кто там еще спит? Подъем!

Вместо зеркала – намертво вмурованный в стену кусок полированного металла. Изображение хреновое, бриться приходиться на ощупь, зато отчетливо виден вытатуированный на лбу номер: «0286». Африканский, мать его, ценник.

Дерьмо!

В обычных тюрьмах заключенным вставляли местные чипы, за перемещением и поведением следили с помощью компьютера, а вот в Африке такой ерундой не заморачивались. Чипов нет никаких, вместо них в «гнезде» заглушка, а на лбу – номер. И на

бритом затылке номер, чтобы господа надзиратели узнавали заключенного со спины, а еще на груди, руках и ногах. Илья не удержался, спросил – зачем? К его удивлению, татуировщик ответил:

«После бунтов не всех заключенных находят целыми. А быть правильно опознанным и похороненным под своим именем – твое законное право».

«А как же анализ ДНК?»

«Да кому вы нах нужны с вашей дээнкой возиться?»

Африка, мать ее перемать, Африка!

– Эй, педики, хватит ласкать друг дружку. Строиться!

Решетки съехали вправо, и одинаковые, как клонированные мыши, заключенные торопливо соорудили в коридоре шеренгу.

– Улыбайтесь, шлюхи, улыбайтесь! Терпеть не могу видеть по утрам кислые рожи.

Офицер Ушенко прошелся вдоль строя.

– Похоже, жена ему опять не дала, – едва слышно прошелестел Араб.

Но недостаточно тихо.

– Я что, разрешал открывать пасть?

– Никак нет!

Поздно. Дубинка влетела в зубы, аккурат в открытый рот. Следующий удар – в живот. Араб повалился на пол. Ушенко добавил дважды по спине, после чего перевел взгляд на Илью.

– Чего трясешься, урод?

– От страха, господин офицер Ушенко, – заученно отрапортовал Илья.

Любой другой ответ отправил бы его в лазарет.

– Оттащишь придурка к врачу, – распорядился надзиратель. – Остальные – налево и жрать.

Заключенные повернулись и, переступая через Араба, двинули в столовую.

Африка, мать ее.

Дерьмо!

Это Африка. Не та Африка, которая континент, и не та, что красуется на постерах знаменитой поп-группы из Анклава Кейптаун. Это – Африка, сленговое название самой страшной тюрьмы планеты, кошмарный сон всех преступников. Официально тюрьма называлась иначе: «Исправительное учреждение № 123 центрального филиала СБА. Арендодатель – «Всемирная рудная компания». Красиво? Не то слово как. Самые современные способы охраны и самые примитивные работы. Каторга, где все оставалось таким же, как и сотни лет назад. Каменоломни. Это –

Африка. Она создана не для того, чтобы перевоспитывать, а чтобы убивать. Она задумывалась как самое жуткое место Земли, и она таким стала.

Это – Африка.

Отсюда не возвращались. Нет, не так: возвращались, конечно. Отмотавшие срок «счастливчики» инвалидами уезжали в родные пенаты. Без надежд, без будущего, без настоящего. У тех, кто прошел Африку, сил оставалось только на то, чтобы нищенствовать.

– Как Араб? – осведомился Пьеро.

– Неделя, – коротко ответил Илья.

Сотрясение мозга, сломаны два ребра, и это – не считая выбитых зубов. Офицер Ушенко гордился тем, что обращается с дубинкой гораздо лучше другого заместителя директора – офицера Тэтчер. Их негласное состязание отправило в лазарет не один десяток заключенных.

– Легко отделался, – авторитетно заявил Апельсин.

– Угу.

Когда-то Илья относился к избиениям соседей по камере философски и даже с облегчением: хорошо, что его, а не меня. Исчез на неделю – отлично, никто не портит воздух и не храпит. Теперь же молодой человек все чаще испытывал глухую злобу, ненависть к тем, кто может безнаказанно ударить и даже – убить. Каждую выходку Ушенко Илья воспринимал как личное оскорбление. Вот и думай: то ли изменился, то ли инстинкт самосохранения начал отказывать. Неизвестно еще, что хуже.

– Смотри, как Пилсуцки на тебя таращится.

– Да и хрен с ним.

– Его хрен всегда с ним.

– Вот пусть его и поглаживает.

Единственное преимущество Африки перед другими тюрьмами заключалось в раздельном «проживании». Бандиты обитали в одном блоке, мошенники и воры – в другом, ломщики – в третьем. Виделись только в столовой, однако и в ней столы разделялись решетками.

Африка, она для каждого своя, мать ее.

– Говорят, Пилсуцки обещал до тебя добраться.

– Неужели?

– Ага.

– Занятно.

Илья повернулся и сразу же уперся взглядом в маленькие глазки Пилсуцки. Тупой громила, загремевший в Африку за шесть убийств (только доказанные случаи), вбил себе в голову, что в

тюряге тайно изготавливают «синдин». Илью же он почитал за главного химика и давно обещал «размять ему задницу».

– Чего смотришь?

Пилсуцки ощерился и смял ложку, демонстрируя, как он поступит с наглым щенком. В ответ увидел выставленный средний палец.

Вот и пообщались.

После завтрака вновь построение в шеренгу, пересчет – вдруг, кто кашей подавился да лежит под столом с заточкой в пузе? – и поход на работу. В длинный двухэтажный барак, что позади административного здания, аккурат у стены. Широкий коридор, налево-направо двери комнат. Обычные двери, не решетки, только окошки для надзирателей.

– 0286!

Нужно остановиться, повернуться и упереться лбом в стену. Дождаться лязга ключей и скрипа.

– Вперед!

Комната больше камеры – четыре метра на пять. Стол, удобное кресло, мощный коммуникатор и много-много электронного барахла.

За спиной скрипит закрывающаяся дверь.

«Ну вот, Чайка, ты и дома».

* * *

Анклав: Москва
Территория: Болото
Клуб «Стоп-кран»
Смех, сюрпризы, разговоры и снова смех

– За Пэт!

– За бакалавра Пэт!

– За магистра!

– А я думал…

– Пей и ни о чем не думай!

Шум, гам, радостные вопли, музыка, тосты…

«Стоп-кран» считался одним из самых респектабельных и безопасных клубов Болота и, соответственно, самым дорогим. Правда, сторонники «Девяток» утверждали, что платят за дзен-коктейль на три юаня больше, чем в «Стопе», однако верилось в их рассказы с трудом – куда уж дороже? К тому же подавать дзен-коктейли еще не начали – вечеринку открыли шампанским. Бутылки повсюду, льда навалом, а главное – никаких посторонних. Респектабельный клуб захвачен молодежью:

студентами и бывшими студентами, байкерами и шалопаями, всеми, кто был рядом с Пэт три последних года.

– Поздравляю! – Матильда поцеловала подругу в щеку. – Ты молодец!

– Магистр! – Рус последовал примеру Матильды. – Круто.

А за ними – толпа «свамперов», отчаянных мотоциклистов, с которыми Патриция не раз и не два ставила на уши ночную Москву.

– Вина?

– За тем и пришли!

– Пиво есть?

– Клуб в нашем распоряжении, так что не стесняйтесь!

Приглашающий жест был поддержан со сцены: ребята из самой модной в этом году группы «Нанодевальвация» взяли первый аккорд.

– Отличная вечеринка, Кирилл…

– Спасибо.

– Ты знаешь, как сильно я люблю шумные праздники, а потому могу оценить… Я рассказывала о карнавале, который устроил в мою честь один поклонник? Конечно, это было довольно давно, но тем не менее получилось совсем неплохо…

Ни шум, ни смех, ни музыка Мамаше Даше не мешали. Она крепко вцепилась в локоть Грязнова и трещала с такой скоростью, что вклиниться между вагончиками слов не было никакой возможности. Задавая вопросы, Мамаша не интересовалась ответами, а чувствуя, что тема иссякает, мгновенно перекидывалась на другую, иногда – никак не связанную с предыдущей.

– Кирилл, как ты относишься к Русу? Нет, я знаю, что ты его ценишь, но тебя не смущает его дружба с Матильдой? Я так беспокоюсь за девочку – в ее возрасте легко совершаются самые разные глупости.

– Матильда…

– Конечно, Матильда весьма осмотрительна, но ведь она практически живет у Руса, тебе не кажется, что им рано так поступать?

– …следует…

– Или пусть играют свадьбу. Кирилл, как ты думаешь, Рус достаточно приличная партия для такой девочки, как Матильда?

– …своему сердцу.

– Я сама была молодой и знаю, где сейчас находится ее сердце. Нет, я не жалуюсь, я с удовольствием согласилась приглядывать за племянницей, но это очень тяжело. Думаю, если

бы ее мать, пусть земля ей будет пухом, была бы жива, она беспокоилась бы меньше, чем я. Это такая ответственность! Кирилл…

Грязнов наклонился и очень внимательно посмотрел Мамаше Даше в глаза:

– Разве ты не видишь?

Женщина вздрогнула, замолчала, после чего честно, а главное, совершенно другим – серьезным и немного грустным тоном ответила:

– Я не вижу никого из них, ни Матильду, ни Патрицию. Хотя почти каждый день пытаюсь заглянуть в их будущее.

– В таком случае нам остается надеяться на лучшее. – Грязнов улыбнулся и подвел Мамашу к столику: – Ребята, я вижу, вам скучно…

Филя и Олово кисло заулыбались.

– Твой отец? – осведомился Стен, разглядывая Кирилла.

– Ага.

Правая рука парня покоится на талии Пэт, в левой зажат бокал. Стен прилип к девушке пару танцев назад – плотный, приятно пахнущий, очень уверенный в себе и умеющий раскочегарить веселье до наивысшей отметки. Отличный клубный спутник.

– Круто выглядит.

– Я знаю.

Первый взгляд на Кирилла вызывал в памяти образ деревенского увальня из анекдотов и сказок: высокий рост, широкие плечи, светлые, очень коротко остриженные волосы, круглое лицо с большим носом и губами, большие серые глаза… сонные? И тут находилось первое и самое главное отличие от персонажа анекдотов – не сонные глаза, а спокойные, внимательные. Умные. И люди, попавшие под ненавязчивое обаяние взгляда, уже совсем иначе воспринимали яркие мелочи, которых хватало в образе Грязнова: пятнадцатисантиметровую косичку на затылке, в которую была вплетена черная веревочка, золотую серьгу в левом ухе, и черные руны, что украшали тыльные стороны ладоней. Мелочи переставали казаться незначительными, наполнялись мистическим смыслом, окутывая Кирилла ореолом тайны.

– А правду говорят, что он знает всех московских верхолазов?

«Просто вопрос для поддержания разговора или…»

– Правда, – кивнула Пэт. – Отец знает всех.

– Здорово!

У Стена вспыхнули глаза. Девушке стало скучно.

Еще один искатель выгодной партии. Липнут, как мухи на мед, испытывая настоящее возбуждение только при мыслях о связях Кирилла. Обвинять их глупо – мир слишком жесток, каждый ищет возможность зацепиться за хорошее место, но… Но где же душа? Прячется в папашином богатстве?

«А есть ли в этом мире ключ?»

– Какие планы на вечер?

– Пока я здесь.

– А потом? – с нажимом спросил Стен.

– Потом я отсюда уеду, – пожала плечами девушка.

– Ого! Вся семья в сборе, – удивленно произнес Рус, заметив за дальним столиком Мамашу Дашу.

Тетушка Матильды нарядилась по обыкновению ярко: цветастое платье, кричащая бижутерия – связки здоровенных браслетов на руках, массивные серьги и непременная шляпка. Сегодня голову Мамаши Даши украшало нечто «современное», типа продвинутое, но странное – конструкция походила на творение абстракциониста, которому приснился сплющенный противогаз.

– Чему ты удивляешься? – Матильда отставила пустой бокал, а проходящий мимо официант немедленно предложил другой – полный шампанского. – Тетя – близкая подруга Кирилла, хорошо знает Пэт, и в том, что ее пригласили…

– Я думал, здесь вечеринка для молодежи.

– Здесь просто вечеринка, на которую собрались те, кому дорога Пэт.

– Гм… пожалуй.

Мамаша Даша привычно шумела – не ругалась, разумеется, а громко говорила, сопровождая речь обильным количеством жестов и не позволяя себя перебивать. Соседи по столику «благодарно» внимали: Филя тоскливо, Олово – с традиционной невозмутимостью.

– Давно хотел спросить… – Рус взялся за сигареты. – Почему Таратута всегда такой… – Молодой человек пошевелил пальцами, пытаясь выбрать подходящее, но не очень обидное определение. – Такой неряшливый?

– Старый костюм?

– Старый костюм, старая машина, старый портфель… – Рус не был франтом, большую часть жизни проводил в промасленной спецовке, однако, снимая ее, старался выглядеть опрятно. – Насколько я понимаю, Кирилл не самый прижимистый в мире хозяин.

– Кирилл платит отлично, – подтвердила Матильда. – Деньги

у Фили есть.

– Тогда в чем дело?

– Филе так удобно.

– Э-э… – Рус недоуменно посмотрел на девушку: – Ему удобно?

– Филя – неряха, – с улыбкой объяснила Матильда. – Его не переделать.

– Но ведь он ведет для Кирилла серьезные дела!

– Ага.

– И?

– Что «и»?

– Ну… – В представлении Руса люди, которые проявляли интерес только к сделкам от полумиллиона и выше, выглядели иначе. Совсем не похоже на шустрого, без конца вворачивающего латинские изречения Таратуту. Даже уголовники, которых довелось повидать парню, старались нарядиться «богато», продемонстрировать свой вес наиболее доступным способом. – Не зря ведь говорят, что по одежке встречают.

– Люди умные понимают, кто такой Филя, или догадываются в самом начале разговора. А дураков навещает Олово и объясняет, что Филя – не клоун.

Говорливая Мамаша окончательно утомила собеседников. Таратута куда-то исчез, а Олово размяк. Подпер голову рукой и с трудом держал глаза открытыми – маленький слуга отчаянно боролся со сном. Впрочем, Мамашу Дашу это не смущало – разгоряченная шампанским женщина продолжала трещать, не обращая никакого внимания на состояние слушателя.

– Олово ведь не просто слуга, так?

Взаимоотношения внутри этой компании до сих пор оставались для Руса загадкой. Кирилл – известный антиквар, богач, человек, которого стороной обходят все московские уголовники, почему он живет на Болоте? Вхож в дом почти всех верхолазов, а на торжество пригласил соседку-гадалку. Вкладывает миллионы в различные проекты, а обходится помощью одного-единственного слуги. А когда тот куда-то уезжает, сам готовит себе еду.

– Почему ты спросил? – тихо поинтересовалась Матильда.

– Мы с тобой вместе. – Рус прикоснулся к ее руке. – Я надеюсь, мы вместе надолго. А Кирилл считает тебя… наверное…

– Членом семьи, – спокойно произнесла девушка.

– Он заботится о тебе.

– Да.

– Отца у тебя нет, получается, рано или поздно мне придется говорить с Кириллом, вот я и хочу знать о нем больше.

Матильда улыбнулась. Пригубила вино и задумчиво ответила на жест Руса – тоже провела пальцем по его руке.

– У Кирилла нет «просто» друзей, «просто» слуг, «просто» помощников. Все люди, которые оказываются рядом, становятся ему близки. И он долго, очень долго тянул нас вперед.

– Тянул?

– Скоро его сменит другой человек.

Рус тряхнул головой:

– Я не понимаю…

– И не надо. – Матильда потянулась и быстро поцеловала друга в губы. – Обо мне тебе все равно придется говорить с ним.

– Хотел бы я так же – за три года в магистры!

– Деньги заплатила, вот экзамены и проставили.

– В Универе денег не берут. Да и смысла нет торопиться…

– Я с Пэт экономическое право сдавал – она лучше профессора предмет знает!

– Тебе придется все шесть пахать! И хорошо еще, если диплом защитишь!

– Не глупее некоторых!

– Патриция! За тебя!

Но возглас потонул в шуме. Слева смеются, справа шепчутся, в конце стойки страстно целуются. «Нанодевальвация» давит на уши самым новым хитом, извиваются на сцене потные музыканты, собственным примером горяча тех, кто выбрал танцпол. Самый большой зал «Стоп-крана» забит под завязку, кое-где над головами уже мелькают сдернутые блузки. Градус веселья поднимается с каждой секундой.

– Или сейчас, или завтра, – улыбнулся администратор, протягивая Кириллу микрофон. – Поверьте, я знаю, что говорю.

Администратор провел немало вечеринок и видел, что публика на грани – скоро, очень скоро начнется развеселый хаос.

– В таком случае – сейчас.

– Отлично!

Хит закончился, однако взявшиеся за следующую песню музыканты с удивлением обнаружили, что их отключили. В зале заулюлюкали.

– Что случилось?!

– Музыку!!

– Почините музыку!!

– Ребята! – Администратор выкатился на сцену. – Пара слов от организатора вечера! Пара слов, и праздник продолжится!

– Только быстрее!

– Аплодисменты спонсору!

– А пиво и дальше будет бесплатным?

– А шампанское?

– А можно что покрепче?

Развеселый молодняк, которому только предстоит попробовать жизнь на вкус. И среди них – Пэт, раскрасневшаяся, позабывшая обо всем на свете, счастливая.

Улыбающийся Кирилл остановился в правом углу, музыканты отошли левее, и шестеро пыхтящих служителей выкатили на сцену платформу, закрытую тентом из плотной ткани.

– Господа! – Оператор вывел микрофон на полную мощность, а потому голос Грязнова достиг самых дальних уголков «Стоп-крана». – Господа, я человек пожилой, мне пора уходить, но клуб останется в вашем распоряжении до утра.

– Ура спонсору!

– Поставьте ему памятник!

– Музыку! Верните музыку!

– Мы вас любим!

– А кто это?

– Не знаю!

– Папаша Пэт!

– Пэт – отличная девчонка!

– Она уже магистр!

В конце стойки страстно целовались.

Кирилл поднял руку, призывая народ к тишине, и продолжил:

– Напоследок я хочу сказать, что сегодня большой день не только для моей дочери, но и для меня. Я горжусь своей девочкой… Патриция? – Прожектор выхватил стоящую рядом со сценой Пэт. – Патриция, возможно, когда-то я не был хорошим отцом, но, как мне кажется, я исправился…

– Вы лучший!

– Ура!

– Верните музыку!

– Я хочу сказать, что мне повезло. У меня есть ты: замечательная, умная, красивая… Когда я смотрю на тебя, то понимаю, что ты справишься с чем угодно. Когда я смотрю на тебя, я понимаю, что прожил жизнь не зря. Ты делаешь меня счастливым, дочь, только тем, что ты есть. И все, что я могу, – дарить тебе маленькие забавные подарки.

Ткань соскользнула, открыв пронзительно желтый «Ламборджини». По залу прокатился удивленный вздох.

– Папа!

Пэт бросилась Кириллу на шею.

* * *

Анклав: Франкфурт
Территория: Zwielichtsviertel
Клуб виртуальных игр «Эверест»
Плохие и хорошие вести часто приходят в одном конверте

– Это была бойня! Самая настоящая бойня! – На глазах Красной выступили слезы – боль не утихла. Роза придавила ее, затолкала глубоко внутрь, забыла о ней, когда хладнокровно помогала уносить ноги двум счастливчикам, сумевшим вырваться из кольца парашютистов. Довела их до самого Франкфурта, спасла… И только теперь, когда ребята оказались в безопасности, дала волю эмоциям.

– Палачи, – выдохнул Крюгер.

– Озверевшие дикари! – рявкнула Ева.

Сорок Два зябко передернул плечами, но промолчал.

Они собрались в совещательной комнате. Большой стол, изрядную часть которого занимал встроенный в столешницу сенсорный дисплей, мониторы на стенах, жужжащие системные блоки… Именно в этой комнате продумывалась операция по захвату вертолета. Именно отсюда улыбающийся Крюгер отправился за «поплавками». Именно сюда он вернулся, растеряв всех своих людей. Злой, грязный, но без единой царапины.

– Мы ведь никого не убили, – жалобно протянула Красная. – Все знают, что мы никого не убиваем!

– Кровь была, – угрюмо напомнил Ян. – В других операциях.

– Случайности! Трагические совпадения! Все знают, что мы никогда не планируем убийства!

– Мы все равно террористы.

– Но это не повод, чтобы расстреливать нас без суда и следствия!

Роза не боялась, не тряслась от ужаса, осознав, что шутить с ней не будут, – она давно понимала, в какие игры играет. Но Красная искренне не понимала, почему десантники повели себя столь жестоко. Разве нельзя было припугнуть окруженных нейкистов и арестовать их? Можно. Это было бы логично – ведь им нужен Сорок Два, а не рядовые исполнители. Им нужна информация об организации, но вместо этого десантникам велели открыть огонь.

– Мир стал другим.

– Мир прежний, – отстраненно отозвался Сорок Два. – Насилие, жестокость, кровь… Это прежний мир, который сопротивляется наступлению Цифры.

Будешь служить Сорок Два – умрешь. Не эту ли аксиому пытается вдолбить людям баварский султан?

– Мы должны отомстить! – решительно заявила Пума и

кашлянула в кулачок. – Мы знаем, кто принимал участие в убийствах. Мы знаем каждого палача по имени, и у нас есть возможность…

– В тебе говорит гнев, – мягко произнес Сорок Два.

– Да, – не стала спорить Ева. – И что?

– Око за око, – поддержал Пуму Крюгер. – Мы должны продемонстрировать силу.

– Злоба туманит ваш разум.

– Праведная ярость!

«Человек – хищник, а хищника можно убедить, лишь продемонстрировав силу. Силу духа и силу стали. Любая Традиция должна пройти испытание на прочность, в противном случае она зачахнет, отомрет, подобно лишенной воды лозе, исчезнет, не оставив после себя ничего, даже памяти. Ведь слова, даже те, что коснулись сердца, это всего лишь слова…»

Сорок Два вздохнул и покачал головой.

– Я разделяю ваши чувства и вашу горечь, но сейчас не время для мести.

– Почему?

– Потому что наша одежда – плащ праведника, накидка невинной жертвы. Потому что мы несем идею, а нам отвечают кровью.

– Тебе нужны мученики? – резко спросил Ян.

Сорок Два поднялся, медленно подошел к Крюгеру, положил руку на его плечо и заглянул в глаза.

– У меня есть мученики, Ян. Клянусь нашей Книгой – я не хотел, чтобы они появились, но раз уж судьба распорядилась, я не позволю мученикам превратиться в зверей. Ты понимаешь меня? – Крюгер отвел взгляд. – Мы никого не одолеем силой, Ян, никому ничего не докажем, ничего не построим. Победу несет Слово. Идея. Победу несет Вера. – Теперь Сорок Два подошел к Пуме, нежно провел рукой по ее щеке. – Нам нужны люди, готовые убить ради идеи, это так. Но нам нужны люди, готовые умереть ради идеи. Ради нашего Слова.

Но все помнили глубокие борозды, пропаханные в земле пулеметными снарядами.

– Ребята не хотели умирать, – прошептала Ева.

– Но они стали мучениками. Не будем осквернять их память бессмысленной местью. Объявим траур. Помолчим.

– Ты говоришь, как пророк, – хмуро заметил Ян. – А сам всегда настаивал, что нейкизм – не религия.

Сорок Два ждал этого вопроса, сознательно подводил к нему разговор, но все равно выдержал паузу, показывая Крюгеру, что «тщательно обдумывает неожиданную реплику».

– Слово Поэтессы – Идея. Слово Христа – Идея. Мы сталкиваемся с отчаянным противоборством старого. Христос и его апостолы тоже прошли через это, а потому нет ничего странного или страшного в совпадении способов. – Сорок Два мечтательно улыбнулся. – Нейкизм не религия и никогда не станет ею потому, что мы опираемся на факты, на науку. Мы несем новую эпоху, мы создаем нового человека, а не отвлекаем его разум красивыми сказками.

– А я не вижу ничего дурного в том, что Сорок Два – пророк, – твердо заявила Красная. – Если люди не готовы осознать наши идеи, пусть они в них верят. Вера поможет им сделать следующий шаг.

«Человек должен верить.

Не быть уверенным в доказательствах, собранных в трактатах ученых мужей, а именно верить…»

Вспомнил Сорок Два еще одну цитату.

«Не для того ли неизвестный прислал мне отрывок, чтобы спровоцировать нынешний разговор? Он меня изменил? Или подсказал путь?»

Роза перевела взгляд на Крюгера:

– Сорок Два прав – не нужно мести. Ударь мы сейчас – и окончательно превратимся в террористов. А за террористами миллионы не пойдут.

– Нам нужны миллионы?

– Ты еще не понял глубины замысла?

Крюгер осекся.

– Кажется, Ян, мы с тобой свыклись с мыслью, что никогда не выйдем из подполья, – тихо сказала Ева. – Что никогда не победим. Мы недооценили человека, который нас ведет.

Пума опустила взгляд.

– Мы выбрали трудный путь, Ева, – проникновенно произнес Сорок Два. – Опасный и долгий путь. Сомнения обычны для него. Я верю, что страшная трагедия, которую мы сейчас пережили, сплотит нас. Но при этом она показала, что нам нужно кое-что изменить. Наши удачные действия озлобляют власти, заставляют их действовать все более и более жестоко. А я не хочу, чтобы кровь наших братьев лилась в бессмысленном противостоянии. Необходимо отыскать другой способ получения «поплавков».

– Какой?

– Вполне возможно, мне придется продать дьяволу душу, – кротко ответил пророк.

Словно готовясь взойти на костер…

– Ты знаком с дьяволом? – улыбнулся Крюгер.

– Я знаю, где его искать.

– Подожди! – Только сейчас до Евы дошло, что Сорок Два абсолютно серьезен. – О каком дьяволе ты говоришь?

Ответить Сорок Два не успел – коммуникатор Красной подал голос, Роза машинально бросила взгляд на экран, замерла и удивленно сообщила:

– Тебе пришел очень странный вызов.

– Это он? – негромко спросила Ева. – Дьявол?

– Сомнительно.

Двадцать Пять не прервал связь – похоже, он не сомневался, что ему ответят в течение нескольких минут, – а потому Сорок Два увидел на мониторе стационарного коммуникатора редкую картину: лидер dd в ожидании. Двадцать Пять развалился в кресле и сосредоточенно подстригал ногти позолоченными кусачками. Идеальная прическа, изысканный костюм, перстень с крупным бриллиантом – Двадцать Пять был самым большим франтом из всех лидеров dd и обладал отменным вкусом. Или им обладал кто-то из его помощников.

В монитор Двадцать Пять не смотрел, сидел вполоборота, однако голос подал практически сразу:

– Привет!

– Привет, – спокойно ответил Сорок Два. – Твой визажист в отпуске?

– Решил ему помочь.

– Я думал твои ногти наны выправляют, – хмыкнул Сорок Два, намекая на популярный среди гламурных домохозяек косметический комплекс «Нано Чубазо».

– До этого я еще не опустился. – Двадцать Пять убрал кусачки в карман, развернулся к монитору и посмотрел Сорок Два в глаза: – Спасибо, что не убил.

Тогда, в Марселе. Сорок Два вспомнил страх, появившийся в глазах лидеров dd при упоминании о Еве и Розе – они уже видели, как девчонки врываются в зал с автоматами наперевес. Вспомнил, как расслабились братья, когда он пообещал никого не трогать.

«Да, ребята, свой шкурой вы рисковать не желаете!»

– Ерунда.

– Для меня это очень важная ерунда.

– В таком случае – пожалуйста. – Сорок Два улыбнулся. – Это все, что ты хотел сказать?

– Не только. – Двадцать Пять побарабанил пальцами по столешнице, а затем, словно отказавшись от мысли ходить вокруг да около, выпалил: – Принято решение убить тебя.

– А в Марселе…

– В Марселе мы собирались тебя захватить и на какое-то время изолировать. Мы надеялись остудить твой пыл и угомонить… – Двадцать Пять запнулся. – И кое-кого угомонить.

– Что же изменилось?

– Мы тебя не захватили и не изолировали.

– Гм… мог бы догадаться, – самодовольно заметил Сорок Два.

– Я не шучу.

– Вы меня испугались?

– Нет! – Двадцать Пять понял, что ему не поверят, и сбавил обороты: – Не только. Твоей смерти хочет Моратти. Он пригрозил большой войной, если мы не принесем твою голову на блюде. Пригрозил вернуться на три года назад.

В те времена, когда за dd гонялись все полицейские силы мира, а нейкисты огрызались компьютерными атаками.

– И братья сломались?

– Война никому не нужна, даже тебе.

– Я ее не начинал… – Сорок Два пристально посмотрел на китайца: – Почему ты пришел ко мне?

– Не хочу участвовать в твоем убийстве.

– Братья знают?

– Нет. – Двадцать Пять вновь откинулся на спинку кресла, однако в тоне его не было ни грана той расслабленности, что демонстрировала поза. – После инцидента в Марселе мы начали готовиться к войне. Ждали, что ты ударишь. Укрепляли охрану, готовили отряды… Не знаю, как другие, а вот я неожиданно понял, что сторонников у меня будет значительно меньше, чем хотелось бы. «Темные собаки» никуда бы не делись, убили бы любого по моему приказу, это их работа, а вот с настоящими сторонниками – беда. Я перебирал в памяти машинистов, пытался понять, кому смогу довериться, и понял, что никому. Ты идеалист, Сорок Два. В этом твоя слабость и в этом же твоя сила. Ты, как вол, тянешь идеи Поэтессы и тем берешь людей за душу. Я понял, что, случись между нами война, ты сможешь завербовать любого из моих машинистов. Или они сами к тебе прибегут. Я понял, что ты был прав – мы оторвались от корней. Мы построили отличное здание, сообщество dd стало грозной силой, но в его фундаменте лежат идеи Поэтессы. А на сегодняшний день идеи Поэтессы – это ты. Большая часть наших машинистов – нейкисты, а без машинистов dd не существует.

– Вы можете сменить персонал.

– Полагаю, некоторые братья так и поступят.

– Но не ты.

– Не я, – кивнул Двадцать Пять.

– Значит, мир?

– Нет, не просто мир. – Китаец встал с кресла и наклонился к видеокамере. – Я признаю тебя своим лидером, Сорок Два, и готов исполнить любой твой приказ.

– Великолепно! – Красная захлопала в ладоши сразу, едва погас монитор. – Враги Его пойдут следом и понесут штандарты Его! Братья возвращаются к Идее!

– Не все, – заметил Крюгер.

– Двадцать Пять – первая ласточка!

– Или у него не выдержали нервы.

– Разве важно – почему? Он с нами, и его пример подтолкнет остальных.

– Он никому ничего не сказал и не скажет.

Двадцать Пять предложил не афишировать свой переход под знамена Сорок Два, дабы не терять доступ к самой секретной информации dd. «Если братья не одумаются, нас ждет противостояние, и скрытый друг сможет принести гораздо больше пользы». Сорок Два согласился, однако добавил, что оставляет за собой право объявить о переходе в любое удобное время – вполне возможно, эта весть не позволит разразиться войне в dd. Спорить китаец не стал.

– Ты ему веришь?

– Двадцать Пять – самый умный из братьев, – неспешно ответил Сорок Два. – Возможно, он просчитал, чем закончится противостояние.

– А я думаю, он затеял игру, – мрачно бросила Ева. – Именно потому, что умный.

– Он готов исполнять мои приказы и не особенно приближаться. Не станем отталкивать протянутую руку.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз
Штутгарт, Баварский султанат
Клуб «Ворота в Рай»
Крепкая дружба часто начинается с хорошей драки

– Ты сиди спокойно: глазами не вращай, руками не дергай, – наставительно повторил Алоиз, останавливая мобиль в полусотне шагов от клуба. – Говорить буду я и только я.

– Почему?

По пути Шмейхель Хана разговорами не отвлекал, не нравилось ему, как Алоиз ведет тяжелый «Ауди Дромадер». Чувствовалось, что к внедорожникам Хан привык настолько, что

способен управлять ими даже во сне. Однако шумные улицы Штутгарта наемника смущали – он в других местах привык кататься, по полям каким-нибудь или горам, а в окружении бесчисленных мобилей Хан ехал внимательно, неторопливо, вот Шмейхель и не лез с комментариями, теперь же решил кое-что прояснить.

– Я не с неба свалился, умею с такими людьми разговаривать.

«Не первый день «синдином» торгую, а раньше без тебя справлялся».

– Может, и умеешь, – не стал спорить Алоиз. Однако его тон не оставлял сомнений в том, что Хан считает главным себя. И только себя. Точка. – Но от тебя, дружище, за километр Поэтессой воняет.

– Не надо так шутить.

– Извини, пусть не воняет – пахнет, сути дела это не меняет. Люди вроде Зазы машинистов не уважают. Считается, что вы не способны ни на что серьезное, и даже ваши dd в этом никого не убедили.

– Только вот dd во всем мире известны, а Заза твой…

– Заза – человек с положением и репутацией, – перебил Шмейхеля Хан. – А в dd крутыми делами занимаются другие ребята, машинисты только сетевое прикрытие обеспечивают. Разве не так?

– Так.

Трудно не согласиться с чеканно высказанной правдой.

– Поэтому не пыжься, партнер. Нормально с Киприотом только те говорят, в ком он силу чует. Кто ему голову откусит и костью не поперхнется. То есть я буду говорить, понятно?

Недовольный Шмейхель отвернулся, уставившись на яркую вывеску соседствующего с «Воротами» стриптиз-клуба «Скрытые помыслы»: «Транссексуальная неделя! Для вас танцуют очаровашка Саввина и ее дрессированные тролли!»

«Интересно, а как Хан относится к транссексуалам? По-военному или ничего не имеет против?»

Дурацкая, совершенно неуместная мысль…

В салоне «Ауди» пахло искусственной кожей и оружейной смазкой. Алоиз успел рассказать, что не доверяет новомодным пушкам из суперпрочного пластика, предпочитая добрую сталь, за которой нужно ухаживать, ухаживать и еще раз ухаживать. Чертов наемник!

Хотя… голову он на самом деле кому угодно откусит.

– Я буду нем как рыба.

– Запомни это обещание, – серьезно попросил Хан. – Потому что если испортишь встречу, я твою печень съем.

И запах оружейной смазки бесстрастно подтвердил: съест.

– Заза, пожалуйста.

– Заза, всего две дозы.

– Наличные, ребята, мне нужны наличные.

– Сегодня не получилось.

– Полицаев полно… Мы хотели, но их много… Заза!

Сьюзи и лопоухий парень (его имени Киприот не помнил) промышляли на улице. По мелочи, естественно, промышляли – на серьезные дела наркоманов не подписывают. Обирали пьяных, рвали сумочки у тех, кто их еще носил, выламывали из мобилей электронные блоки. Зарабатывали мало, иногда – и вовсе ничего, а на «синдине» сидели уже третий год. Пропитались им насквозь, а значит, три дозы в неделю хочешь – не хочешь, а найди.

– Заза, мы отработаем.

– Уже отрабатывали, – припомнил Киприот.

– Разве плохо?

– Да как сказать…

В прошлый раз парочку поставили на сцену – трахаться на потеху клиентам, заводить публику. Потом отправили в номера. В целом получилось нормально, без проблем, однако и восторженных отзывов не было. Отдавались ребятки технично, но без огонька. Не отдавались, а отрабатывали.

– Пожалуйста!

Пальцы дрожат, губы дрожат, в воспаленных глазах – робкая надежда. Оба тощие, с немытыми волосами, опустившиеся… Но шмотки хорошие. Грязные, немного рваные, но видно, что когда-то стоили дорого. И говорят правильно, когда не под кайфом, видно, что образованные. Как же вас на «синдин» занесло-то, а? Из машинистов, что ли? Увлеклись да переборщили?

Такое случалось сплошь да рядом. «Синдин», он ведь не только цифровой ветер в башке разгоняет, он еще и добавки требует. Те, кто поосторожнее, особо этими капельками не увлекаются, только по работе, так сказать. А вот фанатики безбашенные срываются частенько и быстро деградируют до уличного уровня.

– Сделаем так, – принял решение Киприот. – Подружка твоя никого не возбуждает, поэтому отправится чистить сортиры. Ты, лопоухий, принимай душ и дуй в номера. Там тебе вдуют. – Заза хохотнул, но тут же посерьезнел: – Утром получите по дозе.

– Спасибо!

– Спасибо!

«Уроды!»

Киприот отвернулся – смотреть на то, как охранники

отгоняют торчков от столика, он не собирался – и поправил полу пиджака.

Избавиться от подобных визитов нетрудно, закрыть для опустившихся придурков двери клуба, и все дела, однако Заза хотел слыть «добрым». Человеком деловым, но «понимающим». Стоило это недорого, зато пользу приносило – торчок, он ведь за дозу на что угодно пойдет. А за дозу и хорошее обращение – даже больше, чем на что угодно. Торчки материал расходный, но и ему применение есть: подставиться где-нибудь, в опасное место зайти, сплетню принести, которую умные люди при себе оставят или вообще забудут…

Заза глотнул воды – он не употреблял ни алкоголя, ни наркоты, даже не курил, если кому интересно, – промокнул толстые губы салфеткой и негромко осведомился:

– Пришли?

– Да, – подтвердил телохранитель.

– Веди.

«Ворота в рай» находились в албанском квартале Штутгарта и числились за Хашимом Чеку Живоглотом – человеком, держащим под контролем почти весь запад Баварского султаната. Рэкет, проституция, азартные игры, торговля наркотиками – сфера интересов Живоглота не отличалась оригинальностью. Киприот в организации занимал место «менеджера среднего звена», являлся одним из двух штутгартских оптовиков. Выше не лез, потому что не албанец, ниже не опускался, потому что не дурак, и был весьма доволен жизнью.

– Хан?

– Да.

Руки Заза не подал, поэтому Алоиз просто уселся за стол и дружелюбно улыбнулся:

– Добрый вечер, Заза.

Шмейхель пристроился рядом.

– Я о тебе слышал.

– Хорошее?

– Мало, – ответил Заза, имея в виду, что рекомендации у Хана недостаточны для делового разговора.

Однако Алоиз понял его по-своему. Или сделал вид, что понял.

– Да, я человек не самый добрый.

Киприот хмыкнул, отметив, что собеседник ему достался не сообразительный, и поинтересовался:

– С чем пришел?

– Путешествовать надоело.

Алоиз не сомневался, что Заза прекрасно знаком с его

биографией.

– Подыскиваешь жилье?

– И работу.

– Могу замолвить за тебя словечко.

– У меня есть на примете бизнес.

– Интересный?

– Любопытный, – уточнил Хан. – А если найдутся хорошие партнеры, он станет просто замечательным. Надежным и высокодоходным, как акции «Науком».

«Какой же бизнес смог раскопать наемник?»

Киприот поерзал, удобнее устраивая объемистое пузо, и поинтересовался:

– Кто твой немой приятель?

– Спутник.

– Пусть он руку вытянет.

Шмейхель вопросительно посмотрел на Алоиза, тот кивнул, не отрывая взгляд от Киприота, и машинист послушно протянул вперед левую руку. Появившийся у столика телохранитель тут же прижал ее к столу и надел на средний палец наперсток анализатора. Укол – Шмейхель едва заметно поморщился – и моргающий красный диод.

– Ты на «синдине», немой спутник, – ухмыльнулся Киприот.

– Ну и что? – угрюмо спросил Шмейхель, потирая палец.

– Зачем свою заразу пользуешь?

– Потому и пользую, что своя.

– Ломщик? – Теперь Заза смотрел на Хана.

– Машинист.

– Серьезные вопросы с торчками не обсуждаю. Пусть ждет у бара.

Алоиз тяжело вздохнул:

– Шмейхель в деле. Без него цепочка не сложится.

– Он ублюдок и торчок, – бесстрастно сообщил Киприот. – Полицейские запрут его в одиночку, и через пару дней он будет у них дерьмо с ботинок слизывать. Мне такие партнеры ни к чему.

У Шмейхеля покраснели уши.

– Я за него отвечу, – угрюмо буркнул Хан. – Не так уж парень и сторчался. Осторожничает.

– Он из сорок вторых?

– Честно говоря – не проверял, – признался Алоиз. – Но он предлагает интересное дело.

– Насколько интересное?

– Думаю, для начала мы будем оборачивать в месяц от пятисот тысяч до миллиона евродинов. Потом нарастим.

Малоизвестный торчок и человек хоть с какой-то, но

репутацией… Проверить обоих не составит труда, если окажется, что врут, можно наказать.

– Рассказывай, – кивнул Заза. – И не забывай важные подробности.

В албанском районе Штутгарта бандитам даже уличные видеокамеры не требовались – мальчишки, мечтающие вырасти в настоящих живоглотов, вынюхивали чужаков лучше сторожевых терьеров Мутабор. Шныряли повсюду небольшими стайками, задирались друг с другом, приторговывали украденной мелочью, но по сторонам глазеть не забывали, знали, что старшие доброе дело не забудут, подбросят пару динаров за вовремя сделанное сообщение. А потому собирающимся на захват полицейским приходилось принимать повышенные меры предосторожности.

– Пять минут, – сообщил оператор.

– Принято. – Командир спецназа посмотрел на подчиненных. – Повторяю в последний раз, ребята: мы идем в осиное гнездо. Стрелять без предупреждения. Малейшее неповиновение – и можете открывать огонь. Пусть лучше домой не вернется пара-тройка гражданских уродов, чем кто-нибудь из вас. Все понятно?

– Не в первый раз.

– Вот и отлично.

Нормальным гражданским в клубе Киприота делать нечего, а любителей незаконных развлечений не жаль.

– Рации проверили?

– У всех – ОК.

Командир поправил гарнитуру. И про себя выругался: дерьмо устаревшее! Неудобное и ненадежное. Рация! Радиоволны! А что прикажете делать, если вокруг полно поганых тритонов, которые на раз грохнут твою «балалайку», превратив тебя в ослепшую и оглохшую мишень? Да ничего не делать – оставлять «балалайки» дома. И в результате все привычные электронные примочки: стрельбовые комплексы, режим «штурм в группе», карта зоны в левом верхнем углу наноэкрана, едва ли не мысленные переговоры – все полетело к черту. Трепись по рации, стреляй по наитию, без всякой помощи современных технологий. Добро пожаловать в постцифровой мир.

– Действуем жестко. Ребята из антинаркоты просили взять Зазу, но, если у нас не получится, плакать они не станут. Как выглядит Киприот, все помнят?

– Да.

– Проверяем оружие!

Белый фургон медленно приближался к «Воротам в Рай».

Обычный фургон с надписью «Круглосуточная доставка» и логотипом известной транспортной компании.

– У нас есть очень хороший рынок.

– Что за рынок? – тут же спросил Заза.

– Это мое дело, – мягко ответил Хан.

– Не совсем, – вздохнул Киприот и пояснил: – Живоглот не против расширения бизнеса, наоборот, приветствует открытие новых направлений, но нарушать существующие договоренности без разрешения я не имею права. Вдруг окажется, что ты собираешься отнять кусок хлеба у хорошего человека? Наступил кому-нибудь на мозоль? Устранил не того? Я окажусь в неудобном положении.

– Последние пять лет на этом рынке работал только я, – подал голос Шмейхель.

– С кем работал?

– С Бруно Пальмой.

– Бедный, бедный однорукий Бруно… – Заза улыбнулся. – Вы не первые, кто пришел ко мне, после его… гм… ухода из бизнеса. – Сделал глоток воды. – Так что за рынок? Может, его уже поделили?

– На этот рынок бандитам хода нет, – грубовато отозвался Шмейхель.

– А ты, значит, мостик?

– Не важно.

– Мой мостик, – уточнил Хан.

– Конечно, – улыбнулся Заза. – Разве я не сказал?

Он догадался, какой рынок имел в виду Шмейхель – научный комплекс имени аль-Джохара, внутри которого тоскует без дозы дивизия машинистов. Богатых, мать их, машинистов! Неплохой кусок, очень неплохой!

– А мостик этот мои старые камрады стерегут, – спешно добавил Хан. – Без меня туда никто не пройдет.

Наемник почуял выгодное дело и отступать не собирается. Давить его?

Заза прикрыл глаза.

Можно сообщить Живоглоту, что образовался интересный канал, Хашим пришлет людей, и от Хана с его головорезами останутся лишь воспоминания. Шмейхель, наверное, только обрадуется такому повороту событий, но… Но нужно ли сейчас воевать? Обстановка непростая, Европол лютует, связи рвутся каждый день, а тут – жирный кусок. Ладно, мое дело маленькое, бизнес поддержу, а что делать дальше, пусть Хашим решает.

Киприот улыбнулся:

– Кажется, я понял, что вам нужно.

– «Синдин».

– Ну, конечно же, «синдин». От другой дури машинисты не прутся. – В хрустальный бокал из хрустального графина потек «Альпийский источник» – самая дорогая минеральная вода Европы. – Ты слышал, что султан подписал новый закон? Теперь за «синдин» не руки рубят, а вешают. Очень неприятная процедура.

– А насчет «поплавков» в новом законе ничего не слышно? – поинтересовался Алоиз.

– За них давно вешали, – махнул рукой Заза. И отхлебнул воды. – А теперь – стреляют без разговоров. Еще при задержании.

– То есть тебе наше предложение нравится?

– Вы мне «поплавки», я вам «синдин»?

– Разницу догоняем деньгами.

– Заза! Европол!

Дверь вынесли по старинке – тараном. Могли бы взорвать, но не стали – снаружи необходимо демонстрировать, что спецназ сводит риск случайных жертв к минимуму. Зато внутри не стеснялись – открыли огонь сразу, какое там, к чертям собачьим, «неповиновение»! Вышибала дернул рукой – пуля в плечо. Попытка сопротивления. Второй рванул наутек – пуля в спину. Попытка сопротивления. В относительной безопасности чувствовали себя лишь те, кто ничком бросился на пол и заложил руки за голову. Этих сковывали наручниками и выводили на улицу – через пару минут после начала штурма улицу оцепили, а к «Воротам» подкатило несколько полицейских фургонов.

– Рейд!

– Суки!

Столик Зазы в дальнем углу зала, в небольшом закутке, можно сказать – кабинете, в котором удобно ужинать с девочками или вести серьезные беседы. Но сейчас девочек нет да и разговор закончился – шестеро возбужденных мужчин предпочитают обмениваться короткими фразами.

– В подвал!

– Не пройдешь!

– Пройду!

Один из телохранителей выскакивает в зал и бежит к заветной двери – валится в двух шагах.

– Они у стойки засели! В подвал не пустят!

– Все. – Заза берет салфетку и принимается аккуратно стирать отпечатки пальцев с пистолета, оказавшегося в его руке в

первые мгновения тревоги.

– В задницу твое «все»! – рычит Алоиз и стреляет, не позволяя спецназовцам войти в зал.

Те отвечают не очень прицельными очередями. Пули сметают посуду с нескольких столиков и вызывают истерические вопли у залегших на полу посетителей.

– Сдадимся – останемся в живых.

– В подвале товар, – напоминает Зазе помощник.

– Черт! – У Киприота мертвеют глаза. – Им стукнули, что сегодня была поставка!

Если спецназовцы уверены, что в клубе отыщется наркота – это смертный приговор. Церемониться не станут, положат всех, кто попадется. И уж тем более тех, кто окажет сопротивление.

– Нельзя их подпускать! Отрежут!

Алоиз высовывается и разряжает обойму в сторону полицейских. Мгновенно возвращается в укрытие. А вот телохранителю, который решается повторить подвиг Хана, везет меньше: движение вперед – три пули в грудь. Тело падает под ноги белого, как снег, Киприота.

Последний из охранников Зазы закусывает губу. Мнется. Под пулями бегать совсем не то же самое, что торчков молотить, под пулями страшнее. Шмейхель с трудом сдерживает тошноту. От страха или от вида крови? Какая разница? Не дергается только Хан. Профессионал, мать его…

– Как можно уйти?

– Из подвала в канализацию.

Голос Киприота срывается. А у дверей в подвал валяется парень с простреленной башкой.

Еще выстрелы.

– Надо прорываться!

– Ты спятил?

– Семь шагов – нормально! – Алоиз забирает у мертвого охранника «дрель» и смотрит на телохранителя. – Мы с тобой выскакиваем и давим спецназ, понял? Тупо стреляем, не целясь, нужно, чтобы они на пару секунд нырнули в укрытие. А вы… – Хан переводит взгляд на Зазу и Шмейхеля. – Вы – рывком – к дверям.

– А получится?

– Вот и проверим. Вперед!

Алоиз выталкивает телохранителя из укрытия, сам – следом, на ходу открывая огонь, и спецназ накрывает свинцовый рой. Спецназ отвечает свинцовым роем. Крики, вопли, грохот, стоны! Заза прытко выскакивает из кабинета, толстяк, а шустрый. Шмейхель за ним. Краем глаза замечает, что Хан, как щитом,

прикрывается телохранителем. Держит окровавленного парня левой рукой, с правой разряжает «дрель». А с виду и не скажешь, что Хан настолько силен.

– Быстрее!

Над головой визжат пули, в душе – паника, но ноги держат, несут к спасительной двери…

Четыре шага! Три! Два!! Один!!!

Шмейхель влетает внутрь, врезается в широкую спину замешкавшегося Киприота, получает тычок от ворвавшегося последним Хана и катится вперед. Где-то позади, очень и очень далеко, хлопает титапластовая дверь.

«Ушли! Ушли!! Ушли!!!»

* * *

Территория: Африка

Горнодобывающий полигон «Всемирной рудной компании»

Кодовое обозначение – «Африка»

Всегда найдутся люди, которые с удовольствием воспользуются результатами твоего труда

Первую ночь в Африке Чайка провел с бандитами.

«Извини, приятель, у нас отчетность по старинке ведется, вот все и перепуталось. Твой сопроводительный файл затерялся, а к ломщикам мы просто так не сажаем. Вдруг ты маньяк какой серийный, а они существа нежные…»

«Заприте в карцер».

«В карцер – только за нарушение режима».

Наброситься на тюремщика, дабы «нарушить режим», Илья не успел – взяли под руки да оттащили в «черную» зону. Хорошо еще, что после отбоя дело было, когда все зверье по клеткам.

«Новое мясо едет!»

«Свежее!»

«Повезло Терапевту!»

Сокамерником Илье определили Терапевта, уголовника щуплого, но жилистого. И наглого.

Первый вопрос:

– Душ давно принимал?

– В Москве.

– Сойдет… Раздевайся.

Терапевт понял, что перед ним ломщик, но не догадался – какой. Потому и отвернулся, уверенный, что взял сопляка на испуг. На голос.

Чайка же запрыгнул сзади, ударил в затылок, сбил с ног,

повалил и, не теряя времени, скрутил уголовнику руки выдернутой из воротника робы «подлой нитью». Тончайшим и крепчайшим углеродным волокном, что купил еще в подвале Пирамидома – московские безы с пониманием относились к отбывающим в Африку и не отказывались продать им что-нибудь способное облегчить жизнь. Или спасти ее.

– Спать будешь на полу.

– Сука!

Удар ногой.

– Доберусь до тебя.

– Размечтался.

Чайка врезал уголовнику еще два раза, потоптался на его белье и полез спать. Терапевт знал, что если дернется – нить разрежет руку до кости, а сшивать сухожилия никто не будет – Африка, мать ее. Это – Африка.

Утром Чайка отправился в карцер. А из него – через два дня – на аудиенцию к самому Флоберу, директору Африки, выразившему желание посмотреть на шустрого ломщика. К Густаву Флоберу, одному из самых известных офицеров СБА.

Жизнерадостный толстяк, из которого даже африканское солнце не сумело вытопить лишний жир, встретил Илью дружелюбной улыбкой, поинтересовался, не болят ли недавно нанесенные татуировки, и предложил посмотреть видео из душевой. Короткометражный, но до отвращения жестокий фильм. После сеанса осведомился насчет впечатлений и расцвел в улыбке, услышав ожидаемое: «Не понравилось». Объяснил, что для того и показывал. Впрочем, мог бы и не объяснять.

– Я думал, ломщики и бандиты сидят отдельно, – вздохнул Илья.

– Так и есть, – подтвердил Флобер. – Но иногда случаются накладки. Оборудование несовершенно, техника дает сбои, открываются двери и происходят трагические встречи в душевых. Или где-нибудь еще.

Африка, мать ее, она полна сюрпризов!

– А надзиратели не успевают, – «догадался» Чайка.

– Представляете, иногда они действительно не успевают, – жизнерадостно подтвердил Флобер. – Когда кто-то кого-то невзлюбил, он способен обмануть и надзирателей, и охранную систему. – Короткая пауза. – Но самый страшный враг в Африке это…

– Это вы.

– Молодец, – одобрительно кивнул Флобер и ткнул в Чайку указательным пальцем. – Ты не такой кретин, каким показался изначально.

– Терапевт хотел…

– Оставим. – Директор посмотрел на экран коммуникатора. – Тебя взяли за убийство, но при тебе был классный «раллер». И направили тебя к ломщикам… Ты из них?

На заключенного не смотрит, взгляд прикован к экрану, но прислушивается, внимательно прислушивается. Илья знал такую манеру допроса – «на слух», директору Флоберу, судя по всему, сделали пару операций, и теперь он улавливал мельчайшие оттенки голоса, распознавая ложь с вероятностью девяносто пять процентов. Интересно, жена его в курсе дела?

– Так ты ломщик?

– Не самый крутой.

– Ник?

– Я учился в московском Университете…

– Ник!

– Шакти-21, – «сдался» Чайка, радуясь собственной предусмотрительности. Не создай он в свое время мелкого сетевого хулигана, следы которого Флобер обязательно отыщет в сети, как бы сейчас объяснялся?

– Что умеешь?

– Ну…

– Советую приврать, – дружески предложил директор. – Потому что, если твоя квалификация меня не устроит, я наплюю на сопроводительные документы и отправлю тебя махать киркой. А в каменоломнях нет раздельных зон…

– Я очень хороший ломщик, – поспешно сообщил Чайка. – Специализировался на проникновении и вирусах.

– Узкий специалист?

– Я учился у Марка Танаевского!

– Проверим.

И только тут до Ильи дошло:

– Я что, буду работать по специальности?

И услышал равнодушное:

– Ты против?

Вот тебе и Африка, мать твою!

Неожиданное открытие выбило Чайку из колеи.

– Но как такое возможно?

– Получишь коммуникатор, кабинет и… техническое задание, разумеется.

– Господин директор, я… я о другом… я не ожидал…

И тут Флобер наконец-то оторвал взгляд от монитора. Повернулся, улыбнулся, мягко, отечески улыбнулся и проникновенно произнес:

– Никто не ожидает, сынок. Все едут в Африку умирать, но не

у всех это получается. – А потом Флобер взял бутылку с водой, налил стакан и подвинул его Чайке. – Тебя сюда отправил Мертвый, который, как известно, врагов ненавидит и готов убить их всех. Но у меня есть инструкции от президента СБА – искать в дерьме жемчуг. Не хвастаясь, скажу, что в Цюрихе работает целая команда высококлассных машинистов – моих, так сказать, крестников. Посидели, поработали, доказали, что исправились, получили новые лица, новые имена и высокооплачиваемую работу. – Директор внимательно посмотрел на Илью: – Я не шучу.

– Жалко выбрасывать материал?

– Совершенно верно, – подтвердил директор. – Хороших ломщиков мало, а очень хороших – единицы. Докажешь, что представляешь для нас интерес, – спасешься.

А даже если и врет, что это меняет? Лучше за коммуникатором сидеть, чем киркой размахивать рядом с Терапевтом и другими ублюдками.

– Я вам верю, – предельно искренне произнес Чайка.

Флобер потянулся и потрепал его по руке:

– Ты получил второй шанс, сынок. Постарайся его не упустить.

Тем не менее первое задание Чайка провалил. Он небрежно оптимизировал программу сетевого робота и, к собственной досаде, допустил ерундовую ошибку. Правда, досада пришла потом, через сутки, когда он очнулся в изоляторе и услышал от офицера Ушенко предупреждение, что за следующий саботаж его бить не будут, а вручат именную кирку и переведут к бандитам.

Кость руки срослась быстро, урок запомнился.

Оправившись, Илья вернулся к работе и больше не прокалывался. Программы делал на загляденье, и вскоре начались бонусы. Сигареты, кофе, вино, разрешение принимать новостные и развлекательные каналы. Перед особенно сложной задачей предложили «синдин». Удивленный Чайка предложение отклонил – он принимал наркотик только перед тем, как вставить в голову «поплавок», но попросил «травку». Ее доставили через четверть часа. А примерно через полгода довольный сотрудничеством Флобер показал Илье счет в банке и попросил ввести пароль. Сумма была небольшой, фонды, которые сумел сохранить Чайка, превышали ее на несколько порядков, но важен был факт: Флобер держал слово. Или делал вид, что держит.

Жизнь налаживалась, но Чайка не расслаблялся. Это ведь, мать ее, Африка. А приятно пахнущее дерьмо все равно им остается.

– Европол рапортует об очередной, крайне удачной акции против торговцев наркотиками. Баварское подразделение провело серию рейдов и практически разрушило организацию печально известного Хашима Живоглота, которая опутывала всю западную часть султаната. Сам Живоглот погиб в перестрелке, задержано около трехсот активных членов банды…

Чайка переключился на другую ленту и принялся заваривать кофе.

– Ахо, настоятель храма Иисуса Лоа, призывает добрых католиков Вуду…

– Нет, спасибо!

Илья запустил развлекательный канал, поглазел на скачущих девочек, но не проникся и отправился путешествовать по остальным доступным ему серверам. Работать не хотелось. Да и не было ее – работы.

Через три месяца пребывания в Африке Илья настолько вырос в глазах Флобера, что тот предложил написать программу проникновения в банк. «Тестируем систему безопасности». Чайка справился за две недели. Знал, что написал настоящий хит, не оставляющий камня на камне от сторожащих деньги редутов, ждал традиционной похвалы, но вместо нее получил «поплавок» и приказ оптимизировать созданную программу под него. А конкретно – под тот случай, когда суперпроцессор стоит в «балалайке».

Не в «раллере» – в «балалайке».

«Они пытаются понять, как работают великие ломщики? Но зачем? Сколько их осталось в строю? Пятеро? Трое? Зачем оптимизировать программу под «поплавок» в башке, если воткнуть его туда способны всего несколько человек?»

Тем не менее работу Илья исполнил. Времени потратил много, почти три недели – ему ведь надо было «разобраться», как работает «поплавок», – но исполнил. Хит свой переделал под новый «инструмент» идеально. Дождался и похвалы, и денег, и бонусов, и… И приказа написать программу взлома охранной сети некоего усредненного объекта. Оптимизированную под «поплавок» в «балалайке».

На этот раз Илья не выдержал, осведомился: «Неужели за те полтора года, что я здесь сижу, «поплавки» получили столь широкое распространение?» Ответ не услышал – увидел. Холодный взгляд и холодную улыбку. Понял, что напрасно перестал контролировать длинный свой язык, и извинился.

Новая программа получилась столь же качественной, что и предыдущая. Флобер остался доволен, дал Илье четыре дня

отдыха. На рабочее место его отводили, но ничем не нагружали. Каждый день присылали девочек. Чайка не отказывался. А сам гадал, чего же от него потребуют на этот раз? Взломать, не покидая Африки, какой-нибудь Анклав? Или инопланетную «тарелку»? Не угадал. Жизнь в очередной раз оказалась страшнее вымысла.

– Грандиозное строительство идет в точном соответствии с графиком. Через полчаса зрители нашего канала смогут увидеть эксклюзивный репортаж из знаменитой Станции – олицетворения надежды для всего человечества! А пока…

Текст сопровождал ставший уже хрестоматийным вид: несколько высотных домов и медленно вырастающий купол Главного Энергоблока.

– Взломать бы тебя, – усмехнулся Илья. – Да не могу – занят.

Четыре дня «отпуска» пролетели незаметно. А на пятый в кабинет Чайки доставили все существующие образцы нано-скопов: стационарный, полевой, «впаянный» в «балалайку». В коммуникатор загрузили все существующие для них программы, начиная от общеизвестных и общедоступных и заканчивая специальными разработками СБА. Полное описание прилагается. Все секреты подробно описаны. Задача простая:

«Нам кажется, в обороне существует брешь. Найди ее».

«Сколько у меня времени?»

«Ты ищи, не торопись».

Через два месяца Чайка стал самым крупным в мире специалистом по наноскопам. Он знал их вдоль и поперек. Он изучил каждый винтик и каждую строку программы. Он выдал несколько рекомендаций по улучшению работы. И он авторитетно заявил, что бреши в обороне нет.

«В таком случае тебе придется ее сделать».

«Как?»

«Это твоя задача. Ты должен пробить защиту».

Флобер улыбнулся, и Чайка понял, что влип: Флобер улыбался так же, как тогда, расспрашивая о впечатлениях от просмотра короткометражки.

– Правозащитные организации Европейского Исламского Союза выступили с осторожной критикой в адрес властей. По их мнению, Европол проявляет неоправданно жестокие меры в отношении наркоторговцев. В ответ депутаты заявили, что действия полиции адекватны остроте проблемы «синдина»…

– Да заткнись ты! – Илья отключил коммуникатор, выплеснул

остатки кофе в мусорное ведро, поднялся и прошелся по кабинету, рассеянно пиная валяющиеся на полу блоки.

Скучно.

На то, чтобы совершить невозможное, у Чайки ушло полгода. Шесть месяцев поисков и напряженного труда. По десять часов за коммуникатором. Опуская руки и злясь на себя. Стискивая зубы при виде недовольного Флобера. Вжимая голову в плечи при каждом появлении Ушенко. Чайка знал, что пощады ему не будет: или он сделает, или его убьют.

И он сделал.

Программу нового поколения. Программу, способную обмануть любую защиту. Программу, которая «пробивала» исключительно наноскопы, не трогая и не мешая работе других устройств.

А еще через пару месяцев из новостей Чайка узнал, что знаменитый сетевой террорист Сорок Два запустил π-вирус, блокирующий наноскопы и не позволяющий им вычислять «поплавки». Его вирус.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»

Ночные разговоры отличаются особой искренностью

– Двести сорок? Неплохо.

– Еще не предел!

Желтый «Ламборджини Ифрит» призрачным джинном стелется по верхнему уровню Третьего кольца. По пустынному уровню – ночью осторожные водители не поднимались выше второго этажа магистрали, уступая третий и четвертый ненормальным фанатам ненормальной езды.

– Я думал, ты предпочитаешь мотоциклы.

– Я предпочитаю скорость.

Двести семьдесят. Ветра нет, в этом «Ламборджини» проигрывает «Плутону», зато остальные ощущения на высоте. И они совсем другие, непохожие на те, что приходят на «Судзуки». Адреналина столько, что можно экспортировать в Скандинавию.

Триста.

Огни слились в светящиеся полосы.

– Не знал, что в Москве можно так гонять.

– Каперы платят муниципальным службам, чтобы дорогу четвертого уровня поддерживали в отличном состоянии. Мы здесь катаемся.

– Ты не отвлекайся, – попросил Борис.

– Разговор не мешает.

– Гм… надеюсь.

«Ифрит» еще на один круг обошел черный «Порше». Легкость объяснялась не разницей в мощи – движок у «Порше» что надо, просто в черном засел осторожный водила. Судя по всему – новичок, а желтым джинном управлял мастер.

– Отец знает, как ты гоняешь?

– Потому и купил мне «Ламборджини».

– Он за тебя не боится?

– Он в меня верит.

– Продвинутый мужик.

– Ага.

Из «Стоп-крана» они выехали на семи машинах: три спортивные, остальные – обычные седаны. Сначала погоняли по набережным, потом, растеряв седаны, оседлали Третье кольцо. Дозаправились после четвертого круга, добили взятое из клуба шампанское и распрощались – ребята подались спать. Борис остался, сказал, что никуда не торопится. Стен пытался протестовать – он имел свои виды на пассажирское сиденье «Ифрита», но Борис сумел убедить искателя выгодной партии отступить. Поговорил о чем-то коротко, отведя парня в сторонку, и убедил. За что Пэт была Борису весьма признательна – девушке не хотелось самой разбираться со Стеном.

– Что будет следующим? Самолет?

– У меня есть.

– Правда? – Вот теперь молодой человек действительно удивился.

– Отец подарил на прошлый день рождения. В Шарике стоит. Иногда летаю.

– Ты предпочитаешь машины, – понял Борис.

– В небе больше свободы, а на земле – опасностей. – Пэт стала плавно снижать скорость, направляясь к невидимой еще бензоколонке.

Гонка закончилась. Что же касается праздника…

– Если хочешь, я уйду, – произнес молодой человек. – Внизу наверняка есть стоянка такси.

– А если не хочу? – Пэт смотрела на дорогу. И было непонятно, кого она спрашивает: его или себя?

– Тогда поехали ко мне, – ровно предложил Борис.

Не будет всплеска эмоций, бури чувств, урагана страстей. Не

будет даже намека на ключ. Будет неплохая или даже хорошая ночь, которая качественно завершит праздничный день. Ничего больше. Спокойное и приятное удовлетворение.

– Поехали, – отозвалась Пэт.

Так уж получилось, что скромный Филя Таратута являлся счастливым обладателем двух кабинетов. Официальный, так сказать – «белый», находился на первом этаже особняка Грязнова и представлял собой маленькую, со вкусом захламленную комнату, в которую с опаской входил даже бесстрашный Олово. В кабинете «бухгалтера на все руки» хранилась разная мелочь, что этим самым рукам могла пригодиться: фирменные деревянные коробочки для подарков, что отправляли клиентам по праздникам, мешочки, в которые можно было спрятать что-нибудь ценное или ненужное, нераспотрошенные посылки, запчасти к коммуникаторам, кое-какое автомобильное барахло и упаковки с лампочками – Олово с подозрением относился к электричеству и менял перегоревшие лишь в крайних случаях. Был, конечно, и коммуникатор, в котором Таратута вел бухгалтерию антикварной компании, но он совершенно терялся в завалах и отыскивался не чаще раза в неделю.

А вот второй кабинет, «черный», прятался в подвале, был обставлен удобной мебелью и под завязку забит современной, а главное – прекрасно работающей электронной аппаратурой. Именно из этого кабинета Филя решал текущие вопросы регионального подразделения Консорциума, управляя контрабандными тропами Европы и Африки.

– Отделение 18-А. У нас возникли проблемы с турецкой таможней в аэропорту Сухуми.

– Отделение 12-К, вы же гарантировали дружелюбие таможни.

– Наш человек неожиданно заболел.

– А резервный?

– Резервный все и уладил. Спросите у 18-А, разве они потеряли груз?

– Нет. Но мы задержались.

– Накладки случаются.

– 12-К! Резервный человек должен был приступить к своим обязанностям немедленно, а не после того, как возникла проблема. Объясните таможеннику, что у нас бизнес и, если его что-то не устраивает, пусть ищет себе другой источник существования.

– Мы постараемся.

– 18-А! Претензию выставлять будете?

– Нет.

– Говорит 4-С! Нам нужно сто выстрелов к стандартному армейскому гранатомету.

– Кто обеспечит поставку?

– 6-А. У нас есть товар, но перебросить его сможем только по албанскому каналу. Сорок часов.

– Через Белград? – Таратута на мгновение задумался. – Почему нет? Там сейчас тихо. 4-С, вас устраивает?

– Вполне.

Филя сделал пометку.

– Теперь поговорим о проблемах в Испании…

– Они прекрасно шифруются, – доложила Красная. – Сейчас проходит что-то вроде селекторного совещания, сигналы идут сплошным потоком, однако мы не можем вычислить точку входа. Связь обеспечивают отличные машинисты.

– Но ты уверена, что это те, кто нам нужен? – осведомился Сорок Два.

– Да.

– В таком случае ты должна постараться, Роза.

– Я постараюсь.

Для современного человека, хоть законопослушного, хоть нет, выйти на связь с Консорциумом не представляло никакого труда. Покупай незарегистрированный коммуникатор – ты ведь не идиот писать контрабандистам с собственной «балалайки», правда? – и излагай скромную просьбу электронным письмом. Если вдруг не знаешь адрес – входи в любой поисковик, и он услужливо пихнет тебя на нужный сервер. Не хочешь по сети – иди в заведение с репутацией, подари бармену пару юаней, и появившийся словно из-под земли менеджер по работе с клиентами охотно выслушает твою скромную просьбу.

Прелесть выстроенной Консорциумом системы заключалась в доступности и полной анонимности. Менеджеры принимали заказы и передавали их дальше, не зная о том, кто будет их выполнять. Курьеры подхватывали посылки в указанных точках и довозили их до других указанных точек. Обеспечением – разработкой маршрутов, подкупом нужных чиновников – занимались третьи люди. Подбором персонала – четвертые. Деньгами – пятые. Оплачивалась работа Консорциума только после исполнения заказа – все честно.

В результате из механизма мог выпасть любой винтик, а машина продолжала работу. Поэтому винтики не выпадали – сотрудники Консорциума не обладали информацией, оправдывающей их захват и последующий допрос – они знали

только то, что им полагалось. Другое дело – региональный менеджер. Контролер и мозговой центр сети. Человек, обладающий властью и могуществом.

Именно со Всадником – региональным менеджером Европы – хотел связаться Сорок Два. И не просто связаться, а продемонстрировать свою силу. Сорок Два планировал выйти на сцену эффектно, ибо ему предстояло просить, а просить без козырей – дело жалкое. Бандитам следовало внятно объяснить, насколько серьезен пришедший к ним человек, поэтому перед Красной и ее командой высококлассных ломщиков была поставлена задача – обеспечить демонстрацию возможностей. Пробить защиту и незваными гостями войти в незарегистрированный коммуникатор. На решение ушел месяц, и вот теперь Красная сказала, что возможно…

– Нам удалось!

Сорок Два быстро подошел к коммуникатору.

– Уже?

– Сейчас! – Пальцы Розы летали над клавиатурой. – Три, два, один… Ты в эфире, дорогой!

– Так, ребята, теперь обещанные пистоны. Отделение 5-С!

– Да!

– Вы до сих пор не оплатили транзит отделению 11-А.

– Не может быть!

– Проверьте бухгалтерию, и если выяснится, что действительно не оплатили, запишите себе штраф – пять процентов.

– Черт!

– Вы знаете правила, ребята: между своими расчеты идут вовремя и в полном объеме…

– Ты в эфире, дорогой!

– Что за ерунда? – «удивленно» поинтересовался Таратута.

Машинисты Консорциума сработали отлично, обрушили защиту посреди фразы, и у Сорок Два возникло полное ощущение, что он явился неожиданно. Оставалось это ощущение укрепить.

– Что за отделение?

– Сорок Два.

– Обратитесь к своему региональному менеджеру! Вы не имеете права участвовать в моем совещании!

– Я не отделение! Я Сорок Два!

– Черт!

– И не пытайтесь отключиться – не получится.

– Какого черта вы творите?

– Нужно поговорить.

– О чем?

– Вы – региональный менеджер?

Пауза.

– Нет.

Согласно сценарию, «звонок Сорок Два, эпизод первый», машинисты уже отключили от разговора отделения, дабы служащие Консорциума не узнали, что приказы и пистоны им раздавал не великий и ужасный Всадник, а один из его помощников. Корпоративная этика.

– Я хочу поговорить со Всадником.

– В настоящий момент это невозможно.

– У меня есть предложение.

– Мы открыты для предложений, уважаемый Сорок Два. Вы могли связаться с нами обычным образом, а не гробить наш канал.

– У меня серьезное предложение, – попытался надавить Сорок Два.

– Лучше бы так и оказалось, – невозмутимо отозвался Филя.

– Что ты сказал?

– Только то, что вы услышали, уважаемый: ваше предложение должно соответствовать вашей демонстрации. В противном случае наша реакция вас неприятно удивит.

Таратута говорил вежливо, можно сказать – дружелюбно, однако слова его от этого становились только весомее.

– Для начала меня нужно отыскать, – хмыкнул Сорок Два. – А где я – никто не знает.

– Вы обратились в Консорциум, уважаемый. Мы специализируемся на местах и дорогах, о которых никто не знает.

Брови Красной удивленно поползли вверх. Сорок Два понял, что теряет лицо и пора сворачивать неправильно идущий разговор.

– Передай Всаднику мое предложение.

– Номерок не забудьте оставить. Мы не такие крутые, как вы, сетевым шаманством не занимаемся.

– У меня есть вино. Белое и холодное.

– Неси.

– Хорошо. – Борис поднялся с кровати и отправился на кухню. – Еще есть два яблока.

– Не хочу.

– Как скажешь.

Пэт задумчиво погладила рукой смятую подушку. Чуть наклонилась, вдыхая запах мужчины, и улыбнулась.

Все получилось замечательно. Упоительно долго и упоительно прекрасно.

– А еще у меня есть шоколад. Настоящий!

– Пусть остается.

Борис был классическим «вечным студентом», веселым шалопаем, богатые родители которого с пониманием относились к желанию сына продлить юность. Получив диплом юриста, Борис немедленно увлекся медициной, забросил после первого семестра, переключившись на молекулярную химию, потом попытался овладеть навыками программиста, затем… Но все понимали, что каждый вновь избранный курс – лишь повод остаться в кампусе, где Борис считался одной из легенд. Он не пропускал ни одной вечеринки, был душой всех компаний и разбил столько девичьих сердец, что пострадавшие могли бы основать приличных размеров страну амазонок.

Веселый и циничный, не желающий быть как все.

Когда-то Пэт казалось, что яркий Борис – то, что нужно. Как выяснилось – нет. Он не бросал вызов системе, а прятался от нее. Только на это у него хватало сил. На прятки и… секс. Отличный, упоительно прекрасный секс. Технически безупречный. Но дарующий только техническое удовольствие.

– Спасибо. – Пэт сделала большой глоток вина. – Очень вовремя.

Борис примостился рядом, провел губами по плечу девушки.

– Знаешь, ты первая девчонка, которая ничего от меня не хочет.

– Хочу.

– Кроме секса.

«А разве есть дуры, которые мечтают остаться с тобой навсегда?»

Пэт прекрасно понимала, что устроенный Борисом вечный праздник предназначался исключительно для него самого, что он, несмотря на открытость и дружелюбие, не подпустит никого слишком близко. Исправить Бориса может только время, то самое время, которое он тупо растрачивает в кампусе.

– Тебя это коробит?

– Нет.

– Да.

Он усмехнулся:

– Какая разница?

– В этом ответ.

Борис обаятельно улыбнулся.

– Ты со мной играешь?

– Нет. – Пэт благосклонно принимала движения губ молодого

человека – теперь они ласкали ее шею. Возбуждали… – Тебя коробит, потому что ты знаешь: мне от тебя ничего не нужно. Это необычно – тебя используют, а не наоборот.

– Или же у нас полное взаимопонимание: ты хочешь меня, я хочу тебя. – Его рука захватила небольшую грудь девушки. Нежно сжала. – Без всяких обязательств.

– Ты завел разговор, – Пэт поставила бокал на тумбочку. – Я же хотела обсудить совсем другое. – Она прильнула к Борису. – Попользуемся друг другом?

– Торопишься?

Он вновь взялся за ее грудь, сдавил твердый сосок. Вторая рука скользнула ниже. Зубы легонько прикусили мочку уха.

– Обещала отцу вернуться.

– Я думал, ты взрослая девочка.

– Именно поэтому вернусь – я ведь обещала.

– А мне что-нибудь пообещаешь?

– Возможно, мы еще увидимся.

– Вы не заняты?

Грязнов оторвал взгляд от книги.

– Да?

– Да, в смысле заняты, или…

– Да, в смысле я тебя слушаю.

– Quod erat demonstrandum.[8]

– Sero venientibus ossa.[9]

– Спасибо на добром слове.

– Всегда пожалуйста.

Кабинет Грязнова не нарушал стиль, выбранный при оформлении особняка. Бронзовые светильники, деревянные панели на стенах, антикварная мебель: тяжелый письменный стол и кресло. Вдоль стен – книжные шкафы, за стеклянными дверцами которых виднелись кожаные корешки древних томов. С одной стороны, рабочее помещение, с другой – личная комната. Настольный коммуникатор соседствует с милой рождественской безделушкой – Эйфелева башня в стеклянном шаре, тряхни его, и внутри пойдет снег. Фотография Пэт – обычный, правда, мастерски сделанный снимок на бумаге. И рамка обычная, простенькая, рамка не должна отвлекать внимание от фотографии.

– У Сорок Два все-таки получилось добраться до нас, – весело поведал Филя. – Появление свое он обставил несколько безвкусно, поэтому я пообещал наказать его, если предложение окажется мелким.

– Палку не перегнул?

– Ни в коем случае. Он мечтает с вами встретиться.

– Очень хорошо, Филя, просто замечательно. – Кирилл вернулся к книге. – Ты закончил с делами?

– Ага.

– Спокойной ночи.

– Спокойной.

Во внутреннем дворике особняка уже разметили парковочное место – пара невысоких фонарей да светящаяся краска на асфальте. Наверное, Филя постарался. Или Олово. Скорее – Олово, он ничего не упускает.

«Ифрит» встал в прямоугольник так, словно никогда его не покидал. Словно определивший свое место пес. Пэт вышла из машины и надавила на кнопку брелока, заставив «Ламборджини» мигнуть огнями. Нормальные люди управлялись с дверцами и зажиганием через «балалайки», ей же приходилось пользоваться электронным брелоком.

Плата за необычность.

Войдя в дом, Пэт сделала несколько шагов по коридору и остановилась, увидев выбивающуюся из-под двери отцовского кабинета полоску света. «Зайти?» Девушка сделала неуверенный шаг вперед, вновь остановилась и прищурилась, услышав знакомые строки.

Кровью вымокли мы под свинцовым дождем
И смирились, решив: все равно не уйдем!
Животами горячими плавили снег.
Эту бойню затеял не бог – человек:
Улетающим – влет, убегающим – в бег…
Свора псов, ты со стаей моей не вяжись,
В равной сваре – за нами удача.
Волки мы – хороша наша волчая жизнь,
Вы собаки – и смерть вам собачья!

Грязнов читал стихи. Декламировал негромко, почти шептал, неподвижно сидя в кресле. Глаза закрыты, на переносице стучит маленькая жилка, да пальцы едва заметно ерзают по раскрытым страницам, словно выискивая метки шрифта Брайля.

К лесу – там хоть немногих из вас сберегу!
К лесу, волки, – труднее убить на бегу!
Уносите же ноги, спасайте щенков!
Я мечусь на глазах полупьяных стрелков
И скликаю заблудшие души волков.

Те, кто жив, затаились на том берегу.
Что могу я один? Ничего не могу!
Отказали глаза, притупилось чутье…
Где вы, волки, былое лесное зверье,
Где же ты, желтоглазое племя мое?!
…Я живу, но теперь окружают меня
Звери, волчих не знавшие кличей,
Это псы, отдаленная наша родня,
Мы их раньше считали добычей.[10]

Остановился. Открыл глаза и улыбнулся.

– Добрый вечер.

– Привет. – Пэт подошла к столу. – Я услышала.

– Да, – кивнул Кирилл. – Старая песня… Зацепила меня еще тогда… – Он провел рукой по коротким волосам. – Знаешь, когда я услышал ее в первый раз, то почему-то сразу подумал, что она останется со мной надолго. Песня. Тогда я еще не знал… ничего не знал. Просто понял, что мою душу вскрыли. Или мне ее показали. Или кто-то прочитал мое будущее. – Он улыбнулся. – А потом получилось так, что эти строчки… они стали обо мне.

– Я знаю.

– Высоцкий… – Грязнов потер виски, достал из кармана золоченую коробочку и вытряхнул на ладонь пару пилюль. – Я люблю его стихи.

Вода помогла лекарству уйти глубоко внутрь. Не в душу, конечно, но глубоко.

– Ты устроил замечательный праздник, – тихо сказала Пэт, глядя, как отец допивает воду. – Спасибо.

– Пожалуйста.

– Почему?

– Потому что сегодня ты окончила Университет. Ты стала магистром. Сегодня большой день.

– Не только, – покачала головой девушка. – Должен быть другой повод для такого веселья.

Он вернул стакан на стол, закрыл книгу, но убирать не стал – оставил томик в руке, внимательно посмотрел на Пэт, улыбнулся с легкой грустью и тихо ответил:

– Сегодня случился последний беззаботный праздник в твоей жизни, дочь. Самый последний.

Глава 3

Анклав: Цюрих
Территория: Альпийская Поляна
«Замок Ван Глоссинга»
Разные люди считают первоочередными разные вопросы

– Сигару?

– Спасибо, нет.

– Виски?

– Лучше вина.

– Разумеется.

«Разумеется, вина! Сладкого вишневого дерьма, которое ты обожаешь!»

Мысли спрятаны глубоко, змеятся по самому дну души, а на лице Моратти – выражение «радушный хозяин». Президент излучает дружелюбие, но без перебора, чтобы дорогие гости не почуяли неискренность.

– Я приготовил ваше любимое.

Бутылка уже открыта, темно-красная жидкость льется в хрустальный стакан, распространяя удушающую вонь. Дунфан Шо, председатель совета директоров «Asia + Telecom», важно принимает угощение. А Цзинхуа, президенту «MOG Industries», Ник наливает той же дряни. Затем вопросительно смотрит на Чжантина, директора сингапурского филиала СБА. Чэнь мнется, он любит сигары и любит хороший виски, но не смеет. Кивает с таким видом, будто без ума от засахаренного китайского винца, и получает бокал с красным. «Боишься обидеть старших – давись отравой!» Себе же Моратти плещет на пару пальцев бурбона, плюхается в кресло и начинает раскуривать сигару. Смесь ароматов – виски и табак – должна перебить вишневую вонь.

– Ваше здоровье, господа.

Китайцы вежливо поддерживают тост.

Все, кроме четвертого. Кроме невысокого, седого как лунь старика, усевшегося в кресло у стены, сбоку от Ника. Наблюдает, оставаясь в тени – излюбленная манера генерала Ляо, величайшего разведчика Поднебесной, прибывшего в Цюрих под личиной члена совета директоров «MOG».

Встреча ни у кого не вызовет подозрений: верхолазы – частые гости роскошного кабинета президента СБА. Однако с Шо и Цзинхуа ситуация иная. Формально они являлись главами независимых корпораций, людьми самостоятельными, однако за их спинами маячила грозная фигура Председателя. Великого кукловода из Народной республики. И к Моратти китайцы

приехали не для обсуждения проблем «Asia+» или «MOG», а на очередное координационное совещание.

С тех пор как Ник поставил на Поднебесную, они стали регулярными.

– Мы слышали о вашей инициативе, – произнес Шо. – Она интересна.

Фраза была данью вежливости, китайцы хотели говорить о другом, однако Моратти вцепился в поднятый вопрос – сделка сделкой, но о своих интересах Ник не забывал.

– Народная республика должна поддержать СБА в деле борьбы с Сорок Два. Уверен, Председатель понимает опасность, которую несет этот террорист.

– Всеми силами поддержит, – кивнул Цзинхуа.

В переводе с дипломатического: разумеется, мы кому-нибудь скажем, наверное. Совсем не тот ответ, что требовался Нику.

– Печально говорить, но основной поток нелегальных «поплавков» – до тридцати процентов – идет из Народной республики.

Черные глаза китайцев остались непроницаемо бесстрастными. Знают? Разумеется, знают, но производство приносит прибыль. Хорошо еще, что власти Поднебесной хотя бы для виду борются со штампующими «поплавки» граверами, не поддерживают их новыми технологиями.

– Вы привели официальную статистику?

– Мы ее не обнародуем. Но закрывать на эти цифры глаза не можем. Тритоны сеют хаос.

– В Народной республике принимаются соответствующие меры.

– Они не кажутся достаточными, – твердо произнес Моратти. – СБА начинает большую охоту на производителей «поплавков», и я хочу, чтобы Народная республика поддержала меня по-настоящему.

– Мы передадим ваше пожелание, – протянул Шо. И с неудовольствием посмотрел на поднимающийся к потолку клуб ароматного дыма.

«Морщишься? Хорошо. А что Ляо?»

Быстрый взгляд. Генерал, похоже, спит. Все как обычно.

– Уверен, ваше пожелание встретит понимание, – добавил Цзинхуа.

Ему не терпелось перейти к главной теме встречи – узнать из первых рук новости о Станции. И о том, что творится вокруг нее. Но верхолаз понимал, что у них встреча, а не доклад, потому соблюдал нормы приличий.

– В Сингапуре ситуация очень тяжелая, – продолжил гнуть

свою линию Моратти. – Вы должны помочь Чэню справиться с проблемами.

– Позвольте еще раз уверить вас, Ник, что власти Народной республики и лично Председатель осознают угрозу Сорок Два и прикладывают все силы для борьбы с ней, – с вежливой улыбкой закрыл тему Шо. – Как обстоят дела на Станции?

Откровенное требование китайцев говорить о том, что им интересно, не вызвало у Моратти раздражения – привык. Знал, на что шел, когда договаривался, когда делал ставку, решив, что игра заканчивается, что Анклавы вот-вот сойдут со сцены и растворятся в государствах. Не угадал. Точнее – поторопился. Корпорации вытащили из рукава козырь – Станцию, и сосуществование продолжилось. Ошибся ли он? Трудно сказать. С каждым новым днем ситуация только запутывается, верхолазы мечутся, нервничают, государства дергаются, а Народная республика – это колосс. И вероятность того, что именно она сожрет Анклавы, до сих пор остается весьма высокой.

– Я как раз хотел предложить поговорить о ней, – улыбнулся Моратти.

– Вы ведь всего пять дней как вернулись?

– Да.

Визиты на Станцию президент СБА совершал регулярно, верхолазы хоть и доверяли сидящим на севере экспертам, но все равно дергались, требовали доказательств, что Станция не мыльный пузырь, что строительство идет по плану, что все «черт побери, под контролем»! Свита Моратти почти на сто процентов состояла из шпионов корпораций, из научных специалистов высочайшего уровня, однако, несмотря на все усилия, узнать что-либо действительно важное не получалось. Эксперты – и вместе, и по отдельности, и в приватных разговорах, и в компании с детектором лжи – подтверждали, что все идет как надо. Демонстрировали опытные образцы. Строили, захлебываясь в энтузиазме, грандиозные планы, но добиться от них конкретики не представлялось возможным. Аудиторские проверки, которые всегда сопровождали поездки президента, не находили огрехов больше, чем это возможно на строительстве подобного уровня. Прохоров держался вежливо, но беседовал с Моратти исключительно при свидетелях, категорически отказываясь уединяться.

Одним словом, визиты президента СБА приносили только два результата: на некоторое время успокаивали верхолазов и трепали нервы Мертвому. Причем насчет второго у Ника были серьезные сомнения.

– На самой Станции все в порядке. – На широком настенном

мониторе появилась схема Станции. Ник активизировал вшитую в указательный палец «мышь» и начал сообщение: – Строительство идет по графику. Заканчивается возведение Главного Энергоблока, одновременно монтируются его системы и вспомогательные узлы. Доклады, которые я получаю от Мертвого и находящихся на Станции независимых экспертов, схожи: полная готовность к началу сентября, затем проверка систем и запуск. Ориентировочно – октябрь – ноябрь.

Еще один взгляд на Ляо. Черт! Слишком узкие у него глаза. Непонятно, открыты ли?

– Вы доверяете докладам?

– Вынужден доверять, – спокойно отозвался Ник. – Но до сих пор Мертвый строительство не затягивал, и нет оснований предполагать, что станет. Он понимает, что, если не уложится в срок, на него насядут и заставят раскрыть все секреты.

– Давно пора, – буркнул Чжантин.

Верхолазы оставили замечание директора сингапурского филиала СБА без комментариев.

– «Науком»? – прищурился Шо.

– Движется в прежнем направлении, – ответил Моратти. – То, что раньше называлось тенденцией, теперь превратилось в стратегию. – На мониторе появилась карта той части России, где располагалась Станция. – «Науком» перевел почти все свои филиалы и производства в этот район. Он и раньше проявлял к нему интерес, но за последние два года провел настоящее вторжение. Корпорация выкупала у русских целые промышленные районы и модернизировала производства.

Красные точки подразделений «Науком» напоминали пчелиный рой. Вокруг Станции их было немного, основная часть «пчел» находилась южнее, там, где у русских традиционно располагались производства, но при этом – недалеко.

– Следить за «Науком» у меня получается лучше, чем за Станцией, – признался Моратти. – Корпорации не имеют права скрывать что-либо от СБА.

– Да, конечно, – с улыбкой согласился Цзинхуа, намекая на то, что Моратти проспал проводимую в «МосТех» разработку новой энергии.

Ник на укол не среагировал. Пыхнул сигарой, глотнул виски, промолчал.

– Такое впечатление, будто «Науком» создает новый Анклав, – задумчиво произнес разглядывающий карту Шо. – Растянутый в пространстве, но тем не менее…

– Как Холодов объясняет свои действия?

– Оптимизацией.

– Откуда у них деньги, интересно? – проворчал Чжантин. – Перемещение производств наверняка обошлось корпорации в огромную сумму.

– Деньги у «Науком» от нас, – с холодной улыбкой ответил Шо. – В смысле – от всего мира.

– Что вы имеете в виду?

– После того как Анклавы поддержали проект Станции и внесли свою долю, акции «Науком» взлетели до небес, им даже пришлось выпустить дополнительную эмиссию.

– Не покроет.

– Ты забываешь о «Фадеев Group», Чэнь, – произнес Моратти. – О финансовой корпорации, фактически находящейся под управлением президента «Науком» Холодова. Через нее москвичи собрали огромные средства – займы и кредиты в невероятных количествах. Не отказывали никому, кто хотел дать им в долг. А таких, поверь, было немало.

– Когда должен начаться возврат средств?

– Через год после официального запуска Станции.

– Год… – Чжантин почесал кончик носа. – Проценты… Вряд ли они успеют.

– Думаешь, Холодов сознательно идет на банкротство?

– Его стратегия ясна, – громко произнес Шо. – «Науком» готовится использовать монопольный доступ к новой энергии. Собранные деньги пошли на разработки и реорганизацию производства. Как только Станция заработает, «Науком» наводнит рынок продукцией, использующей новую энергию. И снимет сливки. Холодов рассчитывает, что полученной прибыли хватит, чтобы расплатиться с долгами.

– Это не объясняет переброску производств, – ответил Чжантин. – Зачем тянуть фабрики и заводы к Станции?

Шо внимательно посмотрел на директора сингапурского филиала и пожал плечами:

– Не знаю.

– Ход действительно необъясним, – согласился Цзинхуа.

Китайцы одновременно повернули головы к Ляо. Ждут инструкций. А на лице генерала не дрогнул ни один мускул, отвечать он не собирался.

– Это очень важный вопрос, Ник, – произнес после паузы Шо.

– Я понимаю.

Но сумеет ли он на него ответить? Впрочем, Моратти еще не закончил доклад.

– Есть нечто более непонятное. – Президент СБА раздавил в пепельнице недокуренную сигару. – В ходе переброски и последующей модернизации производств «Науком» закупал очень

много оборудования. Гораздо больше, чем ему требовалось, и – не только то, что ему требовалось.

– Например?

– Например – заводы строительных материалов.

– Вполне объяснимо.

– Если бы их запустили, – заметил Ник. – А они лежат на складах «Науком». Тонны нераспакованного оборудования.

– Действительно странно.

– А что скажете насчет огромных запасов продовольствия?

Китайцы промолчали.

– А позабытый нами «МосТех» провел реорганизацию геолого-разведывательной службы.

– Для «МосТех» это нормально, – пожал плечами Шо. – Они ведь работают по заказам русских. Пытаются выковырять из Сибири то, что не выковыряли до сих пор.

– Штат увеличен в три раза. Полностью переоснащен технический парк. И угадайте, где теперь располагаются основные базы геологов «МосТех»?

– Недалеко от Станции?

– Совершенно верно, – подтвердил Моратти. – Самое современное геологическое оборудование находится в районе, карту полезных ископаемых которого составили еще сто лет назад.

В кабинете повисла тишина. Ник понял, что китайцам очень хочется снова посмотреть на Ляо, попросить его принять участие в разговоре, однако прошлого раза вполне хватило. Теперь поднебесники обратят на старика внимание только в том случае, если он сам подаст голос.

– Я никогда не верил, что Холодов строит обычную энергостанцию, – поджал губы Шо.

– Тогда что?

– Мы еще не осознали те возможности, которые даст новая энергия, – рассудительно заметил Цзинхуа. – У них есть информация, у нас нет. Они работают с ней три года, мы кормимся обрывочными сведениями. Они ушли вперед, узнали нечто новое, и, по всей видимости, это самое «нечто» и заставляет их предпринимать перечисленные шаги.

– Непонятные шаги, – уточнил Шо.

– Согласен.

А непонятное, как правило, таит угрозу.

Моратти знал, что сумел удивить китайцев. И догадывался, как его собеседники среагируют. Поэтому следующие слова Шо не стали для него неожиданными:

– Ник, мы передадим наш разговор, но я предвижу реакцию.

– Жесткую?

– Полагаю – да, – кивнул китаец. – Пока речь шла только о строительстве Станции, которая, теоретически, должна вырабатывать новую энергию, мы оставались спокойны. Мы понимали, что получим технологию сразу после запуска Станции. Все государства это понимали, потому – ждали. Но сейчас речь идет о необъяснимых фактах. О чем-то, что выходит за пределы нашего понимания. Если «Науком» на самом деле ушел далеко вперед… Если, работая с новой энергией, они вышли на принципиально иной уровень… – Шо покачал головой. – Мы должны их остановить.

– Или присоединиться к ним, – уточнил Цзинхуа.

– Не дожидаясь запуска Станции?

– Нельзя дожидаться запуска, – наконец-то подал голос Ляо. – Нельзя.

«Похоже, мне стало известно решение, – понял Моратти. – Ну, что же, Мертвый, держись!»

Распрощавшись с китайцами, Моратти раскурил следующую сигару и некоторое время сидел в кресле, тщательно обдумывая только что состоявшийся разговор. Затем повернулся к монитору и вывел на него карту расположения флотов – в распоряжении СБА находилось достаточно спутников, чтобы отслеживать перемещения военных. Выделил интересующую зону, увеличил масштаб, попыхтел сигарой.

Китайцы, индусы, вудуисты, европейцы… В общей сложности – семь авианосных соединений под разными флагами. Русские, которые обычно нервно реагируют на приближающиеся к их обожаемым нефтяным вышкам войска, на этот раз не трепыхаются. Понимают, что бесполезно. И еще понимают, что не за нефтью пришли в Арктику флоты, совсем не за нефтью.

«Если потребуется, они подойдут на расстояние авиаудара, русские пропустят без звука. Но что дальше? Разрушать Станцию никто не хочет, Мертвый это понимает, поэтому кораблями у побережья его не напугать. Согласятся ли русские на десант? Вывернуть им руки – согласятся…»

Но сумеют ли государства договориться о сотрудничестве? Или передерутся на подступах к Станции? Уж не на это ли надеется хитроумный Кауфман?

* * *

Территория: Россия

Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13
Кодовое обозначение – «Станция»
Грандиозные планы требуют грандиозной подготовки

– Еще кофе? – заботливо осведомилась очаровательная стюардесса.

Настоящая красавица, хоть сейчас на плакат: «Выбирайте наши авиалинии!» Глаза, волосы, кожа, черты лица – все на пять баллов, не сразу даже поймешь, свое все это богатство или отрихтованное классным пластиком. Дежурная улыбка – очень милая и очень похожая на искреннюю. Идеально выглаженная форма. Безупречная биография и, разумеется, опыт – на обслуживание VIP-рейсов начинающих не брали даже по очень большой протекции, только тех, кто зарекомендовал себя настоящим профессионалом. Красавица начинала на обычных маршрутах, несколько лет нарабатывала драгоценный опыт, заводила нужные знакомства, конечно, искала протекции, но в первую очередь – опыт. Ей предложили элитарные полеты – «сверхзвуковики», рейсы для самой серьезной публики. Она справилась. Ее в очередной раз тщательно проверили, взяли на заметку и потом, когда в особом отряде освободилось место, предложили обслуживать VIP. С тех пор красавица летала реже, но зарабатывала больше. И числилась штатным сотрудником СБА.

– Еще кофе?

– Коньяк не закончился?

– Ни в коем случае.

– Тогда кофе и по сто граммов коньяка, на… – Васильев перевел взгляд на Щеглова: – Вы будете?

Мишенька сидел отдельно от спутников, в кресле четвертого, последнего ряда. Утонул в кожаном троне, даже не сидел, скорее лежал: откинулся далеко назад и вытянул ноги. Глаза закрыты, с виду – спит, однако указательный палец правой руки елозит по подлокотнику. Мишенька работал с накопившимися отчетами, а потому его ответ прозвучал несколько рассеянно:

– Без коньяка.

– Кофе всем, коньяк на троих, – распорядился Васильев.

– Будет готово через две минуты. – Стюардесса исчезла за дверью.

– Кому сдавать?

– Мне.

Офицеры вернулись к преферансу. Мишенька – к документам. Взгляды одних прикованы к картам, другой и вовсе закрыл глаза, а потому никто, ни один из них не видел, как солнце купается в пушистых, похожих на огромные снежные сугробы облаках. Как раскрашивает их во все оттенки розового, а еще – желтого. И даже

– фиолетового. Как свет нового дня ложится на вечноменяющиеся горы небесных странников. Настолько большие горы, что самолет на их фоне не выглядит песчинкой – кажется, будто его и вовсе нет. Офицеры не видели. А даже выгляни кто из них в иллюминатор, то в первую очередь он обратил бы внимание не на облака и солнце, а на идущий параллельным курсом истребитель русских ВВС – обязательный эскорт.

Небольшой и очень быстрый «Су-1000» «Транссиб» предназначался для пассажиров особого рода: для людей очень важных, или очень богатых, или и важных и богатых одновременно. И проектировался он так, чтобы эти важные (богатые) люди чувствовали себя максимально защищенными. Роскошный салон – только натуральная кожа и полированное дерево – одновременно являлся автономной спасательной капсулой. Ее компьютер получал информацию со всех систем «Транссиба», но при этом не имел связи с главным бортовым компьютером. В случае серьезной опасности, например, при приближении ракеты, капсула отстреливалась, разваливая «Су-1000» на куски. Вероятность спасения членов экипажа – пять процентов, но кого это волнует? «Транссиб» предназначался для пассажиров и только для пассажиров.

Для очень важных персон.

– Ваш кофе.

Серебряный поднос, фарфоровая чашка, малюсенькая плитка настоящего шоколада. Аромат кофе приятно щекотал ноздри.

– Благодарю. – Отчеты закончились. Мишенька закрыл «окна» и улыбнулся стюардессе: – Вы замечательно его варите, Валентина.

– Спасибо.

Было время, когда Щеглов путешествовал, как обычный человек. Студентом, он на «суперсобаках» объехал всю Европу. Став офицером СБА, привычкам не изменил, ездил много, но, оказавшись на должности начальника Управления дознаний, Щеглов выезжал из Москвы исключительно под чужими именами, даже на отдых. Теперь же не спасали и поддельные «балалайки». Мишенька оказался под софитами, его фамилия склонялась в кабинетах всех разведчиков и политиков мира. Правая рука Кауфмана! Человек, которому никому не доверяющий Мертвый поручил курировать строительство Станции! Человек, который знает о ней все. В результате Мишеньку мечтали похитить и террористы, и спецслужбы, и явные враги, и «напервыйвзгляд» друзья. Конечно, были и другие всезнайки: Прохоров и Слоновски, однако они не покидали Станцию, а Щеглов постоянно мотался между ней и Москвой, поэтому охраняли его,

как самого Мертвого.

– Что-то еще?

Девушка помялась, но все-таки решилась, кивнула на запертую дверь перегородки, разделяющей пассажирский салон на две части:

– Туда что-нибудь нужно?

Мишенька поднес чашку ко рту, вдохнул аромат, сделал маленький глоток и ровно ответил:

– Там никого нет.

Стюардесса покраснела:

– Извините.

– Все в порядке.

Щеглова охраняли «по классу «А», однако ни истребители сопровождения, ни бронированные спасательные капсулы, ни толпы телохранителей не могли обеспечить той защиты, которую давала тайна. Если враг не знает, куда ты направляешься, в какое время, под каким именем, – он не способен нанести удар. Идеальный случай – когда враг о тебе вообще ничего не знает, даже то, что ты существуешь.

Пассажир, занимавший вторую половину салона, поднялся на борт самым первым, еще до того, как появился экипаж. Безы очистили ангар – стандартная процедура перед полетом, а потом пропустили к самолету кого-то, чье лицо скрывала наномаска. На Станции процедура повторится в обратной последовательности: ребята Слоновски удостоверятся, что экипаж и пассажиры ушли, подадут условный сигнал, и пассажир покинет самолет. Его лицо увидят только те, кому положено.

Тайна.

Мишенька допил кофе, выбрался из кресла и подошел к спутникам. Игра закончилась, и офицеры определялись с результатами:

– С тебя шестьдесят юаней, с тебя сорок…

– Надо было играть на рубли.

– По мелочам? Как в детском саду?

При появлении Мишеньки напряглись, однако Щеглов махнул рукой: «Сидите», прошел к шкафчику и снял с вешалки повседневный, темно-серого цвета китель. Золотые погоны, наградные планки, шевроны, значки, на груди опознавательный знак московского СБА, на рукаве – шеврон филиала «Станция»: белый щит с черной руной Дагаз. Выглядел китель не так солидно, как парадный, цвета морской волны, на котором полагалось носить не планки, а сами награды, но все равно весомо. Обычно Мишенька предпочитал штатское, он бы и на строительство летал в костюме, наплевав на то, что визиты

считались официальными, однако детям нравилось, когда папа приезжал в мундире, ради них и старался.

– Время? – спросил Васильев.

– Истребители поменялись. – Мишенька кивнул на иллюминатор. Вместо одинокого русского «МиГа» рядом с «Транссибом» появилась пара хищно изогнутых «Сапсанов» с опознавательными знаками СБА. – Началась наша зона ответственности.

Тридцать машин в истребительном полку. Тридцать – в бомбардировочном.

«Зачем он нужен?»

«Кто знает, что придет с земли? Нужно быть готовыми».

А тридцать современных бомбардировщиков, оснащенных наилучшим, любовно собранным на предприятиях «Науком» вооружением, способны перепахать не один квадратный километр.

Изначально, вдохновляемый верхолазами, Моратти наложил вето на предложение Мертвого превратить Станцию в крепость, однако серия терактов, проведенных в течение первого полугодия строительства, и прокатившиеся по всем крупным городам планеты массовые выступления против Станции заставили верхолазов согласиться с доводами Кауфмана. Опять же – непредсказуемые русские, на территории которых возводился объект. Верхолазы поразмыслили и решили, что раз уж они согласились платить, то пусть их вложения будут должным образом защищены. Мертвый получил «добро» и принялся выстраивать оборону по всем правилам военного искусства.

Пятьдесят вертолетов в смешанной бригаде: разведывательные, огневой поддержки, транспортные. Тридцать занятых на строительстве гражданских геликоптеров также курируются военными, их пилоты – исключительно безы.

Бригада ПВО: двенадцать стационарных батарей и шесть мобильных. Время развертывания – пятнадцать минут. «Воздух» Станции был прикрыт на «отлично».

«Земля» – тоже.

Огромную территорию Станции окружили три защитные линии. Первая – два ряда колючей проволоки, редкие башни с автоматическими пулеметами и множество видеокамер. Вторая, идущая через триста метров от первой, уже серьезнее. Три ряда проволоки, бетонные «ежи», доты, капониры, ходы, «секреты» и много, очень много стволов. Третья линия представляла собой бетонный забор, перед которым шли два ряда колючей проволоки, единую сеть бункеров и укрытий. Между линиями –

минные поля. Позади – артиллерийские и ракетные батареи. Наводчики знают местность как свои пять пальцев и готовы положить снаряд даже не в платок – в монетку.

Станция могла выдержать настоящий штурм.

– Как долетел?

– Как видишь – долетел.

– Похож на офицера высокого ранга.

– Напускное.

– Планки лаком покрыл или чистишь тряпочкой?

– Горничной поручаю.

– Молодая горничная?

– Старушка слепая, держу из жалости.

– Жена знает?

– А зачем?

Неспешно, перебрасываясь шуточками и подначками, Щеглов, Прохоров и Слоновски подошли к вертолету, ожидавшему в сотне метров от ангара, в который закатили «Транссиб», и забрались внутрь. Мишенька всегда начинал визиты на Станцию с облета территории.

– Как прошла ночь? – Утренние отчеты со Станции Щеглов еще не получил, вот и поинтересовался.

– Попытка подключения к видеокамерам первой линии.

– Местные?

– Нет, ребят аж в Питере наняли.

Вертолет взмыл в воздух. Грег за штурвалом – лишних ушей в машине не было, только свои, проверенные.

– Им кажется, что вудуисты, но я подозреваю китайцев. В Питере их много, а вудуисты предпочитают работать через Пермь.

– О задержании еще не объявляли, – вставил Прохоров. – Я предлагаю сдать диверсантов ОКР, а Грег – расстрелять.

– Мы давно никого не наказывали, – отозвался Щеглов, внимательно подмечая новые детали в знакомом до мелочей пейзаже Станции.

Вот двадцатиэтажная башня Лаборатории Технических Проектов – ЛТП-1, мозгового центра строительства. На крыше – новая антенна. Рядом с башней, что естественно, растет Теплый Дом – офис филиала СБА. Десять этажей вверх, облицованных непрозрачным стеклом, еще пять этажей вниз, в мерзлоту. Этот за две недели не изменился. Чуть дальше – огромный, триста метров в диаметре, купол Главного Энергоблока, похож на распухший Тадж-Махал, но только похож. Ни минаретов, ни изящных узоров – прагматичные прямые линии. Прямоугольник, на котором примостилась гигантская полусфера. Ее поверхность постепенно

закрывается листами особого покрытия, с виду – титапласт, на деле – совсем другой материал. Осталось шесть уровней. В прошлый раз недостроенных рядов было восемь. Все по графику.

Взгляд опустился чуть ниже, на пять железнодорожных веток, что с разных сторон подходили к Энергоблоку.

– Когда будут остальные?

– Точное число уже известно? – вопросом на вопрос ответил Прохоров.

– Мы по-прежнему надеемся на восемь, – бесстрастно сообщил Щеглов. – Когда?

– Нас видят, – напомнил Слоновски, имея в виду разведывательные спутники. – Пять веток объясняются строительными потребностями. Три дополнительные вызовут подозрения.

– Оборудование готово, – добавил Прохоров. – Мы проложим ветки в течение трех дней.

– Ладно, – подумав, согласился Мишенька. – В последний момент.

Когда на подозрения можно будет наплевать.

Конечно, если этот момент настанет.

Вертолет заложил вираж, облетая зависший над территорией дирижабль электронщиков, и перед Мишенькой открылся вид на железнодорожный узел – основные ворота Станции. Два эшелона разгружаются, один замер на досмотре – расположенной между первой и второй линиями стоянке, еще один только подбирается к границам Станции. Грандиозное строительство пожирает грандиозное количество ресурсов, в день приходит до семи эшелонов с оборудованием и материалами. И каждый вагон нужно проверить – обязательная мера, учитывая количество террористических атак, которые уже предотвратил Слоновски. Идущими к Станции ветками занимались в самом начале строительства – старую модернизировали, вторую проложили с нуля, их пропускная способность высока, для нужд Станции такого не требовалось, но далеко не все предпринимаемые действия объяснялись только нуждами Станции.

– Когда поведете дополнительные линии к Энергоблоку, займитесь досмотровыми стоянками, – распорядился Щеглов. – Их нужно увеличить, чтобы одновременно досматривать по два эшелона.

– Понял, – кивнул Прохоров.

– И подготовьтесь к строительству сквозной ветки – некоторые эшелоны пойдут без досмотра.

– Хорошо.

За железнодорожным узлом – промышленные корпуса.

Производство новой энергии требовало нового оборудования, новых технологий. Делиться ими «Науком» пока не собирался, а потому оборудование для Энергоблока создавалось прямо здесь, на Станции. Или собиралось из тех комплектующих, что присылались с «Большой Земли». Свои разработчики, свои инженеры, свои рабочие… Здесь вообще было много своего. Даже небольшой атомный реактор предусмотрели на тот случай, если из России неожиданно перестанет поступать электричество. Смета давно превышена, однако недостатка в финансировании на Станции не ощущали – Мертвый сказал, что деньги не кончатся, и они не кончались.

С востока, как раз напротив производственной зоны, к первой линии обороны приткнулся Кайфоград. Три года назад захудалый поселок не насчитывал и сотни жителей, теперь же в нем кипела жизнь, а новые здания появлялись едва ли не каждый месяц: рестораны, бары, ночные клубы, казино, публичные дома и наркопритоны. По ночам Кайфоград заливал свет неоновых реклам и окутывала какофония музыки. Центр радости, созданный разведчиками, агентами и бандитами, всеми, кто желал прикоснуться к тайнам Станции.

Пока удавалось справляться.

– Давай на склады.

Вертолет заложил еще один вираж, и вскоре под его брюхом появились длиннющие ряды Резерва.

Ставшая ненужной техника тщательно консервировалась. Верхолазам объяснили, что везти ее обратно слишком дорого, проще оставить на случай строительства второго энергоблока. Следом шли бесчисленные складские ангары. Накопленных запасов слишком много даже для огромной Станции, но мало для людей, ею управляющих, – дальше на север видны поднимающиеся ребра новых складов.

– Как работа?

– По графику.

– График придется поменять, – невозмутимо заявил Мишенька. – Скоро мы начнем наращивать поставки. Перебрасывайте сюда еще людей, мы не можем класть грузы под открытое небо.

– Кое-что можем, – пробурчал Грег.

– Согласен. Но только не то, что будет храниться в ангарах второго типа.

– Тоже верно…

Их никто не подслушивал и не мог подслушать, как бы ни старался. Однако они все равно не называли вещи своими именами. Зачем, если каждый понимает, что имеется в виду под

«ангарами второго типа» и «грузом», который будет в них храниться? Школа Мертвого.

Ангары второго типа занимают отдельную зону Резерва, их охраняют люди Слоновски. Секретный объект.

На Станции вообще много секретов, чересчур много, даже учитывая, что это первая в мире станция, которая будет вырабатывать принципиально новую энергию. Тайна на тайне. Каждый знает только маленькую часть общей картины и не может никому рассказать ничего важного. Для того чтобы осознать картину, нужно собрать информацию из сотен источников.

– Часы тикают, – продолжил Мишенька, глядя на стройку. – Скоро будем вертеться как белки в колесе.

– То есть до сих пор мы расслабленно дремали?

– Ага.

Вертолет опустился на одну из площадок, примыкающих к жилому комплексу.

– Встречаемся здесь через три часа, – произнес Щеглов, выпрыгивая из машины.

– Договорились.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз
Штутгарт, Баварский султанат
Клуб «Золотой запас»
От правильно сделанных предложений не отказываются

Если ты крутой мужик, или считаешь себя крутым мужиком, или окружающим кажется, что ты крутой мужик, у тебя должна быть база. Так повелось издревле, и так будет всегда: должно быть место, где ты – несомненный хозяин. Владетельный сеньор. Абсолютный монарх. Король Артур пьянствовал с вассальными всадниками за круглым столом. Дон Корлеоне протирал штаны в офисе, импортируя на радость налоговой службе оливковое масло. Алоиз Хан облюбовал для своей базы «Золотой запас» – небольшой ночной клуб, расположенный в христианском квартале Штутгарта. Респектабельное заведение, в котором проводили время обеспеченные люди. Хорошие развлечения, проверенные девушки, надежная охрана. Владельцем «Золотого запаса» числился отставной майор Иностранного легиона, человек жесткий, склонный к армейскому порядку, а потому клуб считался самым безопасным ночным заведением города. Уголовники его обходили, полиция наведывалась нечасто, одним словом, спокойное, надежное место с пристойной репутацией.

Поэтому Киприот без колебаний принял предложение Алоиза отсидеться у него.

Хотя…

Если быть до конца честным, колебания присутствовали. Вырвавшись из расстрелянных «Ворот», Киприот планировал воспользоваться давно заготовленным каналом исчезновения, залечь в потайной квартире, сменить имя, физиономию, уехать в ближайший Анклав, но… Человек предполагает, а Хан располагает. Увидев, что Киприот собрался про– щаться, Алоиз по-приятельски сдавил беглому оптовику плечо и разразился короткой, но очень выразительной речью, смысл которой сводился к тому, что, побывав под пулями, они стали братьями, а братья должны помогать друг другу. Чисто по-братски.

И ведь не поспоришь.

Тем более что через пять минут подъехал «Дромадер» с другими «братьями» Алоиза, и желание спорить исчезло окончательно. Киприот послушно забрался на заднее сиденье, молча доехал до «Золотого запаса», где охотно принял предложенный стакан водки – выпить, мягко говоря, не мешало. Потом, кажется, последовал еще один, потом еще, и в итоге Заза проснулся за полдень. Сначала перепугался, не сообразив, где находится. Потом еще больше испугался, вспомнив, где оказался. И лишь минут через пять, напялив обнаруженную под кроватью одежду, спустился в бар, где и нашел изучающего новости Хана.

– В Баварском султанате продолжаются аресты лиц, подозреваемых в причастности к преступной организации Хашима Чеку Живоглота. Европол сообщает о двух сотнях арестованных, однако цифра продолжает расти…

– Дерьмо! – прокомментировал сообщение Киприот.

– Дальше будет лучше, – пообещал Хан. – Я видел этот ролик в предыдущем выпуске.

– Сам Живоглот отказался сдаться властям…

– Вранье! У Хашима целая дивизия адвокатов! Он бы ни за что…

– …опасаясь за жизнь заложников, спецназ был вынужден пойти на штурм, – продолжил диктор. – В ходе захвата виллы Хашим Чеку Живоглот был убит…

– Черт!

– Вот что заявил пресс-атташе Европола…

– Выключи, – попросил Киприот.

Смотреть на сияющего полицейского ему было противно.

– О тебе ничего не говорят, – любезно сообщил Алоиз, отключая коммуникатор. – Просто сказали, что штутгартская сеть разгромлена.

– Как же! – скривился Заза. Бармена за стойкой не оказалось – клуб еще не открылся, поэтому Заза по-хозяйски прошел внутрь и взял из холодильника бутылочку воды. – Оптовиков прихлопнули, а мелочь упустили.

И попытался залить холодным давно забытую похмельную сухость во рту.

– Ребята говорят, на улицах было шумно, – протянул Хан.

– Ты плохо знаешь Европол, – махнул рукой Киприот. Одной бутылочки показалось мало. Заза взял вторую, вышел из-за стойки и уселся на соседний с Ханом табурет. – За пушерами они гоняться не станут. Хлопнули самых известных, а остальных напугали. Через неделю на улицах все будет по-прежнему.

– Только без Живоглота, – заметил Хан.

– Угу, без Живоглота.

Полбутылки ушло одним глотком.

«Интересно, я сам нажрался или они меня вырубили?» Заза не прикасался к спиртному больше десяти лет, но вчера не выдержал, сломался, слишком уж страшно было в «Воротах»…

– Воевать Живоглот зря начал.

– Он не воевал. – Киприот приложил холодную еще бутылку ко лбу. – Пусть дурачкам истории рассказывают. Хашим за пушку лет двадцать не держался, он головой работал!

– Виллу его спецназ знатно разгромил, – со знанием дела сообщил Хан. – Я утром репортаж смотрел – наслаждался. Профессионалы. Потом позвонил кое-кому, у меня камрадов старых много, и узнал то, что в новостях никогда не покажут.

– Неинтересно.

Но останавливаться Алоиз не собирался – вояка оседлал любимую тему.

– Короче, Хашим понял, что пахнет жареным, и парламентера выслал, мол, сдаемся. Они парламентера из «дрели», даже с крыльца спуститься не успел. И тут же из реактивных гранатометов по окнам врезали, чтобы, значит, никто в подвал не ушмыгнул. Пустили газ и вошли. Всех, кто попадался, на месте расстреливали.

Хан даже причмокнул от удовольствия. По глазам видно – жаль ему, что не «работал» на операции.

«Маньяк!»

– А заложники? – хмуро спросил Заза.

– Откуда там, в задницу албанскую, заложники?

– В новостях сказали.

– В новостях они зачистку обеляют, – наставительно произнес Хан. – Слышал такое понятие – «пропагандистское прикрытие»? Помню, шарахнули мы как-то по сербской деревне. Случайно,

конечно, – ракетчики не рассчитали. Думали, все – служебного не избежать, оштрафуют на фиг, но ребята из пиар-обеспечения выручили. Отыскали в той глухомани и террористов, и склад оружия. Так что нам еще благодарности выписали.

– Ну, да… – вяло согласился Заза.

Слушать разглагольствования наемника было невыносимо. И так на душе гадко, а тут еще этот пехотинец морской наемный иностранный хренов… Ракетчики у него не рассчитали, мать…

– Жаль, что так получилось.

– А уж мне как жаль! – поддержал тему Алоиз. – Теперь придется другого поставщика искать.

«Ага, это он о деле!» Киприот собрался.

– Форс-мажор.

И допил воду.

– Не знаешь, чем Живоглот Европол обидел?

– Не той стороной монетка упала.

– То есть?

Вопрос прозвучал повелительно. Радушный хозяин не понял фразу.

– В Баварском султанате было два весомых человека: Хашим Живоглот и Малик Путник. Запад и восток, – объяснил Киприот. – Я полагаю, султан по каким-то причинам потребовал от Европола активных действий. Может, изжога замучила, может, парижским шейхам пообещал или СБА – не важно.

– Согласен – не важно, – кивнул Хан, внимательно ловя каждое слово Зазы.

– Султан велел пустить кровь. В Европоле подкинули монетку: решка – Живоглот, орел – Путник. Выпала решка.

Наемник помолчал.

– Думаешь, так все и было?

– Так ведь Путник до сих пор орел орлом. Вот и получается, что выпала решка. – Киприот поморщился, вспоминая вчерашнюю перестрелку. – И мы попали под каток.

«Из реактивных гранатометов по вилле? Я, оказывается, еще легко отделался, в «Ворота» только спецназ вошел».

Хан с улыбкой посмотрел на Киприота.

– Ну и как тебе быть никем?

– Я справлюсь.

– Уверен?

– На пенсию заработал.

– А я еще нет.

Первый звонок. Киприот попытался прикинуться дураком:

– Что?

– По крайней мере, на ту пенсию, которую мне хотелось бы

иметь, – спокойно продолжил наемник. – И камрады мои… Поверь, Заза, они не жадные, просто им нужны деньги. На жизнь, на развлечения. Родителей поддержать, женщину завести… А в наши дни трудно найти хорошую работу.

– К чему ты клонишь?

Хан чуть подался вперед:

– Я не могу тебя отпустить, Заза. Я и так собирался работать с тобой, но теперь, учитывая обстоятельства, должен воспользоваться ситуацией.

– Как? – На самом деле Заза уже догадался, куда клонит наемник. И от догадки этой ему снова захотелось выпить. Так и становятся алкоголиками.

А вот Хану, напротив, пить не хотелось. Судя по всему, этот вынырнувший из Иностранного легиона ублюдок уже несколько часов обдумывал происходящее и теперь собирался поделиться с «братом» своими выводами.

– Пойми меня правильно, Заза: я не один. У меня отличная команда, и все камрады, так уж получилось, умеют читать, писать, пользоваться коммуникатором и знают последние новости. Европол снес половину организованной преступности Баварского султаната. И если я не воспользуюсь ситуацией, ребята выберут другого лидера, а я отправлюсь в канализацию.

– Прям как в стае волков.

– А мы и есть волки, Заза. И другой жизни не знаем.

Киприот вспомнил перестрелку. Спецназовцев, боящихся высунуться из укрытия, и стоящего в рост Алоиза. В одной руке плюющаяся огнем «дрель», в другой – мертвый паренек. Кровавый щит. Не всякий так сумеет. Не всякий так рискнет.

Разве что – волк.

– Чего ты хочешь?

– Я еще думаю, – не стал скрывать Хан. – Я должен хорошо все обдумать. Перспективы очень широкие. Блестящие перспективы. Несмотря на все мои несомненные достоинства… ты ведь не сомневаешься в моих несомненных достоинствах?

В серо-голубых глазах сверкнул огонек. Веселый? Злой? Безумный? Непонятно. Ни черта не ясно. Только одно – страшный это огонек.

– Нет.

– Вот и хорошо. Так вот, несмотря на все мои несомненные достоинства… Черт! Как же мне нравится повторять: несомненные достоинства!

Киприот понял, что Алоиз возбужден до крайности. Осел… Нет, все-таки – волк. Волк увидел жирный кусок и пустил слюни.

– Так вот, несмотря на них, я все-таки простой человек. У

меня наклевывался отличный бизнес, я нашел кучу голодных до «синдина» машинистов и решил им помочь. Я думал, это хороший бизнес. А ты как считаешь?

– Ну… да.

– Дерьмо! – не согласился Хан. – Теперь я вижу, какое это было дерьмо! Миллион евродинов в месяц – ха! Гребаные полицейские сделали мне царский подарок – шлепнули Живоглота. Очистили западную часть султаната от албанских уродов…

– Албанцы вернутся, – предупредил Заза.

Хан его «не услышал».

– Я простой человек. У меня нет связей. Вся моя связь – это ты.

– Спасибо на добром слове, но мы еще не настолько близки…

И опять слова прозвучали в пустоту.

– В нашей встрече, Заза, я вижу руку Судьбы. Она случилась не просто так. Ты потерял все, а у меня все есть.

– Что все? – не выдержал Киприот. – Десять бывших головорезов?!

«И плевать на безумный огонек. Не буду бояться! Не хочу!»

– Не десять, а двадцать пять настоящих головорезов, – мягко поправил Зазу Хан. – Но это начало. У меня нет связей в твоем мире, зато куча добрых знакомых в моем. Понимаешь, о чем я говорю? Я, между прочим, дослужился до командира батальона, Заза. У меня большие связи, и я могу собрать столько камрадов, сколько нужно. И каждый из них стоит десятерых албанцев.

Ветераны Иностранного легиона. Киприоту приходилось видеть этих отморозков в деле. Решимости и опыта у них действительно хватало, однако в реалиях криминального мира они разбирались слабо, на чем всегда прокалывались. Не вырастало из ветеранов по-настоящему серьезных людей уровня Живоглота или Путника. Не пускали их. Теперь, похоже, времена изменились. Европол расчистил Хану дорогу, а он, хоть и не гений, но хваткий.

– Я говорю о партнерстве, Заза. Ты сможешь подняться выше, чем стоял. Ты ведь всегда хотел стать по-настоящему крутым парнем?

– Нет.

– Не ври. Ты всегда хотел оказаться в большом море, среди настоящих акул.

– Лучше мелко плавать, чем глубоко тонуть. Посмотри, что они сделали с Живоглотом…

– Я говорю о партнерстве, Заза, а не о Живоглоте.

«Похоже, пенсия накрылась».

Киприот понял, что из бизнеса его не отпустят. Чокнувшийся в Африканских кампаниях наемник увидел перспективы и окончательно спятил. Не отступит. Попрет как танк в «наклюнувшийся бизнес». И его, Зазу, за собой потащит. А откажешься… А откажешься – прикончит. То есть сначала выпытает информацию, а после – прикончит.

– Мы договорились?

А может, в этом действительно есть смысл? Кем он был до сих пор? Оптовиком под жадным Живоглотом. Авторитетным клерком на побегушках у албанцев. Хорошим работником, старательно зарабатывающим на пенсию. А Хан предлагает интересную перспективу…

«Чтобы однажды и меня, как Хашима? Из реактивного гранатомета?»

– Мы договорились?

– А у меня есть выбор? – И Киприот пошел за стойку. За водкой.

* * *

Территория: Россия

Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13

Кодовое обозначение – «Станция»

О человеке можно судить по тому, как он проводит свободное время

Комната, в которую проводили Пэт, была небольшой, почти маленькой – три на три метра, и скудно обставленной. Неудобный стул – дешевая сталь, дешевый пластик. Привинченный к стене столик, на котором стоял кувшин с водой и стакан. Узкая койка, если вдруг захочется прилечь. Бетонный пол, темно-серые стены, потолок чуть светлее, однако не настолько, чтобы заглушить тягостное ощущение, возникавшее у любого переступающего порог. Комната напоминала камеру, за тем лишь исключением, что туалет находился в отдельном помещении.

Что забыла в этой келье дочь богатейшего московского антиквара?

Она арестована?

Нет, приехала добровольно.

Она сошла с ума?

Большинство гламурных подружек Патриции так бы и подумали. Особенно узнав, что комнату обставили в точном соответствии с требованиями девушки.

Сошла с ума. Забилась в нору, которой побрезговала бы и мышь. Стала мазохисткой?

Зачем ей келья?

Затем, что проведенное в ней время Пэт посвящала размышлениям, и ничего не должно было отвлекать от них.

Абсолютно ничего.

Потому что абсолютно ничего не выходит.

Пока.

Девушка поднялась с койки – она лежала в одежде, на заправленном одеяле, – налила в стакан воды, однако пить не стала.

Замерла, разглядывая появившуюся на пальцах последовательность рун. Новую последовательность. Очередную. Сосредоточилась на внутренних ощущениях, впитывая в себя новую силу, новую тайну, которую открыли послушные руны, надеясь, что именно эта последовательность окажется…

Нет.

Секрет этого сочетания в другом.

Пэт сложила руки, сплела пальцы, позволяя рунам высвободить силу, и посмотрела на стакан. В ответ он послушно поднялся в воздух, завис над кувшином, наклонился и медленно вылил в горлышко воду. После чего вернулся на место.

Новое знание. Любопытное, но сейчас – ненужное.

Девушка вновь наполнила стакан и сделала глоток.

Двадцать четыре руны.

Идеальный вариант – таблица восемь на три.

Когда на восьми пальцах – указательных, средних, безымянных и мизинцах – появятся по три руны, образовав уникальное, до сих пор не разгаданное сочетание. Восемь на три. Большие пальцы свободны, они служат мостами, связывают разделенные руками руны в единую цепь. Позволяют замкнуть проходящий через сердце круг.

Восемь на три…

Тем временем руны изменили последовательность, перетекли с пальца на палец, с одной руки на другую, выдав уже известное Пэт обещание удачи. Они всегда ее обещают, когда чувствуют, что девушка падает духом. Или недовольна. Или грустит. Руны послушны, но у них есть свое мнение. Обещают удачу, но главное сочетание, то, за которым Пэт гоняется почти два года, не показывают.

Ждут, когда появится ключ.

«Что мы о нем знаем?» – спросила тогда Патриция.

«Ничего, – развел руками Кирилл. – Кроме того, что твоя душа должна запеть».

«Я должна быть счастлива?»

«Песни бывают разными».

«То есть руны примут и похоронный гимн?»

«Руны примут любую твою песню. Главное, чтобы она шла из души».

Песня.

Ключ.

Пэт искала его везде. Впитывала эмоции, ощущения, чувства. Плакала и смеялась. Научилась дружить и любить. Научилась ненавидеть.

Приняла себя Избранной, но, видимо, еще не осознала. Не полностью впитала в себя тот океан, что называется душой. Не каждую каплю. Не слилась сама с собой, став тем совершенством, к которому должно стремиться человеку, даже избранному.

Но как понять себя?

Как измениться?

Где искать ощущения, которые станут ключом? Что позволит до конца разобраться в себе?

Глоток воды, еще один взгляд на пальцы.

Восемь на три…

Возможны и другие комбинации, устроит любая работающая, кроме двадцать четыре к одному: двенадцать к двум или шесть на четыре… Однако Кирилл сказал, что оптимальным будет восемь по три. Самая устойчивая таблица. Самая вероятная.

Восемь на три…

Двадцать четыре руны, 620 448 401 733 239 439 360 000 уникальных комбинаций. Плевая задача для компьютера, простой перебор. Если вставить «поплавки», то все сочетания проверятся за часы. Проверятся, но не прочувствуются, останутся безжизненными символами на экране, не позволят даже стакан от стола оторвать. Не пообещают удачу, а нарисуют ободряющую последовательность. Потому что компьютер – мертв. Потому что руны – живые. Потому что работа с ними – не математическая задача.

Двадцать четыре знака, похожие на нарисованные ребенком черточки. Двадцать четыре символа, таящие в себе невиданное могущество. Двадцать четыре части, из которых складывается пронзающее Вселенную копье.

И она.

Избранная.

Слепой щенок, ищущий свою песню.

Пэт прищурилась и заставила руны сложить одно из известных сочетаний. Развела ладони как можно дальше – только кончики больших пальцев касаются друг друга, – и закрыла глаза,

сосредотачиваясь на вносимом в мир изменении.

В комнате стало ощутимо теплее.

Фокус, позволивший прикоснуться к силе, напомнивший, кто она есть.

«Я сумею! Я сделаю! Я найду ключ! Я узнаю себя!»

Повернулась, услышав осторожный стук в дверь, и повелительно отозвалась:

– Войдите.

Она не приглашала, она разрешила нарушить свое уединение. И мужчина, появившийся на пороге, прекрасно это знал. Поклонился.

– Вас ждут, госпожа.

И остался стоять, не смея поднять взгляд. Не смея сказать ничего сверх того, что уже произнесено.

Пэт допила остававшуюся в стакане воду и медленно вышла из кельи.

«Тропики» считались лучшим из четырех аквапарков, находящихся в жилом комплексе Станции. Триста на триста метров горок, бассейнов, водопадов, каскадов, саун и веселых возгласов. Имитация горной реки. Бассейн с морской водой. Толстые стекла, за которыми в особенно холодные месяцы – минус сорок. Внутри растут настоящие пальмы.

Кусочек рая, выдолбленный в вечной мерзлоте.

Мишенька глотнул сока и погладил полулежащую в соседнем шезлонге жену по руке, увидел улыбку, потянулся и поцеловал жену в плечо. Щеглову нравилось, когда Лариса улыбается вот так: умиротворенно и удовлетворенно. Час наедине – это немного, но впереди еще целая ночь, которая будет принадлежать только им.

А после они расстанутся на две длинные недели.

– Парни подготовили тебе сюрприз. Вручат за ужином.

Сегодня они не пойдут в ресторан, их ждет домашний ужин, от салата до десерта приготовленный любящей женой. А еще – бутылочка хорошего вина. Кьянти из провинции Кьянти. А после Мишенька и сыновья усядутся на ковре гостиной и откроют подарки, что он привез из Москвы. И будут играть в них до тех пор, пока у мальчишек не начнут слипаться глаза. А потом они с Ларисой отправятся в спальню.

– Ребята скучают по тебе.

Отец должен всегда быть рядом, а не появляться раз в две недели.

– Осталось потерпеть совсем немного.

Он попытался продемонстрировать свою знаменитую

бесстрастность, но понял, что не получилось – сам скучает по пацанам.

– Ноябрь? – спросила жена.

Официально объявлено, что Станцию запустят до конца года. Точная дата не называлась, но все почему-то решили, что речь идет о ноябре.

Мишенька знает, кто укажет дату запуска. А еще – он точно знает, что этот день наступит значительно раньше. Пока неизвестно, когда, но точно – не в ноябре. А еще – он знает, что не имеет права об этом говорить.

– Возможно, ближе к осени я тоже перееду на Станцию.

Мишенька почти не врет. Просто не объясняет почему.

В ее глазах вспыхнула надежда:

– Уговорил Мертвого отпустить тебя?

– Мы обсуждаем такую возможность.

Женщина внимательно посмотрела на Мишеньку.

– Говорят, перед запуском эвакуируют весь персонал и гражданских.

– Еще не решено.

Лариса считает дни до запуска. Ей кажется, что жизнь вернется в привычное русло, что муж вновь станет обычным высокопоставленным офицером СБА, которому не нужно прятать семью в наглухо запертой крепости.

– Я люблю тебя.

Мишенька улыбнулся, еще раз поцеловал жену и нырнул в бассейн, затеяв возню с сыновьями.

Скучают? Ясное дело – скучают. Новое место, новая школа, новые друзья и редко являющийся папа. Им ни черта не объяснишь, но сейчас их еще можно подкупить. Мертвый это знает, а потому распорядился построить не просто жилой комплекс, а небольшой город, с ресторанами и зонами отдыха, аквапарками, игровыми клубами и спортивными залами, музыкальными и танцевальными школами. Мертвый согнал на Станцию тысячи работников, приказывал отбирать только семейных, уговаривать ехать с женами и детьми. Мертвый вырвал их из привычной жизни, отрезал от мира, но сделал все, чтобы они ни о чем не жалели.

Тысячи людей. Тесный мирок, в котором удобно работается несущим Слово людям.

– Я не опоздаю на ужин, – пообещал Мишенька, вылезая из бассейна.

Он поцеловал жену в щеку, махнул рукой парням и направился в раздевалку. За ним по пятам следовали два телохранителя.

* * *

Территория: Африка
Горнодобывающий полигон «Всемирной рудной компании»
Кодовое обозначение – «Африка»
Предчувствие неприятностей редко бывает беспочвенным

– Кто тебе разрешил стоять «вольно»? Может, я разрешал тебе стоять «вольно»? Кто тебе разрешил стоять «вольно», скотина?

Араб держался из последних сил. Лицо разбито, нос вдребезги, оба глаза заплыли, но это ерунда. Плохо, что левая рука висит плетью, а судя по тому, что из-под рукава течет кровь, перелом открытый. Но показывать нельзя. Нельзя морщиться. Нельзя стонать. Стоять надо «смирно», как велел господин офицер Ушенко. Иначе будет хуже.

– Экономия воды – одна из ваших главных обязанностей по отношению к человечеству, заключенный, – наставительно талдычит надзиратель, медленно вышагивая по камере. – И нет необходимости тратить весь литр, который положен вам на умывание. Экономьте! Подумайте о том, что в это самое время где-нибудь в Сахаре грязный и вонючий бедуин подыхает, потому что хренов заключенный, враг, можно сказать, общества, не сэкономил двести граммов воды.

С этого, собственно, все и началось. Офицеру Ушенко показалось, что Араб потратил на вечерний моцион весь положенный литр. Он вошел в камеру и набросился на бедолагу с такой яростью, словно… Словно все это имело хоть какой-то смысл. Теперь разглагольствует, наслаждаясь мучениями Араба, и косо поглядывая на вытянувшегося у стены Чайку.

– Почему молчишь?

Знаем мы эти фокусы. Откроешь рот – получишь по зубам. Говорить можно, только получив разрешение. Илья принялся «есть начальство глазами».

Тем временем Араб потерял сознание и мешком рухнул на пол. Лучший в его положении ход.

– Две недели в лазарете, – задумчиво протянул Ушенко. Сделал шаг, оказавшись в нескольких сантиметрах от Чайки, и очень тихо прошипел: – Я тебя хотел изувечить, маленькая гнида, да Флобер не разрешил.

Глаза продолжают тупо изучать надзирателя, на лице не дрогнул ни один мускул, услышал Илья Ушенко или нет – непонятно.

– Стоять «смирно» еще десять минут, тварь, – приказал офицер Ушенко и вышел из камеры.

Африка, мать ее, тут приказы не обсуждаются.

– Как Араб?

– Две недели, – коротко ответил Чайка.

– Врачи сказали?

– Ушенко.

Надзиратель в таких вещах не ошибался.

– Сука, – едва слышно просипел Пьеро.

– Говнюк, – поддержал сокамерника Апельсин.

Илья промолчал – какой смысл надрываться? Да – сука, да – говнюк, но разве это изменишь? Для обсуждения есть гораздо более серьезная тема, но они… они ее не видят.

– Говорят, Тэтчер какой-то новый удар придумал, вот Ушенко и бесится.

– Нет, все дело в том, что он пить бросил…

«Они не чувствуют, они ни черта не чувствуют. – Чайка торопливо жевал кашу. Занятые челюсти – отличный повод не вступать в разговор. – Они не понимают, что Ушенко срывается не просто так, что усиливающаяся агрессия должна быть чем-то обоснована, и это что-то…»

– Говорят, завязавшие алкоголики подвержены сердечным болезням.

– Ага, надейся, Ушенко нас всех переживет.

«А вот это точно!»

Апельсин и Пьеро попали в Африку за весомые дела: один набедокурил с банком, другой целый год качал деньги с электронных счетов страховой компании, но оба они были, если можно так выразиться, ломщиками простыми. Нахватались премудрости, почувствовали себя неуязвимыми, ломанули по мелочи, остались безнаказанными, понравилось, рискнули на крупное дело. Рискнули и проиграли. Они даже городов своих родных ни разу не покидали, не глотнули, в отличие от Чайки, жизни ломщицкой по самое не могу, не стряхивали с хвоста полицейских, не прятались в вонючих трюмах, не висели «блохами» под брюхом «суперсобаки», не видели, как друзья умирают и… и сами не убивали. Вот и не чуяли они то, что для Ильи носилось в воздухе.

Опасности не чуяли.

– Хватит жрать! Строиться, педики! Шевелите задницами!!

– Увидимся за обедом, – бросил Пьеро.

– Конечно, – кивнул Чайка.

«Возможно…»

Рабочий кабинет, который когда-то казался маленьким кусочком рая, дарованным узнику Африки самой Судьбой, теперь виделся серым и тусклым. Камерой виделся. Камерой смертника.

Работа есть, но за нее никто не спрашивает, дали какую-то ерунду и даже срок не установили. Хочешь – пиши программу, хочешь – в потолок плюй. Внешние каналы отрубили, сказали – временно, мол, проверка из Цюриха идет. Знаю я ваши проверки. Не маленький.

Опасность!

«Хотел изувечить меня, но Флобер не разрешил…»

По-прежнему защищает? Не позволяет Ушенко сполна насладиться властью над умным ломщиком? Что хотел сказать надзиратель? Почему сказал? В чем смысл? Бессильная злоба или нечто другое? Какого хрена тебе нужно, господин офицер Ушенко?

«Хотел изувечить, но не разрешили».

Араб отправился в лазарет. Перестал выходить на работу. Лазарет в другом корпусе.

Чайка закурил сигарету – обычную, «травку» давно перестали приносить, – и улыбнулся, увидев, как дрожат пальцы.

Лазарет в другом корпусе. Араб перестал выходить на работу. Ушенко хотел избить меня, но Флобер не позволил. Флоберу нужно, чтобы я оставался на рабочем месте.

Потому что Флобер собирается прикрыть лавочку.

Вот и правильный ответ, мать твою, вот и гребаная разгадка.

Сказка о спецподразделении в Цюрихе оказалась сказкой. А может, и не сказкой – это ничего не меняет. Вряд ли те машинисты, которым дали второй шанс, писали π-вирус. Им повезло больше, их способности определяли с помощью других задач. А я влип.

Флобер выполнил заказ Сорок Два? Может быть. Флобер выполнил заказ Цюриха? Может быть. В любом случае никто не должен знать, откуда взялся π-вирус. Концы нужно обрубить, и он, Чайка – первый конец списка.

Потому и должен выходить на работу.

«Похоже, не сегодня-завтра меня отправят на каменоломни…»

А там – Пилсуцки. Просто и со вкусом.

Потом разберутся с другими машинистами, которые знают меньше, но все равно что-то знают или догадываются. Их будут убивать по одному. А если ребята сообразят, что к чему, и поднимут бунт, то тем облегчат Флоберу задачу – он тупо перестреляет всех прямо в корпусе.

Илья посмотрел на сигарету.

Пальцы дрожат, но страха нет. Странно – страха нет. Организм дрожит, а душа спокойна.

«Мой вирус ставит на уши мир, помогает Сорок Два давить

верхолазов. Возможно, я был рожден для того, чтобы его написать…»

Чайка глубоко затянулся и вздрогнул – щелкнул дверной замок.

Служебное расследование показало, что виной всему послужил компьютерный сбой, ставший следствием вируса, запущенного во внутреннюю сеть Африки террористами. Саму вредоносную программу защита обезвредила, однако несколько файлов проползло и активизировалось. Обрушить систему, как это планировали террористы, не получилось, однако небольшой сбой остатки вируса учинили.

Внутренние двери открылись в тот момент, когда ломщиков уже увели на работу, а бандиты только собирались покинуть столовую. Бунт вспыхнул мгновенно. Почуявшие свободу заключенные принялись крушить все вокруг. К счастью, сотрудники учреждения успели укрыться в специальных, защищенных помещениях, двери которых управлялись вручную.

Пилсуцки, разумеется, мчался впереди всех. Здоровенный, волосатый и очень злой.

– Ищите наркоту! Здесь должна быть наркота!

Вот выскочил Пьеро. Выскочил и упал, получив по голове обрезком трубы. Два уголовника задержались и принялись пинать парня ногами. Метили в голову, не избивали – убивали.

Для того и пришли.

Стон быстро перешел в хрип.

И затерялся в криках, несущихся отовсюду. Из каждого кабинета.

Апельсину повезло еще меньше. Он надеялся спрятаться, забился под стол. Нашли. С гоготом выволокли. На столе и разложили.

Это, мать твою, Африка, тут много диких животных.

Чайка выскочил в коридор через две секунды после того, как щелкнул автоматический замок. Не просто выскочил – со стулом в руках. Им и запустил в Пилсуцки. Не в голову, разумеется, в ноги. Бандит полетел на пол, об него споткнулись, несколько секунд растерянности, свалки, а Илья уже в другом конце коридора, раз открылись главные двери, должны открыться и запасные. Не сообразил – инстинкт вел. Инстинкт не раз выручал в бесшабашной ломщицкой жизни, помог и сегодня.

Дверь нараспашку, лестничная клетка. Следующая дверь, на улицу, заперта. Флобер не дурак, добычу из рук не выпустит.

В подвал или на второй этаж?

Думать некогда – инстинкт.

Ноги сами понесли Чайку наверх. В подвале дорогое оборудование, подвал Флобер не откроет, а наверху – кабинеты безов. Документы ведь тоже надо уничтожить, списать на уголовников, на бунт, значит, наверху открыто. Можно уйти через окно.

Если получится.

Сзади с ревом приближается Пилсуцки.

Коридор второго этажа пуст, ни одного охранника. Готовился бунт, готовился!

В первую же дверь?

Нет! Коридор пуст, я легкий, бегаю быстрее тяжелого Пилсуцки, выиграю лишние секунды…

Инстинкт, мать его! Родной и любимый инстинкт!

Когда Илья распахнул дверь последнего кабинета, Пилсуцки оставалось преодолеть половину коридора.

Окно!

Раскатал губы? Закатай обратно – решетка!

Чайка закричал.

Развернулся.

В дверях – Пилсуцки.

– Все, сука!

«Сам знаю!»

Под руку попался еще один стул, но куда там! Здоровенный бандит отмахнулся от отчаянного выпада, ухмыльнулся и врезал Илье левой. Удар швырнул на стену. В голове взорвались две ядерные бомбы подряд: в правой скуле, а через секунду – в затылке. Зашумело, поплыло. Удар в грудь Чайка не почувствовал, понял только, что уже стоит на четвереньках. Инстинкт выручил еще раз: машинально поднял правую руку, и ботинок Пилсуцки врезался не в висок, а в плечо. Больше уголовник не ошибется.

«Для чего защищаться? Все…»

А в следующий миг…

Грохот.

Окровавленный, оглушенный, с трудом соображающий Илья нашел в себе силы повернуться. И увидел, как страшный Пилсуцки медленно, словно в дешевом боевике, падает навзничь. Грудь разворочена краш-пулями. А в дверях стоит господин офицер Ушенко с тяжелым «дыроделом» в правой руке.

Служебное расследование показало, что директор Флобер действовал в высшей степени решительно и профессионально.

Охваченные бунтом зоны были блокированы в минимальные

сроки. Затем, как и предписано законодательством, бунтовщикам было предложено сдаться, и лишь получив отказ, Флобер приказал применить силу. Очень аккуратно, очень дозировано. Две штурмовые группы вошли в техническую зону с разных сторон и начали медленно продвигаться, постоянно повторяя приказ сдаваться. Огонь открывали только для самозащиты. К сожалению, потерявшие над собой контроль заключенные не прислушивались к увещеваниям охранников, яростно нападали, а в конце концов устроили пожар. В результате все, кто находился в технической зоне, погибли. Ранены шесть сотрудников учреждения. Директор Флобер получил благодарность.

* * *

Анклав: Москва
Анклав: Франкфурт
Серьезный разговор
Дьявол всегда дает чуть больше, чем просишь

– …И вот сегодня, буквально два часа назад, было объявлено о завершении монтажа Вспомогательного блока № 8…

На схеме, расположенной в правом верхнем углу монитора, очередной квадратик окрасился в оптимистичный зеленый цвет.

– Сколько осталось? – спросил Сорок Два.

– Обещают запустить к концу года.

– В декабре?

– Ходят слухи, что Станцию запустят в ноябре, – уточнил ответ Пумы Крюгер. – Вроде говорили, что за лето все построят.

– Пора бы, – хмыкнула Красная. – Третий год надрываются.

– Это одно из важнейших устройств, служащих для… – Корреспондент сбился – в репортажах со Станции частенько использовались сложные научные термины, и следующее слово не давалось даже с помощью телесуфлера. Но парень вывернулся: – Вспомогательный блок № 8 занимает важнейшее место в цепи передачи энергии…

Впрочем, кто заметит оплошность? Зрители, которые смотрят сейчас репортаж, имеют самое смутное представление о том, как работает Станция. Что, как и куда передается и во что трансформируется. Да большинству из них это и не надо. Почти все они видят в Станции не уникальный научный объект, не еще одну, «просто очень мощную» энергостанцию, а способ хоть что-нибудь изменить. Пусть подсознательно видят, пусть пока не задумываются, продолжая тянуть лямку серых будней, – пусть. Зерна брошены, и эти зерна не могут не прорасти.

В день запуска всем станет ясно, что мир изменился.
И это никого не удивит.

Строительство Станции стало третьим в этом столетии проектом, о котором, без преувеличения, знал каждый житель Земли. О котором рассуждали и ученые, и домохозяйки. Который оставался на первых полосах не из-за того, что «в моде», а потому, что интерес не спадал. Третьим проектом, третьей попыткой «хоть что-то поменять».

Первой была китайская лунная экспедиция, грандиозный замысел колонизации спутника, создания базы для экспансии на другие планеты Солнечной системы. Проект сработал наполовину. Китайцы заставили мир встряхнуться, вновь посмотреть на звезды, прищуриться и сказать: «А ведь мы, черт побери, наверное, сможем!» Государства реанимировали амбициозные программы. Ученые вернулись к рассуждениям о колонизации Марса. Был объявлен конкурс на проектирование лунного города, но… Большой Нефтяной Голод погасил данный китайцами импульс.

Следующими стали Анклавы – ответ корпораций на разразившийся кризис. В создании независимых территорий видели первую печать Будущего, социальную революцию, способную избавить мир от устаревших границ и вызванных ими конфликтов. Люди верили, что свободное общество свободных людей оставит в прошлом надоевшую политику, но… Всегда есть «но». Анклавы, как и китайская лунная программа, не до конца оправдали надежды. Спасенный корпорациями научный потенциал помог справиться с последствиями Нефтяного Голода, отвел угрозу голода обычного, вызванного нехваткой продовольствия, и предотвратил пандемии. Мир, как рассчитывали многие, не изменился, просто в нем появились не зависящие от государств территории.

Теперь – Станция.

Ее строительство началось втайне, но даже Мертвый не был способен обеспечить столь грандиозному проекту абсолютную секретность. Да он и не хотел. Через четыре месяца, когда слухи о существовании чего-то масштабного заполонили сеть, корпорации официально объявили, что сооружают на Русском Севере экспериментальную энергетическую установку. Что за энергия? В ответ продемонстрировали короткий ролик от «Науком» – вертолет с запасом хода на тридцать с лишним часов. Профессиональные искатели правды немедленно обвинили корпорацию во лжи и подтасовке фактов. Закатывали истерики. Бились в судорогах над коммуникаторами. Брызгали слюной.

Люди же умные, коих оказалось больше, рванули покупать акции «Науком», спровоцировав первую волну «станционной лихорадки».

Расскажите о технологии! Информация засекречена. Кто ее разработал? «МосТех». Почему Станцию строят так далеко? Почему на Русском Севере? Если эксперимент пойдет не так, как запланировано, падение Тунгусского метеорита покажется невинной забавой, чем-то вроде щелчка по лбу. Профессиональные защитники человечества немедленно объявили, что «Науком» строит Конец Света. Закатывали истерики. Бились в судорогах над коммуникаторами. Брызгали слюной. «Умные» люди поспешили избавиться от акций, чем спровоцировали колебания курса, на которых люди действительно умные крупно заработали.

Государства официально поддержали строительство. Демонстрации недовольных иссякли за неделю. С террористами, бросившимися атаковать строительство, безжалостно расправились безы Мертвого. А Станция стала главной мировой темой.

Сорок Два же, к удивлению многих своих последователей, объявил атаки на Станцию делом вредным и неправильным. Почему? Потому что новая энергия станет еще одним камнем в фундамент Эпохи Цифры. Мир в очередной раз усложнится, и откроются новые горизонты, которых невозможно достичь, не поднявшись на наш уровень.

«Они сами роют себе могилу!»

Из новостного репортаж плавно превратился в познавательный. На мониторе демонстрировались общеизвестные виды, а голос за кадром сыпал традиционные технические подробности.

– Как думаешь, где у них находится главный вычислительный центр? – небрежно спросила Красная, снижая идущий из коммуникатора звук до минимума.

Атаковать Сорок Два запретил, а вот думать об атаке – нет. И Роза думала. В конце концов, наглухо закрытая Станция была самым лакомым куском для любого ломщика планеты. И еще долго будет им оставаться.

– В башне Лаборатории, – кашлянув, предположила Ева. – Или в СБА.

– Где-то под землей, – хмыкнул Крюгер.

Бессмысленный дружеский треп. Такое впечатление, что им нечем заняться, однако впечатление это – ошибочное. И у Красной, и у Пумы, и у Крюгера хватало дел, но им было

известно, что Сорок Два ждет важного звонка, что предстоит серьезный разговор, вот и пытались отвлечь. Побыть рядом. Знали, что ему это нужно.

– Почему под землей?

– Потому что мы говорим о крепости.

– В смысле?

В ответ Ян поколдовал над кнопками, вывел на монитор сделанную со спутника фотографию и принялся энергично двигать по ней курсором:

– Линии обороны, наверняка – минные поля. Батареи ПВО. Истребители. Танки. Вам, девушки, простительно не обращать на подобные мелочи внимания, но я все-таки служил и говорю со всей ответственностью: Станцию строили по канонам укрепрайона.

– Разве сейчас это кому-то нужно? – усмехнулась Пума. – Одна ядерная бомба – и все дела.

– Точно! – Роза энергично кивнула, показывая, что полностью разделяет мнение подруги.

– Для чего? – осведомился Крюгер.

– Что для чего?

– Для чего бомба?

– Чтобы не мучиться.

– Гм… – Ян мастерски изобразил удивление. – Я в науках не силен, но суммируя все, что слышал об этой самой Станции, понимаю, что она – сама по себе ядерная бомба. И не одна. Поэтому ее и строят так далеко.

– Ага.

– Но, в отличие от ядерной бомбы, Станцию нельзя погрузить в самолет и швырнуть на Эль-Париж или Пекин. Ее вообще никуда нельзя швырнуть. Так?

– Так, – согласились девушки.

Сорок Два улыбнулся.

– Станция ценна сама по себе, – продолжил Крюгер. – Секретами, которые вложили в нее «МосТех» и «Науком», энергией, которую будет производить…

– Мы, между прочим, не дуры.

– И не малолетки.

– Не надо объяснять очевидные вещи.

– Я пытаюсь донести до вас другую очевидную вещь: никто не будет кидать на Станцию ядерную бомбу, потому что все заинтересованы в том, чтобы добраться до секретов. Или захватить ее, потому что все секреты скрыты в ней самой. Сейчас, точнее, пока их сдерживает авторитет корпораций и договоренности, которые наверняка заключены между

верхолазами. Но что будет завтра? Все может поменяться в любой момент. Вдруг государства решат, что их обманывают, и попробуют захватить Станцию? Именно поэтому Мертвый превращает ее в крепость.

– Современная армия способна взять любую крепость, – с апломбом настоящего гражданского заявила Пума. – Даже русские на это способны. – Увидела в глазах Крюгера удивление, на этот раз неподдельное, и поправилась: – Наверное.

– Хотел бы я посмотреть, как лихие каратели из отдельного корпуса МВД имени Алиева будут штурмовать Станцию, – хмыкнул Ян. – Или какая-нибудь бронетанковая дивизия налоговой службы.

В отличие от Пумы, Крюгеру доводилось вступать в боевое соприкосновение с этими чертовыми русскими, и он знал, что они из себя представляют. По выражению его лица Ева поняла, что сморозила глупость, однако не отступила:

– Хорошо, пусть не русские… На Станцию могут высадить десант. Подгонят авианосцы…

– Они уже в Арктике.

– Тем более! Высадят десант и захватят за минуты!

– У них есть истребители, у них есть ПВО и не меньше двух тысяч безов, – перечислил Ян. – За минуты не получится, первую волну защитники на куски порубят.

– К чему ты ведешь?

– У них будет время, чтобы уничтожить информацию и перестрелять тех, кто ею владеет. Для того и создается укрепрайон.

– Думаешь, Кауфман на это пойдет? – недоверчиво прищурилась Роза.

– Мертвый? Пойдет не задумываясь. Он подонок и убийца, но сделан из железа. Он способен оставить мир без новой энергии. – Крюгер помолчал. – Теперь вы понимаете, почему вычислительный центр находится под землей и только под землей?

– Да, – коротко отозвалась Красная.

А Ева внимательно разглядывала изображение Станции. Так, словно видела его первый раз в жизни. Увеличила масштаб, изучая выстроившиеся в ряд истребители, секунд по десять уделила Энергоблоку и башне Лаборатории, а после – производственной зоне, многочисленным ангарам и зданиям, в которых создавались секретные элементы секретной Станции.

– Увлеклась?

– Нет, просто вдруг подумала… – Пума не отрывала взгляд от производственной зоны. – Просто подумала, что у них там куча

самого современного оборудования, любые материалы в любых количествах, и при этом никто не знает, чем они занимаются…

– Ма-ама-аше Да-аше са-айт слома-али, – сообщил последние новости Олово. – Руга-ается.

– Сайт салона? – уточнил Кирилл.

– Да-а.

– Я ведь ей посоветовал хорошего провайдера.

– Да-а.

– И все равно сломали?

– Да-а.

– Тритоны Сорок Два?

– На-аверно. Ма-ама-аша-а говорит, они к другим лезли, а-а ее за-ацепили. Случа-айно. – Маленький слуга поразмыслил и добавил: – Или хулига-аны.

– Тритоны не хулиганят, – покачал головой Грязнов. – «Поплавки» дорогие и все еще редкие. Их покупают, чтобы зарабатывать, а не глупостями заниматься. Но если Сорок Два отыщет источник «поплавков», начнется настоящий хаос.

Выслушивание грязновских размышлений не утомило Олово. Если он чего-то не понимал, то просто пропускал слова мимо ушей. Очень удобно. Однако подтвердить свое присутствие следовало:

– Да-а, – кивнул Олово и поставил перед Кириллом серебряный поднос. – Ча-ай.

Собрался выйти из кабинета, однако Грязнов, увидевший две чашки, остановил его вопросом:

– Скучаешь?

– Нет, – машинально отозвался Олово. В следующий миг понял свою ошибку, смущенно улыбнулся и признал: – Да-а.

Беззащитная улыбка настолько преобразила маленького слугу, что Кириллу с трудом удалось спрятать от него свое удивление.

Олово дал волю чувствам. Похоже, мир действительно катится к черту.

Однако в следующий миг слуга восстановил на лице традиционно-равнодушное выражение.

– Я-а к ней привык.

– Ты по ней скучаешь.

– Я-а… – Маленький слуга поразмыслил, после чего протянул: – Она-а хороша-ая девочка-а, мастер. Я-а скуча-аю.

«Мастер» было единственным словом, которое Олово произносил четко, не растягивая «а».

– Она взрослая.

– Да-а.

– У нее есть дела.

– Да-а.

– У тебя – тоже.

– Я-а помню, – кивнул Олово. – Кома-андировка-а. Я-а приготовлю еды.

И уберет ее в холодильник, останется только разогреть.

– Возможно, тебя это покоробит, но я сумею самостоятельно прожить несколько дней, – произнес Кирилл.

Он всегда это говорил перед длительными поездками Олово.

– Да-а, – не стал отрицать слуга. – Сможете. Но есть на-адо.

Стоящий на столе коммуникатор издал мелодичный перезвон – машинисты сообщали, что соединение готово.

– Ра-агу, котлеты, курица-а, – перечислил Олово. – Ка-артошка-а…

– Я справлюсь с гарниром, – пообещал Грязнов. – Сделаю сам.

На лице маленького слуги отразились все сомнения мира.

– Да-а?

Коммуникатор повторил вызов.

– Хорошо, – сдался Кирилл. – Делай. Только не мешай разговаривать.

И активизировал соединение.

Свое лицо Сорок Два скрывать не собирался – его все знали, и оно считалось своего рода символом движения. Всадник – другое дело. Главу контрабандистов хранила тайна, его настоящее имя не было известно даже всесильной СБА, а потому Сорок Два не сомневался, что региональный менеджер Консорциума заявится на переговоры в наномаске. Или же просто отрежет видео. И удивился, увидев на мониторе забавную анимацию – сидящего на нартах эскимоса. Эскимос строгал ледяное мясо, ел и периодически бросал куски шести здоровенным лайкам. Те не отказывались.

– Кхе.

Собаки недружелюбно посмотрели на Сорок Два.

– Говорите, говорите, – рассеянно произнес Всадник, не прекращая заниматься своим делом. – Я знаю, что мы на связи.

– Связь – это мой мир… – Однако закончить заготовленную фразу Сорок Два не позволили.

– Вы похожи на человека увлеченного, – плавно перебил собеседника контрабандист. – Я знавал людей, которым казалось, что весь мир заключен в их кляссере. Вы знаете, что такое кляссер?

– Кластер?

Собаки изумленно посмотрели на цифрового пророка.

– Широта взглядов, уважаемый Сорок Два, столь же необходима человеку в вашем положении, как и ум, – размеренно произнес Всадник.

Лайки высунули языки. Улыбаются? Наверное. Кто их разберет, северных тварей. Сорок Два начал злиться.

– Что не так с моим положением?

– Как раз наоборот: все так. Все даже более, чем так. – Теперь эскимос не жевал, все мясо доставалось собакам. Однако на собеседника все равно не смотрел. – Вы ведете за собой миллионы людей, Сорок Два, и поэтому обязаны соответствовать высокой миссии. Кляссер – это альбом для марок. Вы знаете, что такое марки?

Что за ерунда? Куда он клонит? Чего добивается? Сорок Два попытался вернуться к заранее продуманному плану разговора, попытался продемонстрировать силу.

– Я могу обрушить вашу связь!

– Нехорошо начинать с угроз.

– Это не угроза. Вы должны понимать, с кем говорите.

– Вы – тоже.

– Я говорю с преступником.

– Вы не знали, что такое кляссер. Почему вы решили, будто знаете, что такое Консорциум?

– Вы нарушаете законы и не гнушаетесь убийствами.

– В таком случае поговорим как преступник с преступником.

Сорок Два осекся.

Всадник не торопил его с ответом. Одна из собак подошла к нартам, и эскимос принялся увлеченно гладить пушистую.

– У нас есть идея, а не только жажда наживы.

– Этот факт, безусловно, делает вас честным человеком, – усмехнулся Всадник. – И сейчас вы попытаетесь убедить меня бросить неблаговидные дела.

Он издевается? Он спятил? Валяет дурака или серьезен? Сорок Два поздравил себя с тем, что совершенно сбит с толку и понимает только одно: кляссер – это альбом для марок. Что такое марки, Сорок Два знал.

– Мне нужны «поплавки»!

Если ты в затруднении, начинай говорить о конкретных вещах. Короткими, конкретными фразами.

– Мы не способны добывать или производить необходимое нам количество процессоров. У Консорциума же есть мощные связи и отличные каналы доставки. Я готов покупать у вас все «поплавки», которые вы сумеете добыть. Чем больше, тем лучше.

– Нереально, – покачал головой эскимос.

Лайки убрали языки и сосредоточенно подтвердили: нереально. Если напялить на них костюмы, собаки станут похожи на лидеров dd – такими серьезными и важными они выглядели.

– Но ведь вы торгуете «поплавками»!

– Не в промышленных масштабах. И не с вами. – Эскимос рассеянно погладил оленью шкуру, закрывавшую нарты. – Как только люди узнают, что я стал вашим эксклюзивным поставщиком, от меня избавятся. У вас отвратительная репутация, Сорок Два. Вас не любят.

– Меня ненавидят.

А вот этот ответ контрабандисту понравился. Он поднял голову и, впервые обратив к собеседнику лицо, тихо произнес:

– Вам лучше знать.

И вновь отвернулся.

– Боитесь СБА?

– Нет, – безразлично ответил Всадник.

– Врете.

– У нас отлично законспирированная и превосходно функционирующая организация, – терпеливо объяснил контрабандист. – Но это не значит, что нас нельзя уничтожить. Мы вписаны в мир и играем по его правилам. Так же, как и ваши дружки из dd.

Брезгливое упоминание dd покоробило Сорок Два, однако реагировать на него он не стал. Пусть говорит что хочет. Послушаем.

– Вы создаете новый мир, Сорок Два. То есть боретесь со старым. А потому и отношение к вам другое. – Пауза. – И к тем, кто с вами работает.

– Другие региональные менеджеры столь же трусливы? Имеет смысл с ними связываться или придется искать какой-нибудь высший совет?

– Я уже говорил, что вы не понимаете сущность Консорциума? – осведомился эскимос. – И спрячьте куда-нибудь юношеский максимализм, он действует на нервы.

– Я таков, какой есть, – гордо сообщил пророк.

– Будьте таким со своими последователями. Со мной не надо.

Фраза прозвучала не раздраженно, но жестко. Очень жестко. Сорок Два понял, что следует смягчить тон. В конце концов, если бы Всаднику и в самом деле нечего было предложить, он сказал бы об этом в начале разговора.

– Извините.

«Угадал».

Эскимос улыбнулся, вновь повернулся лицом и дружелюбно поведал:

– Поймите, Сорок Два, вы раздражаете всех верхолазов планеты. Но вы прячетесь, вам нужно нести Идею, а для этого достаточно вещать раз в неделю из темного угла и устраивать шумные акции. У нас же – бизнес, который мы не хотим терять. – Лайки удивленно посмотрели на хозяина, но промолчали. – Верхолазы хотят вас уничтожить. Какой смысл стоять рядом? Бойня, устроенная десантниками, – не последняя. Это очень хороший намек, а я намеки понимаю.

Отказ.

Отказ.

Отказ.

Дьявол, которому цифровой пророк собрался продать душу, сообщил, что постоит в сторонке.

Сорок Два вздохнул:

– Я не мог не попробовать.

И приготовился оборвать связь.

– Я вам не отказал.

– Что?

Всадник вздохнул:

– Вы когда-нибудь бывали на рынке?

– При чем здесь рынок?

– Шутка. Забудьте. – Эскимос повертел нож, раздумывая, не закончить ли угощать собак, но все-таки взялся за новый кусок мяса. Лайки одобрили его решение радостным тявканьем. – Консорциум – это глобальный бизнес-проект в сфере оказания услуг. Мы не только перевозим, но и добываем нужные клиентам вещи. И вообще всячески удовлетворяем их потребности.

– И анально?

Сначала ляпнул, потом сообразил, что зря. К счастью для Сорок Два, эскимос остался невозмутим.

– Можем удовлетворить и анально. Тех, кто пытается нас обмануть. Но давайте пока не будем о грустном. – Всадник не прекращал угощать собак. – Когда я узнал, что вы хотите поговорить, то понял – речь пойдет или о «синдине», или о «поплавках». Предложенную вами схему я отмел сразу, причины вам уже ясны. Однако есть другой вариант: мы окажем вам разовую услугу. Один контракт. Мы вам товар, вы нам деньги. И никто не узнает о причастности Консорциума.

«Одна большая поставка? Почему нет? С паршивой овцы, как говорится, хоть шерсти клок».

– Сколько?

– Пять миллиардов юаней.

Сорок Два поперхнулся. Во-первых, он ожидал услышать количество процессоров. Во-вторых, его смутила цена.

– Вы смеетесь?

– А на какую сумму вы рассчитывали? Пятнадцать рублей?

Упавшие на землю собаки катались на спинах, демонстрируя, как их порадовала шутка эскимоса. Цифровой пророк понял, что теряет лицо.

– Что я получу за эти деньги?

– Производство.

– Производство? – Сорок Два усмехнулся: – Думаете, мы сами не можем его наладить?

– Не можете.

– Вы казались куда более умным человеком, – вздохнул Сорок Два. – Технология создания «поплавков» известна, в мире сотни «граверов»…

– Пять тысяч процессоров в сутки.

Контрабандисту вновь удалось удивить собеседника. Сорок Два молчал почти полминуты, после чего облизнул губы и негромко сказал:

– Если это шутка…

– Никаких шуток. – Эскимос развалился на нартах и с улыбкой посмотрел на собеседника. Он чувствовал себя хозяином положения. – Материалы, разумеется, вам придется добывать самостоятельно.

– Это понятно… – «Пять тысяч процессоров?!» У Сорок Два путались мысли. – Дорого. Слишком дорого.

– Почему вас это волнует?

– Как почему? Деньги…

– Ваш проект не нацелен на извлечение прибыли, – небрежно произнес Всадник. – Вы продаете Идею, строите новый мир. Вас не должно волновать, сколько это стоит.

– Но…

– Пять миллиардов юаней. Цена не изменится.

«Черт! Он меня просто разводил! Вот к чему все эти пустые рассуждения! А вопрос о рынке я слил. Не понял… Интересно, какова была бы цена, не поведи я себя, как идиот? Четыре миллиарда? Три?»

– Товар в наличии?

– Если мы договоримся, я лично займусь его доставкой.

– А если у вас не получится?

– В этом случае у вас останутся пять миллиардов. Полагаю, вы найдете, как ими распорядиться.

Логика железная, не подкопаешься. Пять миллиардов…

«Для того, чтобы их добыть, придется устроить большую заварушку. Все поймут, что нам не просто так потребовались деньги, что мы готовим нечто грандиозное, и давление усилится».

«Они уже объявили нам войну! Они перестали разговаривать, они стреляют. И большая заварушка ничего не изменит. Точка невозвращения пройдена, или мы принимаем бой и побеждаем, или…»

– У меня будут деньги, – твердо пообещал Сорок Два.

– Очень хорошо. – Всадник помолчал. – Собственно, нашу встречу можно заканчивать, но я хотел бы сказать вам несколько слов… От себя… Вы не против?

Теперь эскимос выглядел очень серьезным. Даже удивительно серьезным для нарисованного персонажа.

– Я слушаю, – насторожился Сорок Два.

– Вы слабы, – резко бросил Всадник. – Ваши способности высоки, но вы покинули привычную виртуальность и пришли в настоящий мир. Более того, вы пытаетесь его изменить. Вы бросили вызов тем, для кого настоящий, не цифровой, а настоящий мир – родной дом. Вы ввязались в серьезное противостояние, и вам требуется гораздо больше инструментов, чем есть сейчас.

– Каких инструментов?

– Людей!

– Последователей?

– Помощников. Тех, кто будет исполнять ваши приказы. Тех, кто понесет ваше слово. Сейчас вы слабы, потому что некоторые из ваших инструментов сломались. Вышли из-под контроля. Оказалось, что у вас с ними разные планы, но один поломавшийся топор не должен тащить за собой весь плотницкий набор, как вы считаете?

– Я понимаю, на что вы намекаете.

Потеря dd обрубила движению крылья.

– Уверены, что понимаете?

Сломавшийся топор нужно починить или выбросить. Двадцать Пять согласился на ремонт. Остальные…

– Я не убийца.

– На ваших руках достаточно крови, Сорок Два.

– Пусть так, но…

– Вы – знамя, – в очередной раз перебил его Всадник, и его слова прозвучали гораздо искреннее марсельских заявлений из уст лидеров dd. – Вы – легенда. На вас смотрят миллионы людей. Оценивают. Обсуждают. Вы боитесь, что покажетесь им палачом?

Чертов эскимос видел его насквозь! Ну и пусть! В конце концов, среди региональных менеджеров Консорциума дураков не водилось, не того полета птицы. А послушать, что скажет умный человек, еще никому не мешало.

– Да, – кивнул Сорок Два.

– Вы должны определиться: или вы ведете людей, или они ведут вас. У великого лидера должна быть достойная цель. Захватить мир, построить счастливое общество, полететь к звездам – цель. У вас она есть?

– Да.

– Люди готовы идти за вами?

– Да!

– Вот и ответ: если вас банально убьют бывшие соратники, вы никуда не дойдете. Если у вас не будет достаточно инструментов, вы тоже никуда не дойдете. Ваша Идея умрет, а новый мир так и не будет построен. Подумайте об этом.

Сорок Два открыл рот, хотел сказать, нет – хотел спросить. Неожиданный финал разговора, слова, произнесенные Всадником, – они породили вопросы. Они легли на тот отрывок из книги Урзака, на размышления о Традиции…

Нет. Разговор, как выяснилось, закончился.

– Готовьте деньги! – бросил эскимос и щелкнул кнутом. Собаки – когда их только успели запрячь? – потащили нарты к виднеющемуся на горизонте поселению. – Я вас найду.

* * *

Территория: Россия

Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13

Кодовое обозначение – «Станция»

Залог успеха любого замысла – оптимальное сочетание теории и практики

«Производственная зона № 17», высшая степень секретности, охраняется внутренней безопасностью. Огонь на поражение открывается без предупреждения.

Фраза длинная, хоть и суровая, но, пока прочитаешь, соответствующий настрой может испариться, и ты решишь, что над тобой пошутили. Поэтому подобных предупреждений на Станции не вешали. Их роль исполняли красные прямоугольники с черной руной Эйваз. Коротко и ясно.

Огонь без предупреждения. Подозрительных действий не требуется, достаточно нарушить периметр.

Когда Слоновски только отлаживал систему безопасности, его ребята завалили двух случайных работяг: один заблудился и пошел не к тому складу, другой неправильно услышал номер производственной зоны. Грег позаботился о том, чтобы инциденты получили широкую огласку, и больше проблем не возникало. Люди поняли, что Слоновски не шутит, а потому

зубрили планы и чистили уши.

Красные прямоугольники.

Крепость внутри крепости. Бойницы в стенах, наноскопы, автоматические охранные системы, сторожевые терьеры Мутабор – эти твари надежнее управляемых компьютерами пулеметов, к ним даже теоретически в мозги не влезешь – восемьдесят килограммов костей, сухожилий, мышц и ядовитых желез, преданных исключительно хозяину. Допуск, позволяющий пройти за красный прямоугольник, выдает Отдел дознания, контрразведка Станции. У Токмакова и его ребят персональная ответственность перед Слоновски за каждое выданное разрешение. Понятие «ошибка» исключено, либо «все в порядке», либо «акт саботажа», поэтому ошибок при выдаче допусков не случалось ни разу. Все знали, что Слоновски – мужик справедливый и понимающий, но за неисполнение приказа расстреляет кого угодно. Не задумываясь.

Школа Мертвого.

Именно поэтому сотрудники, имеющие допуск в секретные зоны, не посещали Кайфоград. Им не запрещалось, но они не хотели рисковать – малейшее подозрение, и ты слетаешь с интересной, высокооплачиваемой работы. А поскольку ты уже успел узнать очень много, то сразу после отмены допуска тебя ждет неприятное интервью у Токмакова.

Внутри красных прямоугольников лишнего персонала нет, только ученые, инженеры и рабочие высшей квалификации, обитатели закрытой части жилого комплекса. Только те, кто прикоснулся к Тайне. Никаких подсобных рабочих, поэтому убираться приходится самим.

Крепость.

Крепость, внутри которой шла непрерывная работа.

Часть производственных мощностей обслуживала строительство. Здесь собирались секретные элементы Энергоблока. Сюда был переброшен единственный работающий образец – опытный энергоблок с челябинского полигона «Науком», обеспечивающий текущие потребности в новой энергии, ибо здесь, за красными прямоугольниками, отрабатывались технологии ее использования.

Пилоты Станции летали каждый день – и истребители, и бомбардировщики, и вертолетчики. На первый взгляд – тренировались, на деле – проводили полевые испытания. Вернувшиеся машины закатывали в ангар, где их ждали не обычные техники, а инженеры и ученые. Тщательно изучали работу систем, искали оптимальные связки, давали рекомендации по доработке. Машины модернизировались и вновь поднимались

в небо.

Авиабаза станции охраняется внутренней безопасностью, забор увешан красными прямоугольниками. Часть автопарка – тоже. Та, где хранится модернизированная наземная техника.

Станция еще не запущена, даже не достроена, но на ней уже готовятся к будущему.

– Мы тратим силы на отстаивание принципов, на борьбу. На войну. Мы мечтаем о мире, но вынуждены сражаться. Мы побеждаем, мы празднуем, мы начинаем строить, но наши мечи не успевают заржаветь. Проходит несколько лет, и нам снова приходится выходить на бой. Потому что мы хотим жить так, как считаем нужным. Потому что не умеем и не хотим исполнять приказы тех, кто нас не понимает. Потому что не можем быть несвободными.

Слова падают на головы людей. Сколько их? Сотни. Черные комбинезоны рабочих, светло-серая униформа инженеров, мундиры безов и салатовые костюмы врачей. Иногда собрания проходят рядом с жилым комплексом, и тогда послушать Патрицию приходят женщины и даже подростки. Иногда, как сегодня, местом сбора может быть выбран производственный ангар, детей здесь не встретишь.

– Могут сказать, что жизнь есть борьба. Что все величайшие открытия человечества сделаны во время войны и для войны. Что жажда доминировать прячется в наших генах и управляет нашими желаниями. Все это можно сказать. Но может быть, у нас просто не было возможности пожить в мире? Кто знает, чего бы мы добились, будь у нас хотя бы одно спокойное столетие?

Патриция на возвышении, но не у стены, а в центре образованного людьми круга. Чуть выше их, но рядом, чувствует дыхание тех, кто стоит в первом ряду. Видит горящие глаза тех, кто чуть дальше. Держит их невидимыми руками. Сотнями невидимых рук, что называются Словом. Они ей верят, а она их ведет.

В этом – ее жизнь.

Она отвечает за души, открывающиеся ей. Она наполняет их Словом, а значит – смыслом. И сейчас не важно, что собственная душа остается для Патриции загадкой.

– Нам говорят, что мир возможен. Для этого мы должны избегать войн. Склонить голову перед сильным. Но как быть с принципами? Как быть с нашей верой? С нашей силой? С нашей Традицией? Как смотреть в глаза сыну, когда он спросит: папа, а твой дед тоже был рабом?

В первых рядах – люди в красном. Точнее, сейчас они – люди

в красном, в обычное же время носят комбинезоны рабочих, униформу инженеров, мундиры безов. Собирают устройства, руководят строительством, охраняют и одновременно – говорят. Несут людям слово Патриции, объясняют, рассказывают, спорят, доказывают. Ищут тех, кому можно довериться, приглашают на собрания. Одним дают веру, других привлекают возможностью прикоснуться к Тайне. Людей в красном готовил и подбирал Грязнов, годами создавал новую плеяду Посвященных, учил нести Слово. Теперь они стали людьми Патриции.

– Мы разные, и это правильно. Мы не можем и не должны быть одинаковыми. Мы должны ощущать себя теми, кто мы есть. Гордиться своим прошлым и нести его в будущее. Сражаться, если нужно, но хотеть большего – хотеть мира. Ибо ни одна война не может дать нам столько, сколько мир. Ни одна война не сделает спокойным сон наших детей. Ни одна война не угодна тем, кто раскручивает вечное колесо обновления. Не кровь и не победу мы ищем, но мир. Мир для нашей Традиции. Мир для нас. Мир для наших детей.

Слова падают на людей, наполняя их души смыслом. Простые слова, произносимые хрупкой девушкой, в которой люди видят Избранную. Слова, идущие из самой души. Искренние слова, потому что нет в душе Избранной ничего другого. Потому что вся она, без остатка, уходит в слова, падающие на людей.

«Производственная зона № 17» – огромный ангар, под которым выдолблено еще два уровня. Мишенька и Грег спустились на самый нижний. Спустились одни – у телохранителей допуск высокий, но не настолько, чтобы знать обо всех секретах Мертвого. Телохранители остались наверху, а Мишенька и Грег, сменив фуражки на каски и накинув поверх мундиров просторные спецовки, спустились, пройдя через две двери и два поста безов.

– «Пирамидом» охраняют проще, чем этот завод.

– Какие в «Пирамидоме» секреты? – рассмеялся Слоновски. – Они все у вас в головах. А тут – перед глазами.

Что верно, то верно.

Станки, печи, сборочные столы, микроскопы, наноскопы, компьютеры – завод и лаборатория одновременно. И при этом – стерильная чистота. Высокие технологии не терпят пыли. Люди в белых халатах. Заняты делом, на начальство не смотрят. Это не обычное производство, где каждый, кто украдкой, а кто открыто, принялся бы таращиться на небожителей, чтобы потом обсудить визит «самого» Слоновски и «проверяющего из Москвы». Это – территория за красными прямоугольниками, здесь высших

офицеров видят часто.

– Ядерные боеприпасы еще не собираете?

– А что, нужны?

– Я просто так спросил.

– Потребуется – соберем.

Мишенька знал, что Грег не шутит: потребуется – соберут, ресурсы есть, мощности позволяют.

Начальник «Производственной зоны № 17» – длинный черноволосый мужчина, немного похожий на цаплю, встретил высоких гостей вежливо, но без трепета. Со Слоновски поздоровался за руку, как старый приятель, Мишеньке кивнул: «Стравинский». И вытащил из кармана жевательную резинку.

– С проверкой?

– Ага.

– Ждал.

Рукава его халата закатаны до локтя, то ли надо было, то ли привычка, и потому видна татуировка на левом предплечье: цепочка рун, складывающаяся в нехитрое, но надежное пожелание удачи. Все правильно, здесь слишком важное место, чтобы подпускать к нему чужаков.

– Если ждали, значит, подготовились, – улыбнулся Мишенька.

– Мы идем по графику, – спокойно ответил Стравинский. – Сегодня заканчиваем стендовые работы и с завтрашнего дня начинаем монтаж. Через неделю последнее изделие сможет покинуть Станцию.

– Комплектация?

– Полная.

– Запас сырья?

– Присутствует.

Отвечая, начальник производственной зоны, не стесняясь, работает челюстями, однако Мишенька не реагирует. Специалисты уровня Стравинского уже не инженеры – творческие личности, а потому имеют право на поблажки. Гораздо больше Щеглова интересует другое:

– Нестандартное изделие?

– Почти готово.

– Посмотреть можно?

– Разумеется.

Стравинский провел офицеров в дальний конец ангара, к стенду, на котором стояла желтая «Ламборджини». Двигатель вскрыт, приборная панель снята, отовсюду, откуда только возможно, тянутся к приборам провода, работа кипит – «Ифритом» занимаются три инженера.

– Проблемы были? – поинтересовался Мишенька.

– Никаких, – широко улыбнулся Стравинский. – Работали с удовольствием. – И пояснил: – Нам нравятся нестандартные задачи.

– Коды?

– Я ведь сказал: никаких проблем.

– Имитация выхлопа?

– Хватит на тысячу километров. Затем нужно заправить баллоны.

– Зачем такие сложности? – проворчал Грег.

– Кое-кто считает, что так надо, – бесстрастно ответил Мишенька. – А другой кое-кто с кое-кем согласился. Поэтому наша задача – обеспечить.

– Первый кое-кто сам это придумал?

– Ага.

Короткий ответ делает дальнейшее обсуждение ненужным.

– Спасибо, – дружелюбно произнес Щеглов, в упор глядя на Стравинского.

Начальник производственной зоны понял, что «проверка» окончена, и засобирался:

– Я пойду.

– Был рад повидаться.

– До свидания.

Прощаясь, Мишенька вновь бросил взгляд на татуировку Стравинского. И несколькими секундами позже, когда инженер отошел на несколько шагов, негромко заметил:

– Они верят.

– И ждут, – так же тихо подтвердил Слоновски.

– Все мы ждем и надеемся.

Мертвый, Слоновски, Стравинский, люди, собравшиеся сейчас на первом подземном уровне «Производственной зоны № 17», Лариса, дети…

– Они не надеются, – не согласился Грег. – Они верят. Поэтому знают.

– Пожалуй. – Мишенька снял очки и принялся протирать стекла. – Знаешь, я тут подумал, что наша затея станет первым толковым делом после Вавилонской башни.

– У тебя есть время философствовать?

– Это позволяет мне отвлечься.

Слоновски хмыкнул.

– А о чем думаешь ты?

Грег пожал плечами:

– Честно говоря, мне безумно интересно, как Мертвый узнал, что нам потребуются собираемые здесь изделия?

– Ты плохо знаешь доктора Кауфмана? Он всегда все знает.

Это называется планированием.

– Но он планирует действия других.

Мишенька вернул очки на нос и дружески потрепал Слоновски по плечу.

– Именно поэтому, Грег, ты тот, кто ты есть. Умный человек планирует свои действия, а великий – действия других.

Глава 4

Территория: Европейский Исламский Союз
Штутгарт, Баварский султанат
Клуб «Золотой запас»
Большую часть жизни мы посвящаем нудной, скучной, будничной работе

– Хороший мобиль, – оценил Хан, придирчиво разглядывая «Ауди Шаттл», приземистый седан, похожий на сплющенный однообъемник.

Сильно скошенное лобовое плавно становилось прозрачной крышей, а затем задним стеклом спускалось к багажнику. Узкие фары придавали «Шаттлу» хищный вид, а большие колеса указывали на спортивный норов. Мобиль считался четырехместным, однако сзади тесно, комфортно лишь водителю и пассажиру. «Седан холостяка», идеальный вариант для средней руки менеджера, который не может себе позволить двухместное спортивное купе. Или же выбор торговца наркотиками, не желающего привлекать к себе внимание.

– В кредит взял?

– Наличными заплатил.

– И как объяснил?

Налоговая служба султаната и так-то не оставляла без внимания крупные покупки, а уж теперь, после объявленной Европолом охоты на торговцев «синдином», совсем озверела. Отмывать деньги приходилось под дикие проценты, и покупка за наличные могла серьезно аукнуться.

– Никому я ничего не объяснял, – хмыкнул Шмейхель. – У меня паспорт Анклава Франкфурт. Плевать я хотел на местную налоговую.

– Они настучат в полицию, и тебе сядут на хвост.

– Не в первый раз. – Шмейхель с любовью посмотрел на новенький мобиль. – К тому же у меня отличная репутация, все думают, что я ломщик.

А ломщиков пока давить не приказывали. То есть приказывали, конечно, но в обычном режиме, без выдачи сезонных абонементов на отстрел.

– Они тебе на хвост сядут, ты их приведешь ко мне, – объяснил недовольный Хан. – А мне проблемы не нужны.

– К тебе я приезжаю раз в неделю. И в «Школу Барсука» раз в неделю. Оттягиваюсь. У меня два любимых клуба, и оба – с отличной репутацией.

А то, что происходит на подземной парковке «Золотого

запаса», никого не касается – раз ничего не видно, значит, репутации ничего не угрожает.

Шмейхель распахнул багажник. Алоиз усмехнулся, но спор закончил, молча вытащил из «Шаттла» узкий черный чемоданчик и молча же положил в багажник такой же. В одном – «синдин», в другом – «поплавки» и деньги. Высокотехнологичный бизнес, если вдуматься, передовое производство. Правда, незаконное.

– Говоря откровенно, я делаю для тебя невозможное, – проворчал Хан, захлопывая крышку багажника. – Торгую почти «в ноль».

– Так и не нашел хорошего поставщика?

– Время суровое, никто не дает нормальную цену.

– Мы в патовой ситуации, – пожал плечами Шмейхель. – Машинисты не готовы платить больше.

– А ты ужаться не хочешь?

– В отличие от тебя я занимаюсь только этим проектом. Другого источника дохода у меня нет.

– Ладно, ладно… – Шмейхель не упускал случая пожаловаться на горькую судьбу, поэтому Алоиз поспешил свернуть разговор. – Давай мотай, до встречи через неделю.

Проводил задумчивым взглядом блестящую корму дорогого мобиля, сплюнул и направился к неприметной двери, ведущей еще ниже парковки, на минус второй уровень клуба.

Отъехав за пару кварталов, Шмейхель отыскал у тротуара свободное местечко, остановился, запустил сканер, убедился, что после визита в «Золотой запас» мобиль не забеременел «жучками», и только после этого достал из кармана незарегистрированный коммуникатор.

– Как наши дела?

– Слышал весь разговор. Ты держался молодцом.

– Спасибо.

Неделю назад работающим на Шмейхеля ломщикам наконец удалось подключиться к внутренней сети «Золотого запаса», и теперь они снимали информацию со всех видеокамер и микрофонов клуба. Подключились виртуозно, не оставив никаких следов, собственно, потому и возились так долго – не хотели, чтобы у Хана возникли даже малейшие подозрения. План, разумеется, не без недостатков – в некоторых помещениях не было ни камер, ни микрофонов, – однако Шмейхель посчитал, что лучше упустить пару комнат, чем разбрасывать по клубу «жучки». Тем более что недостающую информацию можно выудить из «балалайки» ее обладателя.

Эпоха, мать ее, Цифры ставила крест на личной жизни.

– Куда направился Хан?

– На минус второй уровень, там видеокамер нет.

– Хан один?

– С Киприотом.

– Ты еще не понял, на кого наехал?

– Я не хотел…

– Не понял, что со мной нельзя шутить?

Комнату называли Серой. Бетонные стены, бетонный потолок, бетонный пол, слегка скошенный к правому дальнему углу, где пряталась дырка – пол в Серой комнате мыли из шланга, так удобнее кровь смывать.

– Ты слышал мой приказ, гнида? Ты мой приказ слышал?

– Бизнес… это… бизнес…

Там же, в правом углу, подвешен к крюку голый человек. Связанные руки вздернуты вверх, мышцы напряжены, пальцы ног едва касаются пола. Перед человеком разгуливает одетый в грязный серый халат Хан. Хан зол, но старается сдерживаться.

За пластиковым столом в центре комнаты – Заза Киприот. Хан сказал, что ему «нужно становиться жестче», а потому заставлял присутствовать на всех «силовых совещаниях».

– Кто ты такой, чтобы рассуждать о бизнесе? Ты – червяк!

Чвак! Удар не сильный, но болезненный, вызвавший громкий стон. Чвак!

Заза отвернулся и принялся раскуривать сигару. Он стал жестче – научился абстрагироваться от воплей и звуков ударов. Но приходилось курить, успокаивая разболтавшиеся нервы.

Чвак!

– А-а!!

Чвак!

Вопреки совету Киприота, предлагавшего выждать хотя бы две недели, позволить полиции успокоиться и насладиться плодами победы, Алоиз решил начать работу сразу, объяснив, что терять время бессмысленно – наркоманам нужен товар. Хан подождал всего два дня, потратил время на вызов дополнительных «камрадов», после чего отправил людей брать власть. Объяснять уличным торговцам, что у Живоглота появился наследник.

Стрелять, к удивлению Киприота, почти не пришлось. Двоих, особенно наглых, положили, еще троим серьезно вломили, остальные новые веяния усекли, и бизнес начал налаживаться.

Поставки обычных наркотиков почти не пострадали – Заза знал поставщиков Живоглота и быстро наладил с ними связь. А вот с «синдином» возникли проблемы. Цены, по которым его

удавалось достать, категорически не устраивали Хана, выйти же на поставщиков, которых знал только Живоглот, не получалось, а недремлющие конкуренты уже начали предлагать пушерам свои услуги. Некоторые из уличных торговцев на сладкие посулы велись и попадали в Серую комнату.

– За наш счет решил подняться, гнида? Да?! Чего молчишь?

– У меня клиенты…

– Я тебе покажу клиенты!

Чвак!

– А-а!!

Чвак!

Что-что, а пытать Алоиз умел на славу, и камрады его – тоже. Во время работы на Живоглота Зазе приходилось наблюдать, как разбираются албанцы с глупыми контрагентами, кровь он видел, однако люди Хана рвали «клиентов» настолько профессионально, что Киприот чувствовал себя малоопытным щенком. И отчетливо понимал, с какими зверями связала его нелегкая.

С другой стороны, как долго можно удерживать людей страхом? Две недели? Месяц? Клиентам нужен «синдин», он сейчас номер один в списке любого поставщика, он дает основную прибыль, а у Хана его нет. Без «синдина» проект загнется…

– Тащи их сюда.

– Сюда?

– Угу. – Хан кивнул и улыбнулся удивленному Киприоту. – К нам пришли.

Отвлекшийся на размышления Заза прозевал появление одного из помощников Алоиза. Теперь тот вышел, видимо, чтобы кого-то «тащить». Киприот затушил сигару – все равно вкус не чувствуется, и поинтересовался:

– Кто пришел?

Ему показалось странным, что Алоиз велел привести гостей сюда, в Серую.

– Увидишь. – Хан вернулся к провинившемуся пушеру. – Понял, какая ты грязь? Ты никто, уродец. Ты даже меньше, чем никто. Ты ничто! Повтори!

– Я – ничто, – послушно выдохнул пушер.

– Молодец. – Хан выдержал паузу и резко ударил пленника.

– А-а!

– Теперь скажи, у кого ты брал «синдин»?

– У нас.

А вот и неприятности.

Увидев знакомых парней из команды Малика Путника, Заза похолодел. Сезар Отмычка и Йо-Йо. Первый – умник, второй –

громила. Они представляли интересы Малика в Мюнхене, но после приключившейся с Живоглотом истории двинулись осваивать западные территории.

«Теперь посмотрим, Алоиз, есть ли в тебе настоящая крепость?»

Подумал, а в следующий миг понял – есть. Ибо сообразил, почему Хан велел привести людей Малика в Серую комнату и почему задал вопрос в тот самый момент, когда бандиты появились на пороге. Хан сам проверял гостей на крепость, и первый удар люди Малика отбили.

– Привет, Заза.

– Привет.

Отмычка и Йо-Йо уселись за стол и посмотрели на Алоиза.

– Привет.

Наемник пригладил волосы и сделал шаг:

– Мы не знакомы. Алоиз Хан.

Однако руки бандитам не подал.

– Мы о тебе слышали.

– Хорошее?

– Разное.

– Я успел вас огорчить?

Гости улыбнулись, деликатно демонстрируя, что, если бы он успел их огорчить, его бы уже закопали. В ответной улыбке содержался намек на то, что гости выдают желаемое за действительное. Когда улыбки закончились, Отмычка поинтересовался:

– Заза, кто здесь говорит?

– Мы оба.

– У тебя компаньон?

– Как видишь.

– Тогда мы будем говорить с обоими.

На висящего пушера Сезар внимания не обращал, не стал насчет посторонних ушей беспокоиться. Раз Хан пушера оставил, значит, пушер никому ничего не скажет. Взрослые люди такие вещи понимают.

Второй удар отбит.

– Малику нравится, как вы сумели повернуть ситуацию, – неспешно начал Отмычка. – Никто не ждал, что порядок будет наведен столь быстро.

– Передай Малику мое искреннее почтение, – попросил Киприот.

– И мое тоже, – добавил Хан, раскуривая затушенную Зазой сигару. – Я Путника очень уважаю и все такое прочее.

Прозвучали слова Алоиза без должного почтения, но

Отмычка делать замечание не стал. Пообещал:

– С удовольствием. – И вернулся к делам насущным. – Однако, насколько нам известно, не все у вас так хорошо, как хотелось бы.

– Период становления, – махнул рукой Хан. – Мы преодолеем.

– Жаль, что вам приходится наказывать людей… – Отмычка с улыбочкой покосился на приговоренного пушера. Йо-Йо гыгыкнул. – А ведь они ничего не сделали. Всего лишь хотели заработать пару лишних динаров.

– Бизнес… – пролепетал бедолага.

Хан медленно подошел к пушеру и аккуратно вставил ему кляп.

– Они работают на нас.

– Замечательная фраза, – оценил Отмычка. – Малик любит, когда люди понимают вложенный в нее смысл.

А смысл простой: большая рыба собралась пообедать. Малик Путник хотел воспользоваться междоусобицей, которая должна была возникнуть на обломках империи Живоглота, и подмять под себя весь Баварский султанат. Однако появление шустрого ветерана Иностранного легиона спутало уважаемому старику карты.

– Работать на кого-то – это значит зависеть от кого-то, – задумчиво протянул Хан.

– Ты умный человек, Алоиз, – деловым тоном польстил Отмычка. – Ты был военным и наверняка знаешь слово «субординация». Выражаясь понятным тебе языком, Малик – фельдмаршал.

– А я?

– Можешь стать генералом.

– Малик оказывает тебе услугу, – решил поучаствовать в разговоре Йо-Йо.

– Малик деловой человек и видит, каких успехов ты добился за столь ничтожное время. Малик ожидал, что смерть Живоглота приведет к долгой и никому не нужной войне, от которой серьезно пострадает бизнес, и обрадовался, когда услышал о тебе. – Отмычка разливался соловьем. – У Малика лучшие цены в султанате, и он с удовольствием помогает хорошим людям. Ты заработаешь гораздо больше, если станешь получать весь товар, подчеркиваю – весь, с наших складов. Во всем остальном – полная автономия.

Щедрое предложение. Безумно щедрое, если учесть, что у Хана нет ни авторитета, ни по-настоящему крепкого положения. Алоиз одержал первые победы, однако ему только предстоит занять место Живоглота, окончательно замкнуть на себя всех

пушеров западных провинций. Предлагать Алоизу подобные условия, это…

«Западня!» – понял Киприот.

Хан слаб, но он продемонстрировал потенциал, и каждый новый день прибавляет ему сил. А потому Путник прикинется другом, предложит встретиться лицом к лицу и уничтожит опасного конкурента.

– Я даже представить не мог, что Малик относится ко мне с таким уважением, – растерянно пробормотал Хан.

– Малик видит людей насквозь и понимает, кто из них достоин стоять рядом, – твердо произнес Отмычка.

– Невероятно.

– Ты просто не знаешь Малика, – добавил Йо-Йо.

Они видели то, что хотели: глуповатый вояка размяк. Они понимали, что сначала показались выскочке посланцами смерти, что Алоиз ожидал тяжелого разговора, возможно, ультиматума, а услышал необычайно лестное предложение. Его взволнованность выглядела настолько искренней…

– Малик хочет сам изложить условия партнерства, – мягко произнес Отмычка. – Ты не собирался в Берлин?

– С удовольствием приехал бы, – растерянно протянул Алоиз. – Но я давным-давно пообещал маме не заезжать дальше Мюнхена. Может, встретимся там?

– Можно и там, – кивнул Йо-Йо. – Малик бывает в столице.

И улыбнулся.

Люди неразумные – а ветераны Иностранного легиона именно такими и были – отчего-то считали, что в Мюнхене не принято устраивать шумные разборки. Султан не раз демонстрировал крутой нрав, а потому складывалось впечатление, что крутые ребята решали проблемы далеко от столицы. Люди неразумные не понимали, что ключевым словом являлось не «разборка», а «шумная». Убивали в Мюнхене часто, но тихо, не тревожа понапрасну Европол.

– Когда тебе удобно встретиться?

– Через пару-тройку дней… – Алоиз опомнился: – Когда будет удобнее уважаемому Малику, тогда и встретимся. Я готов приехать в Мюнхен в любое время.

Посланцы переглянулись и поднялись из-за стола.

– Очень хорошо.

– Мы рады знакомству.

– Мы видим – Малик в тебе не ошибся.

На этот раз мужчины рукопожатиями обменялись.

* * *

Территория: Россия

Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13

Кодовое обозначение – «Станция»

Зоркие глаза хороши только в том случае, если они работают на тебя

– Господин Щеглов! Черт! Пустите! Господин Щеглов!!

Мишенька остановился, обернулся, прищурился.

«Клюев? Ну да, Клюев».

Вшитая в «балалайку» программа идентификации уже опознала кричащего и даже выдала запрос: «Извлечь досье? Да. Нет».

«Да», – решил Мишенька, и в левом верхнем углу наноэкрана открылось «окно».

– Господин Щеглов!

Безы перехватили верзилу в трех шагах от Мишеньки, аккуратно взяли с двух сторон и не отпускали, ожидая приказаний. Руки не ломали, сильно не давили. Не забывали смотреть по сторонам – вдруг верзила только внимание отвлекает? Для безов из внутренней безопасности авторитетов не существовало.

– Все в порядке, – кивнул телохранителям Мишенька. – Пропустите. – И вошел в кабинет. – Чай? Кофе?

– Почему они…

Верзила и сам был офицером СБА, причем не самого низкого ранга, потому и удивился такому к себе отношению.

– Вы слишком быстро ко мне приблизились. – И плюхнулся в кресло. – Это запрещено.

– А-а… – Клюев бросил взгляд на дверь, убедился, что массивные безы остались в коридоре, и осторожно присел на краешек стула. – Что еще нельзя?

– Делать резкие движения, держать руки в карманах, пытаться прикоснуться ко мне… – перечислил Мишенька. – Вы об этом хотели поговорить?

– Э-э… не только.

– В таком случае давайте перейдем к делу.

Клюев возглавлял контрольно-ревизионное управление администрации строительства – небольшое подразделение, состоящее из двух аудиторов и одного секретаря, необходимость которого была вызвана чисто бюрократическими соображениями. Верхолазы, недовольные тем, что их не подпускают к секретам новой технологии, требовали детальных докладов, заставляли отчитываться за каждый вложенный динар, за каждую присланную деталь, и Клюев исполнял роль экзаменатора, проверяя подготовленные отчеты до того, как те будут

отправлены в Цюрих.

– С чем пожаловали? – Мишенька дружелюбно посмотрел на посетителя, а сам уже пометил его досье: «На перевод». Добавил к списку первоочередных задач: «Назначить начальника контрольно-ревизионного управления». – И почему ко мне?

– Да… – Клюев вздохнул: – Честно говоря, я опасаюсь делиться подозрениями с Прохоровым.

– Почему?

– Слишком важное дело. – И аудитор округлил глаза.

Ожидаемого эффекта не произвел – Щеглов остался бесстрастен.

– У меня не очень много времени. Я не могу ходить вокруг да около и ждать, когда вы соберетесь с духом. Что вы раскопали?

– Почему вы решили, что я что-то раскопал?

– Потому что у вас такая должность – раскапывать. Или я ошибаюсь?

Клюев достал из кармана платочек, вытер вспотевший лоб и сознался:

– Раскопал.

– Отлично, мы в вас не ошиблись, – сдержанно похвалил аудитора Мишенька. – Что именно вы раскопали?

– На Станции пропадают ресурсы.

– Это стройка, а на стройке всегда пропадают ресурсы, – спокойно отозвался Щеглов. – Говорят, прорабы воровали даже на строительстве пирамид. Нужны факты.

Клюев скомкал платок в руке, помялся еще несколько мгновений и решился:

– Вам знакомо обозначение «Комплексная система «Тек-9»?

Квадратные стекла очков безразлично сверкнули.

– Если не ошибаюсь, что-то связанное с электроникой?

– Это комплект устройств для производства самой современной электронной продукции, – подтвердил Клюев. – В том числе – «поплавков». Один «Тек-9» способен работать с производительностью небольшой фабрики.

– Это вы загнули.

– Хорошо – маленькой фабрики, сути дела это не меняет. Для обеспечения строительства нам было поставлено семь комплексов. Честно говоря, многовато, но…

– Не отвлекайтесь, пожалуйста, количество поставляемых комплексов было определено при планировании.

– Да, конечно… Так вот. Из семи «Тек-9» два развернуты и работают, а два на складе.

Клюев выдержал многозначительную паузу.

– Остальные? – подыграл ему Мишенька.

– Они были разобраны, дабы восполнить недокомплект других фабрик.

– Недокомплект?

– Согласно документам, при перегрузке на железнодорожной станции в ящики врезался грузовик. Оборудование получило значительные повреждения, и из пяти комплексов удалось собрать всего два. Остатки уничтожены сотрудниками внутренней безопасности. Отчеты прилагаются.

– Получается, у нас все в порядке, – улыбнулся Мишенька. – Не вижу проблем.

И только тут Клюев правильно понял происходящее. И снова округлил глаза, уставившись на Щеглова. И пролепетал:

– Не видите проблем?

– Никаких.

Новость не стала новостью. Мишенька прекрасно знал, что случилось с «Тек-9», или, что еще более вероятно, сам санкционировал происходящее.

– Проблема в том, что сработано топорно, – пробурчал Клюев. – Грузовик какой-то, ящики разбились, внутреннюю безопасность опять же подставили. Грубо сработано. Три комплекса можно было списать под более благовидным предлогом.

– Каким?

– Перепутать место хранения, – немедленно отозвался аудитор. – Такое случается сплошь и рядом. Провести по документам, что «Тек»-и хранились в неотапливаемом помещении, и списать без проблем. Это же электроника!

– Гм…

– К тому же я нашел другие «хвосты». За последние три месяца испарился целый список электронного оборудования, с его помощью можно оптимизировать «Тек-9», а то и собрать еще пару комплексов.

Да уж, Слоновски переучивать бесполезно. Мишенька давно работал с Грегом и знал, что тот всегда идет по прямой, не сворачивая. На своем месте он великолепен, однако задачки хитрые, требующие хоть капельки изящества, ему недоступны.

Пометка: «Попенять Грегу за недостаточную гибкость».

– Здесь создан идеальный хаос, – продолжил осмелевший Клюев. – Он в принципе характерен для любого крупного строительства, но здесь доведен до совершенства. Системный хаос, который способен скрыть что угодно.

– Его создали и поддерживают отличные специалисты.

Клюев помолчал, внимательно глядя в невозмутимые глаза Мишеньки, и негромко спросил:

– Это была проверка?

– Проверяли не вас.

– Себя, – догадался аудитор.

– Примерно раз в два месяца должность начальника контрольно-ревизионного управления занимает новый человек. Надежный, но…

– Но не знающий, что здесь на самом деле творится, – перебил Щеглова Клюев. И тут же осекся: – Извините.

– Ничего страшного, – улыбнулся Мишенька. – Тем более вы абсолютно правы: человек надежный, но не представляющий, что здесь творится. Вы ведь надежный?

– Меня проверяли.

– Я хочу услышать от вас. Вы – надежный?

А вот это уже не дружеский вопрос, а жесткий, очень жесткий. Клюев подобрался, однако попытался пошутить:

– Будь я ненадежным, поделился бы своими подозрениями не с вами.

– А с кем? – с искренним интересом полюбопытствовал Мишенька.

Клюев замер. С открытым ртом замер. Вспомнил, где находится.

– Я все время был под колпаком?

– Разумеется. – Щеглов поднялся, подошел к бару и налил бывшему начальнику контрольно-ревизионного управления коньяку. – Но пусть вас не смущает это обстоятельство – на Станции под колпаком все. Таковы правила игры. – Вернулся в кресло. – Я нахожу вашу квалификацию высокой, а потому предлагаю должность в планово-экономическом управлении. Там сейчас верстают один грандиозный экономический проект, и толковый аудитор им пригодится. Кто-то должен спускать ребят с небес на землю.

– А на мое место…

– А на ваше место приедет новый амбициозный профессионал.

Который будет выискивать оставленные Слоновски или Прохоровым следы.

– Я согласен, – кивнул Клюев. – Но… – Коньяк растекся по организму, вызвав у аудитора еще один приступ храбрости: – Вы ответите на один вопрос?

– С удовольствием, – усмехнулся Мишенька. – Задавайте.

– Вы говорили о правилах… А во что мы играем?

Щеглов помолчал, внимательно глядя аудитору в глаза, а потом коротко и веско ответил:

– В будущее.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз
Ульм, Баварский султанат
Ресторан «Весельная лодка»
Бывает, что друзья друзей хуже самих друзей

– Пресс-служба СБА назвала окончательное число погибших во время бунта в Африке – семьдесят три человека. Представитель СБА заявил, что сотрудники исправительного учреждения продемонстрировали высочайший профессионализм, благодаря которому удалось избежать большего количества жертв. Напомним, что случившийся несколько дней назад бунт стал возможен благодаря поразившему внутреннюю сеть Африки вирусу…

– Твари! Убивают людей, словно скот! – возмутился сидящий за барной стойкой парень.

– Тебе же сказали – бунт, – рассудительно заметил его приятель.

– Как могли они взбунтоваться?

– Довели.

– Вот именно!

– Так там кого хочешь доведут, на то и тюрьма.

– А убивать зачем?

Шмейхель залпом допил виски, взял следующий стакан, заботливо подставленный барменом, и, покачиваясь, направился к дальнему столику. Побыл среди людей и хватит, послушал новости – забудь. Насосись виски, попроси вышибал погрузить тебя в такси и мотай домой отсыпаться. Дела переделаны, черный чемоданчик уже у машинистов, следующая встреча через неделю, так что сегодня – выходной.

– Поговорить не против?

Ну что за ерунда? Даже до столика дойти не успел.

Шмейхель медленно обернулся и с дружелюбным безразличием оглядел выросших за спиной мужчин. Худощавый, в костюме, спокойный. Здоровяк, в костюме, еще спокойнее. Сезар Отмычка и Йо-Йо. Шмейхель видел, как эти двое приезжали в «Золотой запас», слышал имена и уже успел проглядеть досье. Однако представлены они не были.

«Хорошо, что не успел надраться!»

– Мы знакомы? – слегка заплетающимся языком осведомился Шмейхель.

– Почти, – подтвердил худощавый Отмычка.

– Ты друг нашего друга, – добавил Йо-Йо.

– Вот решили тебя проведать.

– Поговорить.

– Предложить кое-что.

– Тебя заинтересует.

– Мы много можем.

– И много знаем.

– Мы очень хорошие друзья.

– И очень неприятные враги.

Шмейхель вновь покачнулся, выставил перед собой ладонь.

– Давайте присядем. – И наконец добрался до диванчика. – Вы кто?

– Я – Отмычка, он – Йо-Йо. Мы работаем на Путника.

– А кто из моих друзей приходится вам другом?

– Хан.

– А-а… – Шмейхель пригубил виски. – Он о вас не говорил.

– Мы подружились буквально сейчас.

– А теперь решили поговорить с тобой.

– Ты ведь из научного центра аль-Джохар, так?

– Мы слышали, там появилась большая потребность в некоторых препаратах.

– Ты их туда возишь.

Они не позволяли Шмейхелю и слова вставить. Насели мягко, но крепко, не вырвешься. Только и остается, что посасывать виски и думать о поворотах судьбы.

– Мы говорим о бизнесе. О взаимовыгодном бизнесе.

– У тебя не лучший поставщик. Его товар довольно дорог.

– Мы поможем тебе поднять норму прибыли.

Коротко, уверенно и предельно понятно. Малик Путник – это аргумент, дешевый «синдин» – еще более весомый аргумент, но у задачки есть дополнительное условие – скорый на расправу Алоиз.

– Хан узнает и отвернет мне голову, – доверительно сообщил мужчинам Шмейхель. – А она мне нужна.

– Ты в нее ешь?

– Я в нее думаю.

– Отличное применение, – с улыбкой согласился Отмычка. – А ты знаешь, что мысли делятся на правильные и неправильные?

– Угу.

– Неправильные мысли способны существенно сократить жизненный путь.

Йо-Йо поддержал вывод напарника многозначительным кивком.

– Я нужен, – задумчиво ответил Шмейхель. – Машинисты мне доверяют.

– Торчкам все равно, где брать «синдин». К тому же они

понимают всю опасность твоей профессии.

– Убьете меня – Хана не обрадуете.

– А мы его веселить не нанимались, – отрезал Йо-Йо.

И все окончательно встало на свои места. Малик Путник уже вычеркнул Алоиза из списка живых, ну, в смысле, пока только в мечтах, тем не менее…

– И тебя мы не уговариваем, – жестко закончил Отмычка. – Ты берешь товар раз в неделю?

– Да, – поколебавшись, ответил Шмейхель.

А что он еще мог сказать?

– На следующей неделе возьмешь его у меня.

По взгляду Йо-Йо было видно, что ему очень хочется укрепить предложение тычком в зубы, но он надеется, что собеседник и так все понял.

– Хорошо, – покорно кивнул Шмейхель. – Хорошо.

* * *

Анклав: Москва
Территория: Болото
«Инновационное бюро Лакри»
Друзья – это люди, к которым возвращаешься

В погожий солнечный денек, когда припекать начинает уже в семь утра, а первая бутылка ледяной воды покупается в шесть, мастерская Руса не только виделась, но и отчетливо слышалась. Ворота первого, не оборудованного вентиляцией ангара открывались нараспашку, и окружающим, помимо липкой жары, приходилось наслаждаться тяжелыми ритмами любимого мастерами рока. Бесплатно наслаждаться – ребята устраивали прослушивание не из корыстных побуждений.

Закину тебя за спину!
Нажму на полный газ…
Бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу!

Утреннюю жару скрашивала авторитетная «Корпоративная комета», выбор байкерских клубов всех европейских Анклавов. Будь у Патриции «балалайка», она обязательно уменьшила бы чувствительность, но чип остался в прошлом, и мощь динамиков навалилась на беззащитную девушку роковой волной.

Бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу!

Окна ведь открыты.

– Привет!

– Привет!

Пэт остановила «Ифрит», едва въехав в ангар. Улыбнулась подошедшим механикам.

– Как дела?

– Нормально. – Длинный Зяблик, в крови которого смешались все территории Анклава – папа из Уруса, мама из Кришны, один дед – русский с Болота, второй – китаец, – со знанием дела постучал костяшкой пальца по крылу «Ламборджини»: – Угнала?

Судя по всему, Зяблик капитально надрался еще до своего появления в «Стоп-кране» и пропустил кое-какие события.

– Отец подарил.

– Круто! – покачал головой механик. – Где только люди находят таких родителей?

– Берут в аренду у бога.

– Кому надо молиться?

– Будешь себя хорошо вести – скажу.

– Холодного пивка?

– Я за рулем.

– То есть текилы?

Руки, в которые намертво въелась смазка, грязные комбинезоны и – неподдельная веселость.

Узнав, что Олово «в командировке», а Кирилл будет занят весь день, Пэт решила домой не ездить. Отправилась в мастерскую Руса, к «свамперам», для которых она была не «гламурной» девочкой, не дочерью богатого и влиятельного папаши, а просто Патрицией. Одной из своих. И даже новенький «Ифрит» являлся здесь не показателем статуса, а просто отличным средством передвижения.

– Четыреста дает?

– Дает пятьсот, не все дороги позволяют.

– Отказалась от «Плутона»?

– Продавать не собираешься?

– Даже не мечтай!

Первый ангар Пэт проехала насквозь, медленно пересекла внутренний двор, отыскала свободное место и припарковалась.

Когда-то, несколько лет назад, вся мастерская Руса Лакри в первом ангаре и помещалась. Целиком, от первой до последней гаечки. И была она скорее базой вагона «свамперов», совмещенной с мастерской, нежели наоборот. Рустам мечтал о большем, однако у Карбида, прежнего лидера вагона, были другие цели: деньги и власть. Желательно – большие деньги и настоящая власть, авторитет среди московских уголовников.

Сворачивать с пути Карбид не собирался, упрямо тащил байкеров в криминал, однако не пережил столкновения с Пэт – сам затеял конфликт, и сам за него поплатился. Новым вожаком стал Рус, и тут же – какое совпадение! – получил от Грязнова предложение о сотрудничестве. Подумал и не отказался. Щедрые инвестиции преобразили маленькую мастерскую до неузнаваемости. Теперь она занимала пять ангаров, была оснащена современным оборудованием, называлась «Инновационное бюро», вошла в первую тройку тюнинговых компаний Анклава, и возились байкеры не только с мотоциклами, но и с мобилями, автомобилями, самолетами и вертолетами. Любые двигатели, любые узлы, любое усовершенствование. Лакри заслуженно считался одним из самых талантливых механиков Москвы.

– Пэт, привет!

– Привет! Рус у себя?

– Вроде да.

– Здорово, Козявка!

Огромный рыжий кот, по-хозяйски развалившийся на крыше распотрошенной «Феррари», милостиво позволил себя погладить. Рожа наглая, сытая, и не скажешь, что был когда-то найден на соседней помойке хилым, полумертвым от голода котенком. Тощим до крайности, за что и получил соответствующую кличку. Теперь же – местное божество.

– Урчишь, подлец.

Выражение глаз: «А-а, помню, вы были мне представлены…»

– Пэт, дай на «Ифрите» прокатиться!

– Укради сначала.

– Ну, если ты настаиваешь…

– Пальцы отрежу!

– Почему пальцы?

– А что у тебя еще есть интересного?

Ржание.

В самый маленький ангар Пэт прошла через соединительный коридор – ворота в личную мастерскую Руса открывались редко. Да и ходили в нее нечасто. Не потому, что запрещено, а из уважения, чтобы не отвлекать. Здесь Лакри думал, фантазировал, находил оригинальные решения для самых сложных задач. Здесь был мозговой центр бюро и в прямом, и в переносном смысле – под маленьким ангаром, в бронированном саркофаге с автономной системой охлаждения, прятался суперкомпьютер с пятнадцатью «поплавками» в «голове». Приобретенный, как ни странно, на законных основаниях – Кирилл подключил все свои связи и выбил от властей разрешение. А это, в свою очередь, позволило использовать лицензионные, оптимизированные под

«поплавки» программы, что делало работу бюро в разы эффективнее.

– Пэт, как я рад! – Кимура, как обычно, за монитором. Жесткие волосы, черные глаза – наполовину самурай, наполовину неизвестно кто. Увидев девушку, вскочил, широко улыбнулся: – Давно не виделись.

– Пять дней.

– Неделю.

– Я тоже рада тебя видеть, – мягко произнесла Патриция. Очень дружески произнесла, однако был в ее тоне тончайший намек на необходимость соблюдать дистанцию. Намек, прекрасно понятный парню.

В свое время Кимура без памяти влюбился в Пэт. Постоянно находился рядом, ловил каждое слово, а однажды, собравшись с духом, признался. И получил отказ, очень дружеский и очень мягкий, но тем не менее глубоко его задевший. Кимура уехал и не появлялся в мастерской три недели. Вернулся внешне прежним: спокойным, бесстрастным и молчаливым, извинился перед Патрицией, сказал, что больше не повторится. Стал вести себя как прежде: с кем-то встречался, с кем-то развлекался, однако Пэт знала, что с любовью своей Кимура не справился, и потому старалась держаться с парнем крайне деликатно.

– Привет!

– Привет!

Рус явился из дальнего угла ангара, где копошился в свалке оборудования, подбирая нужный прибор. А Матильда, оказывается, была совсем рядом, утонула в громадном кожаном кресле – с двух шагов не разглядеть.

– Давно вернулась?

– Только что.

– Пива?

– Нет.

– Зря.

Лакри пристроился на подлокотнике кресла, ловко вскрыл банку, сделал большой глоток. Кимура поддержал начальство.

– Как съездила?

– Отлично.

– Ты вроде не собиралась никуда, – заметил Рус.

– Еще один сюрприз от Кирилла, – рассмеялась Пэт. – Возникли недоразумения с компаньонами, и он велел мне разобраться. Я ведь теперь магистр, должна постепенно прибирать к рукам семейный бизнес.

– А-а…

Лакри кивнул и глотнул пива.

Директор «Инновационного бюро», блин: дешевая спецовка, грязная и рваная на левом колене, руки грязные, лоб – тоже, вытирал пот и оставил грязные разводы. Но – голова. Кирилл называл Лакри гением, а Кирилл слов на ветер не бросал.

Когда-то, давным-давно, Пэт была не прочь увлечься Русом. Выбрала его, умного работягу с несокрушимыми принципами, сделала пару намеков, но получила вежливый отказ. Лакри твердо показал, что готов только дружить. А вот на белокурую красавицу Матильду, не пышную, но весьма кругленькую, Рус смотрел иными глазами. Пэт не обиделась – не получилось, и ладно. А за подругу порадовалась – нашла, понимаешь, чумазое счастье в седле мотоцикла. Нашла, и уже два года как не расстается.

– Над чем работаете?

– Вертолет, – коротко ответил Рус.

– Клиент хочет, чтобы он летал как ракета, – жизнерадостно добавил Кимура. – Мы обещали.

– Вечером свободны?

– Как птицы.

– Если успеем кое-что закончить.

– Не будь букой.

– Какие предложения?

– Посидим где-нибудь? Отметим окончание Университета в тесном кругу.

Просто повод побыть вместе.

– Договорились, – кивнула Матильда.

Рус хотел что-то сказать, но передумал, поцеловал подругу в лоб, поднялся и двинул к стенду, судя по всему, проверять какую-то идею. Понятливый Кимура рванул следом.

Матильда проводила их взглядом и, убедившись, что парни действительно занялись делами, негромко сообщила:

– Вчера ночью кто-то нарисовал на воротах руну Дагаз.

– Стерли?

– Да… Рус ругался.

– Он у тебя аккуратист, – бесстрастно заметила Пэт.

– А по Анклаву ходят слухи о новом культе, – продолжила Матильда. – Никто ничего не знает, но говорят.

– Рано или поздно это должно было случиться.

– Согласна… – Матильда помолчала. – Та руна, на воротах… она была живая, теплая. Я прикасалась к ней и все поняла. Ты часто бываешь в мастерской, руна это почувствовала. И они… они могут понять, что ты здесь бываешь.

– Не успеют, – уверенно ответила Пэт. – Они не способны проверить все нарисованные в Анклаве руны.

– А как же случайности?

– Случайности мы контролируем.

Матильда вздохнула, но спорить не стала. Вновь помолчала, словно отсекая предыдущую тему, и негромко поинтересовалась:

– Как там?

– Все хорошо. Мы успеваем.

– Летом?

– Или в начале сентября. Точно пока не знаю.

– Но уже скоро…

Пэт заняла место Руса – уселась на широкий подлокотник кресла, однако пошла дальше – приобняла подругу за плечи, наклонилась и внимательно посмотрела ей в глаза:

– Чего ты боишься?

И увидела боль.

Матильду лепили из другого теста, и предназначение у нее было другое, не то, что у Патриции. А потому не страх увидела Пэт в ее взгляде, а боль. Сострадание.

– Когда все случится, будет много крови.

– Будет, – спокойно подтвердила Патриция. – Но тебе ничего не грозит. И Русу – тоже.

– А люди?

– Люди и сейчас гибнут. Если же ничего не предпринять, крови будет еще больше. Ты это знаешь.

Но Матильду ее слова не успокоили.

– Люди будут умирать из-за тебя. Не смущает?

– Для этого у меня есть ты.

– Чтобы забирать твою боль…

– Чтобы чувствовать ее вместо меня.

Потому что тот, кто думает о будущем, должен быть холоден. А тот, кто о настоящем, – жалостлив.

Они такие разные…

– Я не верю, что кровь тебе безразлична.

– Нет.

– Вот видишь! – Матильда погладила подругу по щеке. – Я знала, что в глубине души ты…

– Извини. – Патриция отстранилась. От слов и от подруги. Кивнула на транслирующий новостной канал монитор. – Сделай, пожалуйста, громче.

Не самый лучший способ уйти от неприятного разговора, но и не самый плохой. Матильда хотела воспротивиться, однако передумала. Пусть. Если Пэт не хочет говорить, не надо, а вшивые новости гораздо лучше грубости.

– Скажите, архиепископ, с какой целью вы отправляетесь в Москву?

– Пастырский визит. Добрые прихожане имеют право слышать слово тех, кто несет свет Католического Вуду на других землях. Монсеньор Джошуа Таллер – великий проповедник, и для меня большая честь работать на его кафедре.

Волевое лицо, соломенного цвета волосы, широченные плечи и уверенный голос. Мужчина походил на переодевшегося в рясу рыцаря.

– Кто это? – удивленно спросила Матильда.

– Папа Джезе, – негромко ответила Пэт. – Архиепископ Баварский.

Ответила очень странным тоном: задумчивым, рассеянным. Светловолосый рыцарь полностью завладел вниманием девушки.

«Она влюбилась?»

– И почему он тебя интересует? – намеренно небрежно спросила Матильда.

Любовь, вспыхнувшая через коммуникатор, – отличная тема для шуток.

– Потому что, оказывается, он собрался в Москву.

– Вы знакомы?

– Я убила его любимую женщину, – просто, без всяких эмоций сообщила Пэт, не отрывая взгляд от экрана.

Матильда тихо ойкнула.

* * *

Территория: Африка
Горнодобывающий полигон «Всемирной рудной компании»
Кодовое обозначение – «Африка»
Иногда веревочка сплетается в узелок, а иногда – в петлю

Я жив?

Да, жив.

Странно, твою мать, но приятно. Облажалась, получается, Африка!

Чайка потянулся, взял с тумбочки пачку сигарет, вытряхнул одну на одеяло и раскурил. Правую руку старался лишний раз не напрягать – последствия удара до сих пор ощущались, обходился левой. Устроился поудобнее, глубоко затянулся.

Я – жив. Главная мысль последних дней. Хит сезона. Я – жив.

«Почему?»

Бунт ведь для него устроили, по специальному, мать его, заказу, эксклюзивно. Пилсуцки его искал, никого больше – его. И отыскал.

Перед глазами – в какой уже раз! – явился господин офицер

Ушенко с пистолетом в руке. Лицо спокойное, взгляд, можно сказать, безразличный, будто у человека, выполняющего нудную, но нужную работу. Три пули Пилсуцки в грудь – работа. Получается, Ушенко окликнул уголовника – тот ведь спиной к двери стоял, – Пилсуцки обернулся и получил три краш-пули в грудь. Свою работу не исполнил. Не успел? Ушенко поторопился пристрелить убийцу? Невозможно. Кто угодно, только не Ушенко. У надзирателя было время, а значит, он выстрелил именно тогда, когда хотел, и не позволил Пилсуцки довести дело до конца. Погибли все машинисты, что вместо каменоломен ишачили на Флобера, погибли перебившие их уголовники. А главный конец, который следовало опустить в воду, остался.

«Почему?»

Два дня назад заходил Флобер. Сочувственно вздыхал, желал скорейшего выздоровления. Улыбался.

«Зачем приходил?»

Ни слова, ни жеста, ни намека.

Чайка понимал, что он в полной власти директора. Захочет Флобер его убить и… Или хочет, но не может? На кого работает Ушенко? Почему спас? Кто способен противостоять директору Африки в его вотчине? Кто способен разрушить планы старшего офицера СБА, подчиняющегося не кейптаунскому филиалу, а непосредственно Цюриху?

«Кто решил, что я должен жить? Почему?»

Флобер пообещал, что сотрудничество продолжится в прежнем ключе. Прозвучало двусмысленно, потому что теперь Чайка точно знал, чем оно, это самое, мать его, сотрудничество, закончится. Один раз пережил, во второй может не получиться.

«Или не будет никакого сотрудничества?»

Офицер Ушенко тоже заходил, приносил бумажки какие-то на подпись. Пустые бумажки, откровенно пустые, ненужные. Держался с привычным высокомерием, грубо держался, но пришел, показал, что по-прежнему на своей должности и что Флобер ничего ему не сделал, хотя именно он, Ушенко, сорвал замысел директора. Сначала предупредил о бунте, потом и вовсе спас.

Спокойное лицо, пистолет, три краш-пули в Пилсуцки.

«Зачем вы это сделали, офицер Ушенко?»

А ведь не скажет.

«Ясно одно – за мою жизнь идет игра. Флобер хочет моей смерти, кто-то другой – нет».

Но кто – другой? Из тех, кто помогает Сорок Два, или же наоборот? Или кто-то узнал, что именно директор Африки снабдил сетевого террориста страшным π-вирусом, и теперь

хочет, чтобы Илья написал противоядие? Флобер действовал на свой страх и риск или по заказу верхушки СБА? Сорок Два самостоятелен или же чья-то марионетка?

Сорок Два…

Чайка поднялся с койки. Прошелся. В изоляторе камеры просторнее и чище. Стены выкрашены белым, на полу – пластиковая плитка. Свежее белье. Красота. Даже не скажешь, что в Африке. Обычная тюрьма, совсем не страшная. Мэтт, помнится, сильно этому обстоятельству удивлялся.

Илья раскурил еще одну сигарету.

Мэтт… Была ли их встреча случайной? Сначала показалось так, но теперь, после фокуса, что выкинул Ушенко, Чайка подумал, что их разговор могли подстроить. Что кто-то пожелал рассказать Чайке о Сорок Два и воспользовался удобным случаем.

Сорок Два…

Первая странность заключалась в том, что его вообще поместили в изолятор: температура скакнула – с кем не бывает? Однако врач, «опасаясь инфекции», распорядился перевести больного в медицинский блок. Илья решил, что это очередной подарок Флобера.

Вторая странность – почему больного с «подозрением на инфекцию» суют в камеру к неудавшемуся самоубийце? Изолятор переполнен? Возможно, возможно…

Впрочем, тогда Чайка скрытых смыслов не искал. Вошел в камеру, увидел прикованного к койке мужика с неестественно белой кожей, улыбнулся.

– Привет!

В ответ негромкое:

– Обойдемся без разговоров.

И голову повернул, уткнувшись носом в стену.

– Как скажешь.

Плохо, конечно, что сосед оказался молчуном, но приставать к нему Чайка не собирался: захочет – сам начнет разговор, не захочет – не надо. Тюремная, мать ее, этика.

Стараясь не замечать сковывающие белокожего ремни, Илья принялся устраиваться на новом месте: ботинки под койкой разместил, зубную щетку в грязный стакан пристроил, полотенце перевесил. Потом почитал, умылся – за все время сосед ни разу на него не посмотрел – и начал готовиться спать. Но когда погасили свет, услышал:

– Как тебя зовут?

– Илья Дементьев.

– Русский?

– Ага.

– Из Москвы?

– Вроде того.

– Что значит «вроде»?

– Я в Москву из России приехал, из Санкт-Петербурга. – Илья сознательно добавил деталей: хочешь разговорить человека – не отвечай односложно. – Бежал в Анклав от «химии», а в результате оказался здесь.

– Что такое «химия»?

– Чуть лучше Африки.

– Из одной задницы в другую?

– Так получилось.

Сделал все правильно – сосед решил продолжить разговор.

– Меня Мэтт зовут. – Койка заскрипела – мужик повернулся в его сторону, насколько позволяли ремни. – В сети – Буддист. Слышал?

– Нет.

– Давно здесь?

– Больше двух лет.

– Осталось сколько?

– Мне три впаяли.

– За что?

– За убийство.

– Так ты бандит?

В голосе послышалось разочарование. И неприязнь.

– Я во время московских беспорядков влип, – после короткой паузы ответил Чайка. – На меня на улице напали, я отбился, одного положил, потом безы налетели. Сначала хотели отпустить, но у меня «раллер» при себе оказался. Забрали проверять. В принципе – самооборона чистой воды, но безов тогда прижали, и они всех давили. Из пушки, что я у погромщика отнял, двух прохожих завалили – их мне и припаяли.

– Почему в Африку?

– Мне выбор предложили: в тюрягу к бандитам или сюда, к машинистам. Я долго не колебался.

– Понимаю.

Помолчали. Минут через пять Чайка решил, что Мэтт заснул, однако тот неожиданно продолжил:

– Я из Сиэтла. – Видимо, решал, стоит ли откровенничать. – Меня на перевозке «синдина» взяли.

– И сразу сюда?

– За мной еще кое-что было… – Пауза. – Я из людей Сорок Два.

– Ух ты! – Илья знал, что его сосед – машинист, но его не предупредили – какой. – Ты принял троицу?

– Разумеется.

– И как?

– Во время перевозки я почти успел перегрызть себе вены, – спокойно отозвался Мэтт. – Если бы эти суки трепались чуть дольше, у меня получилось бы, но…

– При чем здесь вены? – растерялся Илья. – Я же спрашивал о троице.

– А я тебе ответил.

«Вены?»

– Троица Сорок Два – это свобода. А у меня ее нет. Они меня отключили, понимаешь? «Гнездо» выдернули, обрубили все нейросоединения. Я оглох, понимаешь, я ослеп, я потерял душу. – Мэтт говорил спокойно, не жаловался, не орал, надрываясь, просто рассказывал даже не грустным – усталым тоном. Тоном человека, который не грызет себе вены только потому, что не в силах до них дотянуться. – Мира нет. Цифры нет. Я – пустая оболочка.

Разговор становился все более и более интересным.

– Зачем они так?

– Стандартная процедура для людей Сорок Два. Они знают, насколько хреново нам будет.

– Без подключения?

– Без Цифры. Я из людей Сорок Два, понимаешь? – повторил сосед. – Я вставлял себе «поплавок». Я растворялся в сети. Мой мозг превращался в байты, а все байты сети становились моим мозгом. Я из людей Сорок Два…

Хорошо, что Мэтт разговорился после отбоя, в темноте, не видя выражение лица собеседника. И не заметил, что Илья смотрит на него с превосходством.

– Это трудно? – негромко осведомился Чайка.

– «Поплавок» в «балалайку»?

– Вообще – троица Сорок Два.

– Это ворота в другой мир.

– Но наркотик…

– Не наркотик – «синдин», – поправил Илью Мэтт. – Он не наркотик. – Помолчал. – Ты вообще ничего не знаешь?

– Да как сказать… – Чайка вставлял себе «поплавок» задолго до того, как Сорок Два принес людям троицу. Вставлял, растворял сознание в информационных потоках и не знал преград. Один из двенадцати великих ломщиков. Легенда. Разница в том, что он не задерживался «там» надолго, всегда возвращался. И никогда не оставлял в сети душу.

– Я мало знаю, – негромко ответил Илья. – Сорок Два появился после того, как меня упекли. Ребята, разумеется,

рассказывали, но…

– Сорок Два не террорист.

– Я верю. Я знаю.

– Очень хорошо. – Койка вновь заскрипела. – Сорок Два был одним из лидеров dd и бросил вызов султану. Всех его друзей уничтожили, и тогда он поклялся изменить мир.

– Захотел стать великим ломщиком?

– Захотел сделать великими всех нас.

– У него получилось?

– Посмотри на меня!

Сделай вид. Скрипни кроватью, словно машинально повернулся, услышав предложение, пробубни с «пониманием»: «Ясно», и жди продолжения разговора. И не называй лежащего на соседней койке измочаленного наркомана измочаленным наркоманом.

«Это и есть Эпоха Цифры?»

Раньше не задумывался. Знал, что некоторые ребята дохнут от передоза, но не задумывался. Ведь раньше он сам был таким, сам рисковал принять слишком много «синдина» и не вернуться. Раньше…

Но теперь что-то не так. Он колол «синдин» редко, очень редко, а Сорок Два поставил всемогущество на поток, показал, что оно может стать обыденностью, и «синдин» сделался элементом повседневной жизни.

«Может, ты грыз себе вены, лишившись Цифры, а может – потому что остался без наркотика…»

– Сорок Два готов был пожертвовать жизнью… Ты ведь знаешь, что до него «поплавки» в «балалайки» вставляли всего двенадцать человек?

– Знаю.

Вставляли многие, двенадцать выжили, и не просто выжили, а смогли обуздать сверхмощный процессор и слиться с сетью. Двенадцать великих.

– Сорок Два делал так, как рассказывали великие: укололся «синдином» и вставил «поплавок» в «гнездо». И чуть не погиб. К счастью, его друзья поняли, что случилось, и прервали эксперимент. Через неделю история повторилась.

«А Сорок Два, оказывается, крепкий парень!» Все неудачные опыты, о которых довелось слышать Илье, гарантированно заканчивались смертью главного действующего лица.

– Его отговаривали, но Сорок Два оставался непреклонен. Вторая попытка. Третья! Он верил, и у него не могло не получиться. Его усилия не могли не быть вознаграждены!

«Пафос, достойный вудуистской проповеди».

– После третьего эксперимента Сорок Два восемь минут

находился в состоянии клинической смерти. Врач ввел ему в мозг наны, а они оказались бракованными, подпольным дерьмом. Они вступили во взаимодействие с «синдином», и Сорок Два очнулся! Тут же! – Рассказывая о своем пророке, Мэтт преображался, оживал. Забывал, что изуродован, привязан к койке и мечтает разорвать себе вены. Забывал, что хочет умереть. В его голосе звучала неподдельная страсть. – А дальше он совершил подвиг!

– Велел снова вставить «поплавок», – догадался Чайка.

– Именно! Потом Сорок Два рассказывал, будто почувствовал – именно почувствовал, – что эксперимент необходимо повторить немедленно, что он готов. Врач сказал, что опыт его убьет, друзья сказали, что он спятил, но Красная Роза послушалась, вставила «поплавок» – и Сорок Два растворился в сети.

Вот так и происходят гениальные открытия: бракованные наны, отчаянная помощница и готовность пойти на смерть. Очень просто.

– Так Сорок Два открыл троицу: «поплавки», «синдин» и наны, которые обеспечивают их взаимодействие. Сорок Два сделал великими всех нас!

Последнее восклицание вернуло Мэтта на грешную землю. То ли запал кончился, то ли местоимение «нас» заставило опомниться. Мэтт замолчал.

Некоторое время в камере царила тишина, а потом Чайка спросил:

– Почему ты к нему примкнул?

– Тебе не понять. – Голос вновь потускнел. И прозвучал грубоватый ответ иначе: «Я не могу рассказать слепому о радуге».

О радуге, которую больше не увижу.

– Не пойму, пока не попробую?

– Да.

– Но ответ у тебя есть? Для себя?

Что-то ведь заставило тебя рискнуть! Ты бросил карьеру, отказался от нормальной жизни, присоединился к проклинаемому верхолазами радикалу – зачем? Чайка всегда был одиночкой и не понимал, как можно идти за кем-то.

– Ответ… – Мэтт помолчал. – Понимаешь, Илья, Сорок Два изменил мир, и я должен был быть рядом. И я был рядом. Я познал мир Цифры. Я не смогу объяснить тебе, что меняется, но это… это шторм, который несет тебя и навсегда остается с тобой. Это новый мир, абсолютно другой, невероятный. Свободный мир свободных людей. Это наше будущее.

– Но ты хочешь умереть.

– Они меня не отпустят, а жить по-старому я не хочу. И не могу.

Мэтт говорил о чем-то еще, но это было не важно. Чайка услышал все, что хотел, но ничего не понял.

Кто есть Сорок Два? Гений, прокладывающий человечеству путь в будущее, или опасный преступник, сознательно подсаживающий людей на «синдин»? Пророк или убийца? Стоит ли «свободный мир свободных людей» необходимости постоянно колоть наркотик? Мэтт готов умереть за это, но возможно, он просто не понимает, что идея его – с изъяном? Или понимает? Просто перемены настолько необходимы, что даже бредовое предложение Сорок Два стать наркоманом лучше унылого прозябания?

Мир в тупике, а потому готов стать каким угодно, только – другим.

Илья подошел к окну, посмотрел на доступный взгляду кусочек неба, погладил больную руку, грустно усмехнулся.

«Дано: я написал вирус, который существенно облегчил жизнь Сорок Два…»

А Сорок Два сумел вдохнуть в книгу Поэтессы новую жизнь, превратить ее в полноценную идею. Заставил понять, что ради этих строчек имеет смысл идти на смерть.

«Он сделал то, что должен был сделать я».

Сорок Два сделал то, на что у Чайки никогда не хватало духу – рискнул не ради себя, а ради других. Тупой ублюдок тащит мир в «синдиновый» рай, тащит в пропасть, но никто не упрекнет его в том, что он делает это ради денег. За Сорок Два идут, потому что он честен. За Сорок Два умирают, потому что он сам готов умереть.

«Поэтому Сорок Два пророк, а я – ожидающий смерти уголовник».

Чайка раздавил каблуком окурок, улегся на койку и с головой завернулся в одеяло. Его не волновало ничего. Даже собственная судьба.

Вся жизнь – дерьмо.

Вся жизнь – Африка.

* * *

Анклав: Франкфурт
Территория: Zwielichtsviertel
Клуб виртуальных игр «Эверест»

Не бывает тяжелых решений, не бывает неправильных; бывают те, что приняты вовремя, и запоздавшие

– Сказка!

– Не сказка!

– О чем речь?

– Об «Орбитальном хаосе».

– О чем?

– Новый подвиг Чайки.

– Он вернулся?

– Ха-ха-ха!

– Не слышал о таком.

– Во время Второй Антарктической войны Чайка отрубил все военные спутники вудуистов! Взломал центр управления и на шесть часов вывел их из строя.

– Не свисти! Там куча резервных каналов!

– И есть резервные центры управления!

– Ха-ха-ха!

– Чайка заразил не только центр, но и спутники. Через резервные каналы их потом и вылечили.

– Шесть часов без космоса? Круто!

– Так ведь это Чайка!

– Развлекался?

– Его индусы наняли, обеспечивали своей эскадре комфортное наступление.

– Ну, если ему разведка помогала…

– Это не Чайка сделал, а Ворона Чет.

– Индусы заявили, что центр вудуистов ломали их машинисты.

– Пропаганда!

– Не Ворона, а Одноногий Ральф!

– Блин! Сказал же: Чайка это сделал! Данные рассекретили месяц назад.

– Я видел инфу, братья из СБА ее еще не подтвердили. Проверяют.

– Я тоже верю, что это Чайка. Такой взлом в его стиле.

– Да уж, он был велик.

– Почему был?

Большой форум нейкистов «Радикал-42». Тысячи тем. Миллионы посетителей. Сорок Два площадку без внимания не оставлял, заходил. Много спорил. Многих убеждал. Улыбался, выслушивая грубые нападки. Улыбался, читая признания в любви и слова поддержки. Форум, как и Слово, был одним из рупоров движения. Однако в разделе «Легенды» Сорок Два появлялся исключительно инкогнито, соблюдая все меры предосторожности. В разговорах участия не принимал, только слушал.

Интерес ведь можно объяснить и ревностью к чужой славе.

– Почему был?

– Потому что никто не видел труп Чайки.

– Мертвый считает Чайку мертвым, китайцы считают Чайку мертвым, а эти люди не ошибаются. Если сказали, что угробили великого, значит, угробили. Точка!

– Чайку трижды считали погибшим, а он всякий раз возвращался.

– Сколько веревочке ни виться…

– Никто не видел труп!

Когда-то их было двенадцать.

Двенадцать великих ломщиков, осененных, как говорили, самой Поэтессой. А что еще было говорить, глядя на подавляющее превосходство двенадцати?

Каскад, Ворона Чет, Алабама Ги, Одноногий Ральф, Арлекин, Ямамото, Испанец, Десять Моисеев, Хуа Стивенсон, Невидимка Олли, Мет Хасан и Чайка. Они вставляли «поплавки» в «балалайки» без всяких нанов, только на «синдине», растворяли сознание в Цифре и становились всемогущими. Они были живым доказательством того, что «Числа праведности» нечто большее, чем просто книга. Их не называли апостолами Поэтессы, но они ими были. Каскад, Ворона Чет, Алабама Ги, Одноногий Ральф, Арлекин, Ямамото, Испанец, Десять Моисеев, Хуа Стивенсон, Невидимка Олли, Мет Хасан и Чайка.

Именно их уровня хотел достичь Сорок Два, начиная эксперименты. Именно их путь пытался повторить. И повторил. Открыл код цифрового бога и поставил производство великих на поток. Троица Сорок Два делала великим любого ломщика, чудо получило научное объяснение, стало обыденностью, но о двенадцати первых помнили. И слагали легенды.

Каскад погиб первым, не пережил столкновения с Кауфманом. Через несколько лет его путь повторил Арлекин, а потом и Чайка. Троих из двенадцати отправил к Поэтессе Мертвый. Алабама оказался везунчиком: сломал внутреннюю сеть Москвы и сумел уйти. Не только от Кауфмана, но и из бизнеса – спрятался навсегда. Ямамото загнулся от передозы. Испанца сгубила Цифра: пытался вживить себе пятый процессор и сжег нейросвязи, навсегда превратившись в овощ. Мет Хасана застрелили ребята из Якудзы – он неудачно взломал их базу данных. Упившийся Хуа Стивенсон выпал из окна. Или выпрыгнул – слухи ходили разные, поговаривали, что после смерти Ямамото Стивенсон впал в депрессию. Остальные просто исчезли, оставив после себя кучу подвигов. Большую часть которых приписывали Чайке.

Народная память – занятная штука.

Казалось бы, чего проще: материалы лежат в открытом доступе, каждый взлом великих задокументирован, известно, на кого они работали, кто им помогал, как проходила операция, но… Но все двенадцать постепенно персонифицировались в Чайке. Все чаще и чаще подвиги приписывали ученику Каскада. Потому что самый молодой? Самый дерзкий? Отчаянный? Военные спутники вудуистов угробил Десять Моисеев, информация подтверждена всеми, кроме индусов, но подвиг все равно приписывают Чайке. Память об исчезнувших и погибших тускнела, а вот в Чайку, которого сам Мертвый назвал убитым, верили. Считали, что он опять всех обманул и обязательно вернется.

Ломщики надеялись.

Сорок Два эти надежды приводили в бешенство.

– Взяли частные сейфы в Ланданабаде, – доложил Крюгер. – Отключили компьютерную защиту, вырубили охрану и покопались в хранилище. Восемнадцать миллионов.

– Ого!

– Банк пользовался популярностью у богатеньких арабов. – Ян усмехнулся. – Полагаю, теперь его репутация не столь хороша.

– Первый Саудовский? – прищурилась Пума.

– Ага.

– В таком случае восемнадцать миллионов – мало.

– Перекупщики, дорогая Ева, перекупщики, – развел руками довольный собой Крюгер. – Мы получили тридцать пять процентов от стоимости драгоценностей. К тому же пришлось оплатить услуги исполнителей.

Машинисты обеспечили вход и выход, а с охраной разбирались специально нанятые головорезы.

– В нашем положении и восемнадцать миллионов – отличная сумма, – громко произнес Сорок Два. – Борьба идет за каждый динар.

– Все будет в порядке, – ободряюще улыбнулась Красная. – Время есть.

– Да, – согласился Сорок Два. – Время есть. – Помолчал. – Братья помощь не предлагали?

Вопрос прозвучал гораздо тише предыдущей фразы. И прозвучал как-то вбок. Словно вскользь. Дурацкая попытка сделать вид, что ответ не так уж важен.

– Нет, – вздохнула Ева.

– Они нам не братья, – мрачно добавил Крюгер.

– Мы – одна семья. – Сорок Два провел рукой по шее. – Братья

не совладали с соблазнами, но где-то внутри, в душе каждого из них, теплится огонек любви к Поэтессе.

– Но не к тебе.

– Я всего лишь голос Эпохи. Не более.

Никто из лидеров dd не последовал примеру Двадцать Пять, не предложил помощь, не переметнулся на сторону пророка. С другой стороны, активных шагов против радикалов они тоже не предпринимали, затаились, показывая, что удовлетворены ситуацией «ни войны, ни мира». Но все понимали, что долго статус-кво не продержится. Не те сейчас времена, чтобы замораживать конфликт. Если контрабандисты сдержат слово, троица Сорок Два начнет распространяться по миру со скоростью лесного пожара, и тогда начнется настоящая война.

– Удачная операция в России, – доложила Красная, желая хоть немного взбодрить пророка. – Наших людей наняли взломать банк, принадлежащий министерству здравоохранения. Миллион за работу. Заказчику слили пятнадцать. А параллельно удалось добыть компромат.

– В России кого-то интересует компромат? – с неподдельным изумлением осведомилась Пума. – Они же плюют даже на видимость приличий.

– Здравоохранительный министр – член клана Кобсостелидзе, – уточнила Красная. – Мы узнали, что он ворует у своих, а за это ему устроили бы автокатастрофу или сердечный приступ. Министр все понял правильно и заплатил нам десять миллионов.

И выразительно посмотрела на Пуму, мол, сама похвастаться ничем не хочешь?

– Двадцать шесть миллионов, – с законной гордостью произнесла Ева.

– Ого!

– Пума, ты – умница!

– Откуда?

– Тоже потопталась на русских, – расцвела в улыбке девушка. – Перехватили один из траншей за нефть. Долго бодались с их электронной безопасностью, но в итоге сумели растворить больше половины.

– Ловко!

– Мой сегодняшний вклад самый скромный, – вздохнул Сорок Два. – Традиционные пять миллионов.

Заключив сделку с Всадником, Сорок Два активизировал заботливо заложенные в банковских сетях программы, аккуратно и почти бесследно вытягивающие остатки от операций. «Паутина» охватывала Европу, Ближний Восток и даже некоторые

американские банки. Юань здесь, динар там, но в сумме получалось от четырех до шести миллионов в день. Прелесть программы заключалась в том, что при должной удаче она могла проработать несколько недель.

– На сегодня мы собрали шестьсот двенадцать миллионов, – подвела итог Роза.

В ее «раллер» стекалась информация со всех счетов радикалов, на которые люди Сорок Два делали вклады в приближение будущего. И это были не только «грязные» деньги: люди делали пожертвования, переводили по двадцать-сто юаней, чтобы поддержать движение, но, когда таких людей миллионы, суммы набегали весомые. Сверхприбыльные операции, которыми они только что хвастались, были исключением, а не правилом. Сегодня просто удачный день, вчера, к примеру, добавилось всего пять миллионов из «паутины».

– Как идет подготовка к акции? – поинтересовался Сорок Два.

– Работаем.

– Успеваете?

– Я – да, – отрезала Пума.

– Я тоже, – не отстал Крюгер.

– У меня все в порядке, – доложила Красная. – И у Двадцать Пять, насколько я знаю.

Акция станет апофеозом сбора средств. Согласованная атака на весь мир, серия операций, которая, по замыслу Сорок Два, должна разом принести искомые средства.

И станет официальным объявлением войны всему миру.

– Подробное совещание по акции проведем завтра утром. – Сорок Два покосился на Крюгера. – А сейчас…

Ева улыбнулась и демонстративно положила ладонь на руку пророка. Роза порозовела и еще ниже склонилась к монитору – ее немного коробила подобная откровенность подруги.

– Мне пора. – Сообразительный Ян поднялся. – Увидимся.

– Обязательно.

Дверь закрылась. Красная захлопнула «раллер», выпрямилась и расстегнула заколку. Рыжие волосы рассыпались по плечам.

– Не сразу, – тихо произнес Сорок Два.

– Крюгер был лишним, – сообразила Ева. Но руку не убрала.

– Да.

– О чем ты хочешь поговорить?

О том, о чем постоянно думал после встречи с Всадником.

«Вы слабы! Ваши способности высоки, но вы покинули привычную виртуальность и пришли в настоящий мир. Вы ввязались в серьезное противостояние, и вам требуется гораздо больше инструментов, чем есть сейчас…»

Пума поняла, что предстоит серьезный разговор, но останавливаться не собиралась: подвинула стул ближе и улеглась, положив голову на колени Сорок Два.

– Мур-рр…

Игривая кошечка.

– Нужно обсудить, что делать с dd, – негромко сказал мужчина, запуская пальцы в волосы Евы. – Нам будет сложно без их помощи.

«Сейчас вы слабы, потому что некоторые из ваших инструментов сломались. Вышли из-под контроля. Оказалось, что у вас с ними разные планы, но один поломавшийся топор не должен тащить за собой весь плотницкий набор…»

– Они предатели, – заметила Ева, закрывая глаза.

– Они сделали выбор, – осторожно протянула Роза.

– И этот выбор меня печалит.

«Мне суждено стать убийцей? Нет! Легенда не может стать убийцей или палачом. У меня есть цель, она неизменна. Но, чтобы дойти, чтобы довести людей, нужно поменяться самому… Или не нужно? Или это не важно? Дьявол… дьявол… дьявол… Всадник действительно оказался дьяволом, нейрошланг ему в задницу. Слова его отравили душу… Или же придали сил? Или он просто выразил то, от чего я бежал?»

Легенда не может стать палачом.

Но кровь лить придется.

А значит, нужно все тщательно продумать.

– Жалеешь, что простил их? – поинтересовалась Красная. Подошла сзади и обняла Сорок Два за шею.

– Нужно было их кончить, – промурлыкала Пума. – В Марселе…

– Ты поступил правильно, – прошептала Красная.

– Я знаю.

– Что же тебя гнетет?

– Не знаю, как поступлю в следующий раз, – честно ответил Сорок Два.

– Больше они до тебя не доберутся.

– Речь не обо мне.

Ева улыбнулась. Более жесткая – или жестокая? – она уже поняла, куда клонит Сорок Два. Знала, каким предложением закончится разговор, и оно ей нравилось. В конце концов, предателям уготован в аду девятый круг, самый страшный.

– Мур-рр…

– Пума… – Сорок Два нежно погладил девушку по щеке, чуть повернул голову, встретился взглядом с Красной и повторил: – Речь не обо мне.

– А о ком?

– О тех сотрудниках dd, которые помогут нам во время акции. Помогут вопреки воле старших братьев.

– Тем самым они разозлят своих боссов, – сообщила, не открывая глаз, Ева. А потом взяла руку Сорок Два и положила себе на грудь. Ее сердце билось ровно, неспешно.

Красная нахмурилась:

– Думаешь, лидеры отомстят?

– Они их убьют.

– То есть ребята не понимают опасности? Нужно их предупредить.

– Без их помощи мы не соберем деньги.

– Но…

Теперь смысл разговора стал ясен и Розе. Она вздрогнула, отпрянула, обошла Сорок Два и присела перед ним на корточки:

– Они наши друзья!

– Мур-рр…

– Ева! Прекрати! – Красная ткнула подругу в бок и вновь посмотрела на Сорок Два: – Лидеры не посмеют! Они понимают, что станут врагами для всех нейкистов…

Замолчала, прочитав в глазах Сорок Два ответ: посмеют. Он знал, что посмеют. Он ведь, мать его, пророк.

– Вот я и думаю, – тихо произнес мужчина. – Как поступить с ними после столь страшного греха?

– Мур-рр…

Пума знала, как.

Глаза Красной наполнились болью.

– Нет…

Сорок Два грустно улыбнулся и положил руку на ее голову.

– У нас нет выхода, Роза.

– Будешь смотреть, как их убивают?

«Буду. Потому что нужен повод. Потому что Легенда не должна стать палачом».

Они все изменились, все: и те шестеро, и он, стоящий от них особняком. Дорога оказалась слишком длинной, чтобы остаться самим собой. И цель…

«Моя цель благородна!»

– Это жертва, – проникновенно ответил Сорок Два.

– Мур-рр…

«Жертва, которая позволит нам вернуть контроль над dd».

– Жестоко…

– Мур-рр…

– Приблизься, – попросил Сорок Два.

Красная послушалась, подалась вперед и оказалась совсем

рядом, замерла, опершись руками о колени Сорок Два. Некоторое время мужчина молча смотрел на расстроенную девушку, затем поцеловал ее полные слез глаза, соленые губы, щеки… потом чуть отстранился:

– У нас нет выхода, Роза, у нас нет выхода.

– Никакого?

– Я хочу, чтобы вы с Евой подготовили планы на каждого брата. Мы ударим сразу, как только они начнут чистку. Постараемся, чтобы жертв было меньше.

– Но жертвы все равно будут.

– Да, Роза, жертвы все равно будут. – Еще один поцелуй. – Так нужно.

* * *

Анклав: Москва
Территория: Болото
Где-то между землей и небом
Чтобы узнать правду, нужно встать на край

Вертолет вынырнул из-за небоскреба неожиданно – звук двигателя растворился в поднимающемся снизу городском шуме. Вынырнул и завис. Черная капля с опознавательными знаками СБА, шестиствольным «ревуном» справа и прожектором слева. Скользнул по крыше лучом, заставив Кимуру и Руса прикрыть глаза руками, дал в сторону, продолжая ощупывать пространство светом, потом поднялся чуть выше.

– Мы выпиваем, – недовольно произнес Рустам. – Все тихо и законопослушно.

Полицейский сканер считал «балалайки», офицер подключился и задал вопрос. Пришлось отвечать.

– Разве запрещено?

Не запрещено, конечно, но почему на крыше? А почему вас это интересует? Нравится нам! К тому же в «балалайке» Руса есть пропуск в здание, безы его видят, коды в порядке, не подкопаешься, а значит, ничего не нарушено. Охрана небоскреба в курсе, что на крыше засела веселая компания.

Продолжать разговор безы не стали. Прожектор отвернулся, вертолет резко взял вверх и ушел к Болоту.

– Он меня через сканер спрашивал, – задумчиво произнес Рус, вскрывая очередную банку пива. – Прямой канал, без выхода в сеть.

А пилот в это время держал подозреваемого на прицеле.

– Боятся? – предположила Матильда.

– Осторожничают, – качнул головой Кимура.

Прямой канал через сканер гарантировал, что тритон Сорок Два не доберется до «балалайки» беза или бортового компьютера вертолета. Не сможет запустить в машину отрубающий компьютер вирус. Новая реальность.

– Еще пара таких случаев, как с тем банком, и они начнут стрелять без предупреждения, – вздохнула Матильда.

– Не начнут.

– Посмотрим…

– Хватит ныть! В конце концов, мы празднуем мой успех! – Пэт вскочила на ноги.

Так хорошо сидели: пиво, настоящая вяленая рыба, а не соевая поделка, настоящие же соленые орешки, и вот, на тебе – появился вертолет и принес новую тему.

– О чем будем говорить? – осведомился Рус.

– Ну… например, о безумии! – Быстрая, гибкая и, несмотря на выпитое пиво, аккуратная, Патриция легко взлетела на ограждающий крышу парапет. – О-па!

Дом, на котором они засели сегодня, отнюдь не высоченный «Уголек», здесь сетка не предусматривалась, парапет и… и все.

– Стой! – взвизгнула Матильда.

– Бедовая! – Кимура вскочил, однако приближаться к Пэт не стал.

Бетонная дорожка выглядела подозрительно: местами осыпалась, местами дала трещины. Внизу, всего-то метрах в пятидесяти – третий уровень мостовых, по которому медленно ползут разноцветные мобили. Парашюта за спиной нет, а был бы – не факт, что успеет раскрыться.

– Слезь!

– Это же весело!

Несколько шагов вперед, разворот.

– Вернись обратно! – не выдержал Рус.

– Боишься высоты? – Длинные волосы и широкие штанины треплет ветер, он же облизывает обнаженные руки, плечи и живот – разгоряченная пивом девушка скинула куртку, оставшись в коротком топе. – Боишься?

– Нет, – хмуро ответил Рус.

– Тогда иди сюда!

– Пэт! Перестань! – Недовольная Матильда тоже оказалась на ногах. – Не провоцируй!

– Слишком опасно?

– С тобой всегда опасно!

– Я не тебя спрашиваю! – Взгляд на Лакри. – Боишься идти со мной?

Рус дернулся. «С ней опасно? Всегда!» Вспомнил, как Пэт вела их во время бунта, как предложила безумный план прорыва и поехала первой. Под пули поехала. И вывела их. Точнее, вывела тех, кто не испугался пойти за ней. А остальные, не поверившие в Пэт или испугавшиеся по дороге, переставшие давить на газ, прекратившие сумасшедшую гонку, – они погибли. Все погибли. «С ней опасно? Всегда!» Но разве Пэт создает опасности? Она находит из них выход.

– Я не боюсь!

– Рус!

– Мама не пускает?

– Пэт, я тебя убью!

Лакри вскочил на бортик. Покачнулся, но тут же поймал равновесие.

– Только за руку меня держать не надо – не маленький.

– Как скажешь.

– Я пойду рядом, а не вместе, – уточнил Рус.

Патриция усмехнулась, но в веселом ее взгляде проскользнуло нечто очень серьезное.

– Так даже интереснее.

Из окна соседнего небоскреба на них указывали пальцами, на парочку красующихся друг перед другом сумасшедших. Пэт помахала им рукой.

– Все дело в тебе самом. Если уверен, то риск минимальный.

– Я уверен.

– Иногда нужно себя проверять.

– О чем они? – недоуменно осведомился Кимура.

– Не знаю, – отрезала Матильда, – но я ее убью!

– Я думал, вы подруги.

– Не до такой степени!

Патриция спрыгнула с бортика. Лакри сделал пару лишних шагов и последовал примеру девушки.

– Довольна?

– Ты… – Подскочившая Матильда хотела многое высказать взбалмошной подруге, однако Пэт не обратила на нее внимания. Смотрела только на Руса.

– Спрашивай.

И вновь удивила. Рус вздрогнул. Матильда замолчала, поняла, что Патриция устроила выходку не просто так, и только вздохнула. Кимура пожал плечами, признавая, что ни черта не понимает.

– Откуда ты знаешь? – озадаченно поинтересовался Лакри.

– Мы что, первый день знакомы?

– Ты хотел ее о чем-то спросить? – Матильда растерянно

посмотрела на друга. – О чем-то важном?

– Пусть справится сам, – рассмеялась Патриция. – Или не справится.

– С тобой мы еще поговорим, – пообещала Матильда. – Твои фокусы…

– Зачем ты собираешься на собрание Вуду?

Кимура удивленно кашлянул, Матильда хмыкнула, Пэт осталась спокойна – судя по всему, ждала именно этого вопроса.

– Мне интересно.

Рассказывать Русу правду, говорить о том, что Папа занял все ее мысли, Патриция не собиралась. Это ее дело, ее поиск, ее путь.

– Интересно слушать тупые поповские речи?

– Может, не будем? – предложила Матильда.

И откуда только взялся проклятый вертолет! Такую вечеринку изгадил!

– Она обещала ответить, – усмехнулся Рус. – И тем затащила меня на бортик.

– Пойдем присядем. – Патриция вернулась к «стоянке», уселась на расстеленную куртку, прислонившись спиной к бетонной стене, и вскрыла банку пива. Над ее правым плечом чернела короткая надпись: «42 forever!» – осанна сетевому пророку, вознесенная безымянным фанатиком.

– Что плохого в том, чтобы сходить на проповедь? – Кимура разрывался между другом и женщиной, которую безнадежно любил. – Простое приключение.

Пэт остановила Кимуру легким взмахом руки.

– Можно я скажу?

– Конечно.

Кимура взялся за пиво. Матильда вздохнула. Патриция внимательно посмотрела на Руса.

– Религия по определению не может быть тупой. Говоря так, ты не просто расписываешься, ты прямо-таки кричишь о своей ограниченности.

– Почему? – Лакри ответил прямым взглядом.

– Потому что если ты не веришь, вполне возможно, ты чего-то не понимаешь.

– Я плохо понимаю, как работают наны, но я в них верю. Я не способен их разглядеть, но вижу результат работы.

– В таком случае оглянись вокруг, – с улыбкой посоветовала Пэт. – Все это – результат работы. Небо над твоей головой, земля под ногами и звезды. Все это кем-то создано.

– Допустим, – кивнул Рус. – Но зачем?

– Чтобы наполнить Вселенную смыслом, – объяснила девушка. – Ведь когда-то ничего не было, а пустота способна

породить только пустоту.

– Прикольно выкрутилась, – одобрил Кимура. – Очень правдоподобно.

– Я не выкручиваюсь, – прохладным тоном отозвалась Пэт. – Я объясняю простые вещи, основы.

– То есть во всем есть смысл? – продолжил Рус.

– Обязательно.

– И в чем он заключается?

Патриция помолчала, после чего негромко ответила:

– Его предстоит узнать.

– Искать?

– Всю жизнь.

– Как же понять, что смысл найден?

– Верующим помогает бог.

– А атеистам?

– С удовольствием послушаю твой вариант ответа.

Кимура коротко рассмеялся. Матильда тяжело вздохнула и прижалась щекой к спине Руса. Не подсказывала, не шептала ничего, просто прижалась, словно это была вся помощь, которую она могла оказать любимому.

– Я не… – Рустам задумался, взял короткую паузу, но все-таки ответил: – Я не атеист. Просто… просто я редко задумывался о боге. Только, когда видел… только, когда видел ту грязь, что видел.

– То есть добро творится людьми, а зло – богом?

Ответа у Руса не нашлось.

– Что мешает тебе принять утверждение, что в действительности все ровно наоборот? Что бог призывает к добру и справедливости, а подверженные страстям люди отвергают его?

– Принять на веру?

– Просто – принять. Или хотя бы задуматься.

– Если бог есть, почему он не вмешивается?

– Мы что, в детском саду?

– А разве нет?

– Мы созданы по образу и подобию и получили роскошный дар – возможность роста. Разве принесет тебе радость и удовлетворение путь, пройденный кем-то другим?

– А как быть с вознаграждением?

– А как быть с тем, чтобы почувствовать себя настоящим человеком?

Лакри покачал головой:

– Путь всегда страдание?

– Путь всегда поиск. Чужие дороги приведут тебя к чужому дому.

– А разве религия не чужая дорога?

– Это маяк.

– И обойтись без него нельзя?

– Можно, но как ты узнаешь, что дошел?

Рус яростно сдавил банку, расплескав остатки пива под ноги.

– У тебя на все есть ответ!

– Она много знает, – тихим эхом прошелестел Кимура.

– Очень много, – едва слышно подтвердила Матильда.

– Да уж… Но на мой вопрос так и не ответила. – Лакри усмехнулся: – Зачем ты идешь на проповедь Джезе?

– Хочу послушать. Хочу понять, знает ли он свой путь?

– А вдруг он знает?

– Я за него порадуюсь.

– И примешь Католическое Вуду?

В глазах Патриции вспыхнули веселые огоньки.

– Я не смогу.

– Потому что у тебя есть своя вера?

– Ага.

– Не думал, что ты настолько набожна.

Богатая девчушка, перед которой открыты все дороги мира. С «тараканами» в голове? Конечно, а у кого их нет? Другое дело, что не все в состоянии им потакать. Не каждый любящий папаша исполняет любой каприз обожаемой дочери. Рустам не считал Патрицию пустышкой, но и не ждал от нее подобных философских размышлений.

– Мы живем в мире высоких технологий. Наши врачи умеют то, что раньше называли чудом. В нас ползают наны, калекам вставляют механические органы, а храмовники создают таких животных, что удивляют самого бога. Мы можем связаться с другим концом Земли за секунду. Мы летаем в космос… Но религии не умирают. Наоборот, можно сказать, что Традиции переживают Ренессанс.

– Властям нужно держать народ в узде, – мрачно заметил Кимура. – А лучше религии узды еще не придумали. Или не хотят придумывать.

– А как насчет Анклавов? Здесь политической власти нет, верхолазы обходятся пулеметами. – Пэт грустно улыбнулась. – У нас свобода вероисповедания, корпорации, принимая тебя на работу, не спрашивают, ходишь ли ты в синагогу или оставляешь обувь на пороге мечети. Но количество верующих такое же, как и в государствах. Более того: появляются все новые и новые секты, некоторые из них совершенно безумные, но люди приходят.

– И как ты это объясняешь?

Ночь окончательно завладела Анклавом. Небо стало черным,

низким, и море электрических огоньков едва поднимало его над землей. По лицу Патриции скользили полосы неживого электрического света, но он казался настоящим. Как будто сидели друзья не на крыше небоскреба, а в лесу, у костра.

– Все мы чувствуем, что находимся в тупике, – негромко продолжила Пэт. – Прогресс дал нам очень много, но нужны не только наны, нужна надежда. Нам нужно понимать, куда мы идем. Мы должны верить, что дальше будет лучше.

– И церковное вранье…

Матильда шикнула на Руса, и тот, удивленный, прикусил язык. А Патриция его, похоже, не услышала.

– Оптимистические заявления верхолазов помогли выиграть несколько десятилетий, но лучше не становится, и возникает разочарование. Мы видим, что ничего не меняется, что мир топчется на месте. Видим, разочаровываемся и обращаемся к тем, кто уже тысячи лет дает надежду.

– Меняем одних сказочников на других.

– Священники всегда давали утешение и надежду. Они были рядом во времена тяжелейших катастроф. Вместе с нами умирали. Вместе с нами радовались избавлению от кошмара. И всегда верили.

– Они продают надежду?

– Самое невозможное, что есть в мире – надежду на лучшее, – тихо подтвердила Пэт. – Но не продают, они делятся ею.

Снизу, со всех трех уровней мостовых, с площадей и тротуаров, из раскрытых окон – отовсюду доносился шум. Какофония городских звуков, причудливая смесь голосов, музыки, урчания моторов и топота ног. Но здесь, на крыше, отчего-то стало тихо. Шум исчез, спрятался за невидимой стеной, уступив негромкому голосу Патриции.

– Согласен, мы в тупике, – протянул Рус. – Но ведь это не повод уповать на чудо.

– Чудеса окружают нас, – убежденно произнесла девушка. – Нужно только их видеть.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Болото

«Салон Мамаши Даши. Предсказание будущего и коррекция судьбы»

Успех любого дела зависит от точно выбранного времени

– Клиенты есть? – осведомился Грязнов.

– Попадаются… Я же не зря здесь просто так сижу.

По случаю наступления жары гадалка поджидала клиентов на улице – экономила на кондиционере. Выставила под небольшим тентом столик с креслом, поставила графин с холодным лимонадом и сидела, медленно перетасовывая потрепанную колоду и безмятежно разглядывая прохожих. Кто хочет увидеть будущее? Кто пожелает заглянуть за грань и поможет пожилой женщине заработать лишний динар? Подходите, карты не обманут!

Подходили, говоря откровенно, мало.

– Слышал, тебе сайт сломали?

– Хулиганы, – поморщилась Мамаша Даша, поднимаясь с кресла. – Сплошные расходы с этими сетевыми террористами. Знаешь, сколько потребовали машинисты за восстановление странички? Сказали, что их вины нет, что от атак тритонов никто не защищен, а значит, оплачивать работу придется мне! Ужас! Совершенно не представляю, кому жаловаться!

– На меня не смотри, – покачал головой Кирилл. – Я за тритонами Сорок Два гоняться не собираюсь. – Налил себе лимонада, сделал глоток. – Жарко.

– Да от кого они теперь убегут, убогие? – всплеснула руками Мамаша. – Я, как только узнала, что на мне хулиганы потоптались, меры сразу приняла, на тебя ведь надежды нет никакой. Травки кое-какие смешала, словечко кое-какое молвила да с дымком по Москве пустила. Пусть, думаю, им икается за мою сотню юаней.

– Не переборщила?

– Я осторожно.

– Тогда ладушки. – Грязнов улыбнулся и прошел в дом.

Многие надеются на чудо. Ищут знаки, предсказания. Пытаются обмануть Судьбу знанием, надеются, что предупреждение отвернет катящееся колесо, пытаются схитрить. В их телах ползают трудолюбивые наноботы – мельчайшие создания, сжигающие лишний жир или укрепляющие кости, в их головах жужжат «балалайки» – компьютеры, управляемые едва ли не силой мысли, а рядом с нейросоединениями прячутся старые суеверия. Услышанные в детстве сказки, красивый принц на белой лошади, испуг при виде рассыпанной соли, плевки через левое плечо и сложенные крестом пальцы. Не исчезают, остаются. Потому что они, смешные эти суеверия и приметы, всегда были в наших головах. В отличие от современных нейросоединений.

Многие ищут чуда.

А потому в городах и Анклавах сохранились заведения,

владельцы которых зарабатывали на этих поисках немножко денег. Вывешивали у дверей указатели: «Чудо здесь» – и раскидывали перед страждущими карты или бараньи лопатки, предлагали заглянуть в хрустальный шар или пообщаться с умершими родственниками, отводили порчу и приманивали удачу. С недоступной компьютеру точностью вычисляли, сколько наличных можно выудить из посетителя, и почти никогда не ошибались.

Уличные шаманы и «потомственные колдуны» продавали не чудо, но веру в него. Ловкие психологи или откровенные мошенники, они успешно конкурировали с научной догмой материализма, паразитируя на желании купить надежду. Однако встречались в городах и Анклавах заведения, вывески которых соответствовали содержанию. Редко, но встречались.

– Тебе доставили кровь?

– Конечно.

– Ты сказала…

– Нервничаешь?

Шумная и немного бестолковая говорливость осталась за порогом. Изменился не только тон и манера речи – взгляд гадалки стал острым, жестким и умным. Жесты – точными, расчетливыми, казалось, любое лишнее или неверное движение грозит Мамаше смертью, настолько аккуратно она держалась. Преображение было таким глубоким, что даже аляповатый наряд гадалки – красное платье в крупный белый горох и кокетливая соломенная шляпка с небольшой клумбой – не вызывал недоумения или улыбки.

– Осталось мало времени.

Мамаша посмотрела на напольные часы.

– Звезды сойдутся через четыре минуты.

– У тебя…

– У меня все готово.

Они вошли в главный зал салона, в комнату, призванную оглушать впечатлительных клиентов «готической атмосферой настоящего прикосновения к тайне». Стены задрапированы плотными бордовыми портьерами, несколько бра не светят, скорее пытаются разогнать мрак, в углу замерла холодная жаровня – сегодня Даше не требовались благовония. На кафедре темного дерева лежит толстенный том, переплетенный белой кожей. Листы – настоящий пергамент. Аутентичность подтверждена компанией «Шельман, Шельман и Грязнов». Книга действительно древняя, много на своем веку повидавшая. Тайны ее настоящие, но не опасные. За эти тайны Мамашу не убьют.

Рядом с кафедрой расположилась причудливая бронзовая конструкция, украшенная знаками Зодиака и алхимическими символами, о ее предназначении Грязнов не имел ни малейшего понятия.

– Приступим? – Кирилл уселся за стол.

– Ты все-таки нервничаешь.

– Я тороплюсь.

– Соскучился?

Грязнов улыбнулся, припомнив недавний разговор с Олово, и машинально перебрал несколько черных жемчужин четок.

– Убери их! – взвизгнула гадалка.

На мгновение показалось, что украшающая четки голова дракона яростно ощерилась в ответ.

– Забыл! – Кирилл с невероятной, совершенно неожиданной прытью выскочил в коридор, тут же вернулся, виновато развел руками и повторил: – Забыл.

– Заткнись!

В центре большого круглого стола стояла неглубокая чаша, наполненная тончайшим белым песком. Светлая глина и черные черточки рун. Всех двадцати четырех рун, собранных в одно из самых важных сочетаний. Осадив Грязнова, гадалка аккуратно вылила на песок кровь из хрустальной склянки, подождала, когда красное впитается в белое, и достала слегка изогнутый нож.

– Твоя очередь.

Кирилл вытянул руку. Мамаша сделала короткий надрез и выдавила в чашу несколько капель крови. Усмехнулась, услышав негромкое шипение.

– Вы такие разные.

– Не бывает одинаковых людей, – отрывисто бросил Грязнов.

– Заткнись!

Даша оттолкнула руку Кирилла, бросила на пол нож, закрыла глаза и опустила пальцы в чашу. Склонилась, втянула ноздрями поднимающийся из нее дымок.

– Вы такие разные…

Над кровью, другой кровью и похожим на пыль песком заплясали языки огня. В прихожей ударили часы. Грязнов не шевелился, не дышал даже, опасаясь помешать гадалке. Смотрел не отрываясь.

– Вы такие разные…

Танцующий над чашей огонь Мамашу не беспокоил. Она опустила лицо еще ниже, почти коснувшись губами пламени, что-то прошептала и резко взмахнула руками. Вспышка – Грязнов отшатнулся, – и пустая чаша покатилась по полу. Нет крови, нет другой крови, нет песка, нет огня.

Ничего нет.

Только ответ.

– Послезавтра, – негромко произнесла Даша, падая на стул. – Вы сможете сделать это послезавтра.

Из левой ее ноздри тоненькой ниточкой вытекала кровь.

– Спасибо. – Кирилл шумно выдохнул и широко улыбнулся.

* * *

Территория: Китайская Народная Республика
Окрестности Пекина
Нет ничего хуже, чем осаждать крепости

Одноэтажный домик, выстроенный в классическом китайском стиле, находился в ста с лишним километрах от городской черты. Прятался в заповедной зоне, где стояли особняки высших чиновников Поднебесной, но прятался и от них тоже – до ближайшего поместья было около пяти километров. Одноэтажный домик располагался в центре обширных – в двадцать гектаров, – тщательно охраняемых угодий, вмещавших в себя несколько холмов, лес, сад, парк и цепочку искусственных прудов. Все расположенные на них строения были, как и основное здание, выдержаны в традиционном стиле. Может, именно поэтому владелец поместья предпочел отдалиться от соседей? Не хотел созерцать современ-ные виллы? Удобные, комфортабельные, но не несущие в себе ни капли того духа, что сделал Китай Китаем?

Разумеется, большинство новостроек были спланированы и выстроены в соответствии с канонами фэн-шуй, разумеется, в каждой вилле была «традиционная» комната, но как же дико смотрелись изукрашенные драконами помещения внутри колониального особняка с колоннами или кубического строения в стиле «неомодерн». Мир не стоял на месте, однако владелец самого большого в заповедной зоне поместья предпочел законсервироваться в прошлом, которое считал настоящим. И редко, почти никогда, не выезжал к соседям, предпочитая принимать гостей у себя. Гостей, а не тусовщиков – генерал Ляо терпеть не мог светские вечеринки, считая лучшим времяпрепровождением приятный разговор с умным собеседником. Или же – приятный и нужный разговор.

Как сейчас, например.

В резной беседке, стоящей на самом берегу одного из прудов, пили чай три человека, три старика, облаченные в шелковые халаты и круглые шапочки. Три мудреца, умеющие видеть и правильно толковать перемены. Радушный хозяин генерал Ляо и

два дорогих гостя, два даоса: Шао и Чжоу.

В беседку их призвали дела, однако, будучи людьми воспитанными и почтительными, мудрецы не позволили себе превратить приятнейшую во всех отношениях встречу в рабочее совещание. Нет. Только не в этом доме, только не в гостях у того, кто дальше всех прошел по истинному пути, кто лично видел бога и получил от него щедрый дар. Только не у Ляо. И поэтому началась встреча с обсуждения событий незначительных.

Сначала поговорили о погоде, отметив, что столь замечательный день сам собой располагает к общению. Вскользь коснулись визита, который Папа Джезе совершил два месяца назад в Анклав Сингапур. Шао предельно уважительно намекнул хозяину дома о недопустимости подобных эскапад, в ответ генерал с грустью констатировал, что Анклавы – территории свободные, однако заверил, что в Шанхае архиепископ не появится. И лишь после этого перешли к делу.

– Я выполнил вашу просьбу, уважаемый Ляо, – почтительно сообщил Чжоу, великий астролог, в совершенстве овладевший системой Цзы вэй Ду су. – Я тщательно изучил каждый день периода, указанного вами, однако не уверен, что результаты моих скромных изысканий обрадуют вас.

– Мою радость вызывает уже то, что столь замечательный мастер согласился потратить драгоценное время на мою нижайшую просьбу.

– Каждый благоприятный день, – с грустью произнес Чжоу, – переходит в день немыслимых потрясений, обещающий победу противнику и сокрушительное поражение нам. К счастью, таких дней не очень много. Зато все прочие хороши для великой битвы.

– Не благоприятствуя никому, – понял генерал.

– Они благоприятствуют великой битве.

С непонятным исходом.

Ляо, в отличие от многих славных воинов, получал удовольствие исключительно от побед, а не от схватки. Посему туманное предсказание его не обрадовало.

– Благодарю вас, мастер.

– Я счастлив, что мои недостойные усилия послужили вашей пользе. Я взял на себя смелость изложить соображения письменно, с приложением всех необходимых таблиц и расчетов.

Астролог передал генералу шкатулку со свитками.

– Я изучу их со всем вниманием, – пообещал Ляо, принимая дар.

И посмотрел на Шао.

Следующий докладчик, лучший в Поднебесной специалист по фэн-шуй, не заставил себя упрашивать.

– То место, о котором вы говорили, показалось мне удивительным. Я бы с удовольствием посетил его.

– Поверьте, я – тоже, – искренне ответил генерал.

– То есть пока это невозможно?

– Пока, – уточнил Ляо.

– Жаль… – протянул Шао. Ему нравилось находиться в центре внимания. Простительная слабость для столь значимого человека. – Что же касается возводимых в этом месте построек… У меня нет сомнений в том, что строители тщательно продумывали их расположение. Видимый хаос не должен вводить в заблуждение: я сопоставил высоты зданий, их площади и особенности конструкции с рельефом, сведения о котором вы предоставили, и пришел к выводу, что мы имеем дело с крепостью. Я не верю, что ее создание есть плод случайных совпадений – это надежное укрепление, строители которого искусно защитились и от духов, и от воздействия посвященных людей.

– Ваши выводы необычайно ценны для меня, мастер Шао.

Даос с достоинством принял благодарность генерала.

– Есть еще один нюанс, мастер Ляо.

– Я весь обратился в слух, мастер Шао.

– Крепость призвана не только защищать нечто грандиозное, нечто такое, что скрыто от моего понимания, крепость служит накоплению силы. Здания расположены таким образом, что концентрируют ее вокруг главного строения.

«Вокруг энергоблока…»

– Спасибо, мастер Шао.

Ляо сопроводил благодарность легким поклоном, затем повернулся ко второму даосу и повторил жест.

– Спасибо, мастер Чжоу.

Астролог важно кивнул в ответ.

Следующая фраза Ляо показала, что с делами покончено:

– Надеюсь, вы не откажетесь разделить со мной скромный ужин?

– Ваши повара достойны самого императора, мастер Ляо.

– Они обещали приготовить «Ласточкино гнездо».

– Вы умеете удивлять не только своими познаниями, мастер Ляо.

Даосы, прекрасно уловившие ситуацию, завели неспешную беседу ни о чем. Генерал слушал их невнимательно. Улыбался, изредка вставлял замечания, однако мысли его витали далеко от речей. Очень далеко.

Полученная информация окончательно доказала генералу, что Станция – творение Чудовища. Дар, который оно приготовило

всему миру. Или проклятие.

Сам Ляо тоже пытался заглянуть в будущее, воспользовавшись уникальным, доступным только ему способом. Ранним утром генерал ушел в кумирню и там, усевшись на пол, нарезал и аккуратно свернул в трубочку сто кусочков рисовой бумаги. Поместил их в бронзовую чашу и, совершив положенные в этом случае обращения к духам, несколько часов медитировал, как можно точнее объясняя невидимым суть поставленного вопроса. Открыв глаза, заглянул в чашу и почти сразу увидел, что на одном из листочков появился ответ. Однако читать его Ляо не стал, решил дождаться встречи с даосами, и теперь, слушая журчащую речь гостей, генерал испытывал острое желание добежать до дома и достать из шкатулки листок с выведенными «небесной каллиграфией» иероглифами.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
Blumenmarkt, развлекательный комплекс «Мотылек»
Для хорошего рыбака и акула – рыба

Комплекс и прилегающие дома принадлежали албанцам – крепко спаянной банде Агима Тачи, что делила с Триадой, якудзой и другими уголовниками золотоносный Мюнхен. За пределы столицы Агим не лез – доходов ему хватало, сил, чтобы оставаться независимым, – тоже, но умом Аллах Тачи не обидел, а потому Агим никогда не отказывал могущественным друзьям в мелких услугах. Нужно предоставить территорию для переговоров – пожалуйста. Только предупредите, что планируется. Ах, устранение зарвавшегося наемника? Да без проблем! Нужно, чтобы он ни о чем не догадался? Малик, ты меня обижаешь! Не в первый раз. Все сделаем в лучшем виде. И не важно, сколько бойцов с ним приедет – разберемся. Угощайся, лучше давай вспомним старые времена…

Агим пообещал – Агим сделал.

Хана и Киприота, прибывших в Мюнхен в сопровождении восьми человек, Тачи встретил лично. «Мой дом – ваш дом». Где будем говорить? Позади «Мотылька» есть одноэтажный флигель, специально для этих целей и предназначенный. Вы можете подъехать к нему в своем бронированном джипе и сразу войти в дверь. Да, уважаемый Хан, я постоянно буду рядом, я ведь, можно сказать, заложник, ха-ха-ха. Нет, ваши ребята во флигель не войдут, только вы и Киприот. Вас это беспокоит? Так и знал, что

нет. С уважаемым Маликом будет Отмычка. Вы знакомы с Отмычкой? Славный парень, правда? Я помню его подростком…

Дабы не возникало ненужных подозрений, во флигеле предусмотрена всего одна комната. Обстановка спартанская: круглый стол и пять кресел. При появлении Хана Путник соизволил подняться:

– Здравствуй, дорогой.

Восьмидесятилетний Путник выглядел бодрячком: седые волосы, аккуратная бородка, блестящие глаза, энергичные жесты – даже при нынешнем уровне развития медицины нужно постараться, чтобы сохранить подобную форму.

– Уважаемый Малик! – Алоиз почтительно пожал протянутую руку и даже голову склонил. – Это огромная честь для меня.

На Отмычку ноль внимания. Так же, как и Путник – на Зазу.

– Слышал о тебе.

– Хорошее?

– В основном.

– Но не только?

– У каждого человека есть недоброжелатели. – Путник вернулся в кресло, и все последовали его примеру. – Они приходят к другим людям и рассказывают о человеке гадости. Но я уверен, что ты совсем не такой, каким тебя пытаются представить.

– Я искренне рад, что вы, уважаемый Малик, решили лично составить обо мне впечатление, – тщательно подбирая слова, ответил Хан. – Поверьте, я постараюсь вас не разочаровать.

Три бронированных джипа от флигеля не отъехали. Развернулись только, уставившись фарами на единственный выезд из дворика, и все. Люди из них тоже не выходили, не дураки подставляться. Пара албанцев, что ошивалась во дворе «для безопасности», попыталась разговорить гостей, но им не ответили. Даже тонированные до черноты стекла не опустили.

Умно.

Малик и Агим велели разобраться со свитой Хана тихо, чтобы внимания не привлекать, потому у снайперов, засевших по периметру двора, винтовки с глушителями. Однако пули для армейской брони, что горох. Можно, конечно, шарахнуть реактивником, но ведь шумно!

– Вылезут, – уверенно пообещал Йо-Йо. – Когда поймут, что деваться некуда – вылезут. Все вылезают.

Деваться джипам действительно будет некуда: двор глухой, окна начинаются с третьего этажа, внизу только стены да пара дверей, а единственный выезд уже готовится перекрыть

тяжеленный грузовик. Сбить его даже бронированному внедорожнику нереально.

– Начинаем через пять минут.

– Пять минут, – сообщил Шмейхель.

– Точно? – переспросил Фил Моряк, ближайший помощник Хана.

– Я их переговоры слышу.

– А-а…

Шмейхель сам пришел к Алоизу. Рассказал о встрече с людьми Путника, о предложении, которое они сделали, а потом сообщил, что машинисты из аль-Джохара способны взломать уголовников. Нужно только заплатить.

«У «Мотылька» нет выхода во внешнюю сеть».

«Мы влезем через «балалайки» уголовников».

Такой фокус мог провернуть только тот, кто втыкал в голову «поплавок».

«Твои друзья балуются с троицей Сорок Два?»

«А для чего, по-твоему, им нужен «синдин»?»

«Почему ты хочешь мне помочь?»

«Потому что я этих ребят боюсь, – честно ответил Шмейхель. – Я им не верю, и я их боюсь».

«А меня?»

«Ты не отморозок».

Хан выложил деньги и указал цель. Шмейхель привез машинистов в Мюнхен, и прошлой ночью они осуществили взлом.

– Бойцов пересчитали? – уточнил Моряк.

– Вокруг дворика не менее тридцати человек. Мы просчитываем их перемещение и передаем в режиме реального времени…

– Да, да, вижу.

Моряк замолчал. Зачем спрашивает, раз знает? Неужели нервничает?

«За Хана переживает, – догадался Шмейхель. – Как ни крути, а Хан с Киприотом сейчас в самом пекле».

– Дружба – удивительное понятие, – размеренно произнес Хан. – Полагаю, она зародилась еще в первобытные времена. А некоторые ученые считают, что на дружбу способны даже животные.

– К чему вы ведете? – поинтересовался Малик.

– Вы предлагаете мне дружбу. – Алоиз почтительно склонил голову. – Вот и вспомнилось.

«Хочет показаться образованным? Смешно».

Предложения по ценам и условиям высказаны. Коротко, но очень точно. Все ждали, что Хан выразит согласие, а он завел разговор о дружбе.

– Мы договорились? – поинтересовался Путник.

Агим тонко улыбнулся. Отмычка поддержал. И даже Киприот, которого трясло от страха, изобразил на физиономии некое подобие радости.

«Сейчас?»

– Нет, уважаемый Малик, мы не договорились, – мягко ответил Хан.

Смысл слов еще не успел дойти до уголовников, а он уже бросился вперед, через стол. Рванул из кресла, вытянулся в струну и до основания погрузил указательный палец в глаз Отмычки. Усиленный ноготь, усиленные кости, не палец – стальной штырь! – он легко добрался до мозга.

Стекла на джипах не опустились – упали, провалились в дверцы. И жахнули из машин не пулями, совсем не пулями. Из каждого окна ударил гранатомет. Не реактивный, конечно, иначе салоны внедорожников превратились бы в крематории, а послабее – из шестизарядных «кругляшей» врезали камрады Хана, целясь по окнам и дверям. И продолжали палить, сполна используя эффект внезапности. Грохот, пламя, звон выбитых стекол, вопли раненых… Бывшие вояки навыков не растеряли. Отработали гранатами, побросали опустевшие «кругляши» и разбежались по двору, ворвались в здания, выкашивая встречных из «дрелей».

Вторая группа, подтянувшиеся с улицы камрады в штатском, захватила выезд, не позволила грузовику отрезать Хану путь к отступлению.

– Сорок секунд!

Моряк следит за ходом операции, но не забывает о времени. На наноэкране каждого камрада бежит секундомер, но лучше повторить вслух:

– Тридцать секунд!

В самом начале представления у главного входа в «Мотылек» взорвалась бомба. Возникла паника, третья группа камрадов поспособствовала ей беспорядочной стрельбой. К главному входу и подтянется полиция, он ведь на виду, о нем сообщат в первую очередь. О нем, а не о взрывах и стрельбе, доносящихся из внутреннего двора.

Оружия не было только у Алоиза и Киприота: и Путник, и Агим, и, наверное, покойный Отмычка «дыроделы» на встречу

принесли. Но вот воспользоваться ими не успели.

Хан, перелетев через стол, сбил Отмычку на пол, тут же вскочил и, поднимаясь, ребром ладони разбил Малику кадык. Путник повторил маневр помощника – опрокинулся навзничь. Пары секунд хватило, чтобы Агим успел выхватить пистолет, однако Хан готовился именно к такому развитию событий. Бросаться на Тачи не стал, перевернул стол, сбив «дыродел», а уже потом атаковал.

Поднялся, держа в руке взятый у мертвого Агима пистолет, улыбаясь, посмотрел на трясущегося Киприота:

– Вот и все. – Подошел к Малику и дал контрольный в голову. – Уходим.

– Мы покойники, Алоиз! – простонал Заза, послушно поднимаясь на ноги. Ноги подкашивались. – Ты понимаешь, что мы покойники?

– Все только начинается, – приободрил компаньона Хан. – Старый гаденыш хотел от нас избавиться! Я сразу просек! У меня шариков немного, но они работают. Я успел первым!

– Ты ни черта не успел! Ты войну начал! У Малика два сына…

– Было два сына! Я же сказал: шариков у меня немного, но они бегают. Сейчас в Берлине мои камрады на куски маликовских выродков режут, понял? На куски! – Хан бешено рассмеялся. – Выше нос, Киприот, мы начинаем большой бизнес!

Глава 5

Анклав: Москва
Территория: Сити
«Пирамидом»
Слова необходимы, но впереди всегда оказывается тот, кто действует

– Власть – вот к чему стремятся верхолазы. Не к золоту, а к власти, потому что только она дает все. Власть. Корпорации и государства контролируют промышленность, энергетику, науку. Коммуникации. Производство еды и производство тепла. Контролируют повседневность. Без электричества мы вернемся к феодализму, а электричество – это корпорации и государства. Власть. Мир стал удобным, но чужим. Им управляют верхолазы. Теперь они, а не бог, решают, где устроить наводнение, эпидемию или массовый голод. Но им мало. Полная власть требует управлять не только жизнью, но и душой, мыслями. Мысли опасны, потому что человек, нормальный человек, склонен к свободе. Мысли опасны, а значит, их нужно изменить. Нужно убедить человека, что та форма рабства, в которой он существует, и есть высшая степень свободы. А тех, кто призывает открыть глаза, следует назвать террористом.

Пауза. Но в сети тишина, кто посмеет перебить Сорок Два?

– Верхолазы называют меня террористом и анархистом. А что им еще остается? Они пытаются противопоставить меня порядку. Власть есть порядок. Сорок Два есть хаос. Они не способны привести доказательства, а потому используют единственный прием, которым овладели в совершенстве: превращают ложь в правду. Со всех сторон доносятся крики: анархия! И простой человек начинает прислушиваться. Простой человек, которому вставили одобренный властью чип, слушает: Сорок Два не согласен с верхолазами, а значит, Сорок Два несет хаос. Доказательств не требуется, достаточно воплей. Ложь хитра и прилипчива. Громкие фразы проникают в ваше сознание, меняют мысли, обволакивают душу. Вам кажется, что все вокруг не могут лгать? Сейчас – могут. Потому что сейчас они управляют великим ураганом, имя которому – Эпоха Цифры. Потому что сейчас не все решили стать свободными. Потому что сейчас многим еще кажется, что послушание и есть порядок. У меня для вас новость: послушание есть рабство.

Краем глаза Мертвый увидел вошедшего в кабинет Мишеньку, однако вида не подал, продолжил слушать Слово. Щеглов все понял правильно: подошел к столу, присел и

принялся протирать очки, демонстрируя, что более важных дел у него нет.

– Простой человек путает порядок с принуждением. Запуганный несуществующими угрозами, он делегирует верхолазам все больше и больше прав, надеясь, что ему оставят кусок хлеба и разрешат защищать ничего не значащие мелочи. Простой человек не понимает, что Мир Цифры и есть идеальный порядок, ибо в нем нет тайн и те, кто правит сейчас, потеряют возможность врать. А ложь – их единственное оружие. Ложь – способ их выживания. Ложь и ненависть. Вы думаете, их заботят ваши права? Нет. Ступенька повыше – вот цель их существования. Власть…

– В целом понятно. – Мертвый отключил коммуникатор.

– Хорошая речь, – сдержанно похвалил услышанное Щеглов.

Учитывая его обыкновенную невозмутимость, можно было сказать, что Мишенька выразил бурный восторг.

– Очень хорошая, – уточнил Кауфман. – Сорок Два растет на глазах. Ему нравится быть пророком.

– Мы в нем не ошиблись.

– Не могли ошибиться – он ведь сделал себя сам. – Мертвый помолчал. – К тому же тот, другой претендент вряд ли осилил бы то, что делает сейчас Сорок Два.

– Ему бы не понравилось быть пророком? – удивился Щеглов.

– Ему быстро наскучило бы быть пророком, – объяснил Кауфман. – Он не из того теста.

– Подвержен сомнениям?

– Слишком умен.

Щеглов с трудом подавил желание вновь заняться очками – не требующее особых усилий занятие помогало ему думать. Вместо этого поерзал на стуле, после чего слегка пожал плечами.

– То есть догадался бы, к чему идет?

– Не в этом дело, – улыбнулся Кауфман.

Ему нравились такие вот, неожиданно возникающие разговоры, а то и споры с Мишенькой. Много лет назад Мертвый разглядел в молодом Щеглове себя, приблизил, убедился, что не ошибся, и принялся терпеливо создавать то, что считал идеалом. Не идеального помощника, не «номер два», а самостоятельного, умеющего быть и жестким, и жестоким игрока.

– Любая Традиция в равной степени опирается на миссионеров и крестоносцев. На тех, кто несет Слово, и тех, кто несет Слово с помощью меча. Еще Традиции требуются легенды, требуются гении, либо сознательно посвятившие себя служению, либо сделавшие это под влиянием обстоятельств. Некоторые гении становятся мучениками, некоторые исчезают, что с ними

происходит, не важно, потому что их задача – создать ореол, ауру, освятить Традицию своими деяниями. Гении должны играть роль и уходить, освобождая сцену Пророку. Ежедневный труд не для них, вот что я имел в виду, когда говорил о другом претенденте.

– Я понял, доктор Кауфман.

Еще одно откровение «от Мертвого». Мишенька впитывал их, как губка.

– Именно поэтому ты никогда не станешь гением, – ровно продолжил Мертвый. – Ты слишком умен, чтобы позволить себе уйти, сыграв одну-единственную, пусть и яркую роль. Ты никогда не станешь легендой, но ты будешь использовать легенды в своих целях… и во благо тех, кто в легенды верит.

– Спасибо, доктор Кауфман.

– Пророки и апостолы остаются в истории, но они ошибаются, думая, что они ее творят. – Мертвый повертел в руке золотую ручку. – Главная проблема при использовании гениев заключается в том, что их практически невозможно заставить что-то делать. Вариантов два: либо предоставить гению полную свободу, надеясь, что он исполнит просьбу…

– Либо поместить в нечеловеческие условия, – мягко продолжил Щеглов.

– Второй вариант не всегда возможен. Все зависит от личности.

– И наша задача – правильно в этой самой личности разобраться.

Оценить, изучить, наклеить ярлык и применить именно тем способом, для которого она предназначена. В этом случае ошибки исключены.

– Именно поэтому гения нельзя ставить во главе предприятия – на него трудно давить. Убежденный в своей правоте, он будет переть вперед до тех пор, пока не расшибется в лепешку. Не обращая внимания на советы и предупреждения.

– А пророки?

– Они строят храм, – тут же ответил Мертвый. – Таскают кирпичи. Подгоняют десятников. Они не могут не меняться, и в том числе – под чужим влиянием. Тут главное – угадать со словами. И со временем, когда эти слова произнести.

– Пророки слабы?

– Пророки – практики. Или становятся практиками, когда осознают, за какой груз взялись. Но, как бы они ни изменились, на первом месте у них всегда останется идея, а не ее реализация.

Услышь кто-нибудь их диалог – не поверил бы. И тем не менее факт оставался фактом: в главном кабинете «Пирамидома»,

на самой вершине черной московской пирамиды, два высших офицера СБА вели беседу о пророках и апостолах. И были необычайно ею увлечены.

– В какой-то момент все пророки начинают играть роль?

– Они всегда играют роль. Все всегда играют свою роль. Не отрицай сказанного: «Весь мир – театр». Вечно лишь Колесо, Мишенька, вечное Колесо постоянного обновления. От рождения к смерти. Цветок распускается на прахе, дает плод и гибнет, обращаясь в прах, уступая место новому. Так было и так будет.

– И никому не дано нарушить закон…

Щеглов не спрашивал, просто протянул крепко-накрепко вбитую догму. Но Мертвый ответил:

– Пробовали. И сам видишь, в каком дерьме оказались.

Лишенный привычного, а главное – необходимого механизма обновления, мир замер над пропастью – вот истина, в которую Кауфман верил безоговорочно. И вера его подтверждалась тем, что он видел вокруг. Мир балансировал, разбухая конфликтами – ведь те, кто стоит у черты, способны лишь кусаться, – и готовился сорваться в последний прыжок.

– А может, катастрофа была предопределена? Может, не разорви Урзак Колесо, мы никогда не построили бы Станцию?

– Нашли бы другой путь.

– Сослагательное наклонение, доктор Кауфман.

Разломанное Колесо тряхнуло мир, ввело в игру силы, которым был закрыт путь в середину Великого Древа. Силы, у которых не было другой цели, кроме восстановления порядка. Пусть не прежнего – сделанного не воротишь, – но порядка.

– Думаешь, мы все равно катились в тупик?

– Думаю, что Урзак, несмотря на огромное самомнение, был всего лишь орудием, – спокойно ответил Щеглов. – Им воспользовались, чтобы перезапустить все.

Чтобы поломался порядок, чтобы завершающийся цикл дарил не надежду, но смерть. Чтобы люди почувствовали запах тлена, опомнились, и… И чтобы появилась ремонтная бригада.

– Давай поговорим о твоей поездке, – предложил Мертвый.

Философские темы интересны, но о делах забывать не следует.

– Да, доктор Кауфман.

– Как Станция?

– Строится.

Позволить себе столь краткий ответ мог только Мишенька. Никто другой попросту не осмелился бы.

– Как Слоновски?

– Он молодец.

Кауфман спросил не «как дела у Слоновски?», а именно «как Слоновски»? Каким нашел Щеглов человека, которому доверен главный проект Мертвого?

– Грег абсолютно спокоен и держит ситуацию под полным контролем. Внутренняя безопасность функционирует, как часы. Все, что должно быть секретом, секретом и остается. Контрольно-ревизионное управление выявило несколько недочетов, его новый начальник прибудет на Станцию послезавтра.

– Как Прохоров?

– Лоялен.

Моратти не оставлял надежд сыграть на самолюбии Алексея. Утром директора филиалов получили «для ознакомления» проект частичной реорганизации СБА, во вступительном слове к которому хитроумный Ник выражал уверенность, что с запуском Станции не возникнет проблем, соответственно, встает вопрос о строительстве следующих энергоблоков, на других континентах, и предложил создать для их охраны специальное Управление. Руководителю полагалась должность первого заместителя президента.

– Уверен, Алексей воспринял предложение так же, как и предыдущие.

То есть пропустил мимо ушей.

– Ставки постоянно растут, – напомнил Мертвый.

– Я помню.

– Хорошо. – Тему Кауфман закрыл: раз Мишенька считает, что все в порядке, значит, так оно и есть. – Сторонний заказ готов?

– Заканчивают монтаж последнего устройства, того, что для Европы. Остальные уже в пути.

– Нестандартный груз?

– Доставили на место час назад.

– Накладок не было?

– В самолет контейнер грузила внутренняя безопасность Станции. Из самолета доставал Отдел прямых переговоров.

Полная секретность. Рядом с контейнером постоянно находились только те, кому безусловно доверяли.

– Коды переставлены, в настоящее время груз полностью готов к эксплуатации.

– Отправляйте по согласованному каналу.

* * *

Территория: Африка

Горнодобывающий полигон «Всемирной рудной компании»
Кодовое обозначение – «Африка»
Иногда добрые феи принимают странный облик

Это случилось на седьмые сутки пребывания в изоляторе, когда Чайка уже считал часы до отправки в камеру. Врачи свое дело сделали, на ноги его поставили, и теперь заключенный 0286 должен вернуться, чтобы у господина директора Флобера появилась возможность довести до конца свое дело. Перечеркнуть усилия докторов и отправить заключенного 0286 на тот свет. Как слишком много знающего.

Причину, по которой его так долго держали в изоляторе, Илья тоже просчитал: во время бунта перебили всех «прикормленных» Флобером уголовников, и директору требовалось время, чтобы подготовить киллера, активизировать, так сказать, следующего Пилсуцки. И сможет ли на этот раз помочь Ушенко – большой вопрос. Вряд ли надзиратель, даже в ранге заместителя директора, обладает такими же возможностями, как хозяин Африки.

Так что расклад, мать его, не очень.

Как именно его убьют, Чайку не волновало – найдут способ, не дураки ведь. Твердо знал одно – в изоляторе не тронут, а потому дергался при каждом появлении надзирателя. Холодел, видя приносящего еду надзирателя, и торопливо раскуривал сигарету после его ухода.

Не сейчас.

Не сейчас.

А потому ночью, разбуженный едва слышным скрипом открывшейся двери, полусонный Илья сразу же поинтересовался:

– Меня? С вещами? – А голос, предатель-голос, слишком высокий. И пальцы вцепились в подушку – не оторвать. – Меня?

Холодно.

Холодно.

Холодно.

Не плевать тебе на жизнь, Чайка, совсем не плевать. Она у тебя дерьмо, она у тебя Африка, но она – твоя, единственная, мать ее, любимая.

– Меня?

– Извините.

Ответ прозвучал приглушенно. Причину окончательно проснувшийся Илья понял через пару секунд: лицо пришельца скрывала наномаска. Дверь захлопнулась, однако «глазок» надзиратель оставил открытым, и тонкий поток света слегка разгонял царящий в камере мрак.

Не сейчас!

Чайка сел на койке, потер грудь, пытаясь избавиться от сковавшего душу мороза, и одновременно разглядывал невысокую фигуру гостя.

– Ты кто?

– Пришел, – коротко отозвался тот. – Сюда.

– Я вижу.

Безликий серый комбинезон, аляповатая наномаска, не стандартная черная, а украшенная дурацкой кукольной физиономией… Где вы видели заключенных в маске?

Впрочем, затягивать игру в секреты пришелец не стал. Снял маску и бросил на койку.

– Здравствуй.

Бритая голова, черная вязь татуировок…

– Олово?!

– Пришел, – подтвердил слуга Грязнова. Указал на маску: – Тайно.

И покачал головой, подтверждая собственные слова.

Пришел. Пришел в Африку! В чертову, мать ее, Африку!

– Подожди! – Илья засуетился, вскочил с койки, принялся торопливо натягивать штаны. – Подожди…

Олово не мешал. Прошелся по камере, с любопытством разглядывая скудную обстановку, потрогал пальцем стену, осмотрел туалет, с сомнением покосился на ржавый рукомойник, затем подтащил табурет и уселся напротив одевшегося Ильи.

– Что ты здесь делаешь?

– За тобой.

Гласные Олово не тянул, видимо, поставил изменитель голоса, однако по-прежнему предпочитал слова попроще, а предложения покороче.

– За мной?

– За тобой.

Надежда на спасение! Избавление от смерти! Жизнь! Однако что-то помешало Илье обрадоваться, горечь гасила зарождающуюся радость. Горечь, порожденная последними годами.

– За мной? – переспросил Чайка. – А не поздно?

– Ты жив, – рассудительно заметил Олово. Поразмыслил еще и добавил: – Не поздно.

И получил в ответ яростный шепот:

– Я жив? Да, жив. Я здесь почти три года жив, твою мать! Три! А что вы мне обещали? Не волнуйся, Илья, через несколько месяцев… Я чуть не сдох!

Олово не стал напоминать, что лично он никаких обещаний не давал. Замер на табуретке и, не моргая, смотрел на орущего

парня. Когда услышал, что крики стихают, повторил:

– Ты жив.

– Потому что дрался!

– Жизнь – ценный приз.

«Какого хрена?»

– Хватит тупой философии! Чего тебе нужно? Что нужно Кириллу? Я вас не сдал, не сказал, что работал на вас. А теперь – отстаньте, мать вашу. Мне осталось отсидеть несколько месяцев, и больше мы не увидимся!

– Ты не веришь.

Чайка осекся.

– Не доживешь, – спокойно продолжил Олово. – Знаешь.

И вновь покачал головой.

Ну что за привычка! Илья едва не взвыл от бешенства. Схватить бы урода за шею, врезать… Нельзя. Помнил скупые истории, что рассказывал о слуге Грязнова Корнелиус. О том, что Олово один – один! – решает все проблемы Кирилла. И о том, что с ним не рискуют связываться даже прятки. А кто рискует – исчезает.

– Плевать!

– Мастер не мог помочь раньше, – терпеливо объяснил Олово. – Непростые времена. Мертвый крутил гайки…

– Закручивал, – машинально поправил собеседника Илья.

– Да, – подтвердил Олово. – Крутил очень. Африка далеко, но теперь я здесь. – Помолчал, давая Илье возможность осознать этот факт, и доверительно предложил: – Уедем?

Вот так просто: уедем. Маленький человек в аляповатой наномаске приходит в самую страшную на планете тюрьму и предлагает: уедем. Уедем, твою мать! Из Африки. И ведь сдержит, сволочь, обещание. Увезет! Закончится кошмар под названием Африка, останется в страшных снах и неприятных воспоминаниях, но не в реальности. Прекратится невыносимая пытка ежесекундного ожидания смерти.

«Не просто так!»

Но Чайка уже знал, что скажет Олово «да». Не сможет ответить иначе. Не плевать ему на свою жизнь, совсем не плевать. Дышать он хочет больше всего на свете. Дышать, чувствуя себя свободным…

«Опомнись!»

«Не хочу опоминаться! Жить хочу!»

«Опомнись!»

Илья тяжело посмотрел на Олово:

– Кирилл знает, что это я придумал π-вирус?

– Да, – не стал скрывать слуга.

«Вот и ответ: ты им нужен».

– Поэтому он хочет меня спасти?

– Мастер обещал тебя спасти, – невозмутимо ответил Олово. – Как смог – спас. Узнал о вирусе – похвалил, сказал: ты гений. Но спасает не потому. Мастер дал слово.

– Чушь!

– Мы держим слово, – неожиданно гордо произнес Олово. – Мы обещали – мы сделали. Как смогли – сделали. Мы держим слово.

Что еще за рыцарство? Или… Или у некоторых людей еще сохранились принципы?

«Не смеши окружающих и не мучай себя! Ты нужен, потому что умен. Тебя вытаскивают из одной задницы, чтобы засунуть в следующую!»

Все верно, вот только нынешняя задница медленно превращается в могилу.

– Знаешь, – произнес Илья после недлинной паузы. – Я тебе верю. Верю, потому что хочу. – Он понуро опустил плечи. – Жить хочу.

– Будешь, – коротко пообещал Олово.

– А Флобер?

– Флобер? – с неподдельным удивлением переспросил слуга. – Кто Флобер?

– Ты не знаешь, кто такой Флобер? – насторожился Илья.

– Я знаю только то, что должен. Трудно запоминать много. И не нужно. – Олово провел рукой по бритой голове. – Пусть мастер знает.

«Я сплю? Мне это снится?»

– Флобер – директор Африки, – сообщил Чайка.

– Большой человек, – уважительно протянул Олово. – И что?

– Он хочет меня убить.

Информация заставила слугу вновь погрузиться в размышления. Секунд десять он таращился на Чайку, беззвучно шевеля губами, после чего ехидно улыбнулся.

– Сочиняешь! – И пояснил неожиданный вывод: – Директор кто? Большой человек. А ты кто? Заключенный. Тебя бандиты убьют. Не он.

Илья поперхнулся.

«Он что, под кайфом?»

– Я придумал π-вирус.

– Помню.

И только тут до Чайки дошло, что для Олово термин «π-вирус» означает то же самое, что «квантовая механика» – ничего. Он знает только то, что должен. Все остальное пусть знает

мастер.

– Я здесь, – улыбнулся Олово и потрепал Илью по плечу. – Уедем.

Да, именно так!

– Уедем, – рассмеялся Чайка. – Из Африки еще никто не бежал, приятно быть первым.

– Не бежать, – уточнил Олово. – Уехать. Меня здесь нет. Тебя – тоже.

– Как это? – оторопел Илья.

– Погиб во время бунта.

«Флобер, сукин сын! Вот почему он не выпускал меня из изолятора!»

– Документы тебе приготовили. Не волнуйся.

«Конечно! И документы, и наверняка рабочее место! Будешь пахать на Грязнова, пока и ему станешь не нужен…»

Сомнения… Нет, не сомнения, страх и горькое предвидение отразились на лице Чайки. И были поняты.

– У мастера есть деловое предложение, – честно сказал Олово. – К тебе. Но если не примешь – уйдешь. Слово мастера. – Пауза. – Мы держим слово.

Чайка прищурился:

– Я смогу уйти?

– Да.

Снова поверить на слово? А разве есть выбор?

* * *

Анклав: Москва
Территория: Сити
Аукционный дом де Моро
Разные люди

– Ваше преосвященство! – Низенький распорядитель – смокинг, пышный галстук, лучезарная улыбка – выкатился навстречу высокому гостю. – Какая честь!

– Прими благословение духов Лоа, сын мой, – важно отозвался Джошуа Таллер.

– Спасибо, ваше преосвященство, спасибо. – Распорядитель склонился и поцеловал архиепископу Московскому руку. Где-то в глубине души он исповедовал классическое католичество, однако бизнес есть бизнес – зачем ссориться с выгодным клиентом?

– Позвольте предложить шампанское, ваше преосвященство? Двадцатилетний «Дом» для вас.

– Предлагайте.

Распорядитель вышколенно захихикал над шуткой. Не забыл махнуть рукой, и около архиепископа вырос официант с подносом.

– Сегодняшний каталог уникален.

– Я знаю…

Монсеньор Таллер явился в традиционной для выхода в свет черной сутане, перехваченной широким красным поясом. Однако левое его плечо украшала леопардовая шкура – не по уставу, зато освежает образ. Традицию «странных мелочей», призванных демонстрировать, что архиепископы тоже люди, ввел духовный лидер Баварии Папа Джезе, большой любитель старинных цилиндров и фраков игривых расцветок. Ахо она раздражала, однако многие архиепископы поддержали баварца. И не только в одежде.

– Джош, добрый вечер! – А это уже не распорядитель, это гость. Широкий и в плечах, и в талии Зильберштейн, глава московского отделения «N.O.G. Steel». – Давно не виделись.

– Прими благословение духов Лоа, сын мой, – предложил Таллер, проглотив шампанское.

– Джош, ты же знаешь, я из другой конфессии.

– Лишнее благословение не помешает.

– Ну, если ты настаиваешь… Все равно – нет. – Зильберштейн рассмеялся и похлопал архиепископа по плечу. – Как твои дела?

– Неплохо.

– Что решил прикупить?

– Пару картин.

– Посмотрим на шедевры?

– Как раз собирался.

Полотна выставлены тут же, вдоль стены. Не все, разумеется – не поместились бы, – но и от самых главных глаза разбегаются. Сегодня правил бал двадцатый век: Пикассо, Малевич, Ларионов, Дали…

– Помню, ты увлекался ребятами постарше, Джош, фламандцами, если не ошибаюсь.

– Меняю обстановку в летнем доме. Хочется чего-нибудь нового.

– Могу посоветовать толкового дизайнера.

– Я знаю, чего хочу.

– Можно только позавидовать.

Владельцы аукционного дома не стали превращать главный зал в некое подобие викторианской гостиной, обшивать его дубовыми досками и наполнять вычурной мебелью, стараясь «дать почувствовать дух времен и традиций». Зачем? Глупо декорировать под старину помещение, расположенное на сорок

пятом этаже башни «Белая береза». Какой дух тут можно передать? Зал выглядел настолько современным, насколько это возможно, демонстративно модернистским, и выставленные на продажу древности казались артефактами с другой планеты.

– Господин Грязнов! – Распорядитель пожал протянутую ладонь двумя руками. – Искренне рад!

– Взаимно.

– Патриция, черное вам к лицу.

– Благодарю, Артур.

Взгляд распорядителя вернулся к Кириллу.

– Интересуетесь чем-то конкретным?

– Хочу понять, что нынче в моде.

– Хитрец…

У де Моро, как и в любом другом аукционном доме, не существовало жестких правил: если покупатель хотел остаться инкогнито, он мог торговаться через сеть или воспользоваться услугами посредника. Однако в Москве постепенно сложилась традиция присутствовать на торгах именно этого дома лично, превращая аукцион в светский раут. Обходились без смокингов и вечерних платьев, однако деловые женские костюмы не приветствовались.

– Я чувствую себя девушкой на выданье, – пробормотала Пэт, пригубив шампанское.

Черное платье оттеняет загорелую кожу, выгодно подчеркивает стройную фигуру и длинные ноги. Серьги, кулон и браслет, названные Грязновым «фамильным гарнитуром», тянут на небольшое состояние, такие драгоценности спокойно надела бы и внучка Романа Фадеева, а не только дочь Кирилла Грязнова. Но главное не шмотки и камни – исходящая от девушки аура молодости и силы, вот что притягивало мужские взгляды.

– Скорее ты похожа на девушку, вызывающую интерес, – хмыкнул Грязнов. – Я не вижу здесь холостяков.

– Еще лучше. – Патриция ехидно посмотрела на отца. – Тебя не смущает?

– Смутился бы, останься ты незамеченной.

– А так есть повод для гордости?

– Именно.

– Господин директор! Какая честь!

Кауфман добродушно кивнул, вяло пожимая протянутую руку:

– Я слышал, сегодня будет серебро.

Как обычно: черный костюм и темная, спортивного покроя рубашка, не предполагающая галстука. И черные кожаные перчатки, скрывающие от окружающих кисти рук.

– Серебра немного, но очень хорошее.

– Уже выставлено?

– Позвольте вас проводить…

Два беза замерли у входной двери, мягко сменив местную охрану. Еще двое – у запасной. В зале же появилось несколько ничем не выделяющихся мужчин в дорогих костюмах и с хорошими манерами. Угощались шампанским. С любопытством разглядывали лоты. И не спускали глаз с окружающих. Имели право стрелять в любого, кто покажется подозрительным.

Их не замечали.

– Вот уж не думала, что Мертвый увлекается искусством, – протянула Патриция.

При его появлении настроение девушки… не ухудшилось, но поменялось.

– Здесь принято говорить: директор Кауфман, – заметил Грязнов.

– Постараюсь запомнить.

– Так вот, директор Кауфман является обладателем небольшой, но со вкусом подобранной коллекции столового серебра.

– Как мило.

– У каждого из нас есть маленькие слабости.

Патриция холодно оглядела увлеченного лотами Мертвого и недовольно осведомилась:

– Почему вы не встретились в каком-нибудь уединенном месте?

– Потому что на людях Макс вынужден сдерживать инстинкты, – очень тихо ответил Кирилл.

– Он тебя ненавидит?

– Конечно же, нет.

– Тогда в чем дело?

– В том, что я его боюсь.

Нормальные дети мечтают стать героями: летать в космос, лечить людей, побеждать в гонках, открывать новые острова… Перед нормальными детьми лежат тысячи дорог, и они любуются самыми яркими из них, примеряют на себя сверкающие одежды. Нормальные дети знают, что быть героем – хорошо.

Дети обожженные мечтают стать героями для своих. Для своего народа, клана, семьи. Вырасти сильными, завоевать место под солнцем, уничтожить врагов, наслаждаясь почитанием близких. Если не благодарностью, то хотя бы уважением. Ведь они важны – близкие, особенно для тех, кто в остальных видит врагов.

А еще очень важно делать что-то не только для себя.

Быть героем непросто. Мужество, отвага, ум, упорство, умение взять ответственность на себя, сила… Лишенный хотя бы одного из этих качеств обречен оставаться на обочине. Но герою, которому приходится воевать, нужно тащить из колоды и другие карты: жестокость, хитрость, подлость… Герой, которому приходится воевать, не носит романтические одежды – он за ними прячется. И чем тяжелее война, чем слаще вкус победы, тем меньше скрывает рыцарский плащ от окружающих.

И как же бывает обидно увидеть страх во взглядах тех, кому служишь.

Уединиться им удалось вскоре после окончания торгов, когда взволнованные или разочарованные гости вернулись к шампанскому, громко обсуждая перипетии только что состоявшегося действа. Когда можно легко затеряться за фразами, вроде: «Зильберштейн! Как ты мог увести у меня «Мадонну»?!» или «Извините, архиепископ, но эта скульптура мне просто необходима…» Кауфмана не видно? Значит, уехал.

– Артур, я слышал, вы собираетесь устроить большой аукцион антикварных автомобилей?

– Я слышал, что у Кирилла восхитительно прелестная дочь, но увидеть вас воочию… Я потрясен, Патриция…

Пэт осталась в зале – если гости переставали говорить о торгах, их мысли тут же переключались на девушку, – а Кирилл незаметно вышел, направившись в небольшую комнату, которую по его просьбе подготовили устроители аукциона. Пять шагов из зала, первая дверь направо. Как раз по дороге в туалет, никто не удивится, увидев, что антиквар выбрал подобный маршрут. У двери никого, безы по-прежнему контролируют зал. В небольшом помещении только Мертвый. Стоит у журнального столика, недоуменно таращась на свежеприобретенный молочник.

– Привет!

– Это хобби, которое я, по твоей милости, завел семьдесят лет назад, начинает действовать на нервы, – сварливо ответил Мертвый.

– Оно всегда действовало тебе на нервы.

– Теперь – особенно.

Грязнов чуть приподнял бокал с шампанским.

– Рад тебя видеть.

Кауфман развернулся, Кирилл подошел ближе, и целую минуту мужчины молча смотрели друг другу в глаза.

– Устал?

– Есть немного, – признался Максимилиан. И тут же

поинтересовался: – Как твоя голова?

– Чертовски болит.

– Таблетки помогают?

– Если лопать горстями. – Грязнов улыбнулся: – Ты ведь не просто так спрашиваешь?

– У меня тоже начинаются боли, – нехотя ответил Кауфман. И прикоснулся указательным пальцем к виску: – Тут.

– Это время, брат. Даже взятое взаймы, оно убивает.

– Да уж, долгов мы наделали… – Мертвый решился: протянул руку и сжал Кириллу плечо. – Я тоже рад тебя видеть, брат. – Выдержал паузу. – Я скучал.

Максимальное проявление чувств Максимилиана.

– Я до сих пор не понял, наказание это или награда, – тихо произнес Кирилл.

– Судьба.

Мертвый убрал руку, отошел, встал вполоборота.

Сначала Грязнов решил, что эмоциональная часть встречи окончена, однако тон, которым Кауфман задал следующий вопрос, показал, что им все еще владеют чувства, а не разум:

– Как наша девочка?

Тон вызвал бы шок у любого, мало-мальски знающего Мертвого: в трех словах и нежность, и забота, и немного грусти. Таким тоном говорит отец, вынужденно разлученный с любимой дочерью. Или монстр, не смеющий приблизиться к предмету обожания.

– Она растет, – ответил Кирилл. – Крепнет. Взрослеет.

– Красавица.

– И умница.

– У нее есть мужчина?

– Ей нравится Рус.

– Хороший мальчик, – одобрил Мертвый. – Он ей подходит.

– Но выбрал Матильду, – вздохнул Кирилл. – У них получилась замечательная пара.

– Матильда не должна была мешать, – холодно бросил Кауфман.

– Потом я понял, что альянс с этим «хорошим мальчиком» стал бы ошибкой, – продолжил Грязнов, не обратив никакого внимания на замечание Мертвого.

– Матильда не должна была мешать, – упрямо повторил Кауфман.

Он злился – кто-то посмел перейти дорогу его девочке!

– Патриции нужен крестоносец, а не пацифист. – Кирилл усмехнулся: – Это ты в состоянии понять?

Несколько секунд Мертвый недоуменно таращился на

Грязнова, потом опомнился, догадался:

– У тебя есть кандидатура!

– Я почти уверен, что этот вариант – наилучший.

– Я с ним поговорю и сам скажу, наилучший или нет.

– С кем?

Кауфман растянул губы в улыбке:

– Я знаю, с кем. Не забывай, что я – это ты.

– Нет, ты и я – это он.

– Зануда.

– Говорю как есть.

– Да кого волнует, как есть? Я знаю, о ком ты говоришь, и я с ним пообщаюсь. Дело важное, нельзя полагаться только на твое мнение.

Мертвый, озабоченный личными делами Патриции, выглядел настолько необычно, что пытающийся скрыть улыбку Кирилл едва не откусил край бокала.

– Не напугай мальчика.

– Если испугается, он нам не подойдет.

У самого подъезда блестел в электрическом свете длинный «Мерседес Мао». Швейцар предупредительно распахнул дверцу, умело помог Патриции нырнуть в лимузин, обежал машину и повторил операцию для Кирилла. Получил заработанные чаевые и поклоном проводил отъезжающих гостей. Тут же занялся следующими – верхолазы в «Березу» не каждый день съезжаются, суетись – и раут принесет месячное жалованье. Швейцар точно знал, что нужно делать.

А вот Грязнов выглядел потерянным. Отвернулся к окну и молчал, бездумно рассматривая ночные улицы. Пэт не мешала, поняла, что не время, уткнулась в коммуникатор, просматривая новости, и лишь рядом с домом, когда водитель начал притормаживать, прижимаясь к тротуару, негромко спросила:

– Трудно встречаться с самим собой раз в несколько лет?

– Не трудно, – не поворачиваясь, ответил Кирилл. – Тоскливо, и… – Он вздохнул. – Спасибо, что понимаешь… Я знаю, как трудно было понять, что он и я…

Девушка положила ладонь на его руку и тихо произнесла:

– Ты – мой отец. Если я тебя не пойму, если я не сделаю для тебя все, что могу, то кто?

«Все, что могу…» Без раздумий. Наступая на горло собственным чувствам. Доверяя и принимая каждое слово. На том простом основании, что он – ее отец, что ее жизнь – его дар, что она – любит. Она никогда не скажет ему «нет». Ни за что не скажет.

Лимузин остановился, но Грязнов не спешил покинуть салон. Он долго, очень долго смотрел на дочь, а после медленно повторил:

– Спасибо.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз
Штутгарт, Баварский султанат
Клуб «Золотой запас»
Серьезные люди тянутся друг к другу

Бойня, что учинил Алоиз, привела к предсказуемым результатам – в гангстерском мире Баварского султаната воцарился хаос.

Оставшиеся в живых люди Малика сначала затаились. Атаковать наглого наемника сразу не решились, а спустя несколько дней, когда увидели, что на восток султаната Хан не лезет, занялись дележом империи Путника, разумно рассудив, что Алоиз и так никуда не денется, а вот оставшийся без хозяина пирог растащат за милую душу. Бывшие соратники активно истребляли друг друга, новостные ленты пестрели сообщениями о сражениях, и у Хана появилась возможность упрочить позиции в бывших владениях Живоглота.

Даже не упрочить – окончательно утвердить свое положение безоговорочного лидера. «Камрады», число которых необъяснимым образом росло по мере необходимости, рассеялись по западным провинциям, одним своим видом убеждая пушеров работать через Штутгарт. Киприот активно восстанавливал старые связи, договаривался с крупными поставщиками и производителями, обещал, доказывал, убеждал. Колеса завертелись, обороты росли на глазах, и для полного успеха не хватало лишь «синдина». Однако и Хан, и Заза понимали, что рано или поздно он у них появится. Живоглот и Путник ушли в историю, на востоке междоусобица, на западе – Хан. Производители «синдина» терпят убытки, а потому обязательно придут к тому, за кем сила.

– Ты уверен, что это тот человек, которого мы ждем? – негромко спросил Шмейхель, наклоняясь к «раллеру».

– С вероятностью девяносто процентов.

На экране компьютера – среднего роста плечистый мужчина, стоящий в холле «Золотого запаса». Серый плащ почти до пят, лицо скрывает наномаска. Чуть позади – два крупногабаритных

телохранителя. Случайных людей в холле нет, кроме гостей – четыре «камрада». Замерли в ожидании, оружие не демонстрируют. Появление, судя по всему, стало для них неожиданностью.

– Все поставщики, что приезжали к Хану до сих пор, или показывали физиономии сразу, или снимали маски, входя в клуб, – произнес машинист. – А их телохранители никогда не проходили дальше холла.

– Эти вроде тоже.

– Они держатся иначе…

В холле появился Киприот. Улыбнулся гостю, предельно вежливо поздоровался – тот не ответил, – и предложил «продолжить разговор в более защищенном месте». Мужчина в наномаске и два его телохранителя направились в глубь «Золотого запаса». «Камрады» остались в холле.

– Пойдут на минус второй уровень, – закончил машинист.

В помещения без сети.

– Значит, придется получать информацию другим способом, – задумчиво протянул Шмейхель.

– Каким?

– Подключимся к «балалайке» Хана.

– Наконец-то!

– Я тебе дам наконец-то! – буркнул Шмейхель. – Если ошибешься, голову отверну.

– Не ошибусь! – пообещал машинист. – Гостя проследить? Можно войти в полицейскую систему и вести его машину через уличные видеокамеры. Никто, ничего…

– Не надо! – отрезал Шмейхель. – Гостя отпускаем с миром – эту птицу мы не должны спугнуть ни в коем случае.

– «Швейцарская гвардия», да? – Алоиз с уважением посмотрел на телохранителей гостя. – Выбираете лучшее?

Наметанный глаз наемника вычислил сотрудников элитного бюро и без фирменных значков на лацканах пиджаков. Эскорт, в редких случаях – сопровождение грузов. Все сотрудники – бывшие офицеры СБА, генавры или трансеры, с улучшенной реакцией, силой и скоростью. Цены в «Швейцарской гвардии» запредельные, но оно того стоило – уровень смертности клиентов не превышал пары процентов.

– Я слышал, «швейцарцы» занимаются только легальными контрактами.

Бюро позиционировало себя как «выбор верхолазов» и предпочитало не связываться с подозрительными личностями.

– Двойная цена, – сухо ответил гость.

– Тогда понятно… – Хан дружелюбно улыбнулся. – Они могут выйти?

– Не имеют права.

– Не люблю, когда в комнате лишние уши.

– Пусть уйдет Киприот.

Еще одна улыбка:

– Вы настолько им доверяете?

– Имею основания.

«Швейцарцы» оставались абсолютно невозмутимы, будто говорили не о них. Вышколенные ребята, СБА – это вам не Европол. У одного из них наверняка есть ядовитая железа про запас. А у второго – универсальная группа крови и спрятанное в хитрой полости щупальце, с помощью которого можно быстро организовать переливание.

– Ладно, пусть так, – сдался Хан.

Киприот повертел в руке сигару, но раскуривать не стал – кто знает, как отнесется к этому гость?

Они говорили в соседней с Серой комнате. Обстановка веселее: удобные кресла, маленький журнальный столик, бар с холодильником, однако бетонные стены все равно давят, напоминают, что находятся мужчины под землей.

– Вы снимете наномаску?

– Не имею права.

– В нашем бизнесе принято показывать лица.

– Именно поэтому вы – без маски. – Гость помолчал. – Первую поставку мы всегда осуществляем в кредит. Вы получаете товар, и только потом платите. Данная схема позволяет нам сформировать начальный уровень доверия. Все последующие поставки осуществляются по предоплате.

– И вас ни разу не кидали? – не удержался от удивленного вопроса Киприот.

За что удостоился злобного взгляда Хана.

– Кидали, – спокойно ответил гость. – Люди, занимающиеся криминальным бизнесом, своеобразно понимают такие понятия, как честность и взаимоуважение. При жизни, разумеется.

Понятный вопрос – предельно понятный ответ. Гость не угрожал, он сухо излагал факты.

– Вам известны наши обстоятельства, – дипломатично произнес Хан. – Мы крайне заинтересованы в сотрудничестве и не собираемся портить взаимоотношения из-за такой ерунды, как несвоевременная оплата.

Могло показаться, что Хан продемонстрировал слабость, однако гость ответил искренностью на искренность:

– Действия, которые вы предприняли в отношении Малика,

произвели на нас именно то впечатление, на которое вы рассчитывали, Алоиз, – мы осознали ваш потенциал. На востоке идет война, у вас все тихо. Пока тихо, но мы не собираемся ждать, когда султанат окончательно успокоится. Мы уверены, что вы пришли надолго, и готовы поставить на вас.

– Я не подведу.

– Я знаю.

– Откуда?

– В наших взаимоотношениях не будет такого понятия, как «подвел». Будет – «не оправдал доверия».

– И перестал жить, – закончил мысль Хан.

– Совершенно верно.

– Меня это устраивает! – Алоиз повернулся к Киприоту: – Ты слышал, Заза? Парень такой же, как я!

Эмоциональное заявление гость оставил без внимания. Продолжил все тем же ровным голосом:

– Вы видите меня первый и последний раз. Дальнейшая связь будет осуществляться по сети…

– Назовите цену!

Возможно, гостю и не понравилось, что его перебили, однако он не показал этого ни тоном, ни жестом. Просто назвал цифру.

– Мы слишком долго были без «синдина», – быстро произнес Хан. – Нужно много.

– Не проблема.

– Очень много.

– О какой партии идет речь?

– Двести тысяч доз.

Гость помолчал, давая собеседникам возможность немного помучиться, после чего уверенно ответил:

– Они у вас будут.

* * *

Анклав: Франкфурт

Территория: Zwielichtsviertel

Клуб виртуальных игр «Эверест»

Чтобы узнать, можешь ли ты бросить вызов миру, нужно бросить вызов миру

Пять миллиардов.

Много это или мало? Хватит ли их Дьяволу? Дьявол говорит, что да. Дьявол говорит, что сделка есть сделка, что он получит деньги, исполнит свои обязательства и уберется. Дьявол жаждет золота, не понимая, что продает хаос, что поднимает волну,

способную снести с лица Земли его самого. Дьявол глуп? Или он все понимает? Или Всаднику нужен хаос?

«Не получилось ли так, что я покупаю право сделать его работу?»

Сорок Два не мог сказать, откуда у него появилась эта мысль. Откуда взялась уверенность, что Дьявол, еще не исполнив сделку, уже получил свое? Не знал и не хотел знать, потому что все для себя решил. Гнал сомнения прочь, а когда они возвращались – криво усмехался, глядя на свое отражение в мониторах коммуникаторов.

«Я стал слишком нервным».

Или тоньше чувствующим? Или открылось то, что раньше оставалось за пределами восприятия?

«За пределами восприятия нет ничего, только галлюцинации! Религии – ложь! Чудес не бывает!»

«Ой ли?»

«Я оставлю их в старом мире! Эпоха Цифры – это логика! Железная, всепобеждающая логика! И наука!»

Если чего-то не понимаешь, то лучше от этого отказаться. Так спокойнее. Так проще.

А может, мысли появились потому, что разговор со Всадником изменил его? Может, Дьявол, принявший обличие контрабандиста, открыл потайную дверцу, высвободив дикого зверя? И теперь его ведет не вера в Поэтессу, а запах крови?

«Нет!»

Зверь всегда был внутри.

«Нет!!»

Сорок Два вскочил. В огромном мониторе появилось отражение: перекошенный рот, полные боли глаза. Растерянность. Сомнения.

Это зверь? Разве что очень больной.

«Со мной все в порядке. Со мной все в порядке. Со мной…»

Пальцы нащупали лежащую на столе дозу. Смотреть не надо, он знал, где она лежит. И знал, что делать дальше. Уверенное движение и быстрый укол в шею. Чтобы исчезла боль из глаз. Чтобы спряталась растерянность и сдохли сомнения.

Чтобы излечился зверь.

«Сегодня очень важный день».

Отражение серьезно подтвердило: да.

«Поэтому я психую».

И снова дружелюбное согласие: да, именно поэтому.

Сегодня Сорок Два возьмет у мира то, что ему нужно. Сегодня расплывчатое «нейкист» окончательно трансформируется в «последователь Сорок Два». Сегодня будет проведена черта, и

каждый ответит на вопрос: приветствует он новый мир или нет?

Сегодня все изменится.

Или все рухнет.

«Дьявол добился чего хотел – заставил меня начать войну. Без сделки я бы никогда не решился на акцию».

Не бросил бы вызов миру. Прятался бы в подвале, снабжая последователей пустым Словом. И старел, с горечью ощущая, что наступление Эпохи Цифры объявит другой.

«Похоже, Всадник, ты лучше меня знал, что время пришло».

Сорок Два погладил «раллер». Посмотрел на свое отражение – энергичный, предельно собранный мужчина, – улыбнулся и вставил психопривод в «балалайку».

– Начинаем!

> *«Тритоны Сорок Два вышли на тропу войны! Все крупные города развитых стран захлестнула волна дерзких ограблений! Вооруженные преступники врываются в отделения банков и ювелирные магазины, выводят из строя автоматические системы безопасности и забирают ценности! Согласованные действия бандитов, а также меры, которые они предпринимают для нейтрализации полиции, говорят о том, что мы имеем дело с тщательно спланированной акцией…»*
>
> *«Al Jazeera»*

Территория: Европейский Исламский Союз, Антверпен Алмазная биржа

– У нас повсюду «поплавки», – добродушно сообщил Мозель, ожидая, когда откроется тяжеленная дверь. – Сами понимаете – тритоны. Перекрестные проверки, постоянный поиск вредоносных программ, машинисты работают круглосуточно, но ведь все мы знаем, что Сорок Два – гений. Нужно постоянно быть начеку.

– В нашей организации его принято называть террористом, – холодно поправил начальника охраны биржи офицер Европола.

– Конечно, – не стал спорить Мозель. – Но кто виноват, что у него голова работает лучше любого компьютера? Да вы и сами все знаете, прикидываетесь только.

– Мне не нравится наш разговор, господин Мозель. Складывается впечатление, что вы романтизируете преступника.

– Я говорю то, что есть, – ответил начальник охраны. – А на мой счет не волнуйтесь, господин полковник, у меня все в порядке. Я свои обязанности знаю.

Вторая подряд бронированная дверь закрылась за их спинами, и офицеры оказались в святая святых – хранилище

Алмазной биржи.

– Как видите, все в порядке.

– Да уж… – Полковник внимательно оглядел помещение, после чего сделал пометку в коммуникаторе – «балалайку», следуя правилам безопасности, он оставил наверху. – Похоже, придраться не к чему.

– «Поплавки» «поплавками», но единственный способ уберечься от тритонов Сорок Два – не пускать их в сеть, – усмехнулся Мозель. – Хранилище полностью отрезано от внешнего мира. Живем, как на Станции.

– Преступники могут пустить нужную программу изнутри, – заметил полицейский.

– Именно поэтому «балалайки» остаются наверху, – подмигнул ему начальник охраны.

– Вы забыли о коммуникаторе. – Крюгер кивнул на свой компьютер. И вытащил пистолет: – Встаньте, пожалуйста, лицом к стене.

– Но…

– Мы знали, что вы сидите, как в подводной лодке, поэтому не стали ломать биржу. Подделали документы и приехали к вам под видом проверки.

– Черт! – Начальник охраны выругался, но тем не менее послушно повернулся к стене. – Вам не выбраться.

– Программы, господин Мозель, программы, которые я слил из коммуникатора, – напомнил Крюгер. – Ваша сеть уже стала нашей.

> *«Неразбериха на крупнейших торговых площадках! Представители Лондонской и Нью-Йоркской бирж сообщают о массированных атаках ломщиков. «Им удалось получить доступ к ряду брокерских счетов, после чего тритоны Сорок Два сфабриковали фальшивые поручения на продажу пакетов акций…» В настоящее время биржи приостановили работу. По слухам, ущерб может исчисляться сотнями миллионов юаней…»*
>
> *«Euronews». Экстренный выпуск*

Территория: США, Нью-Йорк
Центральный офис «ZAS Bank»

– Вы понимаете, что это значит? – негромко спросил председатель совета директоров.

– Вирус проник в систему несколько дней или даже недель назад, – со спокойствием, которое давалось ему очень и очень нелегко, произнес начальник технического управления. – Сегодня

его активизировали, и все переводы отправились в неизвестном направлении. Параллельно он перехватывал ответные сигналы от получателей и генерировал ложные подтверждения трансакций. Тревога началась после телефонного звонка из Мадрида…

– Вы понимаете, что это значит?

– Понимаю, – кивнул технарь. – Из нас выудили чуть меньше ста миллионов.

> *«Китай и США почти одновременно признали факт взлома государственных финансовых структур. Официальные лица отказываются оглашать подробности, однако наши источники сообщают, что злоумышленникам удалось осуществить незаконные операции, в результате которых…»*
>
> *«Global Info»*

Анклав: Рио

Центральный офис инвестиционного банка «Родригес и С°.»

Южноамериканский сервер dd размещался в деловом центре Анклава Рио и прятался под личиной небольшого банка, обслуживающего частные инвестиционные проекты. Такая легенда позволяла Восемьдесят Три жить на широкую ногу: квартира в престижном районе, дом на побережье, в тщательно охраняемой зоне, дружба с серьезными людьми… Не с верхолазами, конечно, но в местную элиту Восемьдесят Три входил. В офис приезжал исключительно в лимузине к одиннадцати утра. Важно шествовал в кабинет, небрежно роняя на пол пепел сигары, а день начинал с чашечки кофе…

Если не было плохих новостей, разумеется.

– По всему миру?

– Долбит так, будто завтра ему не жить, – подтвердил Санчес, правая рука лидера южноамериканского куста dd.

– Согласен, – весело протянул Восемьдесят Три. – За такие фокусы с него точно шкуру спустят.

– С него и раньше спустили бы, – мрачно заметил Санчес. – Если бы могли достать.

– Теперь достанут, – пообещал Восемьдесят Три. – Теперь точно достанут.

Уделив паническим новостям еще несколько секунд, он потер руки: «Мерзавец сам себе выкопал могилу», улыбнулся и открыл «раллер».

– Посмотрим, что у нас… – И побледнел. – Санчес!

Помощник дернулся к монитору, замер и крепко выругался, таращась на опустевшие строки показателей основных счетов.

– Сорок Два нас ограбил!

«Официальные представители правительства заверяют, что Россия стала «тихой гаванью» в море разразившегося кризиса. «Финансовая система не пострадала, предприятия и организации работают в обычном режиме». Однако наши источники сообщают о существенных потерях…»

«The Financial Info»

Территория: Европейский Исламский Союз, Антверпен Алмазная биржа

Войти в хранилище оказалось проще, чем из него выйти. Впрочем, Крюгер не думал, что операция пройдет легко, и блефовал, демонстрируя Мозелю уверенность в благополучном исходе.

Хотя сначала все шло по «плану А».

В тот самый момент, когда Мозель повернулся лицом к стене, ломщики Красной атаковали биржу, отвлекая внимание машинистов от вышедшей из-под контроля внутренней сети. Шести с половиной минут цифрового сражения хватило Крюгеру и его ребятам, чтобы поднять наверх и погрузить в броневик наиболее интересное содержимое хранилища. За это время программа сформировала ложное сообщение о рейсе броневика, которое позволило распахнуть внутренние ворота, а вот дальше…

Ян рассчитывал, что отсутствие начальника охраны и попытка взлома сети вызовут некоторую растерянность, однако заместитель Мозеля оказался парнем толковым и вполне самостоятельным. Получив сообщение об атаке ломщиков, он немедленно запустил режим «крепость», запрещающий кому бы то ни было покидать территорию биржи, и вызвал полицию. Пришлось воспользоваться «планом В».

Вторая группа снесла внешние ворота выстрелами реактивных гранатометов и тут же вступила в перестрелку с подоспевшими патрульными.

«Уже сейчас можно сказать, что Анклавы пережили глобальную атаку с минимальными потерями. Корпорации сообщают о кражах денег со счетов, однако удалось предотвратить хаос…»

Экстренное заявление пресс-службы СБА

Анклав: Сингапур

Офис компании «QQ. Communications»

Рабочее место Двадцать Пять находилось не в отдельном кабинете, а в главном зале, среди столов остальных машинистов, в непосредственной близи от тех, с кем он когда-то начинал.

«Мы делаем одно дело, – любил повторять лидер дальнеазиатского куста. – Мы – вместе».

Вместе работаем, вместе обедаем, вместе делим «синдин» и громко хвастаемся успешными операциями. Вместе.

– Банковское хранилище в Мельбурне! Около тридцати миллионов наличными…

– Сегодняшние платежи порта ушли в копилку…

Двадцать Пять не скрыл от подчиненных переход на сторону Сорок Два. Попросил не трепаться, но не скрыл и теперь видел, что не ошибся: машинисты работали с огромным воодушевлением.

– Почистили городскую казну Бангкока…

– И Мельбурна…

Похищенные деньги разбивались, перетекали на безликие счета, смешивались с другими потоками, проходили через «белые» фирмы, вновь разбивались и вновь смешивались. Красть электронную наличку сложнее, чем настоящую, мало скачать килобайты, нужно превратить их в килоюани, килобаксы и килодинары, чем, собственно, и занималось целое подразделение машинистов.

– Как график?

– Выдерживаем!

– Отлично! – Двадцать Пять вскрыл пришедшее на незарегистрированный коммуникатор послание: «Сделано», широко улыбнулся и повторил: – Отлично!

«Срочно! Азиатские банки объявили о полном прекращении операций!»

«The Singapore Times»

Территория: Европейский Исламский Союз, Антверпен Алмазная биржа

Выстрел.

– Ян, слева!

Выстрел. Выстрел. Выстрел.

Крюгер перебежал дальше, укрылся за мобилем, вскинул над капотом руки и, не глядя, дал длинную очередь из «дрели». Сейчас не важно, окажутся ли под пулями не успевшие спрятаться гражданские, сейчас надо думать о себе.

– Давай!

Помощник повторил маневр Яна.

Выстрел. Выстрел. Выстрел.

Это уже не патрульные, это полицейский спецназ. Успели подтянуться, гады, успели…

Четыре минуты.

Четыре минуты требовалось, чтобы перегрузить добычу из броневика и унести ноги. Крюгер знал, что должен обеспечить это время во что бы то ни стало, знал, что потом камни не найдут, а потому лично возглавил команду прикрытия. Должен был оставаться у броневика, но не сдержался, выскочил, крикнул: «Без меня!» и рванул вверх по улице, на ходу снимая «дрель» с предохранителя. Когда добежал, понял, что торопился не напрасно: полицейский спецназ – это неприятно. Прикрывали броневик dd, но это ведь наемники, увидят, что Европол подтащил серьезных ребят – разбегутся.

Так, в общем-то, и получилось.

Пуля врезалась в асфальт. Взвизгнула, чиркнула по стене.

«Ага! Они уже на крыше!»

Ян вскинул автомат и дал очередь вверх.

– Еще назад!

– Прикрываю!

Десять шагов и за угол. Вставить новый рожок.

– Прикрываю!

Выстрелы вверх. Затем вдоль улицы. Снова вверх. Напарник рванул следом, на пятом шаге споткнулся и полетел лицом вперед.

«Все! Теперь – один!»

Профессионалы из dd, как и ожидал Крюгер, связываться с полицейским спецназом не рискнули. Увидели черные фургоны и черную форму и побежали, растеклись по подворотням и канализации, на ходу избавляясь от снаряжения, превращаясь в законопослушных граждан. Четыре минуты на перегрузку добычи обеспечили Ян и два нейкиста из второй группы. Продержались. Отвлекли внимание. Заплатили жизнями.

Поправка: еще не все заплатили.

Ян обернулся. До переулка метров сорок, до подъезда – двадцать. Куда? Хорошо, что Красная отрубила уличное наблюдение и полицейские не могут «вести» издалека, вынуждены догадываться о его маневрах.

«Переулок!»

Крюгер бросился вперед и… покатился, получив электрический разряд.

«День Сорок Два» стал самым черным в истории

мировой финансовой системы…»

«The Financial Info»

Анклав: Франкфурт
Территория: Zwielichtsviertel
Клуб виртуальных игр «Эверест»

Кабинет Сорок Два покинул примерно через два часа после начала акции, когда закончил «свои» операции, добавив в копилку около двухсот пятидесяти миллионов. Выбрался, сжевал пару бутербродов, наблюдая за мониторами машинистов, выпил кофе да так и остался в зале. Наслаждаясь победой и восторженными взглядами, которые бросали на него нейкисты.

Он уже знал, что герой.

Он уже знал, что сегодня – «день Сорок Два».

Рубикон перейден.

А люди, долбящие сейчас по клавишам, или прорывающиеся сквозь защиту, или радостно подсчитывающие украденные деньги, – эти люди еще не понимают, что самое плохое только начинается. Что устроенная десантниками бойня покажется невинной шуткой на фоне тех кар, которые обрушатся на последователей Поэтессы завтра.

«Или мы идем к цели, или нет!»

– Сорок Два! Отовсюду поступают сообщения об остановках работ!

– Глобальный «стоп», – усмехнулась Красная. Крутанулась на стуле и расхохоталась: – Глобальный «стоп»! Мы только что отключили всю экономику!

Завтра она возродится. Машинисты вычистят из систем вредоносные программы, утроят меры безопасности, и колеса завертятся. Завтра по их следу пойдет вся полиция мира. Завтра. А сегодня в подвале «Эвереста» веселились те, кто остановил Землю.

– Сколько мы собрали?

– Пять миллиардов двести. Плюс-минус миллион.

– В таком случае пора закрываться на обед.

Кто-то не удержался, «выстрелил» шампанским. Кто-то забрался на стул и заорал. Возбужденная Роза наградила Сорок Два долгим поцелуем в губы. Кто-то тряс его за руку. Открылась еще одна бутылка.

– Мы сделали!

Сзади подошла Ева, нежно укусила в мочку уха.

– Я тоже тебя люблю, дорогая!

И услышал шепот:

– Мне только что сообщили о гибели Крюгера.

* * *

Анклав: Цюрих
Территория: Альпийская Поляна
«Замок Ван Глоссинга»
Ложка меда приятно выделяется в бочке дегтя запахом и цветом

– «День Сорок Два»! Вам нравится название?! Лично я просто в восторге! Я аплодирую стоя! Я… – Моратти яростно посмотрел на мониторы с угрюмыми физиономиями директоров. – Я в бешенстве, друзья мои! Почему никто из вас не узнал об акции заранее?

– Фанатики…

– Тысячи людей по всему миру готовились выступить сегодня! Тысячи! Почему среди них не оказалось наших осведомителей?

– Наемникам не говорили, что готовится нечто грандиозное, в курсе были исключительно фанатики, – холодно объяснил Кауфман. – Те, кто готов отдать за Сорок Два жизнь.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я ничего не знал об акции, – пожал плечами Мертвый. – У меня нет осведомителей в ближнем круге Сорок Два.

– У меня тоже, – добавил де ла Крус.

– И у меня, – поморщился Чжантин.

– Я предлагал раздавить dd в зародыше, но вы решили с ними поиграть, объяснить им правила.

Мертвый держался с едва ощутимым высокомерием: Анклав Москва практически не пострадал. Репутация спасла, ибо даже самые отмороженные фанаты сетевого террориста не рисковали дразнить Кауфмана, опасаясь жестокой мести. Мелкие взломы были, миллионов пятьдесят в общей сложности потеряно, но в целом Анклав пережил «день Сорок Два» спокойно.

– На что ты намекаешь?

– Я не намекаю, а вспоминаю.

– Начнешь писать мемуары, тогда и вспоминай.

Фраза прозвучала на грани оскорбления, однако Мертвый, к удивлению многих директоров, ее проглотил. И правильно: Моратти не в том настроении, чтобы ввязываться в перепалку.

– Как Станция?

– До нее не добрались.

– Уверен?

– Я не пускаю на Станцию подозрительные элементы и не заигрываю с окрестными ломщиками, – мягко ответил Кауфман и

тут же показал зубы: – Надеюсь, я понятно выразился?

– Вполне.

Ник бросил на Мертвого злобный взгляд. Но и только. Не будешь же ругать подчиненного за то, что у него все ОК?

– Сорок Два считается порождением Анклавов, и сейчас верхолазы выслушивают от глав государств много неприятных вещей, – чуть спокойнее произнес Моратти, обращаясь ко всем директорам. – Уверен, в ближайшие дни нам скучать не придется…

Закончив совещание, Ник плеснул себе виски. «День Сорок Два!» Черт бы его побрал!» Залпом выпил полстакана, добавил и уселся в кресло.

«Ну что, dd, доигрались? Сегодня на вас будет объявлена большая охота…»

Моратти прекрасно понимал, чего именно потребуют от него взбешенные верхолазы. Знал, что минут через сорок ему устроят форменную выволочку, готовился, перебирая в уме подходящие случаю аргументы, и…

Незарегистрированный коммуникатор подал голос как раз в тот момент, когда Ник в третий раз наполнял стакан.

– Добрый день.

– Шутишь? Не знаешь, что творится в мире?

– Мне плевать на то, что творится в мире. Поставка будет через сутки. У вас все готово?

«Через сутки!» Проблемы Сорок Два разом ушли на второй план. Разъяренные верхолазы – тоже. Моратти широко улыбнулся:

– У меня все готово. Я ждал сигнала.

– Вы его получили.

* * *

Анклав: Москва

Транспортный Узел «Шереметьево»

Разбить можно любое сердце, даже каменное

– Что-нибудь еще, Петер? – угрюмо поинтересовался Папа Джезе.

Личный самолет архиепископа, роскошный «А-19х», уже заходил на посадку, а дела у секретаря не заканчивались. Попросил, скотина, «уделить пять минут после взлета», и вот, на тебе! И ведь не прогонишь подлеца – дела действительно важные.

– В заключение хочу сообщить, что пресса продолжает обсуждать ваш визит в Сингапур, – доложил Петер. – Вы

правильно поступили, отправившись в Москву вскоре после Азии.

«Я не решил, я просто понял, что должен, в конце концов, сюда приехать».

В город, который он избегал три последних года.

Джезе разбирался с делами, полулежа в огромном кожаном кресле, вытянув длиннющие ноги и небрежно поигрывая четками. Красный фрак старинного покроя, красная шелковая сорочка, черные брюки – казалось, шутовской наряд, совершенно неестественный в современном мире. Однако Папа носил его с таким изяществом, что сомнения отступали – не шутовской, а необычный.

– Все основные новостные агентства говорят только о вас, монсеньор. Поездка в Сингапур признана суперудачной, и нынешний визит…

– Петер, мне неинтересны победные реляции, – оборвал секретаря Джезе. – У нас все хорошо?

– У нас все отлично, – заверил Петер.

– С неотложными делами мы закончили?

– Да, монсеньор.

– Забирай шмотки и проваливай.

Петер схватил коммуникатор, сгреб разложенные на столике бумаги и послушно «провалился».

«Дайте мне встретить этот хренов Анклав! Дайте…»

Для миллионов католиков Папа Джезе был образцом несгибаемого бойца, символом неукротимости и твердой веры. Папа не знал, что такое сомнения и слабость, но сейчас… Сейчас он приближался к городу, в котором умер. К городу, который его убил. К городу, где он потерял все. И на душе творилось нечто непривычное.

«Привет, Каори… Привет и… прости…»

Шепот мыслей таял медленно, очень медленно. Не воспоминания уносили его, но острая, спрятанная глубоко внутри боль. Уносила, но душу не наполняла, не захватывала, как это бывало раньше, не терзала, оставалась в отведенном ей уголке, и необычная, лишенная страданий пустота намекала на… надежду?

«Что-то должно произойти…»

Не догадка – уверенность наполнила душу. И чем ближе Анклав, тем тверже она становилась. Злой город, отнявший все, что у него было, должен расплатиться, должен предложить что-нибудь взамен. Должен!

И духи Лоа мягко подтвердили: должен.

Посидеть в одиночестве не получилось, не прошло и минуты, как место Петера заняла крутобедрая мамбо.

– Глоток виски, Папа?

Озорно блестящие глаза, чуть приоткрытый рот, твердые соски, изнутри таранящие тонкую ткань обтягивающей пышную грудь футболки. Зара обожала заниматься сексом в самолете, но поганец Петер все испортил.

«Или наоборот: устроил все как надо?»

– Ничего мы с тобой не успели, – хмыкнул Джезе, поглаживая колено красотки.

– Может, сейчас? – игриво предложила мамбо.

Самолет медленно катился по полосе, сколько у них времени? Минут пять?

– Не хочу торопиться.

И принялся выбираться из кресла. Длинный, кажущийся нескладным, в действительности Папа был необычайно ловким и скоординированным – один из сильнейших хунганов Католического Вуду не мог оказаться рохлей. Молоденькая Зара смотрела на Джезе с обожанием. Знала, что не сможет завоевать его сердце, но готова была довольствоваться малым.

– Внимание! Выходим!

Рихард Зум, начальник личной охраны баварского архиепископа, шагнул из самолета первым. Задержался на верхней ступеньке, цепко оглядывая ангар, в который закатился «А-19», спрыгнул на бетонный пол и буркнул:

– Пошли.

Следом посыпались «кельнцы» – члены малюсенького, основанного Папой ордена «Кельнские братья», единственная задача которого заключалась в охране Джезе. Мгновение, и «кельнцы» перемешались со встречающими.

«Вот я и в Москве…» Это хорошо или отвратительно? Как встретит меня город, который я ненавижу?

– Пойдем, дорогая. – Джезе приобнял мамбо за талию. – Я вспомнил, что мы целых тридцать минут будем заперты в лимузине.

– Это прекрасно!

«Да, Каори, это прекрасно…»

И пошатнулся.

– С тобой все в порядке?

– Все в порядке, оступился. – Джезе улыбнулся и погладил девушку по щеке. – Когда нырнешь в лимузин, не забудь покрутить попкой.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Болото

Как понять, падаешь ли ты в омут или взмываешь в небо?

– Надеюсь, тебя не обчистили? – поинтересовалась Пэт. – Говорят, тритоны опустошили счета сорока или пятидесяти компаний.

– Я храню деньги в том же банке, что и твой отец.

– В каком из них?

Рус вежливо улыбнулся, показывая, что оценил шутку. Вытащил из кармана платок и вытер шею – день выдался душным, небо обещало грозу, но пока не выдавило из облаков ни капли воды, не принесло прохладу.

– СБА официально заявляет, что наказания за сетевые преступления будут ужесточены, – донеслось откуда-то сверху. – Новое положение вступит в силу в течение недели…

– Засуетились?

– Не могут не реагировать.

Как и жители Анклава: обрывки разговоров, долетавшие со всех сторон, так или иначе вертелись вокруг атаки Сорок Два.

– Далеко идти?

– Пару кварталов.

Они встретились на Старой площади, оба приехали на метро, и теперь, проклиная духоту, пешком тащились по битком забитому людьми тротуару Маросейки. Необычно? Еще как. Но Патриция давно приучила Руса, что от нее можно ожидать чего угодно. Позвонила, попросила приехать, «есть важное дело», назвала время, место и отключилась, не дожидаясь ответа. Значит, действительно важное.

– СБА гарантирует, что завтра банки будут работать в нормальном режиме… – вызывающе громко пообещал очередной уличный экран.

Все они были настроены на разные новостные каналы с минимумом рекламы – «день Сорок Два», все-таки – и собирали вокруг себя небольшие толпы тех, кто жаждал поделиться впечатлениями с окружающими.

– Несколько моих клиентов пострадали, – нехотя протянул Рус. – Прислали сообщения, что не смогут вовремя оплатить заказы.

– Он начал войну, – негромко произнесла Пэт.

– Сорок Два?

– Да.

– А до сих пор?

– До сих пор он был просто маргиналом.

Лакри помолчал, обдумывая слова девушки, затем осведомился:

– И чем же все закончится?

– Хаосом.

– Но…

– Нам сюда.

Обычный подземный гараж в начале Покровки. Автоматический шлагбаум, сонный охранник, не обративший на посетителей никакого внимания, недавно обновленная разметка. На стену криво наклеен маленький постер приближающейся проповеди: «Джезе – это Вуду!» Уголок оторван, видимо, охранник пытался отодрать рекламу, но не сложилось. В дальнем конце – а гараж оказался не очень длинным – пара металлических боксов, возле которых перекуривали трое мужиков. Увидев их, Рус замедлил шаг и удивленно прошептал:

– Это те, кто я думаю?

– Ага, – беззаботно подтвердила Патриция.

– Побожись!

– Век воли не видать.

– Черт!

Дежурство у боксов несли братья Бобры – лидеры самой мощной на Болоте канторы. Тимоха, Митроха и Петруха, люди известные, крутые и совершенно не подходящие на роль заурядных охранников.

– Отец попросил Бобры кое-что доставить, – объяснила Пэт. – Меня они знают, так что говорить буду я. Ты – молчишь.

– С удовольствием, – кивнул Рус, решив обязательно проверить, на обратном пути, не Кауфман ли дремлет в будке?

При появлении Патриции бандиты дружно побросали сигареты на бетонный пол и подтянулись.

«Черт! Они нервничают!»

– Добрый день, господа.

– Слышал бы тебя какой-нибудь верхолаз, – расплылся в улыбке Тимоха. Петруха и Митроха промолчали. – «День Сорок Два» любой, только не добрый.

– Даже для вас?

– Плохо, когда клиенты на глазах нищают.

Помимо рэкета, торговли наркотиками и оружием, Бобры контролировали игорные дома и сутенеров доброй половины Болота, а потому печаль о финансовом положении пострадавших от тритонов Сорок Два людей прозвучала искренне.

– Наживут еще.

– Только на это и надеемся, – согласился старший Бобры, помолчал и деликатно осведомился: – Контракт считается выполненным?

Тимоха Бобры, не боящийся ни бога, ни черта громила,

однажды выбросивший в окно облаченного в «саранчу» беза, спрашивал так, словно просился у строгой учительницы в уборную! Рус понимал, что любое проявление эмоций может закончиться для него плачевно – он, в конце концов, не сын Грязнова, а потому сдерживался изо всех сил, сохраняя на лице непроницаемое выражение.

– Да, спасибо.

– Очень хорошо.

Тимоха махнул рукой, Петруха с Митрохой распахнули ворота, и Лакри, который думал, что удивляться ему уже нечему, едва сдержал изумленное восклицание: в боксе стоял желтый «Ламборджини Ифрит».

– Все в полном порядке, – вытирая пот, сообщил Тимоха. – Можешь удостовериться.

– Твоя машина стоит у меня в подвале, – негромко проговорил Рус, когда они отъехали от гаража.

– Именно поэтому никто, кроме тебя, не удивится, увидев меня в желтом «Ифрите», – улыбнулась в ответ Патриция, направляя автомобиль на второй уровень Садового, там, согласно идущим на бортовой коммуникатор данным, было свободнее.

– До тех пор, пока не проверят коды.

– И даже после этого.

Лакри задумчиво посмотрел на девушку:

– Хочешь сказать, что эта машина идентифицируется точно как твоя?

– Один в один.

– И пройдет любую проверку?

– Ага.

– Докажи.

– Ты пристегнулся?

– Что?

В следующий миг «Ламборджини» прибавил так, что Руса вжало в кресло. Слева и справа раздались возмущенные сигналы клаксонов и, по всей видимости, брань. Владельцы мобилей матерились, провожая глазами желтую корму нахального спорткара.

– Сильно не разгонимся, – деловито сообщила Пэт, уверенно перебрасывая «Ифрит» из одного «просвета» в другой. – Устраивать аварию я не хочу, попробуем разозлить безов иначе…

– Зачем злить безов? – Рус не поспевал за мыслями девушки.

– Ты же хотел пройти проверку! – Еще один рывок, еще одна порция гудков. – Ага! То, что нужно!

Ярко-синий пикап, в «ящике» которого понуро сидели двое

задержанных, как раз собрался занять освободившееся у тротуара место. Парковались безы неторопливо – кто посмеет помешать? – а потому успели затормозить, когда их «законное» место нагло занял резко остановившийся «Ифрит».

– Три, два, один… – пробормотала Пэт и опустила стекло. – Офицер? Душно сегодня, не правда ли?

В ответ получила многообещающий взгляд.

– Выйти из машины!

Правая ладонь на рукояти «дыродела», кобура, само собой, расстегнута. Напарник подошел с другой стороны и тоже не улыбается. Судя по всему, разозленные безы решили от души потоптаться на «подозреваемых».

– Выйти из машины!

– Я что-то нарушила? – с милой улыбкой осведомилась девушка, уверенно глядя на беза.

Вшитая в «балалайку» программа зафиксировала лицо «подозреваемой», провела сверку с базой данных, и… Пэт знала, что в левом углу напыленного на глаза беза наноэкрана уже появилось «окно» с информацией: «Патриция Грязнова. VIP-список».

– У вас нет чипа, – гораздо тише произнес офицер.

– Я не подключена.

– Могу я посмотреть ваши документы?

Вежливый тон давался ему с огромным трудом.

– Пожалуйста. – Пэт подала безу идентификационную карту. – Так что случилось?

Второй без уже просветил «Ламборджини» сканером, считал коды, кивнул.

– Все в порядке, госпожа Грязнова, – хмуро ответил офицер, возвращая карту. – Я просто хотел убедиться, что в столь дорогой машине действительно находится ее хозяйка. Мы ведь на Болоте, здесь неприятности поджидают на каждом шагу.

– Спасибо за заботу, офицер.

– И будьте осторожны на дороге, госпожа Грязнова. У вас агрессивная манера езды.

– Вы не первый, кто мне об этом говорит.

«Богатая сучка!»

Без взял под козырек:

– Счастливой дороги.

О том, что в личном ангаре Руса устроено «двойное дно», знали немногие: он сам, Кирилл, Таратута, Кимура, Пэт и Матильда. Еще строители, разумеется, но их подбирал Таратута, а значит, язык за зубами они держать умели. Казавшийся

незыблемым главный стенд мог быстро, а главное – бесшумно, опуститься вниз, открывая доступ в обширный подвал, в котором можно было спрятать и куда большую, нежели «Ламборджини», машину. И не одну. На резонный вопрос Лакри: «Зачем?», Таратута ответил коротко: «У приличного человека должна быть кладовка» – и пообещал, что рано или поздно она принесет пользу.

И вот «рано или поздно» настало.

Когда «Ламборджини» въехал в ангар, Рус тщательно закрыл ворота и переставил машины: поднял настоящий «Ифрит» Патриции наверх, а в подвал переместил пригнанный «дубликат». Сам тоже остался внизу. Открыл банку холодного пива и мрачно поинтересовался:

– Для чего спектакль?

Торопиться с ответом Пэт не стала. Прошлась вдоль машины, рассеянно проведя ладонью по желтым изгибам, остановилась рядом с Лакри, взяла у него банку и сделала глоток.

– Как думаешь, сколько стоит наша новая красавица?

– Около трех миллионов. – Лакри вернул себе банку. – Плюс взятка, за которую сделали дубликаты кодов.

– Отец отдал за нее в десять раз больше, – усмехнулась Пэт. – За меньшую цену продавать не соглашались.

– Она желтая, но не из золота.

– Она редкая. Отец любит повторять, что занимается не антиквариатом, а редкостями.

Лакри сделал большой глоток пива, подумал и медленно произнес:

– Я люблю редкости.

Что может стоить в десять раз дороже и без того сумасшедшей цены?

– Но если узнаешь тайну, соскочить не сможешь. – Патриция уселась на крыло, чуть откинулась, казалось, соблазняет, однако тон только похож на игривый. Рус достаточно изучил девушку, чтобы понять – она предельно серьезна. – Придется идти до конца.

«Похоже, сейчас мне предстоит узнать, для чего Кирилл вкладывал деньги в мастерскую? Для чего я ему нужен…»

Или не предстоит. Патриция не настаивает, предлагает выбрать: остаться в стороне или заглянуть под капот. Прикоснуться к тайне, отблеск которой иногда появлялся в ее глазах, или оставить все как есть.

«Слабо? – Еще один глоток пива. – Я доволен жизнью. У меня есть любимая работа, любимая женщина…»

Матильда! Рус нахмурился. Тайна. Матильда близка

Патриции, они ведут себя как сестры. Знает ли Матильда о тайне? О какой-то чертовой тайне? О хреновой, но, судя по всему, самой настоящей тайне?

Лакри скомкал банку и швырнул ее в угол.

– Я люблю редкости.

Патриция улыбнулась:

– Ты не будешь разочарован.

– Обещаешь?

Девушка нежно прикоснулась к желтой поверхности.

– Отец заплатил тридцать миллионов за то, чтобы ты, Рустам Лакри, имел возможность покопаться в двигателе нашей красавицы. Он сказал, что если кто и сможет в нем разобраться, то только ты.

– В таком случае давай залезем под капот.

Решение ведь принято.

– Давай.

Рус резко поднял крышку, бросил первый взгляд и… и замысловато выругался, увидев испускающий голубоватое сияние цилиндр.

– Машина украдена с полигона «Науком», – сообщила Пэт, с улыбкой глядя на Лакри. – Тридцать миллионов – цена ложного отчета о ее гибели во время испытаний.

Голубоватое сияние… Рус все понял сразу, однако оглушенный мозг отказывался принимать очевидное. Здесь? В моей мастерской? Я смотрю на машину, за которую любая корпорация, не задумываясь, заплатит миллиард? Невозможно.

– Что это?

– Экспериментальный двигатель, использующий новую энергию «МосТех», – спокойно объяснила Пэт. – Добро пожаловать в будущее, Рус.

* * *

Территория: Африка

Горнодобывающий полигон «Всемирной рудной компании»

Кодовое обозначение – «Африка»

Нетрудно предсказать поведение человека, для этого достаточно знать людские слабости

Койка, койка, табурет, умывальник, унитаз. Сероватое белье, тонкое одеяло, жесткая подушка. Тюремный, мать его, дизайн.

– Ничего не забыл?

– Нет.

– А в камере?

В тумбочке, в камере, есть пара безделушек, но на хрена они? Одеться, обуться – и можно идти. Оставить Африку позади. Вещи – якоря.

– Уходить нужно налегке, – хмуро ответил Чайка.

– Тебе виднее.

Олово застегнул куртку комбинезона до горла и надел маску.

– Не хочешь показывать лицо?

– Предостережение.

– Предосторожность? – Илья знал, что маленький слуга иногда путает слова.

Как выяснилось – не в этот раз.

– Предостережение, – повторил Олово. – Они не должны знать больше, чем должны.

Вот так вот.

Абсурд ситуации постепенно захватывал Илью: они в Африке, готовятся уйти – уйти! – но пока еще находятся в окружении безов, пусть купленных, но все же безов, их всего двое, а Олово не стесняется отпускать угрожающие намеки. Любопытного слугу нашел себе Грязнов.

– А если они увидят твое лицо?

– Я их убью, – предсказуемо ответил Олово.

– Всех?

– Всех, кто увидит. – Слуга помолчал. – Кто я, знаешь ты. Тайна.

И тихонько постучал в дверь.

Дверь немедленно открылась.

По сути своей, директор Флобер не был жестоким человеком. В детстве не препарировал перочинным ножиком лягушек, не запирал в клетки птиц и за всю жизнь не пнул ни одной собаки. Не являлся он и тупым солдафоном, бездумным исполнителем чужой воли: все характеристики подчеркивали умение, а главное – желание Флобера принимать самостоятельные решения, не боясь ответственности. Умный, хитрый и осторожный, жесткий, но не жестокий, спокойный, но не мямля – идеальный кандидат в директора главной тюрьмы планеты.

Густав родился в Анклаве Кейптаун в семье офицера СБА. Окончил спецшколу, затем спецфакультет местного Университета, получил офицерское звание, а вот дальше… По молодости Густав хотел работать «в поле», стать оперативником, как отец и Гарри Кобальт, герой сериала «Агент СБА». Однако после того, как Флобер-старший получил в уличной перестрелке три пули и стал инвалидом, романтических настроений у Густава поубавилось, он вовремя уловил разницу между благостной

телекартинкой и настоящей жизнью. Но оставался вопрос: как строить карьеру? Работа с техникой Флобера не привлекала, перекладывать бумажки не хотелось, и в результате он выбрал Управление исполнения наказаний, отправился работать в тюрьму кейптаунского филиала СБА, где, с некоторым удивлением, понял, что нашел свое место. Что быть надзирателем – это его.

Работа не сделала Густава садистом, не превратила в пьяницу или наркомана, не заставила махнуть на себя рукой, поверить, что потолок достигнут. С заключенными Флобер был строг, но не жесток, по службе проявлял разумную инициативу, некоторые его предложения дошли до ушей директора филиала и заставили запомнить имя перспективного офицера. В тридцать пять лет Густав занял должность начальника Управления наказаний кейптаунского филиала СБА, а в сорок три получил предложение возглавить Африку. Переезд в глушь компенсировался неприлично высокой зарплатой, а потому жена Густава особенно не протестовала, и семейство Флоберов покинуло родной Кейптаун.

Два месяца Густав привыкал к новой жизни, обживался в Африке, вникал в дела, а затем… затем к нему приехал Мертвый. Неожиданно и тайно.

Состоявшийся разговор Флобер запомнил на всю жизнь.

«Рабовладение есть совершенная, идеально подходящая человеческому социуму форма. – Мертвый говорил откровенно. И говорил такие вещи, что становилось понятно: его репутация самого одиозного офицера СБА абсолютно оправдана. – Рабовладение полностью отражает наш дух, соответствует человеческим инстинктам, а потому его существование перманентно. В настоящее время простая, в сущности, формула рабовладения старательно замутнена множеством условностей. Рабам хочется чувствовать себя свободными, и верхолазы дают им это ощущение. Все довольны. Но вы, Густав, находитесь в месте, где время повернуло вспять, вы там, где есть рабы и цезари. Для того Африка и замышлялась».

«Я думал, здесь обычная тюрьма. Только строгая».

«Будь Африка обычной тюрьмой, она не была бы Африкой! Здесь, Густав, в этой гребаной каменоломне, существует рабовладельческий строй в чистом, как дистиллированная вода, виде. И вы – император. Владыка, не скованный никакими ограничениями».

«А президент?»

«Президенту нужна Африка, нужна страшилка. Он не вдается в детали. К тому же президенты приходят и уходят, а мы с вами

остаемся».

«Страшилка?»

«Африка – не только ночной кошмар любого бандита. Африка – последняя возможность сломать человека, вытащить из него все, на что он способен. Репутация тюрьмы такова, что люди трясутся при одном ее упоминании. Неисправимых зверей мы уничтожаем, и пусть официально им дают какие-то сроки, все понимают, для чего их сюда присылают. А вот из людей талантливых, из тех, кто способен принести пользу, мы выжимаем соки».

«Почему?»

«Потому что не получилось выжать на свободе. Потому что там, в нормальной жизни, они не смогли или не захотели делать то, что нам нужно. Здесь не обычная тюрьма, Густав, здесь Африка. Здесь никто не занимается перевоспитанием преступников, здесь их ад».

«Вы говорите так, словно сами придумали Африку».

Мертвый усмехнулся, помолчал и неопределенно ответил:

«Я хорошо знал человека, который продавил ее появление».

«А теперь вы ее курируете?»

«Неофициально».

«Это я и имел в виду».

«Президенту и обществу нужна страшилка, Густав, а мне нужна Африка. Мы договорились?»

Договорились.

Флобер не был дураком, за два предыдущих месяца понял, что среди сотрудников Африки есть большая, тесно спаянная команда, и теперь сообразил, кому она подчиняется. Идти против Мертвого? Спасибо за предложение, но лучше играть по вечерам в «русскую рулетку» – шансов больше. Нажаловаться президенту? А смысл? Кауфман абсолютно прав: президенту нужна страшилка. СБА нужна страшилка. Обществу нужна страшилка. Всем. Африка с ролью справляется, все довольны. Ну а то, что она является вотчиной Мертвого, так это издержки производства.

Без этого вдохновителя Африка не была бы Африкой. Жестокости не хватило бы. Не сложилась бы репутация.

Флобер договорился и ни разу не пожалел о сделке. Однако сейчас Кауфман потребовал невозможного, приказал отпустить создателя π-вируса. Технических проблем не существовало, Дементьев уже числился погибшим, но Густав опасался последствий. Если Дементьев попадется – а преступники всегда попадаются, – то карьере конец. В лучшем случае – почетная отставка, в худшем – та же самая Африка, только вид с другой стороны. Не за наличие рабов накажут, на заключенных всем плевать, а за помощь Сорок Два, за создание главного оружия

сетевого террориста. И личные гарантии Мертвого не успокаивали Флобера. Дементьев должен умереть, что бы ни говорил Кауфман. Должен, и все! Не получилось во время бунта? Не беда. Густав предпринял дополнительны меры, однако…

Однако «курьер», которого прислал за Дементьевым Кауфман – малыш в наномаске, – произвел на Флобера впечатление. Хотя бы тем, что он, в целях конспирации, шесть часов проехал запертым в металлическом ящике. В кузове грузовика. По африканской жаре. А когда вылез, даже пить не попросил. И еще Флоберу не понравилась та почтительность, с которой обращался к малышу Ушенко. Почтительность, за которой здоровяк надзиратель тщательно прятал страх. И еще – наномаска, точнее, ответ на вопрос, почему «курьер» ее не снял: «Вы хотите умереть?» Ответ-вопрос, произнесенный ровным, даже равнодушным голосом.

«Курьер» производил впечатление, однако Густав рассудил, что провести несколько часов в железном ящике и собрать мозги после выстрела в голову – достижения разные, и не стал ничего отменять.

Все было так, как обещал Олово: они шли по Африке, и им никто не мешал.

Пустой коридор изолятора, пустой двор, двери, открывающиеся господином офицером Ушенко лично, – сон, ставший реальностью. Если бы их выпустили через главные ворота, Чайка точно решил бы, что все происходящее – результат приема сильнодействующих наркотиков, однако Африку они покинули через маленькую калитку заднего двора, предназначенную для персонала. Сидящие в «дежурке» безы старательно смотрели в противоположную сторону.

Аттракцион, мать его! Самый настоящий аттракцион!

Когда путь на свободу открылся, Олово повернулся к Ушенко. Тот отрицательно мотнул головой и протянул маленький рюкзак. Олово кивнул, словно услышал, что хотел, после чего ткнул пальцем в Илью и шагнул за пределы Африки. Чайка послушно взял рюкзак.

– Не уверен, что там тебе будет лучше, парень, – очень тихо произнес Ушенко.

Странно слышать подобные слова от человека, который пару раз избивал тебя до полусмерти. Впрочем, Чайка зла не держал, понимал, что у господина офицера Ушенко такая работа. А потому:

– Спасибо, что спас мне жизнь.

– Я делал то, что должен. Проваливай.

И господин офицер Ушенко захлопнул калитку.

Вот, мать твою, и все. Прощай, Африка!

– Тахир!

– У меня все в порядке.

– Видишь их?

– Нет.

– Берг?

– Не вижу.

– Сам?

– Все в порядке.

– Продолжаем ожидание.

Связь со своими людьми Зебра держал через «балалайку», режим «бой в группе», в небольших «окнах» слева и справа открывается то, что видят парни. У всех приборы ночного видения, так что «клиентам» не скрыться, но пока никакого движения. Кусты, камни, и все.

– Они опаздывают.

– Возможно, плутают.

– А если заблудятся?

– Тогда их безы сами утром шлепнут.

– А мы останемся без денег?

– За беспокойство нам уже заплатили.

Зебра, Тахир и Берг работали dd и два дня назад подписали контракт: встретить неподалеку от Африки двух мужчин, отвезти подальше и пристрелить. Пятнадцать тысяч юаней аванс, еще пятнадцать по выполнении контракта. Еще пятнадцать за то, чтобы не задавали вопросов. Чтобы не спрашивали, как получилось, что из неприступной Африки выйдут двое заключенных. Зебра подумал и мысленно согласился: такие вопросы лучше не задавать. Его дело маленькое: встретить, улыбнуться, положить в грузовой отсек внедорожника и уехать. Именно положить – Зебра решил изменить план и убрать «клиентов» сразу. Он встретит мужчин у машины, а залегшие в кустах ребята сделают по паре выстрелов из снабженных глушителями винтовок – перевозить мертвецов проще, чем живых, они ведут себя предсказуемо.

Свобода!

Нет, еще нет, они еще слишком близко от Африки, к тому же его ведут…

Плевать на условности – свобода!

Прохладный ночной ветерок, шуршание кустов, стелящаяся под ногами трава… Свобода! Чайка счастливо дышал полной

грудью. Улыбался, топая вслед за спутником. С удовольствием бы затянул какой-нибудь веселый мотивчик, но сдерживался.

Свобода!

Он не в первый раз вырывался из заточения, возвращая себе возможность делать то, что хочешь, но ощущения не притуплялись. Клетка слишком неестественна для человека, чтобы не радоваться, покинув ее.

Свобода!

Олово снял наномаску, когда они отошли от Африки примерно полкилометра. Остановился, жестом велев Илье сделать то же самое, тщательно прислушался и, кажется, даже принюхался, после чего взял рюкзак и раскрыл его.

– Переоденемся в машине.

– Как скажешь.

– Возьми.

И протянул чип, который Илья тут же вставил в «балалайку».

Новая личность, новое имя, даже небольшой счет в банке. Чип казался настоящим, во всяком случае, быстрое сканирование не показало фальшивых кодов. Ах, Грязнов, не слишком ли ты крут для простого антиквара?

– А ты?

Олово продолжал копошиться в рюкзаке, выискивая что-то среди одежды.

– Не подключен.

Удивления этот факт почему-то не вызвал.

– Что дальше?

– Надо остаться в живых.

Чайка вздрогнул.

– То есть? Разве нас не встречают?

– Встречают.

– Опасаешься патрулей?

– Тех, кто встречает.

Илья вспомнил, что Ушенко отрицательно покачал головой, отвечая на незаданный вопрос. Что это значило? Встречающие ненадежны? Встречающих нанял не Ушенко, а кто-то другой? Флобер? Ну, разумеется, Флобер! Ушенко организует выход из Африки, а Флобер нанимает встречающих. Илье стало тревожно.

– У нас проблемы?

Олово извлек из рюкзака нож, вытащил его из черных ножен, задумчиво посмотрел на узкий клинок и равнодушно ответил:

– Нет.

– Что-то они запаздывают.

– Никуда не денутся.

– А если почуют?

– Что почуют? Мы их встречаем, они должны прийти. Не пешком же им отсюда тащиться?

Однако в словах Берга был определенный смысл: вдруг те двое заподозрят неладное? В конце концов, о них ничего не известно, кроме того, что они здесь и их нужно встретить. Вдруг их предупредили, что встреча с сюрпризом? Зебра открыл перчаточный бокс, вытащил пистолет и переложил его в карман. Хрен с ним, со спектаклем, ребята запаздывают, нужно быть готовым ко всему.

– Я вижу одного, – доложил Тахир.

«Наконец-то!»

– Где?

– Идет к тебе.

– Второй?

– Не вижу.

– Берг?

– Не вижу.

– Тахир, клиента идентифицировал?

– Заключенный.

– Гм… – Одного клиента dd описали довольно точно: молодой парень с фирменным африканским ценником на бритой башке. О втором сказали только то, что он, скорее всего, будет в наномаске.

– Что делать?

– Пропусти.

Зебра поднял воротник куртки и сделал пару шагов навстречу гостю.

– Привет.

Парень остановился шагах в пяти от внедорожника, на самом свету, и даже глаза прикрыл рукой. Идеальная мишень, черт возьми, но где второй?

– Привет.

Левую руку Зебра из кармана не вынимал.

– Почему один?

Ну, разумеется, сразу к делу. Нет чтобы поговорить о чем-нибудь нейтральном, о погоде, о свободе, сразу «почему один?». А этого вопроса Чайка боялся. Знал, что услышит его сразу, но надеялся на чудо.

– Вас должно быть двое.

Илья знал, почему мужик в потертой армейской куртке не вынимает руку из кармана. По спине потекла струйка пота.

«Свобода, говоришь? Получи свою свободу!»

И слова Ушенко: «Не уверен, что там тебе будет лучше».

А самое противное, что сейчас от него ничего не зависело.

– Где второй?

– Отстал.

– Совсем отстал?

– Ногу повредил.

Брови Зебры удивленно поползли вверх:

– Ногу?

«Второго нет», – доложил Тахир.

«Второго нет», – подтвердил Берг.

– Он упал.

– Куда упал?

– В овраг какой-то.

– Я ничего не слышал.

– Он не кричал.

– Где овраг?

– Примерно в километре отсюда.

Начав говорить, Илья приободрился. Встречающий, как и предсказывал Олово, был сбит с толку. Убить только одного он не мог, а потому должен выяснить, куда делся второй. И это даст маленькому слуге необходимое время.

– Ты сможешь его найти?

– Да. – Илья указал на внедорожник. – Можем доехать. Я покажу. – Выдержал паузу, неловко улыбнулся. – Знаете, я немного замерз. Даже не верится, что мы в Африке.

Человек, который потерял напарника и готов за ним вернуться, должен вести себя иначе. Он должен торопиться или суетиться – в зависимости от характера. Он не может не понимать, что время уходит, что до рассвета всего несколько часов, а там опомнятся безы…

– Мне кажется, ты врешь, – негромко произнес Зебра, вытаскивая из кармана пистолет.

– Нет!

Левое «окно» потемнело.

– Берг!

А Чайка вдруг подумал, что вокруг очень-очень тихо. Что в Африке не может быть так тихо. Так неестественно тихо. Не в Африке, мать ее, а в Африке. В вельде, буше, саванне или как эта хрень тут называется? Неужели здесь совсем не осталось животных?

– Берг! – Пауза.

Берг не отзывается.

– Тахир! У нас проблемы!

Рука с пистолетом стала медленно подниматься. Полсекунды черный ствол указывал на бедра, еще полсекунды на живот,

потом на грудь, а потом замер, уставившись прямо в лицо Ильи.

– Убей щенка и…

Тишина.

– Тахир!

«А вот теперь наступает самый-самый-самый-самый-самый-самый страшный момент», – понял Чайка.

Потому что невозможно предсказать, как поведет себя единственный оставшийся в живых убийца.

«Я бы тебя убил», – спокойно сказал Олово.

«Спасибо».

«Но таких, как я, мало. Этот прикроется тобой, чтобы я высунулся. Может, отстрелит тебе ухо».

«Ты такой оптимист!»

«Я бы прострелил коленную чашечку. Чтобы не удрал».

«Хорошо, что таких, как ты, мало».

«Да, – печально подтвердил Олово. – Я один остался».

– Сюда иди!

Зебра грубо схватил Чайку, прижал к себе свободной рукой, ствол таращится в темноту.

– Где твой приятель?

– Не знаю.

– Гово…

«Мне нужно мало времени, чтобы пройти всех, – сообщил Олово после того, как, послушав и понюхав Африку, определил присутствие трех человек. – Он не поверит, что мне нужно так мало времени, и не начнет стрелять».

Олово не ошибся.

– Гово…

Приказ, переходящий в хрип.

И Чайка почувствовал знакомый запах крови. И понял, почему Олово решил переодеться после того, как разберется со встречающими: нож отличное оружие, но немножко грязное.

Хватка ослабла. Чайка сделал шаг вперед, повернулся и увидел, как мужик в армейской куртке оседает на землю. Его горло было перерезано с профессиональной аккуратностью.

– Все в порядке. – Сидящий на капоте внедорожника Олово ободряюще улыбнулся. – Переодеваемся.

– Мне нужно выпить.

Чайка открыл дверцу, быстро осмотрел салон, нашел фляжку с виски и крепко приложился.

Трех вооруженных мужиков за несколько секунд! Ножом! Трех готовых к драке мужиков! Находящихся друг от друга в тридцати-сорока метрах!

«А если они увидят твое лицо?» – «Я их убью».

Тогда, в камере, он решил, что ответ Олово – стандартная фраза «крутого» парня из крутого кино, угрожающий намек. Теперь Илья понимал: убил бы. А еще он вдруг подумал, что маленький Олово способен в одиночку вырезать всю охрану Африки. Ну, не той, которая континент, а этой… вы понимаете…

Еще один глоток.

Олово дружелюбно тронул Илью за плечо:

– Много не пей.

– Почему?

– Тебе вести мобиль.

– Это машина, – хмуро поправил слугу Чайка. – Автомобиль. Бензиновый двигатель. Или, мать его, дизель.

– Все равно будешь.

– А ты?

– Не умею.

Пару секунд Чайка тупо таращился на слугу Грязнова, после чего икнул и осведомился:

– А если бы и я не умел?

– Пошли бы пешком, – пожал плечами Олово.

– Я должен был подстраховаться, – грустно произнес Флобер.

– Тем не менее вы попытались нарушить договоренность. – Пауза. – Дважды.

Трупы нашел Ушенко. Поехал утром и нашел трех безымянных dd с перерезанными глотками. Потом куда-то их дел. Убедился, что беглецы смылись, вернулся и пошел к Флоберу. Который выглядел, мягко говоря, подавленно.

– Что теперь будет?

– Насколько я знаю, директор Кауфман с пониманием относится к людским слабостям, – ободряюще ответил Ушенко. – К тому же его планы не нарушены.

Создатель π-вируса скрылся, никого наказывать не нужно.

– Но как он узнал? Просчитал меня?

– Директор Кауфман прекрасно знает людей, с которыми работает.

Флобер глотнул джина – Ушенко от угощения отказался – и угрюмо спросил:

– Тебя это не пугает?

– Скорее вызывает зависть.

– Просчитал…

– Совершенно верно – просчитал. И поэтому прислал человека в наномаске. Он не оставляет следов и всегда выполняет задания.

Почтительность, граничащая со страхом. Шесть часов в

железном ящике. Не снимает наномаску. Ножом перебил сидевших в засаде профессиональных наемников.

– Ты с ним уже работал? – спросил директор.

Просто чтобы спросить.

– Слышал, что несколько лет назад он голыми руками уложил четверых вооруженных «дрелями» китайцев из Триады. В комнате площадью тридцать квадратных метров.

Флобер не стал говорить, что такой подвиг даже теоретически невозможен. Допил джин, налил себе еще и сделал вывод:

– Кажется, мне крупно повезло, что Мертвый с пониманием относится к человеческим слабостям.

Глава 6

Анклав: Цюрих
Территория: Альпийская Поляна
«Замок Ван Глоссинга»
Как только появилась возможность – бей

На этот раз Альфред Солович совсем не походил на того неуверенного в себе человека, которому пришлось оправдываться за отсутствие результатов перед Моратти и Дрогасом. Начальник Управления по борьбе с наркотиками явился в кабинет президента СБА подтянутым и сосредоточенным, говорил громко, отвечал развернуто и всем своим видом подчеркивал, что не сомневается в успехе операции.

– Итак, мы знаем, что двести тысяч доз «синдина» будут доставлены в Штутгарт. Поставка может быть осуществлена из двух Анклавов. Либо из Франкфурта, либо из Цюриха. В каждом есть зона Мутабор…

На большом настенном мониторе появилась карта, наглядно демонстрирующая, что остальные Анклавы находятся слишком далеко от места передачи наркотика.

– Я не верю, что «синдин» производят в Цюрихе, – буркнул Моратти, разглядывая тщательно вычищенный китель подчиненного.

– Согласен, – кивнул Альфред. – Именно поэтому я сосредоточился на Франкфурте.

– Но…

– Цюрих я не исключил. Здесь мы предпримем все те же меры, что и во Франкфурте.

– Молодец.

«Хоть чему-то научился».

Карту сменила схема Анклава, точнее, той его части, где располагалась территория храмовников.

– «Земля» перекрыта полностью, все прилегающие улицы контролируются видеокамерами, операторы дежурят круглосуточно. Здесь, здесь и здесь… – Курсор пробежался по схеме. – Установлены стационарные наноскопы, они настроены на «синдин» и засекут даже одну дозу. Четыре оперативные группы укрыты в пределах двух кварталов от зоны Мутабор, перехват будет осуществлен в течение трех-четырех минут.

– Секретность?

– Я не привлек ни одного человека из франкфуртского филиала. Только наши люди.

– Воздух?

– Два вертолета наготове.

– Подземные коммуникации?

– Перекрыты. – Солович усмехнулся: – Если поставка будет осуществляться с какой-либо из территорий Мутабор, хоть во Франкфурте, хоть в Цюрихе, даю стопроцентную гарантию – мы ее перехватим.

И храмовники окажутся под ударом.

Ник внимательно оглядел схему, затем – сосредоточенного Соловича и продолжил допрос:

– Они могут перебросить «синдин» по воздуху. Из Марселя, Эдинбурга или Москвы.

– Только не двести тысяч доз, – уверенно ответил Альфред. – У нас есть проблемы с досмотром самолетов, но такое количество наркотика безы не пропустят. Или все, чем мы занимаемся, никому не нужно.

– А что, если у них есть склад на территории султаната?

– И опять все упирается в количество, господин президент. Судя по тому, что мы знаем о поставках «синдина», двухсот тысяч доз нет нигде. Их нужно произвести. – Солович помолчал. – Я хочу сказать, господин президент, что ваш человек сработал великолепно.

– Для этого я его и держу, – спокойно ответил Моратти. – Дрогас не ошибается.

– Говори, Стефан, что за план?

– Я не знаю деталей предыдущих операций, однако уверен, что понимаю главную ошибку, которую допускал Солович: группы, которые он пытался внедрить в криминальный мир и вывести на роль «поставщиков А», появлялись из ниоткуда, и вычисляли их без особого труда.

– Вычислить можно кого угодно.

– Верно, – согласился Дрогас. – Поэтому мы должны сделать так, чтобы у Мутабор не было возможности провести длительную проверку, чтобы они предложили сотрудничество, ограничившись поверхностным изучением будущего партнера.

– Как?

– Первый этап традиционный – резня. Воспользовавшись изменениями в законах и поддержкой, которую вам пообещали государства, мы одновременно бьем в несколько точек. Я думаю, два или три Анклава и два-три государства. Бьем по-настоящему, сносим, именно сносим известные нам «синдиновые» организации. Мелочь не трогаем, убираем только «поставщиков А», но убираем поголовно.

– За освободившиеся места сразу же начнется война, –

прищурился Моратти.

– Именно это нам и нужно! Если чистку провести качественно, если действительно снести крупные группировки, то война начнется между оставшейся мелочью. И никого не удивит, что помимо известных банд в дело вступят новые организации, лидеры которых попытаются воспользоваться удобным случаем и подняться повыше.

– Это обязательно произойдет.

– И среди них будут наши.

– Внедренные агенты?

– Нет, наши группировки, – поправил президента Дрогас. – Честолюбивые банды, целиком и полностью составленные из офицеров СБА. Одну из них возглавлю я, у меня есть подходящая для случая «личина». Командиров для других подберем. Действовать отряды будут автономно, без поддержки. Кого-то вскроют, кого-то сомнут, но в случае удачи кто-то застолбит за собой место «поставщика А».

– И производителям «синдина» придется с ним договариваться!

– И мы подставим храмовников.

Устроить кровавую баню в нескольких государствах, заставить кадровых офицеров СБА торговать наркотиками, без суда и следствия убивать гангстеров, а возможно – и полицейских… И все ради того, чтобы выйти на таинственных производителей «синдина». Наркотика, который, вполне возможно, может оказаться ключом к мировому господству.

Цель оправдывает средства?

– Мне кажется, Стефан, только ты мог придумать такой план, – медленно произнес Моратти.

– Спасибо, Ник, мне приятно это слышать.

И вот безумная идея сработала.

Нет, пожалуй, не безумная. Грязная, жестокая, подлая, незаконная, но при этом – эффективная. Не безумная. Дрогас в очередной раз доказал, что является главным козырем в колоде президента СБА. Не просто предложил план, но добился успеха. Группу, что сформировали в Сингапуре, полностью уничтожила Триада. Ребята в Калифорнии и Великой Турции не сумели выйти на должный уровень, то ли времени не хватило, то ли беспощадности, которой славился Дрогас. В «поставщики А» вырвался только Стефан. И все, что теперь нужно, – не испортить его достижение.

Выпроводив Соловича, Моратти некоторое время продолжал сидеть в кресле, разглядывая застывшую на мониторе схему франкфуртской зоны Мутабор, затем проворчал: «Подонки!»,

поднялся, прошелся по кабинету и остановился у окна.

Цюрих… Современные небоскребы отнесены в сторону, не портят невысокий старый город блеском стекла и стали. Множество двух-трехэтажных домиков, множество вилл. Лучший на планете Анклав. Самый спокойный. Самый красивый. Самый мирный.

«Если бы они все стали такими…»

Черт побери, люди! Какого черта вы не воспользовались шансом построить приличное общество? Возможно – последним шансом? Почему вы превратили Анклавы в конгломераты обособленных территорий, с удовольствием воюющих друг с другом? Почему не смешались? И почему зоны, где смешение все же случилось, оказались самыми криминальными? Почему?

Потому что вы – люди?

Моратти вернулся к столу и взял сигару. Повертел в руке. Неспешно раскурил.

Анклавы… Когда-то Ник был их настоящим патриотом. Теперь же теплая сентиментальность приходила изредка, когда душой овладевали остатки профессиональной этики. Когда Дрогас воспринимался не «главным козырем», а кровавым зверем, которому стыдно пожимать руку. Когда в зеркале Ник видел не блестящего президента СБА, а человека, которого молодой офицер Моратти арестовал бы без всяких колебаний. Когда Моратти в очередной раз спрашивал себя: стал бы он таким, каков есть, если бы все Анклавы мира были похожи на благополучный Цюрих? Спрашивал и не находил ответа.

Остатки чертовой профессиональной этики…

«Отставить!»

Ник стряхнул пепел.

Что сделано, то сделано. Мир такой, каков есть, каким мы его сделали. А молодой романтик Моратти давно умер. И его призрак не должен мешать воспользоваться принесенными Дрогасом дарами.

Выпить?

Нет.

Приступы внутреннего стыда Ник всегда преодолевал на трезвую голову. Обдуманно.

«Я таков, какой есть. А стал я таким потому, что мир таков, какой есть».

Не это ли ответ на мучающий его вопрос?

Кто знает…

Еще несколько секунд на преодоление слабости, на изгнание ненужных мыслей, и вот уже в голове Моратти началась прокрутка вариантов.

Что сделают храмовники, когда он припрет их к стене доказательствами? Трудно предсказать реакцию людей, которых едва ли не официально считают сумасшедшими.

«А что сделал бы ты?»

«Пошел на компромисс».

«Просто тебе хочется, чтобы они начали переговоры. Очень хочется…»

Вариантов два: либо Мутабор принимает условия Моратти, либо упирается, и тогда об их роли производителя «синдина» становится известно. Готов ли Милостивый Владыка Грядущего пойти на конфликт со всем миром? Сомнительно. Храмовники, конечно, психи, но действуют они рационально. Вот и получается, что переговоры состоятся, прелаты поторгуются, но условия примут, и это станет первым шагом к полному контролю над Сорок Два и его тритонами. А на что они способны, все уже видели…

«Новый мир не будет похож ни на мечты нейкистов, ни на фантазии храмовников. Это будет нечто другое…»

Потому что есть вещи, с помощью которых новый мир можно контролировать.

А чтобы Сорок Два стало совсем худо, нужно усилить удар.

Ник положил сигару в пепельницу, вытащил из тумбочки незарегистрированный коммуникатор и набрал сообщение:

«Время пришло. Уничтожайте всех, кого подозреваете в пособничестве Сорок Два. Очищайте организацию».

Отказаться лидеры dd не посмеют. Да и не захотят отказываться, учитывая, как злы они на радикала после «дня Сорок Два». Очистят dd и тем навсегда отвратят от себя сторонников Сорок Два. В результате тритоны останутся без силового крыла, а dd превратится в заурядную преступную организацию.

Все идет как надо.

Моратти взял сигару и вернулся к окну смотреть на любимый Цюрих. Он улыбался. Он был доволен. И больше в этот день не вспоминал о некоем молодом офицере, который бы его арестовал.

* * *

Анклав: Москва
Территория: Занзибар
Собор Тринадцати Пантеонов
Неукротимость

– Вот уж не думала, что в Москве столько вудуистов, –

удивленно пробормотала Матильда, слезая с мотоцикла.

– В Занзибаре живет три миллиона человек, – хмыкнул Рус, подозрительно разглядывая шустрого парковщика. – Сколько?

Тот мельком посмотрел на «Ямаху» Руса, потом на «Судзуки» Пэт и вынес приговор:

– За два мотоцикла – пять юаней.

– Ты о…ел? За пять юаней ты за мной мотоцикл на руках носить должен! Весь день!

– Завтра – пожалуйста, – широко улыбнулся курчавый вымогатель. – Сегодня – ни за что.

Свободные места исчезали с невероятной скоростью, и парковщики прекрасно понимали: откажутся одни, тут же появятся другие. Оставлять же дорогущие байки без присмотра Рус не хотел. Выдал еще пару ругательств, но деньги протянул:

– Держи.

– Да не оставят тебя духи Лоа, добрый человек!

– Тебе того же и туда же.

Уличный экран затянул религиозный гимн, его подхватили сотни идущих по мостовой людей.

– Купите цилиндр, добрые господа! Точно, как у Папы…

– Футболки к событию! Недорого! – На черной ткани – лицо баварского архиепископа. Под ним надпись: «Москва». И дата.

– Холодная вода! Возьмите с собой холодную воду!

– Зонтики от солнца!

Люди, люди, люди… Монахи-замбийцы, призванные обеспечивать порядок во время проповеди, перекрыли улицы за восемь кварталов до соборной площади, дальше только пешком, влившись в толпу.

– Три миллиона – это много, – продолжила разговор Матильда, когда друзья бодро зашагали по мостовой. – Но почему все они едут с Болота?

Три уровня Ленинского проспекта, самой прямой дороги из центра Анклава на территорию Католического Вуду, забиты под завязку: мобили, автобусы, «табуретки» и мотоциклы шли сплошным потоком. Две крупные пробки. И то же самое, если верить приходящей в «балалайку» информации, творилось на всех ведущих в Занзибар улицах.

– Папа Джезе широко известен и очень популярен, – скупо обронила Пэт. – Людям интересно.

– Хочешь сказать, что его придут слушать не только вудуисты? – недоверчиво прищурился Кимура.

– Но ведь ты пришел.

– Я с тобой.

Уперся, как баран, сказал, что вчетвером надежнее, и пошел.

Не захотел отпускать Патрицию в Занзибар.

– Джезе впервые приехал в Москву.

– Но почему такой ажиотаж?

– Люди устали от лжи, – помолчав, произнесла Пэт. – Они ищут настоящее слово, даже если оно – от чужого бога.

– А слово Джезе настоящее? – тихо спросила Матильда.

– Он блестящий оратор.

– Я спрашивала о другом.

– Мы пришли, чтобы послушать.

– И завтра я могу проснуться правоверным вудуистом? – хохотнул Рус.

– В этом смысл пастырского визита.

– Папа настолько крут?

– Джезе – архиепископ Баварский. Теоретически, по рангу он равен монсеньору Таллеру, однако пользуется куда большим авторитетом в Католическом Вуду. Он первый белый…

– Так он белый? – поднял брови Кимура.

– Ты даже этого не знаешь? – улыбнулась Матильда.

– Да мне по фигу Вуду.

– Не ори, – попросил Рус. – Не забывай, где мы.

К счастью, окружающие не расслышали опрометчивое замечание Кимуры.

– Джезе – первый белый, который стал архиепископом за последние тридцать лет, – продолжила Пэт. – Поговаривают, что он сменит Ахо. А еще поговаривают, что он сменит Ахо гораздо раньше, нежели тот рассчитывает.

– Идет борьба за власть?

– И это вызывает у людей дополнительный интерес. Всем хочется послушать будущего лидера Католического Вуду.

– Мы поэтому здесь? – негромко спросила Матильда.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты поняла. – Матильда недовольно посмотрела на подругу. – Мы здесь, потому что Джезе грозит опасность?

Патриция промолчала.

– Ответь!

Девушки чуть замедлили ход, отстав от парней на пару шагов.

– Я не знаю, – буркнула Пэт.

– Не знаешь или не хочешь отвечать?

Следующую реплику Патриция выдала после длинной паузы. И опять – тем же самым, странным тоном, который Матильда слышала в мастерской:

– Джезе необычен.

– Тебя к нему тянет?

– Возможно, это еще одна ошибка, пустышка…

– Поэтому ты хочешь его послушать… – И тут Матильда догадалась: – Ты уже все поняла! Ты знаешь, что его слово – настоящее!

– Он – великий человек.

Матильда взяла подругу за плечо:

– Тебя к нему тянет?

– Я должна оказаться рядом и окончательно все понять, – тихо ответила Пэт.

От продолжения разговора ее спас Лакри.

– Судя по сообщениям, люди начали приходить на площадь с вечера, – проворчал он, изучая приходящие в «балалайку» сведения.

– То есть лучшие места уже заняты? – разочарованно протянула Матильда.

– Поверь, слышно будет везде, – пообещал Кимура, кивая на экраны.

Помимо стандартных уличных мониторов, транслирующих в обычные дни рекламу и новости, вудуисты установили кучу дополнительных панелей, и на всех – картинка с площади.

– Трансляцию я могла посмотреть дома, – надула губы Матильда и выразительно посмотрела на Пэт.

– У нас билеты в первый ряд, – с улыбкой ответила та.

– Ого!

– А как мы пройдем?

Люди, люди, люди… Чем ближе площадь, тем плотнее становилась толпа. В двух кварталах от соборной площади второй и третий уровни уходили в стороны, и людям приходилось спускаться вниз.

– Чуть дальше организован специальный коридор.

– Верно, – кивнул Рус, вызвавший на наноэкран схему площади. И ядовито добавил: – Не знал, что на проповедях предусмотрены VIP-ложи.

– Не все прихожане одинаковы.

– Перед богом?

– Перед людьми.

– И как на это смотрит бог?

– Как обычно – сверху. – Пэт усмехнулась. – С гораздо большим неодобрением он смотрит на тех, кто не верит.

– Кстати, хочу еще раз поблагодарить тебя за разрешение совершить визит, – негромко произнес Джезе, терпеливо ожидая, когда помощники закончат наматывать поверх фиолетовой сутаны красный пояс.

– Ты великолепный оратор, и слова твои падают на благодатную почву, – убежденно ответил Таллер. – Я надеюсь увеличить число прихожан.

– Я уверен в этом, – улыбнулся Папа.

– Такое ощущение, сукин ты сын, что твоим языком управляют духи Лоа.

– Так и есть, Джош, так и есть.

Они были старыми друзьями и разговаривали как старые друзья, однако Папа чувствовал, что московский архиепископ слегка нервничает. Возможно, беспокойство Таллера объяснялось политическими причинами: не отказав Джезе в просьбе провести пастырский визит, он рисковал серьезно испортить отношения со всемогущим и злопамятным Ахо. Возможно, Таллер нервничал потому, что, кроме архиепископов и одного помощника, в комнате находились только «кельнцы». А возможно, некоторое смятение Джошуа объяснялось чем-то другим…

– Ахо сильно ругался?

Таллер едва заметно вздрогнул, но тут же взял себя в руки и дипломатично ответил:

– Я не скрыл от настоятеля, что не отказал тебе в просьбе.

То есть Ахо знал о визите не меньше месяца.

– Наша дружба общеизвестна, а потому настоятель с пониманием отнесся к ситуации.

Монсеньор Джошуа делал реверансы в сторону Папы, иногда довольно рискованные реверансы, однако окончательно принимать сторону баварского архиепископа не спешил. Выжидал, как и большинство других иерархов Вуду. В принципе Папа не имел ничего против такой позиции, главное, чтобы не мешали, но иногда признавался себе, что проигрывает Ахо по числу открытых сторонников.

– Наша дружба не стала бы для настоятеля причиной, – произнес Джезе, жестом отправляя помощника прочь.

Теперь в комнате оставались только «кельнцы», при которых Папа мог говорить все, что угодно.

– Наша дружба заставила бы его взбелениться еще больше.

– Меня просили отменить визит, – поколебавшись, сообщил Таллер. – Не Ахо, его помощники, но я уверен, что инициатива исходила от настоятеля.

– Почему не отменил?

– Потому что не попросил сам Ахо, – честно ответил московский архиепископ.

– Ты бы его послушал?

– Я обязан его слушать.

– Всегда?

Таллер выдержал паузу.

– В этот раз я бы его послушал. Но он не попросил. Значит, не уверен в себе.

Вуду любит свободных и сильных. Вуду не терпит слабаков, а потому монсеньоры склоняют перед настоятелем головы только до тех пор, пока чуют силу. Это не волчий закон, а принцип Вуду – только самый мощный хунган имеет право вести остальных.

– Спасибо за искренность, друг.

Командир «кельнцев» Рихард Зум лично поднес Папе посох.

– Пора, – тихо произнес Джезе. – Паства ждет.

Барабаны.

Ваши ощущения от визита на соборную площадь? Барабаны. Что вы слышали? Барабаны. Что вы видели? Барабаны. Что вы чувствовали? Барабаны.

«Католическое Вуду задает ритм всему миру!»

Один из знаменитых лозунгов Папы Джезе, вызвавший дикую ярость Ахо. Не потому, что неправильный, а потому, что точный. Потому, что хлесткая фраза сплетена теперь с именем архиепископа Баварского.

Задает всему миру!

Барабанщики бесились в слаженном экстазе, яростный ритм, казалось, без всяких усилителей долетал до каждого уголка Анклава, заставляя людей прислушиваться и вспоминать о Католическом Вуду. И о Джезе, архиепископе Баварском, несущем пастве Слово Божье. Яркие лозунги и яркие выступления Папы привлекали людей, особенно – молодых людей.

– Это безумие, – пробормотал Кимура, оглядывая толпу, от которой зрителей VIP-зоны отгораживали невысокие заборчики и монахи-замбийцы.

Сотня потных барабанщиков справилась с задачей на «отлично» – разогрела людей до нужного градуса. Повсюду танцевали – в центрах кругов, как правило, извивались молоденькие мамбо, демонстрируя Иисусу Лоа свое искусство и свои тела. Повсюду пели – зажигательные церковные гимны подтягивали даже те, кто пришел на площадь из чистого любопытства. Повсюду обнимались и целовались. В Занзибар пришел праздник, в Занзибар пришло Слово. И слово это – Папа Джезе.

– Безумие…

– Сопричастность, – поправила Кимуру Пэт. – Они вместе.

– Для чего?

– Вместе легче.

– Спрятаться за чужими спинами?

– Идти навстречу своим страхам.

– Еще минут двадцать, и в шоу не будет необходимости, – проворчал Рус.

– Не волнуйся, Папа знает, что делает.

И тут же, словно подтверждая слова Пэт, барабаны умолкли, а площадь взорвалась приветственными воплями – на возвышение вышел Джезе.

– Первая группа, доложите, – негромко приказал Инка.

– Мы готовы занять позицию.

– Вторая группа?

– Мы готовы занять позицию.

– Хорошо.

В общей сложности на крыши окружающих соборную площадь зданий выйдут шесть человек. Четыре стрелка с мощными винтовками и двое прикрывающих. Еще пятеро, включая самого Инку, готовятся к операции здесь.

– Начинаем двухминутный отсчет, – распорядился Инка. – Затем приступаем к первой фазе без дополнительного сигнала.

Первая фаза: занять позиции, устранив дежурящих на крышах охранников.

– Первая группа: приказ понял.

– Вторая группа: приказ понял.

Инка едва заметно улыбнулся и привычным жестом поправил идеально сидящую рясу монаха-замбийца.

– Я обращаюсь к тем, чья душа предана Католическому Вуду, и к тем, кто впервые услышит сегодня слово истины. Я обращаюсь к каждому из вас, и от имени каждого из вас я говорю миру: «Мы пришли!»

– Да! – ответила площадь.

«Мы пришли!» – знаменитое обращение святого Мботы.

– Мы пришли, потому что не могли не прийти! Мы пришли в мир, преисполненный духами Лоа. Мы, свободные и сильные, пришли в мир…

Три человека, поднявшиеся на крышу здания, ничем не отличались от сотен монахов-замбийцев, что обеспечивали безопасность проповеди: черные рясы, под которыми скрывались заметные опытному глазу бронежилеты, черные лица, гарнитуры передатчиков на головах… Вот только поднялись они не с первого этажа, а с предпоследнего, выйдя из квартиры, где скрывались последние два дня.

– Проверка безопасности.

– Они обалдели? – с притворной усталостью улыбнулся один из дежуривших на крыше монахов. – Каждые…

И не договорил, получив пулю из бесшумного пистолета. Пулю с мощным транквилизатором, почти мгновенно отправившую его в нокаут.

Расправившись с охранниками, снайперы Первой группы принялись споро собирать свои, собственноручно пристрелянные винтовки.

– Что случилось? – прошептала ей на ухо Матильда.

– Не знаю, – напряженно ответила Пэт, потирая левую руку. Скрывая от подруги выступившие на тыльной стороне ладони руны.

«Опасность!»

– Ты сама не своя.

– Я ничья! – отрезала Патриция и тут же добавила: – Мне нужно отлучиться.

Теперь она поняла, для чего пришла на соборную площадь. Не слушать Папу – ей не нужны чужие слова. Не пытаться понять, горит ли в нем настоящий огонь – она знала, что горит. Пэт пришла на проповедь, чтобы заявить права на то, что считала своим. Считала, даже не осознав этого.

– Куда? – Кимура обеспокоенно посмотрел на пробирающуюся к выходу из VIP-зоны Пэт.

– Ей нужно, – коротко ответила Матильда.

– Я с ней!

– Не ходи!

– Здесь полно отморозков!

– Кимура! Не ходи!

– Я ее не оставлю!

Кимура бросился за Патрицией.

– Что случилось? – Рус отвлекся от проповеди, крутанул головой, словно стряхивая морок, и тоже повернул: – Куда они?

Матильда крепко взяла друга за руку.

– Останься со мной!

– Что? – И увидел страх в ее взгляде. Страх за него. – Мата, что происходит?

Опешил, осторожно разжал сдавившие предплечье пальцы, но не отступил, напротив, встал чуть ближе, обнял подругу за плечи.

– Объясни!

– Не ходи, – попросила девушка. На ее глазах выступили слезы. – Не ходи.

– А Кимура?

– Это его выбор.

Он догадался, прищурился, взгляд стал жестким:

– Кимура…

– Это его выбор, – повторила Матильда. – Пэт его не звала.

Охраняющие VIP-гостей замбийцы не стали для Пэт преградой. Не могли стать.

Ей не требовалось смотреть на руки, чтобы сложить нужную последовательность рун. Ей не требовалось шептать заклинания, чтобы пробудить древнюю силу – она сама была ею, сама была силой. А руны – лишь клавиатура невероятно мощного компьютера.

Патриция остановилась в шаге от замбийского дьякона и, глядя ему прямо в глаза, произнесла:

– Немедленно отправьте боевые группы к четвертому и девятнадцатому посту, там засели снайперы.

Это был не гипноз, это был полный контроль, бьющий не только по дьякону, но и по всем, кто стоял рядом с ним.

– Да, мэм, – послушно кивнул замбиец.

– А сами проведите меня к сцене.

– Да, мэм.

Люди внимали баварскому пастырю с таким вниманием, что Таллеру оставалось лишь скрипеть от зависти зубами: его собственные проповеди, несмотря на все усилия, такого интереса не вызывали. И даже Ахо уступал Джезе в ораторском искусстве.

«А ведь он действительно достоин белой мантии настоятеля, – вздохнул Таллер. – По-настоящему достоин».

Жаль, что столь перспективный архиепископ поссорился с Ахо. Очень жаль. Папа Джезе мог бы поднять Католическое Вуду на небывалую высоту.

«Они ее слушаются!»

Кимура не знал, что думать. Он ожидал, что охранники задержат Патрицию, начнут расспрашивать, а получилось как-то совсем странно. Девушка подошла к здоровенному, черному, как смоль, замбийцу и отдала приказ. Приказ! Кимура не слышал слов, но видел лица и не сомневался, что Пэт распоряжалась, а замбиец внимал.

«Невероятно!»

Выслушав девушку, дьякон принялся связываться с кем-то по рации и одновременно повел Пэт по направлению к сцене.

«Скорее!»

Кимура подбежал к охраннику и указал рукой на Пэт:

– Я с ней!

Монахи переглянулись.

– Первая группа?

– Подтверждаю готовность.

– Вторая группа?

– Подтверждаю готовность.

Ребята у Инки что надо, пусть и не выдающиеся хунганы, но сильные, и на Ахо они работали не первый день. В его личной беспощадной гвардии, в тайном клане, спрятанном внутри Ордена Замби. Карающая длань Вуду готовилась отсечь от дерева гнилую ветвь.

– Тридцать секунд. Отсчет пошел.

Четыре длинных ствола повернулись к сцене. А в перекрестьях четырех оптических прицелов появился высокий светловолосый мужчина в фиолетовой сутане архиепископа. Белая надежда Католического Вуду.

Они были рядом, и они… Они не были простыми убийцами.

Джезе слишком силен, чтобы на его устранение отправили заурядных киллеров. К тому же он на территории собора, в самом логове духов Лоа, а значит… Значит, пришли те, кого духи не тронут.

Мгновение, и весь замысел цветком раскрылся перед Патрицией.

– Что группы?

– Еще не вышли к постам, – доложил дьякон.

– А посты?

– Говорят, что все в порядке.

– Или их купили, или там уже другие люди.

– Я вам верю, мэм.

«А что тебе еще остается?»

От снайперов Джезе уклониться сумеет. Даже сейчас, распаленный речью и чувствующий только толпу, он все равно остается великим хунганом. Он уловит опасность и не позволит себя убить. Телохранители тут же утащат его со сцены, и… и попадут в засаду. Все правильно: основной удар убийцы планируют нанести за сценой, когда внимание службы безопасности будет приковано к поиску снайперов.

– Пэт!

– Какого черта?! – Девушка ответила так резко, что Кимура вздрогнул.

– Мне сказали, он с вами, мэм, – насторожился дьякон.

– Пэт, что происходит?

– Приготовьте оружие.

– Да, мэм. – Дьякон извлек из спрятанной под рясой кобуры «дыродел». – В кого стрелять?

Патриция быстро оглядывала стоящих за сценой людей.

«В кого?»

Все – хунганы или мамбо. Все – на своей земле, под защитой духов Лоа. И это покровительство позволяет им прятать истинные чувства. Внутри закипает сила, руны сошлись в следующую последовательность, наполняют мощью, но против кого ее использовать?

– Пэт…

– Кимура, твою мать! Марш в угол и постарайся остаться в живых, понял?!

С площади донесся истошный визг.

– Началось!

Патриция ошиблась самую малость: Джезе действительно уклонился от выпущенных снайперами пуль, в последний момент ушел от всех четырех стволов, однако одна из них все-таки пробила Папе предплечье. Виной тому – благословляющий жест, который архиепископ не стал прерывать, даже почувствовав опасность.

Брызнувшая кровь и вызвала визг, уловленный всеми микрофонами сцены. Завопила дама из VIP-зоны, находившаяся так близко, что успела разглядеть даже рвущую священную плоть архиепископа пулю. Во всяком случае, именно так дама впоследствии рассказывала в многочисленных интервью.

Джезе пошатнулся, но тут же улыбнулся, расправил широкие плечи и закончил благословение, невзирая на льющуюся из раны кровь.

Площадь ответила ревом.

В следующий миг на крышах загрохотали выстрелы – посланные дьяконом группы добрались до стрелков, а вокруг Папы сомкнулись «Кельнские братья».

– Скорее! За сцену!

– Оставьте! Мы должны продолжать!

– Нужно уходить!

Стрельба остановила время. Или швырнула его вперед со сверхзвуковой.

Вокруг Папы телохранители, но только его телохранители, только «кельнцы». Тащат Джезе в укрытие. В безопасность. А на их пути вырастают пять замбийцев с «дрелями» в руках. Не выбегают на сцену, в бессмысленной попытке накрыть снайперов, а стоят, ждут. Замбийцы ждут Папу.

«Будет бойня!»

Таллер в дальнем углу, тоже окружен охранниками, но грудь и голова видны – прекрасные мишени. Таллер знает, что ему ничего не грозит, Таллер смотрит на Джезе.

– Стреляй!

Дьякон не может противиться приказу, направляет пистолет на ближайшего киллера, на брата-замбийца, и давит на спусковой крючок.

Бушевавшая внутри сила высвобождается, Пэт бросается вперед, накрывает второго убийцу, сбивает, бьет по лицу и знает, что человек лишается сознания.

Но их пятеро!

Третий разворачивается и одновременно начинает стрелять.

– Нет!

Кимура так и не скрылся в безопасном углу, не стал. Кимура видит, что ствол «дрели» вот-вот поймает Пэт, и соглашается взять ее пулю. Вторую, третью, четвертую… Дьякон успевает снять стрелка и сразу падает, словив два выстрела в грудь. Окровавленный Кимура тоже на полу.

– Патриция…

За кулисами паника.

«Кельнцы» еще не поняли, где враг. Их задача – спрятать Папу.

Двое последних убийц не обращают на бушующий вокруг хаос никакого внимания. И даже на то, что в них стреляли, что их товарищи уже мертвы. Двое последних убийц не спускают глаз с цели, и когда до «кельнцев» остается меньше десяти шагов, их «дрели» начинают плевать огнем.

Но руны уже сложились, руны уже отдали приказ, уже вплели в картину мира новую нить. Шипят от ярости духи Лоа.

«Дрели» плюют огнем с убийственной дистанции, но убийства нет. Пули, которые должны рвать на куски «кельнцев» и Папу, уходят в сторону. Пули поссорились с физикой. Духи Лоа шипят, изумленные тем, что кто-то распоряжается в их доме. Пэт улыбается. Черное лицо Таллера становится белым. Опомнившиеся «кельнцы» открывают ответный огонь, сметая неудавшихся убийц. Патриция тащит окровавленного Кимуру прочь. Таллер тычет в нее пальцем, что-то говорит охранникам, но умолкает на полуслове, чувствуя взгляд. Поворачивается.

Папа Джезе стоит, опершись на плечо верного Зума, и смотрит на Таллера. Секунду смотрит. Две секунды. Пять. Потом расталкивает телохранителей и возвращается на сцену. Фиолетовая сутана украшена пятнами красного, которое кажется черным, из пробитой руки сочится кровь, но голос тверд:

– Склоним головы, братья и сестры! Склоним головы в общей молитве!

Кажется, ему не нужны микрофоны. Кажется, он обращается к каждому. Кажется, что слова не способны остановить зарождающуюся панику, но это только кажется. Люди, которые суетились и кричали, напуганные, ошарашенные, не понимающие, что происходит, замирают. Поворачиваются к сцене. И умолкают.

– Обратимся к Иисусу Лоа, братья! Обратимся вместе!

Кровь льется из раны, но глаза обращены к небу. Проповедь должна завершиться молитвой, и Папа ее завершит. Завершит, чего бы это ему ни стоило, сколько бы еще снайперов ни оказалось вокруг, сколько бы еще убийц не подкрадывалось сзади. Его место здесь, и он не уйдет.

И люди орут. Орут как ненормальные.

* * *

Анклав: Франкфурт
Территория: Zwielichtsviertel
Почему бы не оказать мелкую услугу приятному человеку?

Окончание африканских приключений прошло без накладок. Дальнейший путь беглецов оказался гладким, как хорошая гоночная трасса, и таким же извилистым. Однако были это не крутые повороты судьбы, а приятные виражи, на которых лишь немного сбрасываешь газ перед очередным скоростным участком.

Подчиняясь нехитрым указаниям Олово («За кустом налево». – «А теперь, кажется, направо, до дерева». – «До какого дерева?» – «Я скажу».), беглецы за пару часов добрались до вертолета, который и доставил их в Кейптаун. При появлении внедорожника пилот натянул наномаску и не снимал ее до конца полета – разумная предосторожность.

Илья думал, что их высадят где-нибудь в окрестностях, однако, к большому его удивлению, вертолет приземлился в транспортном узле. На краю, конечно, но тем не менее уже на территории Анклава. И не просто приземлился, а залетел в огромный ангар, скрывая пассажиров от посторонних взглядов. И никакого досмотра. Ни один из безов, что ошивались на летном поле, даже не посмотрел на прилетевшую черт знает откуда машину. Ни досмотра, ни встречающих.

Проснувшийся Олово дружески похлопал пилота по плечу, жестом велел Чайке покинуть машину, после чего пересек ангар и завел Илью в небольшую комнату, где их ждали два мужика в

зеленых медицинских комбинезонах. И в наномасках, разумеется.

– Пластики.

Мог бы и не объяснять.

Илья уселся в кресло, получил расслабляющуюся инъекцию и задремал, не мешая врачу удалять африканские ценники и приводить его физиономию в соответствие с новой «балалайкой». Второй хирург корпел над Олово, старательно маскируя приметные татуировки маленького слуги. Судя по сноровке, пластики были ребятами опытными и, стало быть, дорогостоящими. А еще через два часа хмурый сотрудник транспортного узла препроводил измененных до неузнаваемости беглецов в трюм «сверхзвуковика». Рейс на Франкфурт.

– Как такое возможно?

– Ты глупый? – В ответном взгляде Олово читалось неподдельное изумление. – Мастер заплатил Консорциуму.

«Ну, конечно же!»

И все встало на свои места: кто еще, кроме контрабандистов, мог за несколько часов доставить беглецов на другой континент? Не задавая вопросов, удалить африканский ценник? Уговорить безов не смотреть на вертолет? И обеспечить очень похожей на настоящую «балалайкой»?

«Сколько же заплатил Грязнов?»

По всему выходило – много.

«Ах да, он ведь дал слово!»

И еще у него есть деловое предложение.

Во Франкфурте все тоже прошло без сучка. Хмурый сотрудник транспортного узла – едва ли не точная копия кейптаунского коллеги – извлек беглецов из трюма и вывел за пределы технической зоны. Побег, если, конечно, путешествие можно было назвать побегом, закончился. Финальный этап – такси, что привезло их в маленькую квартиру, находящуюся в одном из самых неоднозначных районов Анклава.

– Надолго мы здесь?

– Нет.

Две комнаты, кухня, большая ванная. Чистота и порядок. Мебель если и не новая, то, во всяком случае, не потертая. В холодильнике – большой запас еды, в том числе настоящие овощи и настоящее мясо.

– База, – объяснил Олово.

– Контрабандистов?

– Нет. Нам сделали. – Слуга подумал и добавил: – Два дня. Может, три.

«Следующая тюрьма?»

Глотнувшая свободы душа настаивала: да! Это клетка! Ты

снова взаперти! Беги!

А вот разум не был столь категоричен: не стоит портить отношения с теми, кто вытащил тебя из задницы. Тем более что речь идет о сущем пустяке – встретиться с Кириллом и выслушать его предложение.

«Надеешься, что тебя отпустят?»

«А на что мне еще надеяться?»

Да и не было у Чайки никакого желания связываться с Олово. Видел, на что способен маленький слуга, и не хотел повторить судьбу неудачливых убийц.

– Я пойду в ванную.

– Я знал. – Олово улыбнулся. – Подожди.

Сходил на кухню и приволок запотевшую банку пива. На подносе. Банка пива, бокал и пепельница.

– Да, – согласился Чайка. – То, что нужно.

– Когда закончится – крикнешь. Я принесу еще.

Помимо всего прочего, Олово на самом деле был хорошим слугой.

«Надо спросить Кирилла, в каком агентстве нанимают таких ребят?»

Два с половиной часа пролетели незаметно. Сначала хорошо отмокнуть под душем – какое счастье, что не нужно экономить воду! – затем трижды подряд с ног до головы пройтись мочалкой, смывая въевшуюся в кожу африканскую грязь. Перекурить, наблюдая, как наполняется ванна, нырнуть и расслабиться. Шесть банок пива и полпачки сигарет…

Уснуть прямо в ванне Чайке не позволил Олово. Помог выбраться и уложил в постель. Четырнадцать часов сна.

Свобода!

Проснувшись, Илья долго валялся, наслаждаясь доносящимися с кухни запахами, а когда вышел – улыбающийся, завернутый в халат, – получил чашечку настоящего кофе и сюрприз.

– Тебе.

На кухонном столе лежала плоская коробка.

– Посылка от мамы?

– Не знаком.

– Я пытался пошутить.

– А.

Чайка хлебнул кофе, поставил кружку на стол и открыл коробку.

– Черт!

«Раллер»! Его «раллер»!

Анахронизм, если вдуматься: зачем нужно дополнительное

«железо», когда «балалайка» обеспечивает необходимую мощь? Влезает больше «поплавков»? Так ведь и один-единственный, тот, что в «балалайке», позволяет раствориться в сети. И все равно ломщики старой школы таскали с собой «раллеры». Ценили, гордились, хвастались друг перед другом. Их делали на заказ: форма корпуса, цвет, размер экрана, расположение кнопок и разъемов – все подгонялось под конкретного человека, двух одинаковых «раллеров» не существовало.

– Надо обновить, но мы не стали. Твоя машина. – Олово улыбнулся. – Программы в коробке.

Чайка бросил взгляд внутрь, убедился, что ему приготовили только лицензии.

«Откуда они узнали, что я не использую пиратские версии?»

Заглянули в «раллер», наверное. Наверняка заглянули. Но это ерунда, любой бы заглянул.

– Спасибо, – с чувством произнес Илья.

– Когда тебя в Африку определили, безы его на продажу выставили. Из Африки не возвращаются. Мастер выкупил. Сказал, тебе понадобится.

Грязнов знал, как произвести на Илью впечатление, обхаживает по всем правилам.

– Когда он приедет?

– Дня два. Или три.

– Вчера было два дня. Или три.

– Торопишься?

Нырнуть на дно, сделать фальшивую личность, сменить пару городов, снова поменять имя, лицо, образ жизни…

«Не получится, – понял Чайка. – Уже пробовал, но все равно вернулся в сеть. Это клеймо, а не африканский ценник, его не стереть, я всегда буду ломщиком».

Так что не ври себе, образ жизни не сменишь, а значит, рано или поздно снова попадешься. Но и признавать, что в душе уже согласился работать на Грязнова, не хотелось.

– Мне нужно думать о будущем.

– Хорошо, – одобрил Олово. Ему явно понравился прагматичный подход Ильи. – Кушай.

На столе, сбоку от коробки, остывает завтрак: яичница, пара тостов. Запахи, запахи, запахи… Яичница с беконом, поджаренный хлеб, половинка грейпфрута… Уютная домашняя атмосфера. Утро обеспеченного человека.

«Ты к этому стремился, Чайка, и ты не смог так жить».

– Я хочу отомстить Мертвому, – признался Илья, поглаживая «раллер».

Признался неожиданно для самого себя. Просто это была

первая мысль, пришедшая в голову, когда он «задумался о будущем». Будь здесь Кирилл, не сказал бы ни за что, а вот Олово – признался. Маленький слуга, беспощадный и наивный, все понимающий и не знающий ничего лишнего, маленький слуга вызывал у Ильи доверие. С Олово ему хотелось дружить.

– Поговори с мастером, – посоветовал тот.

– Что?

– Они с Мертвым недолюбливают друг друга. – Пауза. – Мастер поможет.

Продолжать Олово не стал. Усадил Илью за стол, сунул в руку вилку, после чего поставил коробку из-под раллера рядом с мусорным ведром, ополоснул руки, вытер их полотенцем и замер, нерешительно глядя на уплетающего завтрак парня.

– Поможешь?

– Чем? – невнятно отозвался уплетающий яичницу Илья.

– Нужно кое-кого украсть, а я рядом.

Вилка замерла на полпути ко рту.

– Кого украсть?

– Человека, – объяснил Олово. – Мастер велел. Звонил недавно.

– Э-э… – «Ах да, я же ломщик! Вот и начались трудовые будни… Олово должен кого-то похитить, а я должен отрубить охранную систему». Чайке стало грустно. Грустно и противно. Он опустил голову и глухо поинтересовался: – Что я должен делать?

– Вести мобиль.

– Что?!

– Кто-то должен вести мобиль, пока я работаю.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Занзибар

Собор Тринадцати Пантеонов

Иногда кажется, что мы ведем серьезный разговор, а на самом деле к нам попросту приглядываются

– Что ему надо? – недовольно спросил Таллер.

– Учитывая обстоятельства, визит Мертвого вполне уместен, – легко ответил Джезе. – Кауфман должен появиться хотя бы для того, чтобы сказать, что это не он пытался меня убить.

Джошуа удивленно поднял брови:

– Шутишь?

– Нет.

Московский архиепископ покрутил головой, тщательно

обдумывая реплику Папы, после чего мрачно заметил:

– Если Ахо сумел купить Кауфмана, наши дела плохи. Мертвый в Москве – царь и бог, он тебя не выпустит.

– Ахо не купил Кауфмана, – спокойно произнес Джезе.

– Откуда ты знаешь?

И опять – некоторая неуверенность, как тогда, перед проповедью. Впрочем, очень быстро спрятанная.

– Я не знаком с Мертвым, но много о нем слышал. – Папа подошел к столу и рассеянно перебрал несколько бумажек. Просто чтобы хоть чем-то заняться. – Но все мои источники уверяют, что в делах насильственных Мертвый осечек не дает. Если бы он хотел меня убить, он бы уже убил.

– В соборе тебя хранили духи Лоа.

– Да, – чуть поколебавшись, ответил Джезе. – Да.

«Хотя на этот раз помогли не они…»

Он помнил шипение рассерженных духов, помнил их изумление. Он помнил женскую фигуру, напитанную необыкновенной мощью, а вот лица спасительницы, как ни старался, вспомнить не мог.

– Вы посмотрели видео?

Уточнять не потребовалось, Таллер прекрасно понял, какое видео имеет в виду Джезе. И о ком он спрашивает.

– Девчонка не получилась.

– Что значит не получилась?

– Изображение расплывчатое, – развел руками Джошуа. – Неясная фигура и совсем не видно лица. Все помнят, что их было двое, что ее напарника вроде подстрелили, но на записи ни черта не разобрать.

– Любопытно…

Еще одна московская загадка.

Первое, что сделал Папа, закончив проповедь, – потребовал привести к себе спасшую его мамбо. И удивился, узнав, что ее имени никто не знает. Да и в том, что это была мамбо, никто не уверен. И вообще никто не понимает, что же произошло за сценой. Сначала Папа лишь пожал плечами: «М-да, Джош, у тебя здесь полный бардак», и попытался выбросить таинственную спасительницу из головы, но понял, что не может. Чем бы Папа ни занимался, на что бы ни отвлекался, в мыслях он постоянно возвращался к ней.

К гибкой фигуре в черном, что явилась из ниоткуда и спасла ему жизнь.

– Ты не обидишься, если я скажу? – осторожно поинтересовался Таллер.

– Мы ведь друзья, – несколько странным тоном обронил

Джезе.

– Да… – Московский архиепископ подошел ближе и медленно, аккуратно подбирая слова, произнес: – Я думаю, что это был призрак Каори. Духи Лоа велели ей спасти тебя.

Несколько секунд Джезе молча смотрел на Таллера, затем поднял руку, раненую руку – повязку на которой скрывал длинный рукав сутаны, – и прикоснулся к его плечу.

– Я тоже думал об этом. – Отвернулся, вновь помолчал, затем продолжил: – А насчет Мертвого не волнуйся, Джош, он не дурак и не станет делать глупости на нашей территории. Мы просто поговорим.

– Уверен?

– Я всегда в себе уверен.

Папа Джезе умел демонстрировать железное спокойствие, сохранять выдержку и хладнокровие в самых сложных ситуациях и своей твердостью ободрять соратников.

Но в действительности – нервничал.

Он не ждал пакости или ловушки, его приводил в волнение сам факт встречи с Мертвым, с человеком, о котором слагали страшные легенды во всем мире. С Максимилианом Кауфманом, с которым не рисковал связываться даже такой сильный хунган, как Таллер. В Новом Орлеане Джош не упускал случая подчеркнуть свое независимое положение, однако двух дней в Москве хватило Папе, чтобы понять: границы этой самой независимости определяет Мертвый, и Таллер за них не высовывается.

– Будешь записывать разговор?

– Обязательно.

– Послушать дашь?

Такой вот дружеский, ненавязчивый вопрос.

Папа вновь повернулся к Таллеру, улыбнулся и, глядя архиепископу в глаза, не менее дружески спросил:

– Ты знал, что меня собираются убить?

Тишина в комнате висела недолго, секунд пять. И все это время Таллер не отводил взгляд. И ответил твердо:

– Знал.

– Почему согласился?

– Ахо попросил меня лично.

– Помочь? – А в глазах Джезе заплясали духи Лоа. С яростным весельем заплясали. Готовы освободиться, рвануть на волю, но пока пляшут. Слушаются Папу, слушаются…

– Попросил не мешать.

Что будут делать духи? Ударят? Возьмут за горло? Или за сердце? Джошуа знал, что против Папы ему не устоять. Никто он против Папы, несмотря на всю свою силу. Столько духов Лоа,

сколько пляшет сейчас в глазах Джезе, ему ни в жизнь не собрать. Да и не пойдут они за ним, за тем, кто подставил их любимца.

– Я не держу зла, – неожиданно и мягко произнес Папа.

«Я буду жить!»

А духи Лоа принялись беззвучно смеяться.

– Ты правильно сказал тогда: ты обязан подчиняться настоятелю…

– Уже нет.

На губах Джезе заиграла улыбка:

– Уже нет?

Таллер сглотнул, вытер выступивший на лбу пот, но глаз не отвел – Папа должен видеть, что он, монсеньор Джошуа Таллер, архиепископ Московский, искренен.

– Ахо позвонил мне, сказал, что в Москву едут его хунганы, попросил не мешать. Я сказал, что мне не нравится идея, сказал, что, если он хочет избавиться от тебя, пусть делает это во Франкфурте, не связывает меня кровью любимчика Тринадцати Пантеонов. И тогда Ахо допустил ошибку. Он сказал, что, если духи Лоа действительно тебя любят, они тебя спасут. Он сказал, что я не должен мешать Пантеонам делать выбор. – С каждым словом голос Таллера становился тверже. – План был совершенен, но ты жив, а убийцы – нет. Духи Лоа любят тебя, Джезе, в этом нет никаких сомнений, а вот Ахо потерял влияние на Москву. – Джошуа опустился на одно колено и склонил голову. – Я буду всегда помогать тебе, Папа, я буду всегда служить тебе.

– Внимание! Освободить дорогу! Взять правее! Внимание! Освободить дорогу! Взять правее!

В Анклавах никогда не перекрывали улицы, обеспечивая важным шишкам комфортное движение. Если ты настолько крутой, что хочешь побыстрее проскочить из пункта А в пункт В, – пользуйся вертолетом. А если собрался добраться до нужного адреса по земле, то выбирай наименее загруженные улицы, на которых сопровождающие безы смогут раздвинуть поток.

– Освободить дорогу!

И водилы, скрипя зубами, освобождали. Уходили в сторону, пропуская кортеж из восьми бронированных автомобилей. И матерились им вслед. Четверка тяжеленных армейских внедорожников «ГАЗ» «Тайга», два роскошных «Мерседеса Мао» и два шестиколесных «Бурана», лучших, по мнению большинства экспертов, городских бронетранспортеров.

– Взять правее!

С воздуха кортеж прикрывали два вертолета. Легкий

разведчик, идущий в сотне метров перед авангардным внедорожником, и висящая над лимузинами «Пчела» огневой поддержки.

– Освободить дорогу! Взять правее!

Мертвый отправился по делам. Почему не полетел по воздуху? А кто его знает? Наверное, решил произвести впечатление. Ведь одно дело, когда на площадку чинно опускается вертолет и ты вылезаешь из него, придерживая разлетающиеся на ветру полы пиджака. И совсем другое – явление кортежа. Когда широко распахиваются ворота и на территорию собора Тринадцати Пантеонов, главной святыни Занзибара, въезжает восемь машин, в том числе – два бронетранспортера. Когда выпрыгивающие на ходу безы рассыпаются по двору, организуя безопасный «коридор», а над их головами работают винты вооруженной до зубов «Пчелы». Когда ты выходишь из лимузина, на мгновение задерживаешься, едва заметно улыбаешься и по движению губ встречающий тебя Таллер понимает, что ты приехал не в гости – ты приехал к себе. А он живет на твоей земле только потому, что ты не имеешь ничего против.

В гостиную вели стрельчатые, необычно высокие двери, достойные если не великана, то уж точно его внебрачных детей. Так получилось, что среди высших иерархов Католического Вуду недомерки не встречались, архиепископами становились мужчины видные, рослые, и архитекторы не забывали об этом факте при проектировании церковных помещений. Ведущие в гостиную двери предназначались для крупных людей, однако на этот раз им пришлось распахнуться перед человеком совсем невысоким.

– Добрый вечер. Меня зовут директор Кауфман.

Мертвый вошел настолько стремительно, что Папа едва успел подняться с кресла.

– Добрый вечер. – И осторожно пожал скрытую черной перчаткой руку.

– Спасибо, что согласились встретиться.

Голубые глаза Кауфмана, неестественно живые и выразительные на блеклом, обыденном лице, смотрели цепко, однако в их льдистой глубине таился едва различимый огонек. Словно дразнил: что скажешь?

И Папа понял, как должен себя вести.

– Если мы планируем говорить официально, то меня зовут архиепископ Баварский, – вальяжно сообщил он «директору». – Можно просто монсеньор.

Пару секунд мужчины смотрели друг на друга, после чего Мертвый улыбнулся и вновь протянул руку:

– Максимилиан. Макс.

– Джезе.

Второе рукопожатие получилось куда более крепким.

– Вы всегда носите перчатки?

– Боюсь микробов.

– Очень здоровая привычка.

– А вот у вас, как я слышал, со здоровьем не очень, – участливо произнес Мертвый. – Рана серьезная?

– Царапина.

– Получается, меня ввели в заблуждение?

– Получается.

– Жаль, – протянул Кауфман. – Я приготовил вам подарок, Джезе. Не привык, знаете ли, являться к умирающему с пустыми руками.

– Я люблю подарки, – не стал скрывать Папа.

– В таком случае это вам. – Кауфман протянул архиепископу плоскую коробочку, которую до сих пор держал в левой руке. – Домашнее печенье.

– Домашнее что?!

Папа был готов к чему угодно: в коробочке мог оказаться бронежилет новейшей модификации, гремучая змея, натренированная на охрану хозяина, высушенные головы убийц, но печенье?!

– Как вы наверняка знаете, я холостяк. Попросил испечь супругу одного из помощников, поэтому каково оно на вкус – не знаю. Уверяли, что неплохо. С кусочками шоколада.

Огонек в голубых ледниках стал заметнее.

Розовый бантик и приятный запах домашней выпечки изнутри.

– Вы неподражаемы! – Папа расхохотался и бросил коробку на стол. – Благословить вас?

– Не будем портить жизнь духам Лоа.

Одна из ламп ярко вспыхнула.

– Мы в соборе, – мягко напомнил Джезе. – Они все слышат.

– Я знаю, – поморщился Мертвый.

И все. Просто: «Я знаю». Никакой реакции на неожиданно подавшую знак лампу, даже бровью не повел. То ли решил, что вспышка стала результатом обычного фокуса, то ли безразлична ему реакция могущественных духов.

«Уж не потому ли хунган Таллер предпочитает не связываться с Кауфманом?»

– Присаживайтесь.

– Благодарю.

Готовясь к приему, Папа приказал поменять в гостиной мебель, убрать обычные кресла и выставить другие, украшенные резьбой и очень большие, напоминающие троны. Папа хотел посмотреть, как тощий Мертвый утонет в глубокой мебели, но теперь поймал себя на мысли, что шутка не удалась: излучаемая Кауфманом энергия давила любые несоответствия, и кресло, казалось, съежилось, послушно подстраиваясь под седока.

– Вина?

– Коньяк. Вы ведь именно его приготовили.

– Мне рассказали о ваших вкусах.

Слуга внес бутылку и два пузатых бокала.

– Хорошо, что новые хозяева Европы не стали менять названия марок, – светски произнес Папа. – И мы с удовольствием пьем «Курвуазье», как наши отцы и деды. Я, знаете ли, немножко консерватор, люблю напитки с историей.

– Не такие уж и новые хозяева, – уточнил Кауфман.

– Тем не менее – не стали, за что им честь и хвала, – свернул тему Джезе. Он предполагал, что гость поддержит тему коньяка, а вот говорить о шейхах Папа не хотел. – Сигару?

– Сигарету. У меня свои. – Мертвый достал портсигар.

– А я предпочитаю самокрутки. – Папа ловко свернул сигаретку. – Спасибо, что зашли. Я тронут.

– Хотел извиниться за то, что проспал покушение. Мне, право, неловко.

Самое время дать понять директору Кауфману, что он разговаривает не с покладистым Таллером.

– Занзибар не входит в зону ответственности СБА, Макс, – легко напомнил Папа.

– Занзибар находится в моем Анклаве, а значит, входит в зону ответственности, – легко объяснил Кауфман.

«Здесь я хозяин, малыш, здесь все происходит только с моего ведома».

– К тому же покушение на человека вашего ранга должно быть тщательно спланировано, нити наверняка ведут за пределы Занзибара. Я постараюсь отыскать их.

– Зачем?

– Это мой долг. – Мертвый поправил правую перчатку и напомнил: – Я служу в СБА.

– Вы расследуете все совершаемые в Анклаве преступления?

– По мере сил.

– Даже в Урусе? И в Шанхайчике? – Папа Джезе продемонстрировал похвальную осведомленность о положении дел в Москве, называя территории, жители которых никогда не

обращались за помощью в «Пирамидом».

– Инцидент с человеком вашего ранга не может остаться без внимания.

– То есть все дело в ранге?

– То есть все дело в том, что жители Уруса и Шанхайчика не испытывают необходимости в следственных мероприятиях, предпочитая самостоятельно докапываться до истины. И мне на них, в общем-то, плевать. Но если убьют главу Триады, я обязательно узнаю, кто это сделал.

– Держите все под контролем?

– Мама воспитала меня любознательным.

Рана, о которой Папа и думать забыл, неожиданно начала зудеть.

«Что происходит?»

Он улавливает только те эмоции, которые ему разрешают уловить. Он не понимает мотивов собеседника и немного сбит с толку.

И почему духи Лоа глазеют на происходящее из открытой двери в соседнюю комнату? Почему не витают в гостиной?

– Максимилиан, поверьте, мне приятна ваша забота, и, если расследование принесет результат, я с удовольствием прочитаю отчет. – Папа и сам не знал, чего хочет: развернуть разговор в другую сторону или свернуть его? Такое с ним случалось нечасто. – Я не могу принять извинения, по той причине, что не вижу вашей вины. Давайте выпьем еще коньяка и поговорим о том, ради чего вы на самом деле приехали.

За спиной Кауфмана висит огромная картина в тяжелой золоченой раме. Сюжет канонический: святой Мбота проповедует кафрам. И сейчас Папе показалось, что основатель Католического Вуду одобрительно подмигнул, услышав последнюю фразу: «Все правильно, сынок, если тебя пытаются запутать – выпей и руби сплеча!»

Мужчины подняли бокалы.

– Ваше здоровье, Джезе.

– Ваше здоровье, Макс.

Огоньки не исчезали, Мертвому по-прежнему весело.

«Чему он радуется?»

– Коньяк великолепен.

– Благодарю.

– Почему Ахо решил вас убить?

Святой Мбота вернулся к кафрам.

«Ты хотел откровенного разговора? Уверен, что хотел?»

Джезе поиграл бокалом, любуясь искрящимся в электрическом свете коньяком, и очень мягко поинтересовался:

– Почему вы спросили?

– То есть вы не отрицаете?

– Почему вы спросили?

– Занзибар не является для меня источником больших проблем, – спокойно ответил Кауфман. – Но если здесь вспыхнет война между вашими противниками и вашими сторонниками, мне придется уничтожить и тех и других. Или только тех. Я должен понимать, как действовать, а отсюда вопрос: почему Ахо решил вас убить?

Мертвый ясно дал понять, что не отступит.

«Какого черта? Уж кто-кто, а высший офицер СБА наверняка знает о наших разногласиях!»

О том, что два самых авторитетных и уважаемых лидера церкви терпеть друг друга не могут. И не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кто стоит за сегодняшним покушением.

Папа был реалистом, он искал поддержку не только среди архиепископов, но наводил мостики взаимопонимания с главами государств, с политиками, с крупными промышленниками – с сильными людьми из стран Католического Вуду. Однако ему впервые предстояло говорить о своих проблемах с человеком, не имеющим никакого отношения к миру, построенному святым Мботой.

Или не предстояло?

Не пора ли попрощаться с директором Кауфманом?

– Мы перестали доверять друг другу, – честно ответил Папа.

– Почему?

– Это долгая история. И вас она не касается.

Но Кауфман продемонстрировал, что мама вырастила его не только любознательным, но и въедливым.

– Ваши миссионерские поездки начались чуть больше полутора лет назад. Вскоре после того, как вы пережили первое покушение.

– Рана, от которой я долго лечился, не имеет отношения к покушению.

– Вас ранили во Франкфурте во время «Альпийского кризиса». А я говорю о покушении, что случилось шестью месяцами позже.

– Вы прекрасно осведомлены.

– Это моя работа, – скромно отозвался Мертвый.

– Ваша работа – Москва, – резковато бросил Папа. – Франкфурт и Католическое Вуду вас не касаются.

И тут же подумал: «А он, оказывается, умеет улыбаться!»

Причем – очень красиво улыбаться. Ироничное выражение, которое Мертвый умело напялил на лицо, запросто подошло бы

рекламному плакату: «Удаленный психоанализ. Читаю мысли на расстоянии».

– Я ведь говорил, что любознательный, – напомнил Кауфман. – А еще – я сам устанавливаю границы своих интересов.

– Не думал, что офицеры СБА столь самостоятельны.

– Не все.

– Приятно слышать.

Бутылка постепенно пустела. Мертвый сделал довольно большой глоток и продолжил:

– Признаюсь, первое покушение на вас стало для меня полной неожиданностью. Я заинтересовался. Каждое утро пересчитывал архиепископов, предполагая, что начались внутренние разборки и скоро вы предпримите ответные действия, но время шло, а война так и не случилась. Вместо этого вы принялись разъезжать по миру с пастырскими визитами, однако ни разу не появились в Новом Орлеане. Вот я и сделал вывод, что ваш враг – Ахо. Вербуете сторонников?

– Несу пастве слово Иисуса Лоа.

– За полтора года вас пытались убить трижды. Сегодня – в четвертый раз. Вдруг следующее покушение станет удачным?

– А вдруг нет?

– Почему вы пошли против Ахо?

– Потому что у меня не было другого выхода.

– Он почувствовал в вас угрозу?

Огоньки вдруг исчезли, однако лед уже подтаял. Мертвый смотрел не холодно, а заинтересованно, очень внимательно. Потеплевший ледник призывал: «Я пришел сюда ради этого разговора, не закрывайся, Джезе!»

Мбота старательно вещал кафрам, а духи Лоа по-прежнему толклись у дверей гостиной.

Что за человек сидит в кресле напротив? Какую игру он затеял?

– Мы перестали доверять друг другу, – повторил Папа. Помолчал, но все-таки решился развить ответ: – Произошло событие, после которого мне стало трудно, практически невозможно подчиняться Ахо. Хотя я обязан. – Пауза. – Я впитал в себя Католическое Вуду, Макс, я верен учению Мботы и поэтому долго боролся с собой. Хотел вернуться в прошлое, в то время, когда я был послушен и предан Ахо. Но духи Лоа не позволили мне успокоиться. Духи Лоа любят свободных и сильных. Склони я голову – перестал бы быть собой, потерял бы уважение всех Тринадцати Пантеонов. От меня осталась бы лишь оболочка… – Папа долил себе коньяк, глотнул. – Я надеялся, Ахо поймет, что происходит, и сохранит статус-кво: он не трогает меня, я не

трогаю его. Но он подослал убийц. И тем не оставил мне выбора.

– Надеетесь его сместить?

– Я планирую его сместить, – жестко и уверенно произнес Папа. – Чувствуете разницу?

– Новому лидеру требуется интересная программа.

– В Католическом Вуду назрели перемены.

– Это общие слова, – покачал головой Мертвый.

– Тем не менее на них откликаются. Ахо тупо придерживается линии, прописанной Мбота. Но мир меняется, и, если мы не хотим потерять влияние, нам следует об этом помнить. Я знаю, что нужно делать, и люди идут за мной. Я привлекаю новых последователей, а вот Ахо этим похвастаться не может.

– Детали программы раскрываете только архиепископам? – осведомился Кауфман. – Попробуйте представить, что я – один из них.

Горячие слова о пастве Мертвый оставил без внимания.

– Откуда столь пристальный интерес? – прищурился Папа.

– Я еще не решил, на кого буду ставить.

– До Москвы долетят лишь отголоски сражения, – махнул здоровой рукой Джезе. – Либо здесь будет тихо, либо здесь тихо поменяется архиепископ.

– А до Станции?

«Так вот в чем дело!»

Папа осекся.

– Я строю Станцию, Джезе, – с напором произнес Мертвый. – Я, выражаясь вашим языком, меняю мир. Через несколько месяцев я окажусь под колоссальным давлением, и мне необходимы друзья. Страны Католического Вуду – это весомая сила. Ваше мнение не могут игнорировать ни Исламский Союз, ни Китай – никто. И я был бы не против договориться.

«Станция. Как я мог о ней забыть?»

Потому что не столь опытен, каким хотел казаться. Потому что сосредоточился на том, что внутри, совершенно позабыв, что собрался стать фигурой международного масштаба. Католическое Вуду – не клуб по интересам, его лидер – игрок планетарного уровня, и другие игроки не останутся безучастными к перестановкам.

«Мертвый – игрок?»

Даже не президент СБА, а всего лишь директор одного из филиалов.

«Он строит Станцию, – напомнил себе Джезе. – Он строит Станцию, на которую смотрит весь мир. Да, он – игрок».

– Почему вы не пришли к Ахо? – пробормотал Папа. – Сейчас он настоятель храма Иисуса Лоа.

Папе требовалось время, чтобы привести в порядок мысли, оценить новый расклад.

– Я не просто меняю мир, я закладываю основы нового, – быстро ответил Мертвый. – Ахо – старый. К тому же, как вы исключительно правильно заметили, Джезе, Ахо – уже настоятель, а значит, он может потребовать от меня услуги или уступки, которые я не захочу ему оказывать.

– Какую же услугу вы приготовили для меня?

– Помогу взобраться на вершину.

– А что я сделаю в ответ?

– Вы меня возненавидите.

– Это понятно, – спокойно произнес Папа, сворачивая очередную самокрутку. – Что я должен буду сделать в ответ?

В глазах Мертвого вновь загуляли озорные огоньки – ему понравилось, как Джезе среагировал на замечание об их будущих взаимоотношениях.

– В определенный момент вы окажете мне ответную услугу. Сейчас я не могу сказать, в чем она будет заключаться. Возможно, я попрошу вас проявить жесткость, возможно, попрошу остаться в стороне, не вмешиваться в драку, – не знаю. Гарантировать могу только две вещи: это будет весомая услуга, и она на первый взгляд покажется невыгодной странам Католического Вуду.

– Определенный момент наступит, когда вы окажетесь под давлением?

– Он наступит скоро, но к тому времени вы уже будете обладать всей полнотой власти.

– Откуда вы знаете?

– В противном случае я бы не завел этот разговор.

Уверенность, уверенность и еще раз уверенность! Почему главным козырем Мертвого считается сила? Всесокрушающая уверенность – вот его конек. Он видит будущее или просчитывает его?

А?

Духи Лоа молчат за дверью. Нарисованный Мбота тоже не отзывается, но явно прислушивается.

– Пообещать я могу все, что угодно, – заметил Папа.

– Джезе, вы – крестоносец, а не миссионер. Вы потомок рыцарей, вы сдержите слово.

«Он настолько наивен?»

– Власть меняет людей, – медленно произнес Папа. – Став настоятелем храма Иисуса Лоа, я буду обязан заботиться о процветании стран Католического Вуду. А если запрошенная услуга будет противоречить их интересам, мне будет крайне сложно принять решение.

– Если мы договоримся, я найду способ заставить вас сдержать слово, – без угрозы, но очень уверенно сказал Мертвый.

Требовать уточнений Папе не хотелось. Он затушил сигарету, разлил остатки коньяка по бокалам и негромко, даже чуть рассеянно, поинтересовался:

– Как вы мне поможете?

– Большую часть задачи вы уже выполнили – сформировали блок лояльных архиепископов. Я же устраню Ахо.

«Да, конечно».

В духе Мертвого. Жаль, господин директор Кауфман, но на этот раз вы свои возможности переоценили.

– Полагаю, вы не поймете, что я имею в виду, но вы должны знать – это невозможно, – ровно произнес Папа. – Ахо – самый сильный хунган из всех, кого я когда-либо видел. Духи Лоа влюблены в него, а потому он в полной безопасности. Думаете, я от хорошей жизни затеял все эти пастырские визиты? Я не могу с ним справиться. – Джезе посмотрел в голубые глаза Мертвого. – Я нанимал лучших людей, но покушения даже не попали в газеты. Убийцы растворялись, исчезали. Ахо очень силен и очень хорошо защищен.

– Почему вы не сразились с ним лично?

– Я бы не доехал до храма, убили бы по дороге. К тому же Ахо не настолько глуп, чтобы соглашаться на поединок, он знает, что я – не подарок.

– В таком случае вы вообще ничем не рискуете, – развел руками Кауфман. – Скажите да, чтобы порадовать старика, и распорядитесь насчет еще одной бутылочки коньяка.

Взгляд Кауфмана снова стал цепким. Кошка положила перед собой толстый кусок сыра и внимательно наблюдает.

Уверенность.

А что, если он и на самом деле способен убить Ахо? Не зря же духи Лоа обходят Мертвого стороной!

– Вы действительно можете это сделать?

Мертвый не ответил, продолжил пристально смотреть на Джезе и не ответил.

– Договоримся так: я распоряжусь насчет еще одной бутылочки, и мы сменим тему. – Папа широко улыбнулся. – А на вопрос я отвечу позже.

– У вас чудный табак, Джезе, не поделитесь секретом смеси?

– Вы замечательный собеседник, Макс.

Джошуа Таллер зашел к Папе минут через пять после ухода Кауфмана – московскому архиепископу не терпелось узнать, как прошел неожиданный визит. Зашел и обнаружил растерянного

Папу в примыкающей к гостиной комнате, где находилась электронная аппаратура.

– Решил податься в техники?

– Решил просмотреть запись нашего с Мертвым разговора, – медленно ответил Джезе.

– Спасибо, что не начал без меня.

– Я начал.

– И?

– Ничего не увидел.

– Вообще ничего?

– Смотри сам.

Папа нажал на кнопку, и на мониторе появилось изображение гостиной. Четкое, очень качественное изображение. Архиепископы легко различили узор на ковре, при желании могли прочесть надпись на бутылочной этикетке, но вот фигуры собеседников не удались. Они были смазанными, расплывчатыми. А голоса превратились в невнятный писк.

– Это не техническая проблема, – тихо произнес Таллер.

– К сожалению, вынужден с тобой согласиться.

И оба подумали о девушке, которая так кстати оказалась на проповеди. И которую тоже не смогли записать видеокамеры. Призрак Каори? Теперь это предположение вызывало большие сомнения.

– Получается, Мертвый не так уж и прост?

– Совсем не прост, – задумчиво подтвердил Джезе. – А в какой-то момент нашего с ним разговора мне показалось, что духи Лоа… в замешательстве.

– Они осторожничали?

Папа покачал головой:

– Они боялись, Джош, они смертельно боялись.

В Пирамидом Мертвый вернулся по воздуху. Дождался, когда кортеж из шести машин покинет пределы собора Тринадцати Пантеонов, и забрался в кабину вертолета, который немедленно поднялся в воздух. Управлял двухместным разведчиком Щеглов.

– Как прошла встреча, доктор Кауфман?

– Полагаю, мы получим от Папы все, что нам нужно.

– А как вы нашли самого Джезе?

Вертолет опередил кортеж, взмыл очень высоко и стремительно приближался к Пирамидому.

– Она разобьет ему сердце, – помолчав, ответил Мертвый.

И улыбнулся.

– У вас замечательная дочь, доктор Кауфман, – невозмутимо констатировал Мишенька.

– Я знаю.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»

Нельзя все время собирать камни

Если в доме только один слуга, члены семьи гарантированно не вырастут избалованными эгоистами – проверено на опыте.

Командировка Олово внесла в привычный распорядок обитателей особняка определенное разнообразие. Кириллу пришлось вспомнить, как работают посудомоечная машина и плита, и гораздо чаще покидать дом – обедал Грязнов в окрестных заведениях. Патриция зависела от Олово меньше отца, а потому единственной новой обязанностью девушки стало приготовление вечернего чая.

И сейчас, сидя на кухне и дожидаясь, когда закипит вода, девушка просматривала пришедшие в коммуникатор сообщения.

«Любимая! Твои глаза…»

Прочь.

«Милая Патриция! Вспоминая нашу мимолетную встречу…»

Прочь.

«Мое сердце бьется…»

Прочь!

Их было много. И с каждым днем становилось все больше. Самые разные люди: романтики и циники, девственники и мачо, обладатели огромных состояний и мелкие служащие, женщины и мужчины, все они теряли голову, едва увидев Патрицию. Правдами и неправдами узнавали ее электронный адрес и наполняли ящик нежными посланиями. Присылали на дом цветы и дорогие подарки. Дежурили в Университете. Становились завсегдатаями любимых клубов девушки, старались «быть на виду», постоянно попадаясь на глаза и с трепетом ожидая, что Пэт обратит на них внимание. Системы не существовало, предсказать, кто из встреченных потеряет от любви рассудок, не было никакой возможности, и девушке оставалось принимать ситуацию как данность. Терпеть. Натянуто улыбаться. Не глядя, стирать приходящие в коммуникатор послания. И привыкать к мысли, что любой из них готов отдать за нее жизнь.

Патриция закрыла лицо руками и надавила на веки, пытаясь стереть вставшую перед глазами картину: окровавленный Кимура,

рыдающая Матильда: «Я не могу ему помочь!» и Рус. Дрожащий от ярости и наполнившего душу холода Рус.

«Как?»

«Кто-то должен был умереть».

Это ее голос? Да, это ее голос. Горький и усталый. Да, это сказала она. Понял ли Рус, что она пыталась сказать?

«Кимура прикрыл тебя!»

Все верно – прикрыл, заслонил собой. А я прикрыла Джезе. Заявила свои права на мужчину, в глазах которого горит настоящий огонь, заявила перед духами Лоа, заставив их стерпеть оскорбление в собственном доме. И поэтому кто-то должен был умереть.

«Я просила Кимуру остаться».

«Кто бы тогда умер?»

«Скорее всего, я».

Соврала. Соврала. Соврала.

Соврала, искренне глядя в глаза. Обманула, но так было нужно, Рус не должен знать, что, не окажись Кимуры, смерть выбрала бы другую цель, но только не ее. Соврала. Рус не принимает и никогда не примет такую арифметику, никогда не станет играть жизнями. Рус хороший. А у Патриции есть цель.

Это был ее выбор. С самого начала был ее выбор. Но Кимура любил, а потому пошел, а пойдя – заслонил собой. Все правильно, счета закрыты, ни у кого нет претензий, она получила то, что хотела, Джезе жив, его спасла чужая кровь.

«Пэт не виновата! – Матильда поцеловала Кимуру в лоб. – Пэт не виновата».

Рус уселся рядом с мертвым другом, взял его холодную руку, опустил голову и очень-очень тихо произнес: «Я знаю».

Поймет ли? Примет ли? Простит? Пэт не знала. Зато поняла, что не должна сдерживаться, а потому села рядом и долго рыдала, закрыв лицо ладонями. А Рус… а Рус через некоторое время обнял ее и прижал к себе.

Коммуникатор пискнул, сообщая о приходе очередного пакета сообщений. Пэт просмотрела их, тяжело вздохнула, нажала кнопку «удалить все», взяла поднос с чаем и отправилась в кабинет отца.

Поговорить?

Да, наверное, нужно.

Просто поговорить, потому что Кирилл – единственный на Земле человек, с которым Пэт позволяла себе быть откровенной. Заставила себя быть откровенной с тех пор, как поняла, что Деда нет и больше не будет, а держать все в себе трудно, почти невозможно. Заставила и получила в ответ не меньшую

открытость. Увидела, что у Кирилла нет от нее тайн, испытала чувство благодарности и… И, наверное, сделала первый шаг на своем пути.

– Чай.

– Спасибо. – Грязнов захлопнул книгу и вытащил из кармана позолоченную коробочку. – Я не слышал, когда ты вернулась.

– Минут двадцать назад.

– Значит, увлекся… Как прошел день?

– Неплохо.

– Развлекалась?

– В основном.

– Слышала о покушении на Джезе?

Вопрос был задан ровным, абсолютно бесстрастным тоном, однако Пэт с трудом сдержалась, едва не вздрогнула, едва не раскрылась… Патриция не хотела рассказывать о своих приключениях в Занзибаре. Пока не хотела. Не готова. Не сейчас.

– Ага, слышала.

– Я видел запись. – Кирилл задумчиво повертел в руке коробочку с пилюлями. – Видел, как он вернулся на сцену, весь окровавленный… И слышал отзывы: люди потрясены его мужеством.

– Джезе настоящий пастырь.

– Согласен, дочь. – Кирилл вновь помолчал. – А я-то считал его крестоносцем.

– Он такой и есть. – Пэт усмехнулась. – Просто теперь до него дошло, что слово тоже может быть мечом. К тому же… не будь он крестоносцем, он бы не вернулся.

– Тоже верно. – Грязнов уловил настроение дочери, понял, что она по каким-то причинам не хочет обсуждать Джезе, и поспешил закрыть тему.

Три пилюли на ладонь, затем – в рот. И много простой воды из бокала. Глаза закрыты, пальцы слегка подрагивают, но уже через несколько секунд все приходит в норму. Разглаживаются морщины на высоком лбу, поднимаются уголки губ.

Пэт знала, что даже руны не способны снять терзающую отца боль. Пробовала, несмотря на запрет, но помочь не сумела.

«У всемогущества есть границы, дочь».

От мучений спасает лишь загадочный препарат храмовников, но надолго ли хватит таблеток? Отец принимает их все чаще…

– Принести еще воды? – глухо спросила девушка, разливая чай.

– Нет, на сегодня хватит.

Сердце сжалось, а вот Кирилл улыбнулся. Дождался, когда дочь усядется напротив, взял свою чашку и поинтересовался:

– Как Рус?

– В восторге от новой игрушки.

– Ночует в мастерской?

– По-моему, ни разу не уснул с тех пор, как я пригнала ему «Ифрит». Матильда недовольна.

Грязнов понял, что случилось нечто серьезное, однако давить на нее не стал. Не говорит, значит, не готова. Время есть…

– Он уже разобрался, что к чему?

– Он уже фонтанирует новыми идеями.

– Мы в нем не ошиблись.

– Ты не ошибся, отец. Ты его нашел… и приручил.

– Приручить гения невозможно, – покачал головой Кирилл. – Я удержал его рядом, а вот тебе предстоит самое сложное – использовать его.

– И остальных.

– И остальных, – согласился Грязнов.

Первая чашка опустела. Кирилл дотянулся до подноса, налил себе еще и, подумав, смешал чай с молоком.

– Когда ты вошла, мне показалось, что ты чем-то обеспокоена.

– Нет, это не беспокойство.

– Ты чем-то недовольна?

– Я не знаю… – Патриция помолчала. – Писем становится все больше.

В конце концов, это почти по теме, почти о том, что случилось в Занзибаре. Ведь если бы Кимура не был влюблен, вряд ли бы он совершил то, что… вряд ли бы он… не стал бы, наверное, не прикрыл…

Пэт судорожно вздохнула, Кирилл сделал вид, что ничего не заметил. Переспросил:

– Писем любви?

– Да… – Девушка уже взяла себя в руки, грустно улыбнулась. – Теперь им достаточно просто меня увидеть. Если раньше требовался хотя бы секундный контакт: обращенный к ним вопрос, теплый взгляд, случайное прикосновение, то теперь они теряют голову, просто увидев меня. Приходят письма от людей, которых я даже не помню, с которыми столкнулась на улице или в ресторане.

Приходят чужие эмоции, обращенные к ней.

– Так и должно быть.

– Я знаю.

– Но не можешь это принять?

– Да. – Пэт отставила пустую чашку. – Я не предполагала, что этот психоз будет столь… массовым. А иногда я думаю, что люди, которые идут за мной…

– Попали под действие гипноза?

– Верно.

– Это называется сомнением.

– Хорошо, что не безумием.

Взгляд Кирилла стал очень внимательным, не участливым, но мягким. А тон – убежденным:

– Люди идут за тобой, потому что верят.

– Или они очарованы?

– Боги очаровывают, эту особенность ты не можешь контролировать.

– Но насколько в таком случае самостоятельны идущие за мной?

– А разве тот, кого ведут, может быть самостоятельным?

– Да, – твердо ответила Патриция. – Они сами делают выбор. Они верят в путь. Они хотят по нему идти. Они не рабы.

Она ответила ему, она ответила себе. И довольный Грязнов откинулся на спинку кресла, в его голосе послышалось облегчение:

– Вот и ответ на твой вопрос.

Она все понимает, она все делает правильно, она – молодец!

– Не поняла, – нахмурилась Пэт. – Я ведь спрашивала о них! О людях!

– Ты спрашивала о себе, – поправил дочь Кирилл. – До тех пор, пока ты будешь видеть не толпу почитателей, а собравшихся вокруг людей, не стадо, а ряды признавших тебя, до тех пор они будут самостоятельными. До тех пор ты будешь не вести, а возглавлять, и любовь, которая есть твоя особенность, не затуманит им голову, а придаст сил. Вот так-то, дочь, вот так, и никак иначе.

Пэт вздохнула.

Кирилл же взял ее чашку и вновь наполнил.

Разговор получился нужным, своевременным. Но Грязнов прекрасно понимал, что чувства последователей были отнюдь не главной причиной, по которой Патриция завела его. И даже то событие, о котором она умолчала, но которое поселило грусть в ее глазах, – даже не оно стало причиной, разве что послужило толчком. Сомнения и неприятность можно выразить словами, о них можно рассказать, а те неясные чувства, что окутывали душу девушки, имени пока не имели. Не тревога и не волнение. Тревога и волнение. Не беспокойство. И одновременно – оно самое.

Смутное ощущение, что ты чего-то лишена. Подсознательное понимание, что чего-то не хватает.

Горечь, вызванная тем, что в душе нет настоящей песни.

Кирилл понимал, но молчал, предлагая дочери самой разобраться в себе, найти правильный выход, правильный путь. Она уже доказала, что умеет это делать.

Любовь не должна быть безответной, иначе она начинает душить. Или, что гораздо хуже – раздражать. Пока Патриция только берет, тонет в чужих чувствах и не взрывается в ответ. Не вспыхивает. Не поет ее душа. Но скоро все должно измениться.

– Завтра я уеду, – негромко сообщил Грязнов.

– Надолго?

– Ты не успеешь соскучиться.

– Хорошо. – Патриция улыбнулась. – Хорошо.

* * *

Территория: Китайская Народная Республика. Пекин
Прав тот, кто умеет настоять на своем

«Дракона усмирят трое. Один – тот, кто его породил. Второй – тот, кто сделает колесницу. Третий – тот, кто говорит с железом».

Дракона усмирят трое…

– Товарищ генерал!

Секретарь Председателя поприветствовал Ляо, поднявшись из-за стола. Руки не подал – он генералу не ровня, – поклонился и распахнул дверь:

– Вас ждут.

Возвращение Ляо к власти было неспешным, как и всякий подъем на вершину, но неотвратимым. Генерал знал, что вернется несмотря на то, что его враги шумно праздновали избавление от «вредного старикашки», нежелающего играть по правилам. Знал, потому что, в отличие от них, не имел политических амбиций. Жизнь Ляо была посвящена Китаю и только Китаю, а его ум и обширные связи во всем мире делали генерала бесценным бриллиантом в сокровищнице любого властителя. Ляо знал, что вернется, и не ошибся.

Опала, в которую его вынужденно отправил Председатель, продлилась чуть больше полугода. Затем Ляо разрешили вернуться в Пекин – разразился дипломатический скандал с Индией, и Председателю потребовался мудрый советчик. Генерал доверие оправдал, сумел сгладить углы и восстановить пошатнувшиеся отношения с мощным соседом, за что удостоился официальной благодарности и должности личного советника Председателя. Враги глухо заворчали, однако маятник, к

глубокому их разочарованию, уже качнулся в обратную сторону. Несколько следующих месяцев Ляо вел себя предельно осторожно: выдавал мудрые советы, исполнял приказы, на первые роли не лез, на уколы не отвечал. Вот ушел на пенсию один из его врагов, член ЦК – возраст, что поделать? Вот получил почетную, но бессмысленную должность другой – блестящая карьера, можно только позавидовать. Вот притихли остальные, сообразившие наконец, куда дует ветер, и Председатель развил успех, проведя чистку в высшем армейском руководстве. Прежний начальник Генерального штаба, на дух не выносящий «вредного старикашку», отправился в отставку, и генерал с триумфом вернулся в свою вотчину – в военную разведку. Показал, что стоит над кланами, сообществами, землячествами и их бесконечной грызней за власть.

– Дорогой друг…

Председатель усадил старого разведчика в кресло, сам устроился в соседнем, внимательно оглядел.

– Я рад нашей встрече.

Ляо склонил голову.

– Но я глубоко опечален разговором, состоявшимся у вас с Моратти, – продолжил первый человек Поднебесной. – Новости о Станции – плохие новости.

– Они странные и подозрительные, – уточнил генерал. – Но самое главное – они непонятные.

Действия «Науком» и «МосТех» не поддавались логическому объяснению. Для чего идти на огромные траты и стягивать производства в один район? Для каких целей закупается непрофильное оборудование? Для чего создаются запасы продовольствия?

– Наши так называемые аналитики смогли сделать только один вывод: предположили, что корпорации не верят в благополучный запуск Станции и готовятся к Апокалипсису.

– Я размышлял об этом, – поведал Председателю генерал.

– И?

– Эта теория ничего не объясняет. Получается, «Науком» стягивает заводы к эпицентру взрыва?

– Я задал тот же вопрос и получил разумный, как мне кажется, ответ. – Председатель помолчал. – Ученые считают, что Станция станет не эпицентром, а источником, что будет повторен древний эксперимент, результатом которого стал Тунгусский взрыв.

– То есть Станция выдаст импульс, а собственно катастрофа произойдет в другом месте, – понял генерал.

– Ученые считают, что это место может быть выбрано

хозяевами Станции произвольно.

– Выходит, мы имеем дело с глобальной пушкой? С неким сверхоружием, способным нанести удар в любую точку земного шара?

– Совершенно верно.

– Я прошу меня простить, дорогой друг, но подобные версии достойны начитавшихся Жюля Верна референтов, а не серьезных аналитиков.

– Вы не верите в глобальную пушку? – Чувствовалось, что сам Председатель не на шутку увлечен подобной теорией. – Она объясняет все. Переброска производств – поближе к защите. Закупки продовольствия – после первого удара начнется глобальное противостояние, «Науком» попадет в блокаду и должен будет продержаться до того времени, пока окончательно не утвердится в роли мирового жандарма…

– В списке моих версий глобальная пушка занимает второе, последнее место, – старик мягко перебил Председателя, открыто указав, что теория не стоит того времени, которое они на нее тратят.

– Что же находится на первом?

– Большое, белое, зловещее пятно с надписью «Я не знаю», – признался генерал.

– Но вы ведь не верите, что «Науком» строит энергостанцию?

– Не верю. И все действия корпорации доказывают, что задумано нечто иное, нечто более серьезное.

– Тогда в чем же проблема?

– Пушка – это очень мелко.

– Глобальная пушка, – уточнил Председатель.

– Если я узнаю, что Чудовище разменяло себя на плеть, мне будет очень горько. И даже немного за него стыдно.

– Этой плетью можно держать под контролем весь мир!

Мировое господство! К сожалению, Председатель поверил в самое примитивное объяснение происходящего, забывая, что достичь цели можно изящно, без применения грубой силы. И результат будет куда более страшным.

– В любом случае мы не можем просто сидеть и ждать.

– Я все понимаю, дорогой друг, – развел руками старик. – Я все понимаю. Мы должны атаковать, но мы не можем.

– Почему?

– Сколько времени потребуется на захват?

– Я не военный, не изучал специально этот вопрос, но, думаю, до двух часов. Может, три или четыре… А почему вы спрашиваете?

– Чудовище уничтожит Станцию.

– Не посмеет.

Старик покачал головой:

– Представьте убегающего от охотников зверя. Зверь знает – все, что ему нужно для спасения, – переплыть реку. Все его помыслы сосредоточены на этом. Зверь бежит к воде. Получает раны, но не обращает на них внимания. Нужно переплыть реку – и он спасен. Но внезапно перед ним вырастает стена. Все усилия напрасны… – Ляо помолчал. – Чудовище под ударом, стоит ему высунуться, как на него набросятся все охотники Земли. Станция – его река, его надежда на спасение. – Еще одна пауза. – Ему хватит неукротимости лишить человечество новой энергии.

Все остальные люди, с которыми советовался Председатель, сомнений не испытывали: выдвинуть корпорациям ультиматум, если не примут – захватывать Станцию. Все остальные свято верили в силу.

– У нас нет выбора, дорогой друг.

– Увы, я знаю.

«Дракона усмирят трое. Один – тот, кто его породил. Второй – тот, кто сделает колесницу. Третий – тот, кто говорит с железом».

Прочитав предсказание в первый раз, Ляо решил, что ритуал не удался. Что речь в записке идет об уже свершившемся: Станция строится, понятно, что в этом процессе принимают участие разработчики, а также инженеры самых разных специальностей. Породившие новую энергию ученые и те, кто будет загонять ее в колесницу практического применения. Небольшая заминка возникла с третьим человеком, с тем, «кто говорит с железом». Кузнец? Алхимик? Но через несколько секунд Ляо понял, что речь идет о машинисте.

Теперь все встало на свои места: изобретатель, инженер, машинист. Без них строительство Станции невозможно. Однако этот факт ясен и без обращения к духам.

Изобретатель, инженер, машинист.

«Дракона усмирят…»

Ляо распрощался с даосами и лег спать. А утром понял, что допустил детскую ошибку.

«Дракона усмирят!»

Вот что он должен был прочитать: усмирят! Будущее время. Им только предстоит справиться с новой энергией, но… Но ведь у них уже есть работающий образец. Миниатюрный энергоблок, служащий основой эксперимента. Собственно, Станция будет тем же энергоблоком, только должным образом отмасштабированным.

Получается, дракон усмирен?

«Я никогда не верил, что они строят обычную энергостанцию», – обронил Шо во время встречи с Моратти.

«Дракона усмирят».

Усмирить, значит, заставить делать то, что от него хотят. Для чего Чудовище строит Станцию?

И сказано: три человека. Использован оборот, отвергающий возможность перечисления профессий, речь идет не об объединенных усилиях ученых, инженеров и машинистов, а о трех людях.

«Тот, кто породил дракона».

Гений, придумавший новую энергию. Если раньше Ляо предполагал, что ее разработала научная команда или научная дивизия, то теперь сомнения отпали: команда, дивизия, армия – во главе стоял настоящий гений. Сейчас он на Станции, и его защищают все силы Мертвого. До него не добраться.

«Тот, кто сделает колесницу».

Инженер, безусловно, там же. Руководит строительством. Станцию создают под конкретную задачу, а значит, колесница должна была подниматься с самого первого дня.

«Тот, кто говорит с железом».

Куда в наши дни без толкового машиниста?

Опять не сходится.

Пусть речь в предсказании идет не о профессиях, а трех конкретных гениях – что это меняет? Они существуют, и они на Станции заняты… Усмирением?

И тут Ляо понял, что сумел прочесть предсказание. Только сейчас сумел, потратив на расшифровку несколько часов.

Речь не о том, что происходит сейчас, а о том, что будет. Эксперимент даст осечку, Станция, судя по всему, выйдет из-под контроля, и справиться с проблемой сможет команда из трех человек. Если они уже находятся на Станции, под защитой всех возможных сил, то смысла в записке нет. Вот и получается, что как минимум один из них еще не вышел на сцену. И это, скорее всего, машинист: изобретатель все начал, без инженера не началось бы строительство, остается «тот, кто говорит с железом».

Машинист не на Станции! Человек, без которого невозможно усмирить дракона, еще не пришел. А кого можно назвать гениальным машинистом?

Ответ лежит на поверхности – Сорок Два.

Машинист, возглавляющий самое радикальное течение нейкизма. Машинист, написавший невероятный π-вирус. Машинист, потрясший мир. Неужели он – творение Кауфмана?

Ляо привык действовать быстро и решительно.

Поскольку других кандидатов на роль гения не наблюдалось, генерал распорядился сосредоточить усилия на Сорок Два. Вычислить его местонахождение любой ценой, не жалея ни сил, ни денег, ни самых лучших агентов.

«Мне нужен Сорок Два!»

Сам же Ляо взялся за изучение радикала. Тщательнейшим образом просмотрел существующую информацию, не упуская ни одной статьи, ни одного абзаца. Убедился, что прав, и пребывал в этой уверенности до тех пор, пока не наткнулся на очень странный отчет, подготовленный безвестным аналитиком электронной разведки. Отчет, перечеркивающий все его выводы. И именно поэтому, покинув здание ЦК, генерал отправился в Генеральный штаб, где его уже ждал взволнованный офицер.

– Мне нужны объяснения.

Ляо нечасто позволял себе такой тон: сухой, деловой, даже немного резкий. Не часто пренебрегал приветствиями, даже с подчиненными, и эти факты свидетельствовали, что генерал пребывает в замешательстве.

– Мой доклад признан ошибочным, – робко отозвался офицер.

– Это решил ваш начальник?

– Так точно.

– Но я спросил не о его выводах, – холодно произнес Ляо. – Меня интересуют причины, побудившие вас высказать столь неожиданное мнение.

Аналитику очень хотелось вытереть выступившие на лбу капельки пота. А еще больше – махнуть пару стаканов водки. Но приходилось сдерживаться.

– Это очень трудно объяснить, товарищ генерал… – совсем не по-военному промямлил несчастный. – Я изучил старые работы Сорок Два, сравнил их с нынешними и на этом основании сделал вывод, что современные программы писал не он. – Аналитик передохнул и, внезапно осмелев, закончил: – И уж тем более Сорок Два не мог написать π-вирус. Это не его уровень, совсем не его.

Несколько долгих секунд генерал молча смотрел на мокрого, как мышь, офицера, затем велел ему присесть. Но тон следующего вопроса оставался ледяным:

– Из старых работ Сорок Два следует, что он придумал троицу?

– С вашего позволения, товарищ генерал, Сорок Два не придумывал троицу. – Пропадать так пропадать! А потому аналитик начал отвечать уверенно и даже чуть нахально: – Если бы врач ввел ему нормальные наны, изобретение не состоялось

бы. Троица стала результатом серии совпадений.

Парень держался отлично, отстаивал свою точку зрения, несмотря на окрик прямого начальника и недоумение всесильного Ляо. Парень убежденно шел против течения, а генерал знал, что именно такие ребята в результате оказываются правы.

– Я прочитал, что вы подозреваете в написании программ кого-то из великих? – Ляо подержал в руке листы с распечаткой доклада, но тут же вернул их на стол.

– Так точно, товарищ генерал! Я перечислил возможных: Алабама Ги или Одноногий Ральф. С гораздо меньшей вероятностью автором программ может оказаться Десять Моисеев. – Аналитик выдержал паузу и решил развить ответ: – У этих ломщиков схожий почерк, но Алабама из них самый умный и талантливый. Я бы поставил на него.

Ляо вдруг подумал, что все идет именно так, как должно: все усложняется. Третий гений, «тот, кто говорит с железом», не мог оказаться на виду. Конечно, Сорок Два прячется, и прячется успешно, однако поймать можно кого угодно, было бы желание. А третий гений – фигура скрытая, о нем, как и о двух других, ничего не должно быть известно…

Немного успокоившийся аналитик терпеливо ждал, когда отошедший к окну Ляо продолжит разговор.

– Вы хорошо изучили великих?

– Я всю жизнь работал против них, товарищ генерал.

А вот следующий вопрос мог задать Ляо, и только Ляо. Следующий вопрос прозвучал от человека, знающего, что в срединном мире возможно все.

– Скажите, если бы вы абсолютно точно знали, что все двенадцать живы… Подчеркиваю: все двенадцать великих ломщиков живы. Как бы тогда выглядел ваш список?

Генерал испытующе посмотрел на офицера, но тот не дрогнул.

– В нем было бы только одно имя – Чайка.

* * *

Франкфурт-Штутгарт

Сдавая себе четырех тузов, подумай о том, что у соперника может оказаться вторая колода

Главный враг любой засады – постепенная, но неотвратимая потеря концентрации.

Первые часы проходят на подъеме. Бойцы только прошли

инструктаж, уяснили задачу и последовательность действий, поверили в план и свою способность его реализовать. И подсознательно решили, что драка начнется с минуты на минуту. Даже самые опытные солдаты, умом понимая, что ожидание может растянуться на часы, а то и дни, в глубине души надеются на скорую драку. Надежда будоражит, но она же подтачивает готовность к бою. Напряжение постепенно спадает, солдаты расслабляются, у операторов снижается внимание, и справиться с этим нет никакой возможности – против природы не попрешь.

Утешало Соловича то, что засада не должна продлиться слишком долго. Дата поставки определена четко, встреча назначена, а значит, спецназовцам придется мучиться не более трех суток. Так и получилось.

– Внимание! Поверка! Доложить в порядке очередности!

– Первый! Без изменений.

– Второй! Без изменений.

– Третий…

Подступы к франкфуртской зоне Мутабор контролировали шесть операторов, каждому поступали картинки с пяти видеокамер. Двадцать установлены на улицах, десять – в подземных коммуникациях. Поверки каждые полчаса, чтобы не уснули.

– Говорит пятый. Из южных ворот Мутабор только что выехал фургон.

– Опишите объект.

– Стандартный мобиль «Мерседес»…

– Когда он окажется возле наноскопа? – влез в разговор молчавший до сих пор Солович.

Времени до встречи оставалось мало, все фургоны, что до сих пор покидали Мутабор, были «чистыми», перевозили разрешенные препараты, а потому последние несколько часов Альфред не отходил от коммуникатора, внимательно слушая переговоры подчиненных. Нервничал, опасаясь, что его провели, но к себе внимания не привлекал. Сейчас же не сдержался.

– Четыре секунды. Три. Две…

«Ну, пожалуйста, пусть это окажется он! Пожалуйста!»

– Есть данные с наноскопа!

– Доложите!

– Фургон с защитным покрытием. Мы не знаем, что внутри.

«Черт!»

В принципе, можно было догадаться, что при поставках «синдина» храмовники предпринимают все меры предосторожности.

– Приказ?

«План А» не сработал. Моратти мечтал взять «синдин» у самых ворот Мутабор и сразу же – сразу! – направить в зону корпорации отряд с ордером на обыск. Моратти хотел атаковать храмовников красиво, но не вышло.

– Франкфурт, продолжайте наблюдение, – распорядился Солович. – Мобильная группа!

– Мобильная группа на связи.

– Следуйте за фургоном.

– Есть!

– Резервная Мобильная группа!

– На связи!

– Выдвигайтесь к зоне Мутабор.

На тот случай, если появится еще один подозрительный фургон.

– Есть!

«План В» предполагал тщательную слежку за подозрительным мобилем. Если он действительно везет «синдин», то его возьмут спецназовцы, сидящие сейчас в Штутгарте. А видеозапись докажет, что фургон выехал из Мутабор.

– Мобильная группа!

– Объект движется на юг, в сторону Штутгарта.

– Ждем…

Солович доложил о ситуации президенту, пропустил мимо ушей проклятия в адрес «этих предусмотрительных тварей», получил одобрение своих действий, после чего вытащил из ящика стола початую бутылку виски и налил в стакан на два пальца. Он не спецназовец, ему в бой не идти, значит – можно.

Но – немного. А потому в следующие два с половиной часа Солович к спиртному не прикасался.

«Франкфурт?»

«Без изменений».

«Штутгарт?»

«Хан и Киприот покинули «Золотой запас». Их сопровождают пятнадцать человек».

«Мобильная группа?»

«Объект ни разу не исчезал из поля зрения, движется к Штутгарту. Видеозапись не прерывалась».

«Франкфурт?»

«Без изменений».

Мутабор, выдавив из себя подозрительный фургон, замер. Никаких других мобилей на выезд.

«Штутгарт?»

«Хан и Киприот прибыли на место встречи».

«Дайте картинку».

На мониторе появилось изображение тихой улочки. Заборы, заборы, заборы… Четыре бандитских внедорожника. Направо – ворота склада, где должна перейти передача «синдина». Налево… Солович поймал себя на мысли, что плохо изучил место встречи. Надеялся, что все будет решено во Франкфурте.

– Штутгарт! Куда ведут вторые ворота?

– Склад аптечной сети «Ибн-Сина».

Аптечная сеть? А ведь Мутабор поставляет медицинские препараты… У Соловича зародились неясные подозрения. Вытащил на монитор информацию по «Ибн-Сине», убедился, что среди поставщиков аптекарей числятся храмовники. Потянулся за бутылкой, но отдернул руку. Не время.

«Почему они назначили встречу именно здесь?»

– Говорит Мобильная группа. Мы подъезжаем.

– Говорит Штутгарт. Мы готовы.

Сорок спецназовцев заняли позиции вокруг складов. В шести кварталах совершает «стандартный патрульный полет» вертолет Европола. Бандитам не уйти.

Взгляд на монитор.

Хан смеется. Киприот продолжает говорить с видом человека, только что рассказавшего веселый анекдот.

«Смейтесь, придурки, смейтесь…»

– Мобильная группа?

– Объект сворачивает на улицу. Через пять секунд его увидят.

– Штутгарт! Чтобы даже не дышали без команды!

Хан становится серьезным, жестом заставляет Киприота замолчать. Увидел фургон.

Солович закусил губу.

«Сейчас!»

Фургон медленно проехал мимо внедорожников, чуть притормозил и, не включая сигналы, повернул налево.

«Что?!!»

Ворота аптечного склада распахнулись, пропуская мобиль внутрь.

«Не может быть! Не может быть!!»

– Говорит Штутгарт. Что нам делать?

Хан широким шагом идет к машине, лицо перекошено. Растерянный Киприот семенит следом. Сопровождающие напряженно озираются.

– Они уезжают!

– Штутгарт! Спецназу отбой!

– Есть!

– Немедленно направьте нескольких человек в штатском на

склад «Ибн-Сины»! Проверить фургон! И никаких объяснений!

– Есть!

Но Солович понимал, что все напрасно: сделка сорвалась.

* * *

Анклав: Франкфурт
Территория: Мутабор
Въездная башня
Нет ничего хуже, чем ждать и просить

Створки ворот сделаны из трехдюймового титапласта – не пробьет и танковая пушка. Автоматически закрываются, пропустив машину в арку, а следующие ворота откроются только после досмотра – знаменитое «гостеприимство» храмовников.

– Выходите!

Охранников двое, прятки, само собой. Наполовину вживленные в кожу трубочки идут из ноздрей под прочные полумаски. За спинами пряток, у стен, сидят два сторожевых терьера, те еще звери. Впрочем, и те и другие – звери.

– Кто из вас Сорок Два?

Странный вопрос, учитывая, что сопровождают его только Роза и Ева. Или им демонстрируют общеизвестный абсурдный юмор храмовников?

– Я. – Сорок Два чуть шевельнул рукой.

– Пожалуйста, сюда.

В рамку металлоискателя? Нет. Под лучи наноскопа? Нет. Зачем же «туда»? Да потому, что прятка поленился идти сам. Дождавшись, когда Сорок Два остановится в указанном месте, охранник быстро и ловко пробежал по его телу пальцами. Выпрямился и почти вежливо приказал:

– «Балалайку» оставьте сопровождающим.

Никаких других электронных гаджетов у Сорок Два с собой не было.

– Хорошо.

– Теперь проходите сюда.

Вторые ворота так и не открылись, вместо них Сорок Два указали на маленькую дверцу справа.

– Вас ждут.

– А мои люди?

– Останутся здесь.

Сорок Два даже не представлял, что будет так волноваться.

За годы подполья он свыкся с чувством опасности, помнил о

ней, однако страха или волнения не испытывал никогда. Ну, разве что в первые месяцы работы в dd, когда был еще совсем неопытен. В последнее же время, несмотря на то что его поимка считалась приоритетной задачей всех полицейских планеты, Сорок Два держался весьма уверенно. Прятался, конечно, но из убежища выезжал спокойно. И даже конфликт с лидерами dd не заставил его беспокоиться. А вот сейчас…

Несмотря на оказанную Мутабор услугу. Несмотря на то, что приехал как гость. Несмотря на все это, Сорок Два волновался.

Храмовники отличались от людей настолько, насколько люди вообще могут отличаться друг от друга, и речь шла не только о внешности. Поговаривали, что ход мыслей последователей Милостивого Владыки Грядущего не имеет ничего общего с обычным, что их приоритеты чужды нормальным людям, понятия сдвинуты, а выкладки способны свести с ума любого психолога. Кроме того, храмовники презирали Цифру, напрочь отвергали любые электронные имплантаты, с ненавистью отзывались о самой идее «балалаек», и кто знает, как поведут они себя с тем, кого считают пророком Поэтессы? Со своим антагонистом.

Ну, а самая главная причина, по которой Сорок Два с трудом сдерживал дрожь, заключалась в том, что у храмовников было нечто, жизненно ему необходимое. И он приехал просить. Не требовать – это бесполезно. Не давить – что он мог сделать Мутабор? А именно просить. Униженно.

Вопреки ожиданиям, внутреннее убранство ничем не отличалось от того, что Сорок Два тысячи раз видел в других местах. Обычные двери, а не полуразумные мембраны, о которых твердили перебравшие текилы машинисты. Обычные стены, без следов таинственной слизи или ядовитых наростов. Обычные лампы на потолке, а не светящиеся грибы. Ничего неожиданного. Все вокруг оказалось настолько заурядным, что в какой-то момент Сорок Два почудилось, будто его ведут по коридорам «Эвереста».

«Может, это специальное гостевое помещение? Сохранили один дом в обычном виде, чтобы не смущать нормальных людей?»

Мысль, далекая от лучших образцов толерантности, зато прекрасно иллюстрирующая сложившееся о храмовниках мнение.

«Я буду просить у тех, кого считаю идиотами. Задача первой важности: не показать своего к ним отношения!»

– Вам сюда. – Прятка остановился у двери, однако открывать ее не стал. Вместо этого повернулся и, глядя поверх головы Сорок Два, бесстрастно произнес: – Вам гарантировали безопасность, но это не должно вас расслаблять. Прелат знает, что вы

проповедуете еретическое учение, и, если решит, что вы ведете себя без подобающего уважения, накажет вас.

– Но…

Если хочешь кого-то перебить, говори быстро, не растягивай гласные.

Прятка даже бровью не повел, продолжил говорить так, словно Сорок Два слушал его молча.

– Прелата, который согласился вас выслушать, зовут Туллиус Танг. Вы должны обращаться к нему «досточтимый». Как будет называть вас он, я не знаю.

Накатило раздражение.

«Согласился выслушать»?! «Досточтимый»?!

– Я приехал говорить, а не унижаться!

– Вы уверены?

«Они знают!»

И краска гнева, что заполонила лицо, оказалась краской стыда.

А наглый прятка уже распахнул дверь:

– Досточтимый Танг, к вам пришел человек.

– Пусть входит.

«Это обо мне!»

Униженный Сорок Два шагнул в комнату.

Туллиус Танг встретил гостя, сидя в кресле. Навстречу не поднялся, даже не кивнул. Маленький, хрупкий – широкая бесформенная хламида не могла скрыть субтильного сложения, – с неестественно большими глазами. Абсолютно черными глазами, лишенными белков. На коленях прелата свернулся клубочком пушистый зверь. Кот? Да, кот, только алый, с черными, как у Танга, глазами и черными когтями, которые он не замедлил продемонстрировать, выставив навстречу Сорок Два лапу.

– Добрый день.

– Добрый день. – Пауза. – Присаживайтесь.

Сорок Два опустился в соседнее кресло.

Прелат молчал, показывая, что раз Сорок Два настаивал на встрече, то ему и начинать разговор.

«Сукин сын!»

А чего еще ожидать? Любой другой, окажись он на месте Танга, повел бы себя так же.

Сгустки мрака, заменявшие Туллиусу глаза, абсолютно неподвижны, куда смотрит прелат и смотрит ли вообще – неясно. Черные шарики, едва прикрытые веками, сбивают с толку, гипнотизируют. Кажутся черными зеркалами, в которых можно увидеть себя таким, каким тебя видит Мутабор.

Сорок Два откашлялся.

– Насколько я понял, вы получили мое послание.

– Да.

Прелат ответил коротко, чуть опустил голову, наблюдая, как пушистый алый кот игриво грызет его указательный палец, а у Сорок Два вдруг появилось ощущение, что Танг пытается, но никак не может вспомнить, о чем идет речь. Храмовник не менял выражение лица, не поджимал губы, не чесал в затылке, но ощущение, что Танг не очень хорошо понимает, о чем говорит гость, вцепилось намертво.

– Я рад, что сумел оказать вам эту маленькую услугу.

– Вы пришли за наградой?

Сорок Два осекся – слишком уж высокомерно прозвучал вопрос. Прелат давал понять, что признает оказанную услугу, раз уж она оказана, но не более. Мутабор не просил о помощи, Мутабор не чувствует себя обязанным. С другой стороны, разве это не нормально: попросить об ответном одолжении?

«Кажется, все будет сложнее, чем я предполагал…»

– Я хотел, чтобы вы знали, кто вам помог, – осторожно произнес Сорок Два, пытаясь нащупать тропинку, способную вывести разговор на широкую дорогу.

– У нас нет священных книг, – неожиданно произнес Танг, почесывая алого кота за ухом. – Каждый, кто принял путь Истинной Эволюции, обязан выучить не менее ста Постулатов Милостивого Владыки. Это около шести тысяч слов. Тот же, кто хочет идти дальше, идти впереди, обязан знать больше. Я знаю двенадцать тысяч Постулатов.

Алый кот громко заурчал, явно гордясь достижениями хозяина.

– Зачем вы это рассказали? – осведомился сбитый с толку Сорок Два.

– Я хотел, чтобы вы знали, кому помогли.

Шесть тысяч слов наизусть для рядового адепта. Книгу наизусть для прелата…

«Это какое-то безумие!»

– Слово написанное остается в веках. – Сорок Два и сам не понял, для чего решил ввязаться в спор. Тропинку ищет? Или пытается что-то доказать?

– Милостивый Владыка будет жить вечно.

– Вы уверены?

– Я знаю.

Туллиус ответил не убежденно, не уверенно, а очень сухо, обыденно. Туллиус произнес аксиому.

– А я знаю, что Мутабор производит «синдин».

Сказал, как в омут бросился. Сказал, рискуя окончательно

запороть разговор, но и не сказать не мог – Сорок Два вдруг понял, что окольными путями он на нужную дорогу не выйдет. Он – не того полета птица, чтобы на равных вести словесную дуэль с храмовником. С тем, кто выучил двенадцать тысяч постулатов и не свихнулся. Или наоборот – свихнулся.

Как ни странно, прелат спокойно воспринял резкую перемену темы.

– Вы пришли за «синдином»?

– Да.

– Сколько вам нужно?

– А сколько у вас есть?

– Все запасы мира.

– Они мне нужны.

– Вы не унесете.

Алый кот зевнул. Или улыбнулся.

– Мне нужна формула.

– Формула у вас есть. «Синдин» исследован вдоль и поперек.

«Он верно подметил мою ошибку. Получается, с храмовниками можно говорить как с обычными людьми».

Сорок Два усмехнулся:

– Мне нужна технология.

– Вы ее не поймете.

– Почему?

Глаза прелата стали медленно менять цвет. Черное отступало, превращаясь в насыщенный синий.

– Понимание возможно лишь на пути Истинной Эволюции.

– Так не бывает.

– Формула известна, – отстраненно ответил Туллиус. – Воспроизведите «синдин».

– Пытаются постоянно.

– Те, в ком нет понимания. Те, кто не идет по пути.

– То есть произвести «синдин» можно только в Храме?

– Мы используем термин «сотворить». – Танг поднялся, оставив алого кота в кресле, сделал два шага, словно разминаясь, и остановился, стоя вполоборота к Сорок Два. – «Синдин» – кровь Милостивого Владыки. Он дарует ее миру, и если вы хотите про-из-во-дить «синдин», вам нужен бог.

Сорок Два понял, что услышал искренний ответ, что стал первым не храмовником, которому честно рассказали, что есть «синдин». Без подробностей, но достаточно полно. Сорок Два понял, но тут же махнул на это понимание рукой. Производят «синдин» или творят – не важно. Религиозную чушь оставьте для внутреннего употребления, ребята, мне нужна конкретная вещь – технология. А ее секрет, судя по всему, известен лишь Владыке да

нескольким особо приближенным прелатам.

– Досточтимый Танг, рано или поздно вам придется раскрыть секрет «синдина», – тщательно подбирая слова, произнес Сорок Два. – У вас нет выхода. Мир изменился, теперь это мир «синдина». Не все это еще поняли, но для вас, для Мутабор, плохо, что это уже поняли в СБА. Моратти начал охоту. Сейчас я расстроил его планы, но он не отступит и обязательно добьется своего. Он докажет, что вы производите «синдин», и тем выкрутит вам руки. Нет необходимости менять цвет глаз, чтобы понять это.

Сорок Два рассчитывал, что храмовник продемонстрирует хотя бы видимость беспокойства, хотя бы на словах… но ошибся.

– Вы можете избавить нас от преследования СБА? – равнодушно осведомился Тунг.

– Нет.

Прелат вернулся в кресло, заставив алого кота недовольно выгнуть спину.

– В таком случае к чему столь длинная речь? Вам нужен «синдин», но вы не можете за него заплатить. У вас нет ничего, что было бы интересно Мутабор.

– СБА…

– У СБА тоже нет ничего, что было бы интересно Мутабор.

– Моратти вас уничтожит.

– Моратти всего лишь человек.

– Он настроит против вас мир!

– Мир умирает.

Ну как говорить с таким придурком? Как его убеждать? Да и можно ли убедить того, кто свято верит в свою правоту? В любом случае нужно попытаться.

– Я знаю, вы меня презираете. Возможно, не считаете человеком, – со всей доступной ему проникновенностью произнес Сорок Два. – Вы создали религию, вы верите в Милостивого Владыку, это ваш выбор. Я не принимаю путь Истинной Эволюции, но отношусь к нему с уважением. Вам может показаться странным, но я уважаю чужие взгляды. Я вижу, что вы полностью осознаете происходящее. Вы, как и я, понимаете, что мир, который мы знаем, умирает. Он задыхается, стоя на месте, ему нужно обязательно идти вперед, и «синдин» – это плот, который позволит нам не утонуть, а выплыть в будущее. Помогите мне построить новый мир.

– Мир наркоманов?

– Что?

Глаза прелата стали алыми, под цвет шерсти его любимца, но голос остался спокойным, в голосе не отразились бушующие внутри Туллиуса чувства.

– Вы когда-нибудь задумывались над тем, куда ведете своих последователей? Какое будущее вы им уготовили? Сейчас я не рассматриваю сам безумный факт слияния человека с сетью, проповедуемую вами оцифровку души. Это тема для отдельного и глубокого разговора…

– Вы тоже не напоминаете тварь божью, – резко бросил Сорок Два. – По крайней мере, ту, что задумывалась изначально.

Предупреждение прятки…

«Да плевать на предупреждения! Я не собираюсь молчать!»

– Откуда вы знаете, что было изначально? – Прелат рассмеялся. – Не бойтесь, я не обиделся. Вы не произнесли ничего такого, чего бы я не ожидал от вас услышать.

Но выпученные глаза были уже не просто алыми – пронзительно алыми. В них горел весь огонь Мутабор.

– Куда вы идете? Какой мир строите? Мир «синдина»? Хотите всех посадить на иглу? А вы подумали, куда в итоге придете? В какой водоворот затащит вас этот плот? Что будет потом? И еще один вопрос: если вы хотите построить мир «синдина», какая мне разница, кому отдать технологию, вам или СБА? Результат будет одинаков.

– Верхолазы будут править…

– Верхолазы будут править до тех пор, пока не посадят на «синдин» критическое число людей. Потом случится революция, и наступит столь вожделенный вами новый мир: «синдин» для всех, «поплавки» для всех, сеть для всех.

– Эпоха Цифры!

– Но не вы будете ее пророком.

– Я или не я – не важно. Главное, что новый мир наступит.

Сорок Два очень хотел, чтобы его голос прозвучал уверенно. И у него получилось. Прелат чуть склонил голову – знак уважения? И глаза его вновь стали черными. Однако следующая фраза прозвучала очень резко:

– Вы не задумывались, почему покашливает Пума?

– Откуда вы знаете?

«Откуда он вообще знает Пуму?»

– Ее убивает «синдин». Примерно десять процентов людей к нему не восприимчивы, им никогда не стать частью вашего нового мира. Примерно двадцать процентов реагируют на него как на стандартный наркотик, «синдин» туманит их разум так, что им никогда не слиться с сетью. Кайф важнее Цифры.

– Я знаю.

– Все остальные, то есть семьдесят процентов людей, способны принять троицу Сорок Два. Но есть проблема: организм каждого десятого начинает разрушаться. Это очень медленный

процесс, незаметный. Клетки гибнут, и даже мы не в состоянии предсказать, где именно «синдин» нанесет удар: сердце, печень, легкие, мозг…

– «Синдин» вызывает рак?

– Нет. Рак диагностируется и лечится. «Синдин» разрушает организм, симптомы проявляются только на последней стадии, когда спасти пациента уже невозможно, а до тех пор – редкое покашливание.

«Это ложь! Ложь! Ложь!!»

– Противоядия не существует, и, даже прекратив прием «синдина», Пума не спасется.

«Ева умирает… Верная, любящая Ева… Ложь! Ложь!!»

– Вы готовы заплатить такую цену за новый мир?

– Я вам не верю, – хрипло произнес Сорок Два. Губы дрожат, пальцы рук вцепились в подлокотник. – Я вам не верю!

– Мы экспериментируем с «синдином» почти сто лет.

– Он появился на рынке не так давно.

– Он появился тогда, когда мы этого захотели.

«Появился и принялся убивать людей. Еву… Любой наркотик убивает! Подожди! Прием можно контролировать! Можно! Я колю «синдин» уже много лет, и я в норме! Но если он убивает… Убивает Еву…»

– «Синдин» помогает перейти на другой уровень. Он нужен только один раз, но в больших количествах. Злоупотреблять им нельзя.

– В больших количествах? От передозы умирают!

– Разработайте технику, – с издевкой предложил прелат. – Вы ведь пророк.

Но Сорок Два не услышал.

– Зачем же вы его запустили? – Яростный взгляд в бесстрастные черные кругляши. – Зачем открыли ящик Пандоры?

– Может, для того, чтобы явились вы?

– Чтобы создали новую религию?

– Чтобы помогли миру умереть.

«Он спятил! Он спятил! Не слушай его!»

– Дайте мне технологию!

– Нет.

И стало ясно, что решение окончательное. Что смысла в их встрече не было: Мутабор не собирался делиться секретами. Тогда для чего прелат согласился принять его?

– Ищите другой путь, Человек, Который Сменил Имя На Цифру. Не превращайте последователей в наркоманов. Они вам верят, они идут за вами, не убивайте их. Ищите другой путь.

«Но технологию он не даст. Не даст технологию. Не даст!»

Вот о чем думал Сорок Два. Только об этом.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз, Антверпен
Тайная база dd
Animantia quaedam animum habent, quedam tantum animam[11]

«Чертовы полицейские!» Такой была первая мысль после пробуждения.

Крюгер вспомнил, что выбрал переулок, вспомнил, что побежал, споткнулся и покатился по асфальту.

«Больно!»

Лицо разбито, но это ерунда. Нужно бежать! Нужно уйти! Спецназ на хвосте… Но почему не слушаются руки? И ноги? Что мешает?

В этот момент Ян понял, что глаза закрыты.

Реальность навалилась сразу: глаза закрыты, а тело расслаблено. Тело лежит на чем-то мягком, не на асфальте. Пальцы не сжимают рукоять «дрели».

«Я влип!»

И открывать глаза расхотелось. Крюгер догадался, что увидит, и от этой догадки внутри стало холодно.

«Стыдись!»

«Мне страшно!»

«Тебя убьют в любом случае…»

– Он проснулся!

Крюгер открыл глаза. Первый взгляд – на руки, на широкие ремни, что перехватывают предплечья.

«Все правильно – связан».

Теперь можно оглядеться, осмотреть место, где умрешь, познакомиться с теми, кто убьет. Ненадолго познакомиться, конечно, на пару ближайших часов.

– Удивлен?

Их двое. Накачанные, бритые наголо, с тяжелыми, словно кувалды, подбородками. Наемники. Лиц не скрывают, значит, точно убьют.

Комната… Комната маленькая, без окон, стены обиты звукопоглощающими панелями, одна, в самом углу, чуть отошла.

«Но меня все равно никто не услышит».

– Вы не полицейские.

– Мы твои друзья, – ответил тот, что слева.

А тот, что справа, вытащил из кармана

незарегистрированный коммуникатор:

– Скажи: «Здравствуйте».

– Старк, не издевайся над парнем, – строго заметил коммуникатор.

– Извините, сэр.

Наемник поднес машинку ближе, и Крюгер разглядел на маленьком экране физиономию Двадцать Пять.

«Мог бы догадаться!»

– Здравствуй, Ян.

– Я знал, что тебе нельзя доверять.

– Замечание верное, но, к сожалению для тебя, запоздалое.

Двадцать Пять ответил без злорадства, скорее грустно. Ответил как человек, которому предстоит сделать нечто очень неприятное, нечто постыдное, позорное, но… но он это сделает.

– Как ты меня нашел?

– Вычислил, – выдержав короткую паузу, объяснил Двадцать Пять. – Я понимал, что ты отправишься на дело, оставалось угадать, на какое? Мы перелопатили кучу информации… не настоящей, разумеется, а так, обрывков. Шли по вашим следам, сопоставляли слухи, сплетни… В конце концов определили несколько точек, которые вы гарантированно ограбите в «день Сорок Два». Ты ведь не машинист, Ян, ты – оперативник. Я знал, что ты пойдешь на самое интересное и опасное дело, и распорядился контролировать Антверпен с его Алмазной биржей, ланданабадскую «Золотую милю» и роттердамские банки. Ты должен был появиться в одном из этих городов, и ты появился. А потом мои люди сделали так, что все сочли тебя мертвым. – Двадцать Пять улыбнулся и дружески добавил: – Даже Сорок Два.

«А значит, они не сменили убежище!»

А значит, в его голове есть ценная информация, и вопрос, который Крюгер задавал себе тогда, удирая от боевого вертолета, вновь стал актуальным.

«Готов ли я умереть за Сорок Два?»

«Нет, не так. Я умру в любом случае. Готов ли я принять ради Сорок Два муки?»

Страшно, страшно, страшно… Наемники невозмутимы, но их бесстрастность лишь усиливает страх. В армии Крюгеру доводилось видеть таких вот, невозмутимых парней. Молчаливые, необразованные, исполнительные. Когда они станут его распиливать, их лица по-прежнему не будут ничего выражать: работа есть работа.

– Ты хочешь добраться до Сорок Два.

– Это не главное, Ян, – мягко ответил Двадцать Пять.

– Неужели?

– Я хочу, чтобы ты рассказал, где он прячется. Только поэтому я не использовал «химию», пока ты был в отключке. Я еще ничего не знаю, Ян, наш разговор только начинается.

– Не понял.

– Я хочу, чтобы ты его предал.

Фраза прозвучала настолько неожиданно, что Крюгер не удержался:

– Почему?!

Выкрикнул, а через мгновение сообразил. Нашел силы усмехнуться:

– Тебе стыдно. – И увидел, как перекосилось лицо Двадцать Пять.

И страх исчез. Осталось только понимание, что он, Ян Крюгер, который умрет в течение ближайших полутора часов, он – может уйти достойно. Не ради Сорок Два, а ради себя. Вот как он должен был спросить: «Ты готов принять муки, чтобы потом, встретившись с Поэтессой, или Иисусом, или ни с кем, а просто на последнем своем вздохе, взглянув на отлетающую душу, не отводить глаза?»

Ты готов?

– Назови адрес.

– Вырви его из меня, – предложил Крюгер.

– Не забывай о «химии»! Я все равно получу нужную информацию. – Двадцать Пять отвернулся, перестал смотреть в камеру, на экране – левая половина лица. Двадцать Пять отвернулся, но голос его остался тверд. – Это будет ад, Ян. Обещаю: это будет ад. Назови адрес.

И тогда Крюгер ответил:

– Пусть будет ад.

Убивать своих нетрудно – ведь ты все о них знаешь. Известны адреса и привычки. Убежища, куда они могут скрыться, почуяв беду, и друзья, к которым могут обратиться за помощью… Тебе известно все, и убийство превращается в несложный технологический процесс. Нанятые тобой люди ездят по адресам и совершают казни. Лишают жизни тех, кто ждал от тебя любого наказания, кроме этого, самого страшного.

Осторожнее всех поступил Девяносто Один, приказавший уничтожить работавших на Сорок Два подчиненных «тихо»: яд, автокатастрофа, «внезапный сердечный приступ»… Никого не обманул, но сохранил хотя бы видимость приличий. Остальные лидеры dd, раздраженные предательством своих людей, предпочли устроить показательную экзекуцию. Помогавших Сорок Два машинистов убивали на улицах и в квартирах,

сталкивали под поезда метро и расстреливали в мобилях. Тринадцать свез всех в загородный дом, прочитал короткую лекцию о пользе предательства, а после принял участие в расстреле. Восемьдесят Три топил в реке…

Убивать своих несложно.

Вопрос в том, что будет потом?

Ад?

А разве в аду бывают перерывы? Почему перестали рвать? А почему ты смеешься? Тебе весело? Дурак, я смеюсь последние сорок минут. Какая точность! Ну, хорошо, я смеюсь последнюю вечность…

– Он сошел с ума?

– Он в шоке, – ответил Старк, хмуро разглядывая истерзанного Крюгера.

– Если вы сломали ему голову, я вас урою, – пообещал Двадцать Пять.

– Надо было сначала вытащить информацию, а потом пытать.

– Собрался меня учить?

Наемник опомнился. Или сделал вид, что опомнился. Пробормотал:

– Извините, сэр. – После чего потер руки и пояснил свою позицию: – Мы могли вколоть «химию», пока он был без сознания, и все узнать.

– Боль от укола, – отрывисто бросил Двадцать Пять. – Он бы все понял.

– Но мы знали бы адрес.

– Собрался меня учить?

– Нет, сэр.

Двадцать Пять чиркнул зажигалкой, но прикурить не сумел – погас огонек, – чиркнул снова, жадно затянулся, выдохнул дым.

– Еще одного сеанса он не выдержит, – спокойно сказал Старк.

– Что же вы за профессионалы такие, вашу мать? – хмуро пробурчал Двадцать Пять. Бросил сигарету и резко добавил: – Что же вы, вашу мать, за уроды?!

«Обычные уроды, – подумал Старк. – Обычные, твою мать, палачи».

– Мне нужен адрес, – холодно произнес Двадцать Пять, раскуривая следующую сигарету. – Колите «химию».

И по окровавленному лицу Крюгера поползла слеза – он понял, что победил.

Глава 7

Анклав: Франкфурт
Территория: Zwielichtsviertel
Клуб виртуальных игр «Эверест»
Многие люди стараются свести тесное знакомство со знаменитостями

У Сорок Два хватило выдержки закончить встречу с прелатом достойно. Маленький срыв, что произошел в самом конце, не в счет – он все-таки человек, а не бездушная кукла. Бросив храмовнику «Прощайте!», Сорок Два вернулся в машину и велел везти себя в «Эверест». Но всю дорогу молчал, помня о том, что рот должен быть закрыт в двух случаях: когда плывешь и когда злишься. Размышлял, сжимая и разжимая кулаки, и молчал.

Роза и Ева с разговорами не лезли, догадались, что встреча прошла совсем не так, как рассчитывал пророк. И лишь в самом конце пути, когда они уже поставили машину в подземный гараж, спустились на минус третий уровень, а Сорок Два приготовился открыть дверь кабинета, Пума не выдержала:

– Все плохо?

Врать Пуме, покашливающей Пуме, Сорок Два не мог, но и сил, чтобы сказать правду, не отыскал. Ограничился намеком:

– Я должен все обдумать.

– Они выдвинули условия?

– К сожалению, нет.

– Почему к сожалению? – не поняла Роза.

– Потому что мы бы приняли любые условия, – грубовато ответила Пума. – Неужели не ясно?

Злость Евы была направлена на храмовников, а не на провалившего встречу пророка, и это заставило Сорок Два раскрыться.

– Да, – мрачно подтвердил он. – Ради «синдина» я был готов пойти на все.

Но фанатики Мутабор не оценили жест доброй воли. Фанатики сказали, что он строит мир наркоманов. Сказали, потому что не видят величия Цифры, не понимают тех возможностей, которые открывает «синдин». Потому что боятся превосходства нейкистов, боятся будущего, построенного на основе Цифры.

«Или понимают лучше тебя?»

«Замолчи!»

Внутренний голос, призывавший прислушаться к словам прелата, приходилось затыкать.

«Это речи искусителя! Храмовник ненавидит Цифру, ненавидит меня… Знает, что предсказанная Поэтессой Эпоха обязательно наступит, и пытается наполнить меня сомнениями!»

«Ева умирает!»

«Ложь!»

Девчонки смотрели, не отрываясь, их преданные взгляды не требовали, робко просили, и Сорок Два сумел выдать ободряющую улыбку.

– Теперь мы абсолютно точно знаем, что «синдин» производит Мутабор. И еще мы знаем, что Мутабор не хочет делиться с нами секретом. – Многозначительная пауза. – Я должен придумать, как заставить этих психов пойти на попятный.

– У тебя получится, – прошептала Красная.

– Я в этом уверен.

Собрался открыть дверь, чтобы наконец спрятаться в своем убежище, остаться в одиночестве и дать волю эмоциям, но Пума мягко взяла его за плечо.

– Еще один вопрос!

– Да?

– Я все думаю о Крюгере…

– Он погиб, – рассеянно отозвался Сорок Два. – Мы потеряли чертовски хорошего парня.

– Нужно сменить базу, – твердо продолжила Ева. – Крюгер знал об «Эвересте».

– Прошло несколько дней, – напомнила Красная.

– Это ничего не значит, – отрезала Пума. – Мы должны уйти на запасную точку. Переместиться в Ланданабад.

– Я подумаю, – пообещал Сорок Два.

– Нет.

– Что нет? – изумился пророк.

– Отдай приказ. – Пума выглядела рассерженной. Теперь – рассерженной на него. – Мы должны сменить базу!

– Хорошо, хорошо… – Сорок Два вздохнул. – У тебя есть мой приказ.

Готовить нападение на смешанных территориях Анклавов значительно проще, – они шумнее и пестрее однородных. Многолюднее. Опаснее. За кем следить, если почти каждый прохожий вооружен? Как вычислить чужаков, если их на улице большинство, а половина предпочитает скрывать лица под наномасками? В смешанных районах вроде франкфуртского Zwielichtsviertel удобно прятаться, но очень плохо защищаться.

Именно поэтому два десятка посланных Двадцать Пять бойцов без труда подобрались к «Эвересту» на расстояние удара.

Пятеро вошли в клуб, прикинувшись посетителями. Двое заехали в подземный гараж, однако из мобиля не вышли. Сидели и тискались, искусно изображая геев и дожидаясь появления основной группы, что должна была прибыть в защищенном от лучей наноскопа фургоне. Пятеро остальных пребывали на улице, наблюдали за выходами.

Связь поддерживали по рации, знали, что в клубе засели тритоны, и не рисковали с «балалайками». План атаки проработали заранее, каждый наемник знал, что должен делать, а потому назвать их переговоры связью было трудно: короткие сообщения, подтверждающие, что та или иная группа вышла на позицию.

Убедившись в отсутствии накладок, руководивший операцией Фрэнк Дьюки приказал водителю фургона трогаться и негромко сообщил:

– Пять минут до начала. Включаю обратный отсчет.

Кто подогнал мобиль, Чайка не увидел: секретность, туда-сюда ее за ногу! Просто вскоре после полуночи, когда им, по идее, пора было выходить, Илья вдруг вспомнил, что никто не возит похищенных людей на метро или в такси, и поинтересовался у Олово, где они раздобудут машину? В ответ услышал, что машина будет – Олово мыл оставшуюся после вечернего чая посуду и не был расположен к длительным беседам.

Мобиль действительно был. Ключи от него лежали в почтовом ящике, а сам красавец гордо стоял у подъезда, демонстрируя давно немытые и слегка помятые борта. «Рено Арба», экономичный любимец мелких лавочников: самая неудобная в мире двухместная кабина и грузовой отсек. «Арбу» делали и с открытым кузовом, и с клетками для перевозки животных, и даже с холодильными камерами. Им же достался закрытый фургон, в котором, судя по запаху, долго возили нечто несвежее. И это несмотря на горделивую надпись «Элитные спиртные напитки». Илья, отчего-то предполагавший, что похищать людей принято в более серьезных машинах, немного приуныл. Что, впрочем, не помешало ему без приключений довезти Олово до указанного адреса и припарковаться в темном переулке.

– Как ты войдешь?

– Задняя дверь, – пожал плечами Олово.

– У тебя есть ключ?

– Зачем?

– Тревога поднимется. – Чайка усмехнулся: – В заведении

наверняка предусмотрена охранная сигнализация.

Он и сам не знал, почему завел разговор. Наверное, от неожиданности и… некоторой обиды. Чайка думал, что его заставят применить навыки, заранее злился, но тем не менее был готов к работе. А ему отвели роль шофера, что… оскорбительно! Да, именно оскорбительно! Вашу мать, на вас работает лучший ломщик планеты, а вы предлагаете ему крутить баранку!

Маленький слуга обдумал заявление, после чего очень серьезно ответил:

– Он не успеет сбежать.

Вариант, что поднявшаяся тревога сможет помешать иным образом, Олово не рассматривал.

Илья крякнул:

– Вообще-то я говорил о тебе.

– Мне сигнализация не мешает, пусть орет.

Ну как, мать твою, говорить с таким кретином?! Илья досчитал до трех и осведомился:

– А как же охранники?

– Убью их.

«Ну, почему мы не познакомились раньше? – вздохнул про себя Чайка. – Будь у меня такой напарник, я бы до сих пор жил привычной жизнью. Хрен бы меня поймали эти гребаные китайцы…»

– Я могу отключить сигнализацию.

– А ты умеешь?

– Я разбираюсь в электронике, – напомнил Илья.

– А-а… Ну, отключи. – Олово посмотрел на часы и поерзал. – Только быстро, я немного опаздываю.

– Кстати, кого мы должны украсть? – поинтересовался Илья, раскрывая «раллер».

– Я знаю, как он выглядит.

– Но не знаешь, кто он?

– А зачем?

– Пять минут до начала. Включаю обратный отсчет…

Двадцать Пять наливает себе щедрую порцию виски, делает большой глоток и прибавляет громкость – не желает пропустить ни одного слова. Хочет услышать, что скажет Сорок Два, когда увидит ворвавшихся наемников, хочет насладиться испуганными воплями так называемого пророка.

– Сегодня, сукин сын, ты покажешь настоящее лицо!

Лицо трусливого недоноска, вся сила которого зиждется на ударах исподтишка. Отвратительное лицо подлеца, узурпировавшего право называться самым верным

последователем Поэтессы, осмелившегося назвать себя пророком Эпохи Цифры.

Двадцать Пять выпивает первую порцию залпом, даже вкуса не ощущает, наливает еще.

– Ты такой же, как все мы. Даже хуже. Ведь мы не скрываем то дерьмо, что к нам прилипло. Мы не скрываем…

Виски – отличный и самый приятный способ заткнуть того парня, который когда-то готов был отдать жизнь ради торжества идей Поэтессы. Даже не заткнуть – ведь парень давно, очень давно молчит, скребет иногда душу, но молчит, – а виски прекрасно смывает царапины.

– Две минуты!

– Начинайте представление, ребята! – Двадцать Пять поднимает стакан. – Зрители ждут!

– Ну и что?

– Я – пас, – удивленно протягивает Чайка, внимательно изучая появившуюся на экране «раллера» информацию. – Я могу взломать внутреннюю сеть, но они меня засекут.

Как выяснилось, скромный клуб виртуальных игр сторожат отличные программы и отличные машинисты. Тритоны его сторожат, вот кто!

– То есть дверь ты не откроешь?

– Нет.

Олово невнятно бурчит, видимо, ругается, натягивает наномаску и приказывает:

– Сиди и жди меня.

– Ты не понял! Я могу…

Однако маленький слуга уже покинул мобиль и решительно направляется к заднему входу в клуб.

– Десять секунд!

Фургон въезжает в подземный гараж и останавливается у поста. Двое «геев» выходят из мобиля и, обнимаясь, направляются к двери «Только для персонала». Видимо, ищут укромный уголок. Один из охранников торопливо бежит за ними. Его напарник на несколько мгновений отвлекается, потом видит въехавший фургон, и его взгляд возвращается к монитору. И охранник видит, что ничего не видит – внутренности фургона скрыты от наноскопа. Он успевает удивиться, а в следующий миг пассажир фургона стреляет ему в лицо из бесшумного пистолета. «Гей» бьет первого охранника ножом. Наемники покидают фургон и бегут к распахнутой двери «Только для персонала». Двое других остаются у въезда в гараж.

Олово стучит в дверь, а когда ему открывают, одним ударом отправляет охранника в нокаут. Следящие за переулком наемники переглядываются и сообщают:

– Кажется, у нас проблемы.

– Яснее! – рявкает Фрэнк. Он уже на лестнице и недоволен тем, что начинаются накладки.

– В клуб вошел невысокий человек в наномаске с детской рожицей.

Двадцать Пять хмыкает, однако Дьюки знает больше, а потому рычит:

– Черт! Что он здесь делает?!

В его реве изумленный Двадцать Пять различает нотки страха.

Три сигнала приходят в «балалайку» Евы один за другим: охранник подземного гаража мертв, дверь взломана, второй охранник мертв. Реагирует Ева молниеносно:

– Красная! Атака!

Что делать в этом случае, девчонки знают наизусть: кто ближе к пророку – прикрывает его, другая занимает оборону. Ева дальше от кабинета, ей выпадает драться.

«Дрель» слетает с предохранителя, ноги несут в коридор, но следующая мысль обжигает:

«Крюгер!»

– Красная! Они знают о подземном ходе! Уводи Сорок Два по улице! Уводи через клуб!

А за углом уже стреляют.

Скорость – вот на что ставил Дьюки. Эффект неожиданности и скорость. Знал, что взломать внутреннюю сеть «Эвереста» не получится, а потому требовал от наемников действовать максимально быстро. Не думать об установленных в коридорах пулеметах и опускающихся по тревоге титапластовых щитах – они не сработают. Потому что ровно через десять секунд после вторжения помощники Фрэнка отрубают электричество.

А едва гаснет свет, пятеро находившихся в игровом зале наемников начинают заниматься охранниками.

Тьма? Отлично! Тьма – это то, что нужно. Олово незамеченным проходит через кухню и вырубает охранника, не позволяя ему захлопнуть дверь служебной лестницы.

– Надо уходить!

Но сообщение запоздало – Сорок Два уже собрался. Через

плечо перекинут потрепанный рюкзак с верным «раллером» и кое-какой мелочевкой, в руке – «дыродел». Системные блоки разворочены – когда только успел? – жесткие диски вырваны «с мясом» и тоже помещены в рюкзак.

– Я готов.

– Отлично! – Роза оборачивается и морщится – в коридоре грохочет взрыв.

На минус третий ведут две лестницы. Пума прикрывает левую, ту, что из подземного гаража, не пускает неизвестных, однако вынуждена отступить, когда те начинают использовать гранаты.

Генераторы заработали на полную мощность, аварийное освещение сменяется обычным, однако защитные системы еще отключены – тридцать секунд на перезагрузку. Пума стреляет, перебегает, вновь стреляет и ругается, упрашивая проклятую электронику врубаться скорее.

– Полминуты! – кричит Фрэнк.

Он улыбается. Он видел мелькнувшего вдали Сорок Два и понял, что пророка повели к правой лестнице. Прямо к ребятам, спускающимся из игрового зала.

– Двадцать пять секунд!

Насчет ожившей электроники Фрэнк не беспокоится – по дороге вниз они вывели из строя все пулеметные гнезда и заблокировали щиты. Путь к отступлению расчищен. Противник обманут. И мышеловка скоро захлопнется.

– Двадцать секунд!

Жизнь Чайке спасает брошенный на помойку взгляд. И неумение выполнять приказы.

Разворачивая мобиль, Чайка замечает, что рядом с баком валяется пустая коробка из-под вина. Секунду раздумывает, затем привычно берет рюкзак – «раллер» должен быть всегда под рукой, – выходит из мобиля, поднимает коробку и направляется к задней двери клуба.

– Второй заходит внутрь, – докладывает контролирующий переулок наемник. – Прикидывается доставщиком.

– Оставьте, – приказывает Фрэнк, не прекращая стрелять. – Не выдавайте себя!

– Вас понял.

Наемник переключает рацию на «только прием», еще раз оглядывает пустынный переулок, затем показывает напарнику: «пошел», приближается к мобилю и простреливает из бесшумного

пистолета две покрышки.

Выстрела не слышно, но хватило и движения стрелка, хватило понимания ситуации. Хлопок прозвучал, но Олово успевает качнуться и сразу же бросается по лестнице вниз, стремительно стелется над ступеньками, пропуская над головой еще несколько пуль, и ныряет под вскинутые стволы. На площадке минус второго этажа становится тесно и жарко. Стрелять поздно, а выхватить другое оружие наемники не успевают. Юркий Олово шныряет между двумя рослыми мужчинами, изгибается, уходит от ударов «дрелями», увертывается от захватов, отталкивает и… режет. Клинки не длинные, чуть изогнутые, острые как бритвы. Кажется, что они сами находят нужные точки. Артерии… Олово безошибочно режет толстые каналы, и на площадке становится мокро. Мужчины падают.

Человек в наномаске разглядывает их, с удивлением отмечая, что поверженные противники не похожи на охранников «Эвереста», тут же решает, что появление неизвестных не отменяет полученный приказ, и направляется дальше, на минус третий уровень.

Впереди – два телохранителя, широкие настолько, что закрывают весь коридор. Сразу за ними – Красная, с «дрелью» на изготовку. Сразу за Красной – Сорок Два. Еще два телохранителя прикрывают тыл.

– Рик! Рик, ответь! – Красная пытается вызвать кого-нибудь из тех, кто должен быть наверху, в игровом зале. – Моррис! Эдди!

Шесть человек стремительно пробегают коридор, они торопятся, а потому сворачивают на лестничную клетку сразу…

Автоматная очередь. Не проявившие осторожности здоровяки вылетают, буквально вылетают обратно в коридор. Красная кричит, забывает о «дрели», бросается на Сорок Два и валит его на пол. И тут же кричит снова, от боли, от попавших в спину пуль.

Драгоценные секунды потеряны. Телохранители, боясь задеть пророка, открывают огонь на несколько мгновений позже наемников, срезают одного, но падают сами. Красная хрипит, сведенные пальцы пытаются вцепиться в Сорок Два, голова конвульсивно дергается, ноги елозят по полу. Ее грубо отпихивают. У Сорок Два вырывают «дыродел» и им же бьют по зубам.

– Делать все, что мы скажем!

Губы разбиты в кровь.

Его резко поднимают на ноги.

– Мы взяли придурка!

– Эвакуация! – радостно орет Дьюки. – Группа прикрытия! Обеспечить отход!

– Есть! – радостно орет Двадцать Пять. – Есть!!

И яростно долбит стаканом по столу. Виски плещет на полированное красное дерево, на клавиатуру, бумаги, но Двадцать Пять плевать. Двадцать Пять весело.

– Сорок Два! – ревет Пума. – Сорок Два!!

Как же противно осознавать себя проведенной ловкими врагами дурой. Как же горько понимать, что ничем не можешь помочь любимому!

Люди, пришедшие по левой лестнице, прикрывают своих отлично, простреливают коридор, и бежать по нему – самоубийство.

– Сорок Два! – ревет Пума. Стреляет и пробует связаться с теми, кто остался наверху: – Рик! Моррис! Эдди! Кто-нибудь, вашу мать!!!

Вырубленный Олово охранник еще в отключке, однако суету вызвал не он, совсем не он.

Чайка бросает коробку и медленно проходит через опустевшую кухню. Видит распахнутую дверь на лестницу, видит еще одного охранника и еще троих, лежащих дальше по коридору. Убитых.

Умом понимает, что должен вернуться к мобилю, но продолжает стоять. Укоряет себя за то, что вошел внутрь, но при этом понимает, что самое безопасное сейчас место – рядом с Олово.

«Нужно найти Олово!»

А Олово наконец-то действует так, как любит больше всего, – появляется неожиданно, со спины. Он уже знает, что под одеждой неизвестных скрыты легкие бронежилеты, и потому режет врагов по очереди. Удар вправо – нож бьет в шею, обратным движением полосует второму противнику руку, а следующим – разрезает горло. Ошарашенный Сорок Два сначала вздрагивает, затем его разбитые губы начинают складываться в неуверенную улыбку, которую не удается завершить. Рукоятью ножа Олово бьет Сорок Два в висок, подхватывает обмякшее тело на плечо и деловито устремляется вверх по лестнице.

Группа прикрытия входит через заднюю дверь. Три человека, которым приказано обеспечить отступление.

Охранник у двери без сознания, но пуля в голову не помешает. Поваров нет, тем лучше – меньше трупов. Охранник у распахнутой двери – добить.

– Фрэнк, мы не слышим ребят!

Захватившие Сорок Два наемники умолкли вскоре после победной реляции.

– Идите навстречу!

– Есть!

Наемники по одному выбегают на лестничную клетку. Взгляд вверх. Взгляд вниз.

– Чисто!

Вперед, то есть – вниз. Бросок на следующую площадку.

– Чисто!

Бросок на минус первый уровень…

Олово бесшумно спускается со второго этажа и торопливо запирает за собой металлическую дверь, заглушая доносящиеся с лестницы вопли. Чуть подбрасывает Сорок Два, чтобы удобнее лег на плечо, краем глаза замечает дрожащего под столом Илью, кивает:

– За мной!

И направляется в глубь «Эвереста».

– Куда? Мобиль!

– Окно!

Олово считает двери, выбивает четвертую по счету, входит в комнату, в одной из стен которой действительно есть зарешеченное окно, небрежно бросает Сорок Два на пол, секунду копошится в спрятанной под длинной рубахой поясной сумке, достает какую-то лепешку и крепит ее к решетке.

– Назад!

Чайка знает, что сейчас будет, а потому благоразумно укрывается в коридоре.

Взрыв.

Чайка возвращается в запыленную комнату и видит, что Олово не только взвалил добычу на плечо, но и успел взобраться на стол.

– За мной!

Они спрыгивают на тротуар, а через мгновение рядом тормозит «Рено Арба». Точная копия их мобиля, только написано на фургоне «Настоящие овощи Дуду Хасана». И пахнет внутри овощами.

Олово запихивает похищенного внутрь, забирается сам и

жестом велит Чайке присоединиться.

«Арба» срывается с места еще до того, как захлопываются дверцы фургона.

– Запасной выход? – спрашивает Илья, только, чтобы хоть что-то сказать.

– Да, – подтверждает Олово, снимая наномаску. И хитро улыбается: – Страховка.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз
Штутгарт, Баварский султанат
Клуб «Золотой запас»
Рано или поздно марионетки отправляются в деревянный ящик

– Лучше качественно сделанного генавра солдата нет, – уверенно заявил Ахмед. – Идеальная машина.

– А как же прятки? – не согласился Выкидуха. – Прятки – крутые.

– Прятки – те же генавры. Только их Мутабор для себя делает, а не на продажу.

– Генавры у СБА отличные, – буркнул Томас. – С прятками на равных бьются.

Делать телохранителям Киприота было решительно нечего. Утро, в клубе затишье, уборщики уже ушли, обслуга еще не явилась. Сиди да охраняй сложенный в подвале товар. И болтай со скуки о всякой ерунде.

– Идеальных бойцов не существует, – авторитетно заявил Выкидуха. – Любого можно грохнуть, если постараться.

– А как же человек в маске? – ехидно осведомился Ахмед.

– Что за человек в маске? – оживился Томас, самый молодой из охранников.

– Вранье! – безапелляционно заявил Выкидуха. – Сказка!

– Что за человек в маске?

– Убийца, от которого нельзя спрятаться, – объяснил Ахмед. – Невысокий парень в наномаске, размалеванной кукольной физиономией. Может убить кого угодно.

– Вранье!

– Вранье? – Ахмед начал заводиться. – А помнишь, как он грохнул Каца, президента «Vionic Inc.»? Пробрался в небоскреб через крышу! По стене поднялся! Зарезал Каца и ушел.

– С тем убийством до сих пор ничего не ясно, – не остался в долгу Выкидуха. – Официально считается, что Каца замочили

собственные телохранители. Внутри были только они.

– Потому что никто не поверил, будто бы внутрь мог пробраться убийца!

– Когда это успели шлепнуть президента корпорации? – спросил окончательно сбитый с толку Томас. – Почему я не слышал?

– Двадцать лет назад, – бросил разгоряченный Выкидуха.

– Ты издеваешься?

– Парень в наномаске известен больше пятидесяти лет, – добавил Ахмед. – Странно, что ты о нем не слышал.

– Ахмед обожает сказки.

Томас покрутил головой и недоуменно пожал плечами.

– Никто не может оставаться в форме пятьдесят лет, даже генавр.

– Об этом я и говорю, – победоносно заявил Выкидуха. – Человека в наномаске не существует!

– Мне кореш пару часов назад звонил, поболтали о том о сем, и он сказал, что сегодня ночью человека в наномаске видели во Франкфурте! – Ахмед произнес сообщение таким тоном, будто слова неизвестного кореша являлись истиной в последней инстанции. – В Zwielichtsviertel большая буза вышла, и кое-кто рассказал, что видел невысокого…

– Ахмед! Ты…

– Может, в картишки?

Появление Киприота погасило зарождающуюся ссору. Подскочившие телохранители переглянулись, однако отказать свалившемуся на голову начальству не осмелились.

– В покер?

– Ага. – Заза уселся за стол и принялся тасовать колоду.

От него крепко пахло ромом и табаком, а ведь еще только утро. К тому же и Ахмед, и Томас, и Выкидуха помнили времена, когда за Киприотом не числилось никаких вредных привычек, и тот, попивающий исключительно воду, уверенный в себе Киприот нравился им гораздо больше нынешнего – сломленного «дружбой» с Ханом пьяницы.

– Фишки лень искать, давайте на наличные, ОК?

– ОК.

Телохранители вернулись за стол.

– Играем классику: пять листов на руки…

– Заза, а Хан скоро вернется? – набравшись храбрости, спросил Ахмед.

Остальные навострили уши.

– Хан? Конечно, скоро, – чуточку рассеянно ответил Киприот, сдавая карты. – Разберется с делами и сразу вернется. Дела у него

в Нюрнберге образовались.

Телохранители вновь переглянулись, после чего Выкидуха поддержал почин приятеля:

– А почему он всех своих забрал?

Томас, Ахмед и Выкидуха были из «старой гвардии», работали с Зазой еще во времена Живоглота. Хан сам велел Киприоту собрать личную охрану из людей проверенных, «чтобы ты не считал, что я приставил к тебе охранников». Оказался, как обычно, прав – со своими ребятами спокойнее. Даже сейчас спокойнее, когда душу вторые сутки мучает непонятная тоска…

– Не всех забрал, – ответил Заза. – Моряк с двумя ребятами здесь.

Сидят в подвале, отказываясь общаться с коллегами.

– Раньше в клубе не меньше десятка ошивалось, – заметил Томас.

– Так то раньше, – объяснил Киприот и посмотрел на сидящего слева Ахмеда: – Твое слово.

– Десятку ставлю. – Телохранитель бросил на стол мятую купюру – лишь бы отделаться.

– Поддерживаю, – пробурчал Выкидуха.

Настроения играть не было ни у кого.

После неожиданного и непонятного провала с «синдином» Хан изменился. Не сразу, конечно. Всю ту ночь он провел у коммуникатора, надеясь, что посредник выйдет на связь, объяснит, почему сорвалась поставка, и укажет новое место встречи. Не дождался, озверел, избил «не так посмотревшего» дилера, заперся у себя. А когда утром вышел на люди, Зазе показалось, что Хан потерял к бизнесу всякий интерес. Говорил Хан прежним, уверенным тоном, однако не было в его глазах того огня, который Киприот привык видеть. «Я уеду, постараюсь найти другой способ договориться насчет «синдина». Ты остаешься за главного». Уехал, забрав почти всех «камрадов», и больше не появлялся. И знать о себе не давал. Оставшиеся в клубе люди Хана только разводили руками: нам ничего не известно. И рекомендовали ждать.

Чего ждать?

– Отвечаю двадцаткой, – решительно произнес Киприот.

– Уравниваю, – хмуро ответил Выкидуха.

Остальные карты бросили.

– Что у тебя?

– Тройка дам.

– У меня стрит. – Довольный Киприот сгреб деньги. – Мой кон… Мой!

Кроме него, никто за столом не улыбался.

– Продолжаем! Ахмед, тебе сдавать.

– Заза, – негромко произнес Выкидуха. – Может, пора сваливать?

– Что не так? – поинтересовался Киприот, не глядя на телохранителя.

– А ты не чуешь? Хан пропал, «синдина» нет, бизнес…

– Бизнес идет прекрасно, – отрезал Киприот. – У нас полно клиентов, и мы должны толкать им товар. – Заза подумал и решил плюнуть на приличия: вытащил из кармана плоскую фляжку, отвинтил крышку и сделал несколько жадных глотков. Запахло ромом. – Потому что если мы не будем толкать им товар, Хан нас накажет. Крепко накажет. Он умеет.

Заза выразительно посмотрел на подчиненных, затем опустошил флягу, рыгнул и велел Томасу:

– Принеси из бара бутылку.

Перечить телохранитель не стал, вышел из комнаты и… умер первым, получив краш-пулю точно в лоб.

Оставленные Ханом «камрады», может, и уступали человеку в наномаске, однако дело свое знали хорошо. В комнату вошли быстро, не мешая друг другу, стрелять начали сразу, на ходу еще, не давая жертвам опомниться.

Выстрел. Ахмед медленно валится на бок.

Выстрел. Выкидуха летит навзничь.

Выстрел. Киприот тупо улыбается, разглядывая развороченную грудь. Второй выстрел – в голову, чтобы наверняка.

Покончив с бандитами, «камрады» побросали пистолеты и спокойно удалились.

А еще через четыре минуты в опустевший клуб вошел спецназ Европола, офицеры которого прекрасно знали, что в подвале отыщут наркотики, а в одной из задних комнат – трупы четверых мужчин, «оказавших сопротивление при аресте».

Банда Зазы Киприота перестала существовать.

* * *

Анклав: Цюрих
Территория: Альпийская Поляна
«Замок Ван Глоссинга»
Деловые партнеры нечасто расстаются добрыми друзьями

– Долго мне еще валяться? – недовольно спросил Дрогас.

– Минут пять, – пробормотал машинист. – И, пожалуйста, не говорите…

– Ты не указывай, понял?!

– Так точно.

Дрогас хотел добавить пару ругательств, но передумал: сорвал злость, и ладно. Хватит с этого придурка. Тем более что как раз сейчас этот самый «придурок» копошится у него в голове.

Стефан лежал в «капсуле тотальной проверки» – прозрачном цилиндре, установленном в одной из комнат Технического управления СБА. Лежал на животе, положив голову на руки, а из его затылка выходил целый пучок проводов, исчезающих затем в передней, металлической стенке цилиндра. Голову Дрогаса изучали с помощью лучших приборов, просвечивали изнутри и снаружи, просматривали с тщательностью промывающих песок золотоискателей.

– Как же мне все надоело! – вновь заворчал Стефан. – Почему ты просто не взял мою «балалайку»?

– Вы уже спрашивали, – коротко ответил машинист.

– Ответь еще раз! Не развалишься!

Блестяще задуманная и безупречно проведенная операция провалена. Настроение – дерьмо. И то, что он вынужден проверяться («Словно после визита к дешевой шлюхе. Ха-ха-ха…»), радости Стефану не добавляло. Противно ему было подставлять голову обколотому «синдином» ублюдку из особой, находящейся в личном подчинении президента СБА группы машинистов. Противно и унизительно. Вот и срывался Дрогас, терроризируя эксперта мелкими придирками.

– Судя по всему, вас обработали люди Сорок Два, – хладнокровно повторил машинист свою двухчасовой давности речь. – С помощью нескольких очень хитрых программ они подключились к вашей «балалайке» и качали с нее информацию. Вы были передатчиком, господин Дрогас, ходячим передатчиком. Проблема заключается в том, что их программы задействуют не только «балалайку», но и «гнездо», лезут в корневые каталоги, прошитые непосредственно в голове. Поэтому мы не можем ограничиться простой сменой чипа – если не почистить как следует, к вам смогут подключиться вновь, даже если вы вставите другую «балалайку».

– Так чисти, твою мать!

– Этим я и занимался.

Дрогас приоткрыл левый глаз, хотя смысла в этом не было – он все равно не мог шевелиться и видел только руку да стенку цилиндра, – и осведомился:

– Закончил, что ли?

– Так точно.

– И какой вердикт?

– Теперь вы чисты.

– Уверен?

– Уверен.

Машинист открыл цилиндр и аккуратно вытащил из «балалайки» Стефана разъем. Дрогас немедленно поднялся и сел, тяжело глядя на эксперта.

– А в том, что я был ходячим передатчиком, ты тоже уверен?

– На сто процентов, господин Дрогас, – подтвердил машинист. – В утешение могу сказать, что люди Сорок Два еще не поставили такие операции на поток. Для взлома «гнезда» требуется специалист высочайшей квалификации, талант которого приближен к таланту великих. – Эксперт помолчал. – Вас взломал настоящий мастер, господин Дрогас.

– Шмейхель, – прорычал Стефан. – Паскудный Шмейхель!

– Вуаля! Саймон, позволь представить тебе твое новое лицо! – Пластик снял последний бинт и поднес зеркало. – Нравится?

Человек, которого Дрогас знал под именем Шмейхель, внимательно оглядел себя, пощупал подбородок, скулы, после чего улыбнулся:

– Неплохо.

Исчезли рыжие волосы, ямочка на подбородке и чересчур пухлые для мужчины губы. Из зеркала на Саймона смотрел тридцатипятилетний брюнет с узким, «породистым» лицом. Высокие скулы, нос с маленькой горбинкой и немного вытянутый подбородок. Нужны усики.

«Придется отрастить».

– Пожалуй, мне нравится.

– Все, как ты хотел, Саймон.

– Спасибо, Роже.

– Всегда пожалуйста.

Пластик отошел к столу, выключил аппаратуру, которую использовал во время операции, и принялся собирать инструмент.

– Теперь нужно представиться Сорок Два, – хохотнул Саймон, озираясь в поисках одежды. – Пусть он тоже начинает привыкать к моей новой физиономии.

– Представиться не получится, – неожиданно хмуро отозвался Роже.

– Что случилось?

– Несколько часов назад кто-то разгромил «Эверест». – Пластик помолчал. – Сорок Два похитили.

* * *

Анклав: Сингапур
Офис компании «QQ. Communications»
Плохие новости принято рассказывать лично

Этого старика Двадцать Пять боялся до колик, вот и напился перед звонком. Не до потери памяти, конечно, но поддал крепко, потому что знал – результат разговора может оказаться любым. Новости ведь плохие, а Ляо, несмотря на вечную невозмутимость, человек жесткий, и кто знает, как он воспримет провал? Кто знает?

С генералом Двадцать Пять познакомился несколько лет назад, когда только начал задумываться над тем, как это неплохо – единолично возглавлять дальнеазиатский куст dd. Когда впервые прикинул, какую выгоду это может принести лично ему. Когда романтическая вера в Поэтессу дала первую трещину. Случайно Ляо оказался на пути Двадцать Пять именно в этот момент или же он давно следил за перспективным нейкистом, история умалчивает. Однако факт остается фактом: знакомство состоялось в самый подходящий для генерала момент.

Но знакомство ли?

Просто встреча.

И началась она самым что ни на есть пошлым образом: возвращающемуся домой Двадцать Пять вкололи что-то расслабляющее, запихнули в багажник мобиля и отвезли в укромное место на окраине Сингапура. Распаковали, привели в чувство и представили генералу. Который, в свою очередь, вежливо, но уверенно описал печальную участь, ожидающую молодого нейкиста в случае отказа от сотрудничества. Генерал собирался произнести пять предложений, но хватило и трех: Двадцать Пять перебил собеседника, униженно сообщив, что будет с удовольствием работать на столь серьезного человека. И причиной такой покладистости, как понял умный Ляо, был не только страх.

Они договорились.

В течение следующих двух лет старик помог своему агенту осуществить заветные мечты: Двадцать Пять обрел власть, возглавил дальнеазиатский куст dd, стал богат и могуществен, но ни на секунду не забывал, кому обязан своим возвышением. Хотя, к некоторому его удивлению, Ляо не часто обращался с просьбами.

«Ты высоко летаешь, я берегу тебя для серьезного дела».

Двадцать Пять вел обычную жизнь лидера dd, а на редких встречах с коллегами нет-нет да задумывался над тем, кто стоит за каждым из них? Европол? ФБР? СБА? ОКР? Мысли, что он оказался единственной паршивой овцой, Двадцать Пять не

допускал, был убежден, что все лидеры dd кому-нибудь да продались. Что за каждым из них прячется одно из щупалец старого мира, могущественного, твердо стоящего на ногах старого мира, который идеалист Сорок Два мечтает переделать.

Глупый, глупый Сорок Два…

Именно с ним и оказалось связано «серьезное дело». После марсельской неудачи генерал приказал Двадцать Пять войти к пророку в доверие, исполнять любые его приказы и даже, если придется, действовать против Поднебесной. Старик велел восстановить отношения с Сорок Два и любой ценой узнать, где он прячется. Двадцать Пять сыграл свою роль блестяще. Следующий приказ – на захват – его не удивил, однако в этот раз он Ляо подвел…

Перезвон коммуникатора заставил Двадцать Пять вздрогнуть, а после – торопливо поправить галстук. Словно Ляо мог его видеть…

– Добрый день.

На приветствие генерал не ответил. Сухо поинтересовался:

– Операция провалилась?

– Да, – подтвердил Двадцать Пять, чувствуя, как скручивает живот.

– Его охранники оказались проворнее?

– Нам помешали.

Если бы Ляо не был воспитанным китайцем, то есть человеком предельно вежливым, он наверняка зевнул бы в этот момент, чтобы продемонстрировать тупому помощнику свое отношение.

– Что вы имеете в виду?

– Дело в том, что Сорок Два все-таки похитили, – тихо сообщил Двадцать Пять. – Только не мы.

– А кто?

– Невысокий человек в наномаске с детской рожицей.

А в ответ, к безмерному своему удивлению и облегчению, Двадцать Пять услышал короткое, преисполненное изумления восклицание.

* * *

Анклав: Франкфурт

Территория: Ackerfeld

Хочешь поговорить о серьезных вещах – поезжай в укромное место

Вот уж чего Илья точно не ожидал, так это продолжения

приключений. Ведь как это принято у приличных бандитов? Сделал дело – сдал товар – лег на дно. Незамысловатая, но надежная, веками отработанная схема. Кроме того, похищение получилось громким и кровавым, а значит, дно следует выбрать поглубже, лучше всего в соседнем Анклаве или на соседнем континенте. Одним словом – подальше. Илья не сомневался, что их с Олово высадят в каком-нибудь подземном гараже, они переоденутся и, оставив похищенного водителю, вернутся в предоставленную контрабандистами квартиру. Или спрячутся в другом убежище. Или, что самое разумное, отправятся в Транспортный узел и покинут Франкфурт на ближайшей «суперсобаке». Или…

Предположения Чайки оправдались отчасти. Мобиль действительно заехал на подземную парковку, остановился, но когда Илья потянулся к ручке, намереваясь открыть фургон, Олово мягко взял его за плечо.

– Ждать. – Хлопнула дверца – водитель вышел из мобиля. Слуга выждал с полминуты и лишь после этого прошептал: – Теперь.

И открыл фургон.

– Что «теперь»? – уточнил сбитый с толку Илья.

– Садись за руль, – объяснил Олово. – Едем.

– Я думал, мы уйдем.

– Место, куда надо ехать, знаю только я. – Слуга кивнул на пребывающего без сознания мужчину. После чего аккуратно закрыл дверцу и важно добавил: – Тайна.

Если бы Чайка знал Олово чуть меньше, то есть не имел понятия о выдающихся способностях слуги в части решения разного рода проблем, он бы, наверное, посмеялся над заважничавшим коротышкой. А так – увольте. Илья послушно уселся за руль, и они неспешно – Олово очень понравилось это слово: неспешно, он повторил его три раза, – отправились в Ackerfeld, в промышленную зону Франкфурта. Илье доводилось в ней бывать – в бытность свою ломщиком прятался на одном из складов, – а потому не растерялся в хитросплетении фабрик, ангаров и заборов. Покрутившись по Ackerfeld – то ли слуга запутывал возможных преследователей, то ли нетвердо знал дорогу, – они закончили путешествие в полупустом ангаре среди немногочисленных ящиков и двух отключенных электрокаров.

– Жди здесь, – страшно округлив глаза, приказал Олово и уточнил: – Не как тогда.

– Я постараюсь, – пообещал Чайка.

Но пообещал не слишком искренне, и слуга остался недоволен:

– Хочешь, я тебя свяжу?

– В прошлый раз непоседливость спасла мне жизнь.

Ответа на это замечание Олово не нашел. Покрутил головой, вздохнул, затем вытащил из фургона похищенного, взвалил его на плечо и растворился среди ящиков.

Илья же покурил, потоптавшись возле мобиля, вернулся в кабину, включил «раллер» и пошел по новостным каналам, изучая сообщения о перестрелке в «Эвересте» – вполне возможно, какой-нибудь журналист расскажет, кого же они, черт побери, похитили?

Свет. Не яркий. Приглушенный. Поэтому ничего не видно сквозь чуть приоткрытые глаза. Полумрак.

«Я сижу».

Кресло? Да, наверное, кресло – руки лежат на подлокотниках. Связаны?

«Если пошевелиться, они поймут, что я очнулся».

Ну и ладно.

Сорок Два резко открыл глаза и одновременно поднял правую руку.

«Свободна!»

– Здравствуйте.

Свободен, значит, можно двигаться. Сорок Два подал корпус вперед, но замер, остановленный мягким предупреждением:

– Пожалуйста, не вставайте.

В маленькой комнате царит полумрак, единственная лампочка горит где-то справа, света едва хватает, чтобы различить фигуру сидящего напротив мужчины – не видно ни лица, ни одежды, только неясные очертания.

– Никаких лиц.

– Я понял. – Сорок Два поерзал, устраиваясь удобнее. – Никаких лиц.

Незнакомец выдержал короткую паузу.

– Я – Всадник.

Очень неожиданно. Сорок Два предполагал, что его выследила и выкрала СБА, возможно – Европол, ожидал, что начнется официальный допрос, а потому был несколько удивлен.

– Я должен вам верить?

– Хотите, перескажу наш прошлый разговор?

– Я его помню.

– В таком случае будем считать, что представление состоялось. – Лица не видно, но Сорок Два понял, что Всадник улыбается. – Перейдем к делам…

Так просто? «Перейдем к делам»?! После того, что случилось

в «Эвересте»?! Сорок Два рассвирепел:

– Вы на меня напали! Вы…

– Мой человек спас вам жизнь. – Всадник неплохо умел вклиниваться меж слов собеседника. – На вас напал кто-то другой.

В памяти Сорок Два всплыли детали ночных событий: вооруженные автоматами мужчины, падающие телохранители, скрюченная Роза, удар по зубам, и… невысокий человек в дурацкой наномаске. Маленький убийца, виртуозно работающий ножом.

«Враг моего врага – мой друг? Посмотрим…»

– Зачем вы послали человека? Вы знали о нападении? – Сорок Два спросил и тут же прикоснулся к ноющим губам.

– Он должен был пригласить вас на встречу. Все остальное вышло случайно. – Пауза. – Я передам ему вашу благодарность.

Прозвучало логично: у них контракт, контрабандисту не было смысла подсылать в «Эверест» убийц. Никакого смысла.

«Кто-то допросил Крюгера? Похоже на то… Уж не Всадник ли? Иначе как он узнал об «Эвересте»?»

Последняя мысль Сорок Два не понравилась:

– Как вы меня нашли? Каким образом узнали об «Эвересте»?

– С помощью чуда, – ровно ответил контрабандист. Сорок Два вздрогнул. – Судя по тому, что вы не засмеялись, вы допускаете возможность чудес. Не так ли?

«Предательство ни при чем, – сказала тогда Каори. – Мы отыскали вас с помощью карандаша, который вы забыли в Мюнхене. С помощью святых духов Лоа, существование которых вы отрицаете. Как я уже говорила: с помощью небольшого чуда. Нейкисты творят чудеса?»

Вудуисты пришли в его тайное логово, человек Всадника пришел в другое его тайное логово. С рациональной точки зрения, все в порядке: выследить можно кого угодно, было бы желание. Однако…

– Я не в первый раз слышу, что нашли меня благодаря чуду, – медленно ответил Сорок Два.

– Может, стоит задуматься?

– О чудесах?

– О том, что вас постоянно находят.

В голосе пророк уловил добродушную издевку, вот и ответил резковато:

– До сих пор мне удавалось выжить.

– Везение непостоянно.

– Почему вы завели разговор о чудесах? – быстро спросил Сорок Два.

– Вас считают пророком. – Всадник позволил себе короткий смешок. – Вот и решил проверить, насколько вы в теме?

Интонация говорила, что фраза окончена, Всадник даже паузу взял, словно призывая собеседника высказаться, но едва Сорок Два открыл рот, контрабандист вновь заговорил:

– Вторая причина моего интереса заключается в том, что я принадлежу к одному старинному ортодоксальному течению, о котором давным-давно позабыли.

– Ковырялись в книгах? – не удержался Сорок Два.

– Можно сказать и так, – согласился контрабандист. – В моей Традиции их больше чем одна.

Сорок Два потер лоб.

Удивление, вызванное неожиданной встречей со Всадником, прошло, однако непонятно к чему сделанное заявление о странной конфессиональной принадлежности регионального менеджера контрабандистов вызвало у Сорок Два очередной приступ недоумения.

«Он считает это важным?»

– Послушайте, Всадник, я – простой парень, которому выпала возможность изменить мир. Я еще ничего не сделал, я в самом начале пути. – Глаза пророка вспыхнули. – Мир стал цифровым, ваши боги и те стали цифровыми, но люди – люди еще не поняли. Большинству кажется, что мы просто поднялись на новую ступеньку, но я докажу всем – не новая ступенька, а другая лестница. Цифра уже здесь, и Цифра – это принципиально другое общество. Вот над чем я работаю, вот моя цель, и плевать я хотел на Традиции и чудеса, в моем мире…

И осекся. Осекся пророк, не зная, как закончить фразу.

– В вашем мире чудес не будет? – осведомился Всадник.

– Когда-нибудь не будет всего, – тихо ответил Сорок Два.

– Вы молодец, – уважительно произнес контрабандист. – Вы уловили самую суть – когда-нибудь не будет всего. Так не бойтесь заглянуть вперед. Прогоните страх, откажитесь от него, ведь страх – причина всех бед. – Всадник помолчал. – Когда-то один великий человек сделал неверный выбор, испугался, проиграл бой на Калиновом мосту и тем разорвал Вечное Колесо. Он думал, что все останется как есть, но ошибся. Бессмертия нет, потому что нет смерти. Есть замкнутый цикл рождения, становления и распада, и каждый круг дает нам нечто новое. В этом смысл вечности. – Еще одна пауза. – Представьте разошедшуюся танковую гусеницу. Какое-то время движение продолжается, со стороны даже кажется, что все в порядке, но в движении уже нет смысла. Проходит время, гусеница слетает и давит землю… И мы прогибаемся под тяжестью собственных

изобретений.

– Что хорошо гнется, обычно плохо ломается.

Всадник выдержал паузу, после чего медленно протянул:

– Странно, что именно вы сказали именно так. Ведь мир прогибается под вашей Цифрой.

– Я не хочу ломать мир. Я хочу его изменить.

– Ваши действия говорят об обратном.

– Мои действия направлены на приближение Эпохи.

– Всех в сеть не загоните.

– Судя по всему, вы не сторонник научного прогресса?

– Я – главный его адепт, – с заметным высокомерием ответил Всадник. – Я не хочу, чтобы он останавливался. А поскольку мы зашли в тупик, я должен починить гусеницу.

– Предотвратить Апокалипсис?

Сорок Два показалось, он понял, что имеет в виду контрабандист. Однако тот лишь вздохнул. Выдержал паузу и развил свою мысль:

– Апокалипсис уже наступил. Мир в тупике, мир на пороге большой войны. Колесо разорвано, однако принцип изменить невозможно – перерождение должно свершиться. И мир идет к нему, идет к большой войне, потому что это самый простой способ вновь запустить Колесо.

– Я запутался, – признался Сорок Два. – Вы ведь этого хотите?

– Большая война отправит нас на много циклов назад, – объяснил Всадник. – В лучшем случае мы вернемся в феодальное общество, в худшем – деградируем до первобытных общин. Колесо завертится, но цена кажется мне чрезмерной.

– Согласен, – проворчал Сорок Два.

Если большая война отправит мир в феодализм, о наступлении Эпохи Цифры можно будет позабыть лет эдак на триста-четыреста.

– Поэтому вы здесь.

– Я могу предотвратить войну?

– Нет.

Странно, но Сорок Два ощутил разочарование. На некоторое время он увлекся речами Всадника, можно даже сказать – заслушался и, ответь контрабандист утвердительно, почувствовал бы прилив гордости. Теперь же – лишь разочарование.

– Ах да, я ведь курица, несущая для вас золотые яйца.

– Курица – это всего лишь способ, которым одно яйцо производит другое яйцо, – хмыкнул контрабандист. – Вы здесь, потому что согласны со мной. А единомышленники играют в моих планах важную роль.

И Сорок Два вдруг подумал, что из всех возможных

помощников судьба подбросила ему самого чокнутого.

Новостей о перестрелке в «Эвересте» оказалось немного, лишь однотипные картинки с места события да недоуменные комментарии к ним – репортеры не могли взять в толк, кому потребовалось устраивать побоище в клубе виртуальных игр. Убедившись, что более-менее толковые отчеты не появятся раньше утра, Чайка принялся просматривать другие новости.

– Напомним, что начальник баварского управления Европол генерал Аль-Кади заявил в интервью следующее: полиция, несмотря на ряд громких побед, не собирается прекращать преследование торговцев наркотиками. «На смену Путнику и Живоглоту приходят другие группировки, которые очень скоро почувствуют на себе всю тяжесть закона…»

И не заметил подошедшего Олово.

– Скуча-аешь?

– Черт! – Чайка едва не уронил компьютер. – Ты бы хоть покашлял для приличия.

– Я-а не болен.

– Черт!

– Скуча-аешь?

– Нормально я провожу время, нормально, – пробурчал Илья, захлопывая «раллер». – Уезжаем?

– Нет.

– А что делаем?

– Безопа-асность. – Судя по всему, слуга избавился от изменителя голоса, и его речь стала прежней, с растянутыми гласными.

– В смысле, ты обеспечиваешь безопасность?

– Да-а, – важно подтвердил Олово.

– А я что делаю?

– Скуча-аешь.

– Черт!

Точность простых формулировок поражала.

– Я прочитал все заметки об «Эвересте», но так и не понял, кто там прятался. – Илья пристально посмотрел на Олово. – Скажешь?

В клубе Илья похищенного не разглядел – не до того было, в темном фургоне тоже не получилось, к тому же Олово уложил мужчину лицом вниз. А когда выносил – накинул ему на голову мешок. Та-айна, черт бы ее побрал. Ну а в то, что слуга не знает, за кем охотился, Чайка не верил.

– Кто он?

– Сорок Два-а, – простодушно ответил Олово.

– Сорок Два?! – Чайка подпрыгнул в кресле так, что ударился головой о потолок кабины.

– Да-а.

– И ты молчал?!

Слуга развел руками, демонстрируя, что так было надо.

Та-айна, мать ее!

– С кем он сейчас? – Но в следующий миг Илья сообразил, что знает ответ. Олово подчинялся только одному человеку. – Сорок Два говорит с Грязновым?

– Да-а.

– Я хочу слышать! – Чайка выскочил из машины, но остановился, понял, что активность не поможет. Бросил взгляд на Олово, резко сбавил тон: – Я хочу…

– Тебе ра-азрешено, – доверительно сообщил слуга. – Только тихо. Неза-аметно.

– Договорились!

Возвращение к делам произошло просто и ненавязчиво. В тот самый момент, когда Сорок Два окончательно устал от заумных рассуждений контрабандиста и собрался выдать пару резких замечаний насчет колес и прочих гусениц, Всадник вдруг предложил:

– Поговорим о сделке?

Чем здорово облегчил пророку жизнь.

– Если вы смотрите новости, то знаете, что я собрал деньги. – Сорок Два самодовольно ухмыльнулся. – Пять миллиардов. С миру, как говорится, по нитке…

– Замечательно, – одобрил контрабандист. – Я, со своей стороны, тоже все подготовил.

– Вы обещали, что я смогу производить пять тысяч «поплавков» в сутки, – припомнил Сорок Два. – Продадите мне завод?

– Пять заводов, если быть точным, – поправил собеседника контрабандист. – Правда, небольших… Вам знакомо обозначение «Тек-9»?

– «Тек-9»…

– Пять комплексов. Я подумал, в целях безопасности вы захотите разместить их на разных континентах, и уже обеспечил доставку…

– Пять «Тек-9»! – Сорок Два едва верил услышанному. – Их стерегут как зеницу ока! Где вы их взяли?

– Когда вы сможете перечислить деньги?

– Как только окажусь у своих.

– Замечательно, – повторил Всадник. – Один комплекс

находится в этом ангаре, в ящиках. Информацию о местонахождении других мы занесли в вашу «балалайку». – И бросил Сорок Два коробочку с чипом. – Они дожидаются вас в Сиэтле, Бангкоке, Рио и Калькутте.

– Я могу их забрать?

– Когда вам будет угодно.

– А деньги?

– Вы ведь сказали: перечислите, как только вернетесь к своим.

«Он настолько доверчив? Или уверен в себе?»

– Я нашел вас один раз, найду и второй. – Угрозы в голосе Всадника не было, лишь констатация факта.

– Я не обману, – пообещал Сорок Два, жадно разглядывая чип.

Пять «Тек-9» – это… Это пять тысяч «поплавков» в сутки. Сто пятьдесят тысяч в месяц! Трепло ты, Всадник, пустое трепло о колесах и гусеницах! Ты так и не понял, что продал! Сто пятьдесят тысяч «поплавков» в месяц в дополнение к тем, что поступают на «черный» рынок сейчас, способны совершить революцию. Армия принявших троицу вырастет настолько, что уже через несколько месяцев…

Сорок Два окутали образы будущего. «Тек» обеспечат главное: первую лавину, пять тысяч новых рекрутов в день. Мало? Но каждый принявший троицу потянет за собой друзей, станет примером, расскажет сомневающимся, как хорошо в Цифре. Друзья захотят попробовать, а когда в твоей голове «поплавок» и программы «от Сорок Два», тебе не составит труда им помочь: проникай в офисы или на предприятия да собирай «поплавки» для друзей. Скромные пять тысяч процессоров в сутки превратятся в огромную волну. За это не жаль отдать пять миллиардов.

– Понимаю, вы увлечены, – дружелюбно произнес Всадник, – но перед тем, как мы расстанемся, я хотел прояснить еще один маленький вопрос.

«Опять начнет ездить по ушам?»

– Я слушаю, – вежливо кивнул Сорок Два.

Чокнутый Всадник только что вручил ему ключи от мира, поэтому можно потерпеть, послушать.

– Так получилось, что я узнал, где прячется Чайка, – небрежно сообщил контрабандист. – А поскольку вы замечательный клиент, Сорок Два, я решил оказать вам небольшую услугу. Бесплатно.

«Чайка?!» Видения мигом растаяли. Сорок Два облизнул губы и тихо спросил:

– Какую услугу?

– А это уж какую скажете, – рассмеялся Всадник. – Вам решать.

Дьявол! Проклятый дьявол!

Сорок Два провел рукой по гладко выбритой голове, потер лоб и, пользуясь тем, что ладонь скрыла от контрабандиста появившееся на лице выражение, уточнил:

– Чем он занимается?

– С интересом следит за вашими действиями.

– Собирается вернуться в сеть?

– Чайка живет сетью, ничего удивительного в том, что его тянет домой.

Коробочка с чипом, ящики, ожидающие его в ангаре, разбросанные по миру «Тек», сто пятьдесят тысяч «поплавков» в месяц, гигантская волна, приближающаяся революция – все вдруг показалось бессмысленным.

«Чайка встанет рядом…»

Нет, Чайка встанет выше – он ведь великий! Новые легенды слагают о нем едва ли не каждый день. Ломщик, осененный Поэтессой… Если Чайка вернется, если вновь обманет смерть, его сочтут Мессией.

«Я подготовил для этого почву!»

Поднял нейкизм на новую высоту, открыл троицу, убедил мир, что до наступления Эпохи Цифры осталось совсем чуть-чуть, бросил вызов, продал душу Дьяволу, раздобыл деньги, а теперь… А теперь придется отойти в сторону, потому что из небытия выскакивает любимец публики. Великий, нейрошланг ему в задницу, ломщик. Легенда и образец для подражания.

«Я не могу этого допустить!»

Сорок Два снова облизнул губы и поинтересовался:

– Какую услугу вы можете оказать?

– На ваш выбор.

Дьявол, дьявол, дьявол, нейрошланг тебе в задницу! Ну, почему ты не сказал: могу убить! Зачем заставляешь выносить приговор?

– Я не хочу, чтобы Чайка возвращался, – твердо произнес Сорок Два. – Вы об этом позаботитесь?

– Сделаю, что смогу. – Всадник поднялся, однако по-прежнему находился в тени. Голос его стал деловым: – Сейчас я уйду, а вы должны оставаться в комнате не менее десяти минут. Я могу на вас положиться?

– Безусловно.

– Прощайте, Сорок Два.

– Надеюсь, мы больше не увидимся.

– Я не расстроюсь.

Хлопнула дверь, он остался один.

Полумрак не рассеялся, комната по-прежнему была серой, плавно переходящей в черную, но Сорок Два показалось, что в мир вновь вернулись яркие краски. И он понял, что душу продал не тогда, не во время прошлой встречи, а только что. А в следующий миг понял, что не продал, а обменял ее на смысл жизни.

А еще через миг, крепко-накрепко сжав в кулаке коробочку с чипом, Сорок Два захотел кого-нибудь убить. Лично. И все десять минут он просидел, внимательно прислушиваясь к этому принципиально новому ощущению.

– Я понимаю, почему Сорок Два хочет меня убить, – угрюмо произнес Чайка. – Окажись я на его месте, поступил бы так же.

Они покинули промышленную зону в «Ауди Дромадер», в большом черном внедорожнике, что дожидался рядом с ангаром. Олово уселся на переднее сиденье рядом с водителем и сразу же поднял непрозрачную перегородку, оставив Илью и Кирилла наедине. Однако первую свою фразу Илья произнес минут через десять после начала поездки. А до того сидел молча, стараясь не смотреть на Грязнова и надеясь, что тот заговорит первым.

– Никто не знает, как бы он поступил, окажись на месте другого, – мягко ответил Кирилл.

– Я – знаю.

– В тебе говорит злость.

– Оказывается – великий пророк и «самый верный последователь Поэтессы» не только приписывает себе мои программы, но и мечтает меня убить, – горько произнес Илья. – Да, я немного зол.

– Люди слабы.

– Он хочет изменить мир!

– И он его изменит, – уверенно, словно о решенном деле, заявил Грязнов. – Мне не нравится Сорок Два, не нравится, куда он идет и через что переступает. Но он на своем месте. А это, в конце концов, самое главное.

– А… – Чайка укорил себя за эмоциональное восклицание – не следовало давать волю чувствам. – Что вы ему продали?

– Пять комплексов «Тек-9», – честно ответил Кирилл. – Программы, оборудование… даже материалов подбросил на пару месяцев работы.

– Он завалит мир «поплавками».

– Сорок Два пнет мир, – поправил Илью Грязнов. – А дальше все покатится само собой.

– Куда покатится?

– Подальше от прошлого.

– В тартарары?

– Кому-то покажется так.

– А на самом деле?

– На самом деле – еще дальше.

Фраза прозвучала отнюдь не предположительно. Чайка покачал головой и попытался пошутить:

– Вас часто называют оптимистом?

– Да. – Грязнов широко улыбнулся: – Вижу, ты остыл. – Вытащил из кармана коробочку, высыпал на ладонь несколько пилюль и попросил: – В баре есть вода. Подай, пожалуйста.

Несколько секунд Илья, не мигая, смотрел на Кирилла, затем потянулся, открыл бар, достал бутылочку, поколебался, но все-таки открыл ее и налил в бокал, обнаружившийся тут же.

– Спасибо. – Грязнов запил таблетки и потер указательным пальцем висок. – Теперь полегче…

– Как вы узнали, что я – Чайка?

– Довольно давно.

– Я спросил как, а не когда.

Он не собирался продолжать разговор до тех пор, пока не получит ответ на свой вопрос. Да, он полностью зависит от необычного антиквара, но некоторые вещи он имеет право знать.

– Все началось с того, что ты взломал «балалайку» Карбида, – дружелюбно начал Кирилл. – Сложная задача для первокурсника, пусть даже и ученика Танаевского.

– Так и знал, что не следовало помогать вашей дочери, – пробурчал Илья.

– Я приказал навести о тебе справки… Не по сети, конечно. У меня есть надежные знакомые в Санкт-Петербурге, и с их помощью я выяснил, что Илья Дементьев – виртуал. Очень хороший виртуал – моим знакомым пришлось постараться, чтобы докопаться до правды. Ты использовал настоящее имя настоящего человека.

– Илюха умер шесть лет назад, – объяснил Чайка. – Он был сиротой, и я подумал, что его документы могут когда-нибудь пригодиться.

И скрыл смерть друга.

– Затем я сопоставил время твоего появления в Анклаве с попыткой взлома СБА и с удивлением понял, что Корнелиус нанял на работу одного из великих. И платит ему сущие гроши. – Грязнов рассмеялся. – Прими поздравления, Чайка, меня крайне сложно удивить.

– Поэтому вы решили меня спасти? Окажись я обычным

парнем, гнил бы до сих пор в Африке?

– Я обещал, и я помог, – твердо ответил Грязнов.

И в этот момент Чайка догадался:

– Вы меня использовали! Вы сказали Флоберу, что я – Чайка.

– Тебя бы тут же пристрелили, – покачал головой Кирилл. – Ты жив только потому, что Мертвый считает тебя покойником.

Оспаривать это заявление Чайка не стал.

– Я просто попросил сообщить Флоберу, что ты талантливый машинист. Когда же ты начал писать программы, мои последние сомнения рассеялись.

Илья помолчал, тщательно обдумывая услышанное, после чего осторожно осведомился:

– Что теперь?

– Теперь я предлагаю тебе работу.

– Подавать воду?

– Изменить мир.

– Убьете Сорок Два?

– Нет, Сорок Два на своем месте.

– Или на моем?!

И опять восклицание вырвалось у Чайки спонтанно. Не удержался. Жахнул.

Обида. Обида. Обида.

Грязнов же подался вперед, взял Илью за плечо и, глядя ему прямо в глаза, проникновенно произнес:

– Я думаю, в глубине души Сорок Два тебе завидует. Ты пишешь программы, ты формируешь Вселенную Цифры. Она будет жить, она будет дышать по законам, которые дашь ты. Сорок Два пророк, но ты – Создатель. Ты занимаешься тем, к чему Сорок Два стремился всю жизнь, – чистым Искусством. И у тебя это получается значительно лучше, чем у него. У тебя это получается лучше всех.

– Но его знает мир.

– Тебе нужна слава?

– Да!

– Не лги себе. – Голос стал почти отеческим. – У тебя был шанс обрести всемирную славу. Ты мог выложить в сеть все секреты Мертвого, но ты не стал. Не потому что испугался, напротив, раскрытие тайны защитило бы тебя, но ты не стал. Ты ушел в сторону, потому что это не твой путь.

«Я ушел в сторону, потому что хотел спрятаться, хотел начать новую жизнь и начал! Спрятался! Но не удержался…»

Чайка вздохнул:

– Я всегда буду ломщиком? Всегда буду вне закона?

Он обожал свое призвание и ненавидел его.

– Нет.

– А что тогда мой путь?

– Твой путь – твое Искусство. Оно не только создает Вселенную Цифры, оно способно изменить все. Мою Вселенную. Мой мир. И мир каждого человека.

– Неужели? – Он очень хотел поверить, очень…

– То, что я предлагаю, – это вызов, дело для настоящего гения. Это путь, который тебя обессмертит. О тебе узнает весь мир – я обещаю. Ты встанешь значительно выше Сорок Два, но при этом останешься собой. Представляешь? Останешься собой. В отличие от него. – Кирилл прищурился. – А еще – это прекрасная возможность кое-кому отомстить.

* * *

День, когда мы меняем себя, – день, когда мы меняем мир

Что есть Вуду? Барабаны.

Вуду – это вездесущие духи Лоа и грандиозный храм в Новом Орлеане. Страны, объединенные одним знаменем, и миллионы людей, дышащих одним воздухом. Вуду – это свобода каждого хунгана и строжайшая иерархия. Проклинаемое и завораживающее.

Вуду.

Что есть Вуду? Барабаны.

Неумолкающие в храмах, выбивающие угодный Замби ритм и днем и ночью, входящие в унисон с ударами сердец.

Барабаны. Знаменитые барабаны Вуду.

Сейчас они звучали негромко, приглушенно, словно кто-то набросил на них одеяло. Ритм еще не стал бешеным, не взорвался вулканом, но готовился, медленно нарастал, и в этом едва заметном ускорении можно было прочесть обещание необузданного финала, вспышки дикой страсти, которой закончится танец, что исполняла для Папы Джезе красавица Зара. Танец, который барабаны не спешили разгонять в сумасшедший водоворот. Танец, огонь которого обжег бы самого Замби. Танец, который мамбо танцует только для любимого. И только раз в жизни.

Поэтому не торопились барабаны.

И поэтому Джезе не отрывал взгляд от гибкой красавицы.

Барабаны…

Они топят главный зал собора Тринадцати Пантеонов в ударах замбийских сердец. Скамьи сдвинуты, а в самом конце главного нефа – кресло, в котором развалился Папа. Поза

расслабленная, Джезе, можно сказать, полулежит, но в глазах – волнение. Во взгляде концентрируется возбуждение и рокочущая страсть барабанов. Да чуть подрагивают пальцы. Едва заметно. Пальцам уже горячо в пламени Зары.

В танце, горящем под сводами огромного зала.

Блестит умащенное благовониями тело, пышное и гибкое. Наготу скрывают лишь браслеты и тонкая ткань. И чем быстрее становятся удары сердца, тем быстрее истончается ткань, наполняясь влагой страсти. И тем крепче сливается с барабанами яростный звон браслетов. И тем сильнее дрожат пухлые губы Зары. И таившееся во взгляде возбуждение медленно перетекает в тело. Пальцы уже не подрагивают, они поглаживают подлокотник.

Барабаны…

Промокшая ткань прилипла к коже, не скрывает ничего. Перед глазами черные соски, волосы на лобке, упругие ягодицы. То стремительно мелькают, то вдруг замирают в плавном, мягком, полном неги и ожидания движении. Призыв становится сильнее и сильнее, но Папа не торопится, наслаждается искусством и затопившим его желанием. Папа терпелив, он знает, как должно быть.

Он знает, что через несколько мгновений ритм вырастет в разы, что барабаны погонят их сердца к самой вершине, что именно тогда…

Барабаны сбиваются.

Что?

Разгоряченная Зара теряется, неловко останавливается, прерывая чарующий танец, в глазах мелькает растерянность, а в следующий миг, когда мамбо замечает вошедшую в зал девушку, – в ее взгляде появляется злоба.

– Что случилось? – Папа Джезе уловил смену настроения Зары, приподнялся и повернул голову. – Ты кто?

Патриция медленно прошла по залу, и духи Лоа, призванные страстной яростью барабанов, уступили ей дорогу. Их явное недовольство смешивалось со тщательно скрываемым любопытством. Джезе понял, что духи Лоа не приветствуют девушку, но и не прогоняют ее. Или не могут прогнать?

Заинтригованный, он поднялся на ноги.

– Я тебя знаю?

– Мы не были представлены.

Пэт остановилась в двух шагах от Папы.

– Мне кажется, я тебя знаю. Где-то видел…

– Уж не во снах ли, архиепископ?

– Ты умеешь проникать в сны?

– Если они твои.

– Чем же я необычен?

– Тем, что мешает тебе меня прогнать.

– Я просто не хочу тебя прогонять…

Короткий, сдавленный, сдерживаемый всеми силами вскрик – Папа его не услышал. Все его внимание было приковано к другой женщине, и Зара, разгоряченная бешеным танцем Зара, переполненная желанием и злобой… поняла, что должна уйти. Уловила насмешливый шепот духов, но догадалась бы и без подсказки. Увидела, как Джезе смотрит на незнакомку, услышала, как говорит, и догадалась.

«Он забыл меня!»

Огонь танца, того немыслимого танца, что мамбо дарит лишь любимому, погас.

Пятясь, Зара дошла до потайной двери и покинула зал. И разрыдалась, прижавшись лицом к холодной стене.

– Мы встречались, но не разговаривали. Ты чувствовал, что я рядом.

Умолкшие было барабаны неуверенно подали голос. Тихий удар. Потом еще один. Любопытные духи Лоа кружили над мужчиной и женщиной, застывшими в самом центре собора.

– Ты спасла мне жизнь.

– Я была рядом.

– Кто ты?

– Меня зовут Патриция.

Слова уносились прочь, потому что они видели только друг друга. И слышали лишь дыхание друг друга. И по нему, прерывистому, понимали, что спрошено и что отвечено. И еще понимали, что не могли не встретиться.

Он прикоснулся к ее руке, почувствовал тепло нежной кожи. Почувствовал, как добирается оно до разбитого, окаменевшего сердца. Добирается через прикосновение и через взгляд. Через дыхание. Через стук сердца.

– Зачем ты пришла?

– Я ищу себя, Джезе. – И вдруг подумала, что здесь… что здесь прячется ее душа…

И барабаны осторожно застучали новую песню. Барабаны знали, что без них не обойдутся.

Анклав: Москва

– Очередная операция Европола получилась не менее жесткой, чем предыдущие, в ходе которых были разгромлены крупнейшие в Баварском султанате организации Живоглота и Путника. На этот раз целью полицейских стала набирающая вес банда Зазы Киприота. Спецназ блокировал торговцев

наркотиками в клубе «Золотой запас», однако на предложение сдаться бандиты ответили отказом. В ходе завязавшейся перестрелки…

– Переключи обра-атно, – попросил Олово.

– Какого черта?

– Пожа-алуйста.

Чайка раздраженно посмотрел на режущего овощи слугу.

– Я не хочу слушать этого придурка.

– Ма-астер слуша-ает, – ответил Олово. – Я-а тоже.

И даже голову не повернул, дубина!

Кирилл в кабинете, типа занят. Да и говорить с ним не хочется, хватило той беседы, которую они вели по пути в Москву. Уйти бродить по дому? В особняке есть на что посмотреть…

Но Илья знал, что не уйдет.

Ему было комфортно рядом с Олово. Спокойно и безопасно. Уютно.

– Переключи!

– Ладно, ладно. – Чайка пробурчал пару ругательств, но все-таки настроил коммуникатор на канал Сорок Два. – Слушай свое Слово!

Территория: Европейский Исламский Союз
Ланданабад

Он немного волнуется, потому что впервые произнесет Слово экспромтом. Впервые будет искать нужные слова на глазах у миллионов людей. Он пытался подготовиться, несколько раз брался за текст, но не мог сосредоточиться. Или же, наоборот, сосредотачивался слишком сильно, и хладнокровие мешало ему отразить в словах душу.

Он будет говорить экспромтом. И даже не знает о чем.

– Время…

Он попросил принести микрофон – старый и большой. Надел уродливые наушники и сел не на пол, а на стул, стоящий спинкой вперед. Долго боролся со стойкой, подбирая ей удобную позу, а когда справился – замер, положив голову на руки.

– Сорок Два – время! – повторил удивленный оператор.

Люди привыкли, что Слово не опаздывает. Люди настроили коммуникаторы, но вместо уверенного пророка увидели сгорбившегося на стуле мужчину. Увидели обыкновенного человека.

Который смотрел в себя.

А рядом с ним молчал уродливый микрофон.

О чем говорить? Сказать правду? Поймут. И не просто поймут – поддержат. Все знают, что лидеры dd – убийцы и отступники. И

ждут проклятий в их адрес. Сжимают кулаки в ожидании слова: кровь! Все согласятся с тем, что предателям должно воздать по заслугам, однако говорить о мести пророк не хочет.

Глаза закрыты, но Сорок Два видит громоздкий микрофон. Металлический корпус и металлическая сеточка. Толстый кабель, по которому вот-вот потечет ярость.

Но в душе ее нет, а значит, все поймут, что Слово ненастоящее.

Тогда о чем?

Рассказать, как ему плохо? Поведать миру, как Идея превращает романтика в убийцу? Тоже поймут, потому что любят. Разделят боль, ведь страдания его – за них. Он – пророк. Он платит собой за их будущее. Он ведет людей к новой Эпохе по дороге, вымощенной остатками его души.

Толстый кабель изготовился, нетерпеливо ждет исповеди, но пророку не нужна жалость людей. Он сознательно выбрал свой путь и не хочет плакаться в жилетку. А значит, все поймут, что Слово ненастоящее.

Сорок Два открывает глаза и видит капающую с пальцев кровь. Это красная кровь Красной Розы, красная кровь прекрасного цветка, что отдал за него жизнь. Кровь, которая стала дорогой. Сорок Два открывает глаза и видит дрожащие пальцы. Это пальцы Пумы, прекрасной Пумы, которая скоро сгорит изнутри. Так дрожит дорога под ногами путника. Сорок Два открывает глаза и видит уродливый микрофон.

Проклятый экспромт!

Нужно было написать что-нибудь соответствующее, но сегодня им управляет душа, а не разум. Она хочет раскрыться. Она говорит: ты убил меня, давай хотя бы простимся. Она заставляет искать тему, искать слова. Она говорит: в последний раз!

Сгорбленный человек закрывает ладонью глаза, приближает губы к микрофону и очень-очень тихо начинает…

Сегодня я хочу говорить о любви. О настоящей любви. О всепоглощающем, иррациональном чувстве, не подчиняющемся логике и расчету. О любви, которую невозможно выразить даже Цифрой. О любви, которую Поэтесса назвала чудом. О любви, которая была с нами всегда: и в пещерах, и в Анклавах. Мы изобретали слова, мы писали книги. Мы открывали новые земли и убивали в страшных войнах. Мы жертвовали собой ради других и совершали подлости. Путь человека труден, но рядом с ним всегда идет любовь. Потому что любовь – это и есть человек…

Анклав: Цюрих

Пума не могла не принять участия в расправе. Не смогла бы отказаться и раньше, но теперь, потеряв Красную и Крюгера, едва не лишившись Сорок Два, – теперь Пума жаждала крови. И живущий поблизости Шестьдесят Девять подходил на роль жертвы лучше остальных лидеров dd.

Перелет до Цюриха, потом такси. Ева едет в район пригородных вилл. Не в зону верхолазов, но на территорию очень богатых людей. Ева едет в дом, о котором, как полагает Шестьдесят Девять, никто не знает. Ева едет в район Цюриха, заслуженно считающегося самым спокойным на планете Анклавом. Ева едет мимо безов и видеокамер, знает, что над ее головой висят полицейские дирижабли и барражируют вертолеты. Еве известно, что президент СБА не терпит в своем Анклаве громких преступлений, что цюрихские безы крайне внимательны, что именно поэтому расправившийся с нейкистами Шестьдесят Девять укрылся здесь… Но Ева все равно едет.

Ей нужна кровь.

Пума останавливает мобиль у тротуара, проходит через разбитый перед виллой цветник, красивый, любовно ухоженный цветник, толкает дверь и входит в дом, в котором ее ждут. Два телохранителя, что остались верны хозяину, уже мертвы. Четверо остальных выстроились вдоль стен. Они выполнили свою работу, подготовили сцену и превратились в статистов. Они думают, что услышат подходящую случаю реплику, но ошибаются. Ева молча берет лежащий на столе «дыродел», подходит к связанному Шестьдесят Девять и пускает ему пулю в лоб.

Несколько секунд смотрит на поверженного врага, а потом заходится в сухом кашле. Она ничего не чувствует, она просто сделала работу.

Сегодня я хочу говорить о любви, которая есть Вселенная по имени Человек. Я хочу говорить о закате над морем, о красном шаре солнца, что медленно опускается за горизонт, о теплом песке и прикосновении. Я хочу говорить о том, как пальцы находят ее ладонь, и в тот же миг меняется все. Ты становишься другим, и мир вокруг становится другим. Я хочу говорить о том, как солнце встает над городом, как первые лучи ползут по стеклу и камням, создавая первые тени. Я хочу говорить о том, как ты раздвигаешь шторы, смотришь на улицу и не видишь грязь, потому что тебе хорошо. Потому что мир твой наполнен любовью. Я хочу говорить о том, как подходит она и ее тонкие руки ложатся на твои плечи. Ты чувствуешь ее запах, ее улыбку и ее любовь. Зарождающийся день принадлежит только вам, и так будет всегда. Ничего не

заканчивается, потому что любовь есть Время.

Территория: Омарский эмират
Дубай

Для Девяносто Один приготовлено решение в его вкусе. Девяносто Один предпочитает устранять врагов тихо: «внезапно обострившиеся болезни» и «естественные причины», автокатастрофы и «трагические случайности». Девяносто Один ценит изящество, искренне восхищается тонкой работой настоящих профессионалов, а значит, не будет разочарован.

Правда, на этот раз он не сможет насладиться работой убийц. На этот раз он сам участвует в постановке.

Девяносто Один давит на омара лимон и рассказывает деловому партнеру пикантный анекдот. Деловой партнер смеется.

Девяносто Один – известный бизнесмен, он планирует вложить деньги в строительство очередного прибрежного квартала и обхаживает нужного человека. Девяносто Один приглашает его в самый дорогой ресторан и делает все, чтобы понравиться. Девяносто Один знает, что это его шанс подняться на следующую ступеньку, чуть шире приоткрыть дверь в элитное общество, стать своим среди настоящих заправил, потому что Девяносто Один давно устал от жизни лидера dd.

Он внимательно выслушивает ответный анекдот, весело смеется, готовясь поведать собеседнику новейшую сплетню, но… Но падает лицом в тарелку.

Девяносто Один ничего не чувствует, он просто играет свою роль.

Сегодня я хочу говорить о любви, которая есть Вселенная по имени Время. Я хочу говорить о том, что без любви оно теряет смысл. Не умирает, но лишается души. Время без любви – лишь минуты, складывающиеся в ненужные годы. Время без любви – это тьма, в которой нет даже проблеска живого. Время без любви считает часы до смерти, а потому убивает… Сегодня я хочу говорить о любви, которая наполняет время желанием, которая превращает реку времени в стремительный поток, несущий не к смерти, но в вечность. Сегодня я хочу говорить о любви, благодаря которой мы без страха смотрим в будущее, потому что любовь есть Надежда.

Анклав: Москва

Барабаны не справлялись. Не поспевали за торопливыми, наскакивающими друг на друга ударами сердец. Уступали в страсти. Яростно ревели, извергая громовую дробь, но ничего не

могли поделать.

Барабаны не справлялись. А их и не слышали. А если и слышали, то не слушали. О них забыли. Их признали ненужными – пожару, что бушевал в соборе Тринадцати Пантеонов, лишние дрова не требовались.

Пэт рыдала, словно Джезе рвал ее на куски. А может, так оно и было?

Джезе стонал, словно раскаленный клинок терзал его сердце. А может, так оно и было?

Кто может сказать, как было, если никто не знает – как?

Кто может осознать чувства, которые не может разделить?

Как проникнуть внутрь двоих, слившихся в одно целое телами и душами?

Любовь? Та самая, первородная, изначальная и всепобеждающая. Еще не знающая имен и слов. Скорее страсть, чем чувство. Скорее безумие, чем желание. Не любовь, а неукротимая ее жажда. Яростный, перекраивающий души вихрь.

Пэт рыдала, умирая и воскресая под неукротимым напором Джезе.

Джезе стонал, растворяясь в океане Пэт.

А под сводами собора медленно кружились прогнанные пожаром духи Лоа. Они не могли приблизиться, но им нравилось то, что они видели.

Сегодня я хочу говорить о любви, которая есть Вселенная по имени Надежда. Я хочу говорить о любви, что помогает нам улыбаться, поднимаясь на костер. Я хочу говорить о любви, которая мешает опустить руки, которая ведет вперед. Я хочу говорить о любви, дарящей крылья. Не каждый из нас может справиться с навалившимся миром, но это не слабость, это отсутствие любви. Костры, на которые мы всходим, горят в наших душах. Пылают, не позволяя раствориться в бессмысленной тьме. Они могут сжечь, если мы не поймем, что горят они для других. Они могут подарить надежду, ведь каждый костер – это маяк. Я хочу говорить о кострах, уносящих ввысь. Я хочу говорить о кострах любви, в пламени которых вы понимаете, что способны на все, ибо любовь есть Чудо.

Анклав: Сиэтл

После чистки Тринадцать ведет себя наиболее смело из всех лидеров dd или наиболее самоуверенно. Он не перестает появляться на людях, не увеличивает охрану и не забывает подчеркивать, что считает себя правым. Он плотно контролирует североамериканский куст и не сомневается, что вычистил всю

«заразу Сорок Два». Он публично обвиняет Двадцать Пять в малодушии, пока – в малодушии, но намекает, что азиатский лидер, возможно, склоняется к Сорок Два. Тринадцать тверд, последователен, и до него невероятно сложно добраться. Создается впечатление, что Тринадцать планирует подмять под себя остальных лидеров, не стать единовластным хозяином dd, но оказаться первым среди равных. Тринадцать силен и честолюбив, дай ему время, он бы наверняка исполнил эту свою мечту, но времени у него нет.

Тринадцать забыл марсельский урок. Не подумал, что неизвестные ему программы Сорок Два способны пробить защиту, вползти во внутреннюю сеть, обманув системы безопасности, и «выстрелить» в нужный момент. Не из пистолета выстрелить и даже не из пулемета – в Эпоху Цифры стрелять могут самые обычные вещи.

Тринадцать погибает в лифте. Входит в него, окруженный могучими телохранителями, и отправляется в недолгий и неувлекательный полет с пятидесятого этажа. Перед смертью он не чувствует ничего, он слишком занят перегрузкой.

Сегодня я хочу говорить о любви, которая есть Вселенная по имени Чудо. О плодах, доступных каждому. О плодах, которые может подарить только любовь. Сегодня я хочу говорить о том, что у каждого из нас есть цель, и тем она выше, чем сильнее горящий внутри костер. Сегодня я хочу говорить о том, как мы идем к своей мечте дорогой злобы, как обманываем и предаем, не обращая внимания на гаснущее пламя. Сегодня я хочу говорить о том, как легко спутать силу и жестокость, как душа становится каменной, а время превращается в палача. Сегодня я хочу говорить о том, как счастлив любящий, ибо его преграды сжигает горящий внутри огонь. Сегодня я хочу говорить о том, что злость помогает добраться до цели, а любовь дарит чудо ее творения. Сегодня я хочу говорить о том, что преисполненный любовью становится способен на все, ибо любовь есть Невозможное.

Анклав: Москва

Олово давно забыл об овощах. Сидит у самого коммуникатора, напряженно вслушиваясь в речь Сорок Два. Неподвижен, как статуя, натянут, как тетива. Потом Олово долго трет лоб, с трудом вырываясь из тумана, в который отправили его слова пророка, потом смотрит на застывшее лицо Чайки и тихо говорит:

– Он перебил вра-агов. Он перебил всех вра-агов.

И качает головой.

Голос выводит Илью из оцепенения. В первое мгновение он чувствует отвращение, ему даже стыдно перед собой за то, что заслушался, но эти эмоции быстро проходят. Они ненастоящие. Настоящее спрятано в пришедших по сети словах.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает Илья и удивляется, как хрипло звучит голос.

– Ему было плохо, – задумчиво тянет Олово. – Он убива-ал вра-агов, но ему было плохо. А-а еще он убил свою душу. – Пальцы слуги скребут по черным татуировкам. – Я-а зна-аю, ка-ак душа умира-ает.

– Мы слушали не оду, а реквием, – шепчет Чайка.

Он отключает коммуникатор, но продолжает сидеть. И Олово не встает. Позабыл о кухне, молчит, низко опустив голову. Чайка долго смотрит на него, дожидается, когда Олово поднимет взгляд, и говорит:

– Я больше не хочу смерти Сорок Два. Он… – Чайка криво усмехается. – Он сделал с собой нечто более плохое.

И качает головой. Точь-в-точь как сидящий напротив убийца.

Сегодня я хочу говорить о любви, которая есть Вселенная по имени Невозможное. Вселенная без границ и преград, без ненависти и страха, преисполненная Чудом, Надеждой, Временем и Человеком. Человеком, жизнь которого идет вперед, а не к концу. Человеком, которого боится время. Человеком, озаренным надеждой. Человеком, познавшим чудо. Человеком, живущим в любви. Любовь – вот единственный во Вселенной продавец Невозможного, и плата за него – ваша душа. Не исковерканная злобой и завистью, не окаменевшая, не черная. Плата за Невозможное – ваш костер. Плата за Невозможное – Любовь, которая станет вами. Плата за Невозможное – обретение Вечности, потому что все, кроме Любви, рано или поздно обратится в прах…

Анклав: Москва

Одежда валяется на мраморном полу, а они лежат на ней. Обессиленные и ошарашенные. Понимающие, что никогда не станут такими, как прежде.

Счастливые.

– Духи Лоа любят тебя, – тихо произносит Папа, не мигая глядя на сводчатый потолок собора. – Боятся, но любят.

– Я им чужая.

– Но они ничего не могут с собой поделать.

– Как ты.

– Да, как я…

Первородная любовь не знает имен, она просто берет свое.

Патриция тоже смотрит вверх, но видит не камни, а небо. Ночное московское небо, в котором сияет в восемь раз больше звезд. В котором на привычные созвездия накладываются другие, неизвестные, безымянные. Пэт смотрит в небо и знает, что руны сложили на ее руках ту самую, самую-самую-самую главную последовательность. Пэт видит устремленное за пределы неба Копье. Пэт знает, что сгорела на костре своей души и возродилась.

– Я не хотел возвращаться, – тихо говорит Джезе. – Хотел остаться в тебе навсегда.

– У нас есть Вечность, – эхом отзывается Пэт.

– Могла бы быть.

Он понял не все, но много. А точнее – самое главное. Он понял, что они больше не увидятся. Потому что пришла та самая, первородная любовь без имен и слов. Ведь имена и слова образуют путь, а дороги у них разные.

Дороги, выходящие за пределы их жизней. Дороги, с которых они не свернут. Но которые невозможно пройти без любви.

– А если мы все оставим? Пусть будем только мы.

– Мы потеряем больше, чем приобретем.

– Ты уверена?

– Я знаю.

Но ему нужно больше, чем уверенность ее голоса.

– Никто не знает, пока не попробует.

– Любовь есть страдание, Джезе, – шепчет Патриция. – Мы расплатились ею за то, чтобы пойти дальше. Но она всегда будет с нами.

И на ее глазах блестят слезы.

– Как сон?

– Как чудо.

– Второй раз в жизни я жалею, что не умею плакать.

Пэт поднимается, внимательно смотрит Джезе в глаза и легко, кончиками пальцев, касается его щеки. А потом, мягко проведя по губам, подбородку и шее, останавливает руку на груди Джезе.

– Мое сердце останется здесь навсегда.

– А мое – здесь. – Он касается ее груди.

Это и называется чудом.

Эпилог

Выбирая путь, мы выбираем спутников

– Ты ни в чем не виноват, – шепчет Ева. – Меня нужно винить, только меня.

Ее тонкие, но сильные пальчики сплелись с пальцами Сорок Два. Обжигает тело, обжигает дыхание… и слезы, что капают на его грудь – тоже обжигают. И слова…

– Роза была сильной… и я… я тоже сильная. – Пума поднимает голову и целует Сорок Два в щеку. – Я люблю тебя. – Я всегда буду рядом.

– Теперь я знаю, что такое счастье… – Полумрак спальни и расслабленная поза съедают ложь. Нужен только правильный голос, искренний голос, любящий голос, и Сорок Два справляется: – Ты, ты мне веришь?

– Я буду верить тебе всегда, – обещает Ева.

Теперь он тоже приподнялся, ответил поцелуем в губы и мягко надавил на ее плечо, заставляя улечься на спину.

– Я всегда буду верить тебе, – повторяет Пума, закрывая глаза. – И всегда буду верить в тебя.

Сорок Два входит в нее, но двигаться не спешит, крепко прижимается, вдыхая запах ее кожи, волос, вдыхая запах ее слез.

– Нас ждут тяжелые времена, Ева, и очень важно, чтобы ты в меня верила.

– Я тебя люблю…

Пять «Тек-9» произведут революцию, сделают троицу доступной, увеличат армию принявших Эпоху Цифры, навсегда изменят общество. Пять «Тек-9» откроют ворота в новый мир…

«Половинку ворот, – поправляет себя Сорок Два. – Одну створку».

«Синдин» по-прежнему недоступен, а его будет требоваться все больше и больше. Справятся ли храмовники с возрастающими потребностями? А главное, захотят ли они справляться, сообразив, что своими руками приближают Эпоху Цифры?

«Они все знали с самого начала».

Но чего они в таком случае добиваются? Почему отказали в помощи, нейрошланги им в задницы?

«Они хотят управлять новым миром! Моим новым миром!»

Простой, лежащий на самой поверхности ответ бросает Сорок Два в пот.

«Это же, клянусь Поэтессой, очевидно!»

Мутабор ненавидит Цифру, но не в силах противостоять ее

приходу. Мутабор понимает, что мир уже во власти Поэтессы, а потому ни за что не отдаст рычаг, с помощью которого способен влиять на замечательный, великий, но противный сумасшедшим храмовникам мир. Нет смысла унижаться или молить, нет смысла предлагать даже самые заманчивые сделки – храмовники ни за что не поделятся властью. Нужно давить. Нужно вывернуть Владыке руки и засунуть нейро-шланг ему в задницу.

Нужно, потому что от этого зависит судьба нового мира!

И не важно, совершенно не важно, с чьей помощью будет уничтожен Мутабор!

Ева уснула.

Сладко сопит, раскинувшись на кровати, и улыбается. Кажется такой беззащитной… Ева счастлива. Она страдает, но она счастлива. Она верит, что рядом с Сорок Два ей не страшно ничего. Она верит. Она счастлива.

И она не видит его слез, потому что спит.

А сгорбленный человек беззвучно плачет, сидя на кровати рядом с уснувшей девушкой. Закрывает рот ладонью, закрывает глаза, и плечи его трясутся. Он плачет, и губы его кривятся, пытаясь прошептать: «Прости!», но не шепчут, потому что тоже плачут. Сгорбленный человек давит всхлипы, сильно кусая себя за руку, и болью изгоняет рыдания.

Навсегда.

Сгорбленный человек знает, что больше в его жизни не будет слез.

Никогда.

Потом он долго смотрит на Еву, потом поправляет одеяло, нежно целует девушку в лоб, поднимается, проходит в соседнюю комнату, плотно прикрывает за собой дверь и набирает номер.

Другой человек, тот, что находится по ту сторону сети, отвечает почти сразу:

– Кто это?

– Ваш новый друг.

– Этого я еще не знаю. – Человек осторожен. – Как вы узнали номер?

– Недавно умер наш общий знакомый, и я получил в наследство незарегистрированный коммуникатор, в памяти которого был этот номер.

– Как наш знакомый умер?

– Я его убил.

– Ваше имя составлено из цифр?

«Куда вы идете? Какой мир строите? Мир «синдина»? Если вы хотите построить мир «синдина», какая мне разница, кому отдать

технологию, вам или СБА? Результат будет одинаков».

Так сказал храмовник. И он был прав – какая разница? Есть только цель – Эпоха Цифры. Все остальное – мелочь.

Человек уже не горбится, и глаза его сухи. Он больше не думает об умирающей в соседней комнате девушке. Он думает только о пути.

– Мое имя – число, – твердо произносит Сорок Два. – Я хочу поговорить с вами, господин Моратти. Мне кажется, у нас есть общий враг.

* * *

Территория: Китайская Народная Республика
Пекин, Генеральный штаб

– Находящаяся в Арктике авианосная группировка включает в себя пятнадцать боевых кораблей и четыре подводные лодки, – продолжает начальник Генерального штаба. – Эскадра Европейского Исламского Союза чуть больше – двадцать кораблей и пять подводных лодок. Кроме того, в Норвежском море находится еще одна группировка европейцев – двадцать три корабля, включая два авианосца. На подходе эскадры Индии и Вуду.

Карта, появившаяся на огромном, во всю стену, мониторе, наглядно показывает расположение кораблей.

– Омарцы? – уточняет Председатель.

– Омарский эмират пока не направил в Арктику флот, но они – традиционные союзники Европейского Союза. Вполне возможно, что Эль-Париж попросил не вмешиваться.

– Да, попросил, – холодно бросает Председатель.

И всем становится ясно – начальник Генерального штаба заговорил о том, что его не касается, забыл, что политические вопросы решаются в другом месте.

– Я с удовольствием выслушаю военную оценку ситуации, – быстро произносит Председатель. Он понял, что высказался резче, чем следовало, и поспешил сгладить неловкость.

– Мы можем захватить Станцию самостоятельно, – уверенно заявляет начальник Генерального штаба. – Первая фаза операции заключается в массированном ударе высокоточными крылатыми ракетами, их цель – укрепления, аэродром и батареи ПВО. Мы гарантируем, что ни одно из технических зданий Станции не будет разрушено.

Председатель бросает быстрый взгляд на Ляо. На Ляо, который привез от Моратти плохие новости. На Ляо, лучшего

своего советника, который всегда знает, как поступать, а сейчас, впервые на памяти Председателя, пребывает в сомнениях.

Председатель бросает быстрый взгляд на Ляо. А старик, кажется, дремлет.

– Вторая фаза – штурм. Как вы знаете, на нашем авианосце всего пять истребителей…

С помощью которых китайцы успешно вводят в заблуждение наблюдателей: самолетам ежедневно перерисовывают бортовые номера, летчики меняют позывные, и у следящих за эскадрой разведчиков создается ощущение, что авианосец приволок в Арктику обычную начинку. В действительности же истребители в обстановке полной секретности поменяли на десантные вертолеты.

– Подлетное время – полтора часа.

– Можно его уменьшить?

– Если отрезать Станцию от спутников, то сможем поднять вертолеты до ракетной атаки и начать штурм сразу же после нее.

Но удастся ли ослепить Мертвого? За спутники СБА можно не беспокоиться – Моратти сделает все, что скажет Ляо. А как быть с частными аппаратами? Особенно с теми, что запускал «Хруничев»? Есть ли среди них разведчики? Ляо уверен, что есть.

– Какова численность десанта?

– Три тысячи человек. Мы сможем перебросить их в два этапа. В случае необходимости сформируем дополнительные штурмовые команды из матросов.

– Вряд ли это потребуется, – негромко произносит Председатель.

«Операция отменяется?» Начальник Генерального штаба удивленно смотрит на первого человека Поднебесной, однако не переспрашивает – хватит одного окрика.

Председатель оглядывает высших офицеров, жестом приглашает начальника Генштаба вернуться в кресло, после чего продолжает:

– Мы достигли соглашения со всеми ведущими государствами планеты, мы выступим вместе. Индия, Исламский Союз, Вуду и мы атакуем Станцию одновременно. Именно поэтому дополнительные штурмовые команды не потребуются – в десантниках недостатка не будет.

Но и приз придется делить на всех…

Впрочем, присутствующие на совещании генералы реалисты и понимают, что им не позволят захватить Станцию, а потому соглашение выглядит наилучшим вариантом развития событий.

– Военный аспект операции, согласование действий с нашими… гм… союзниками, должны быть проработаны

непосредственно в Арктике.

– Адмирал Бодуань – блестящий офицер, – немедленно сообщает начальник Генерального штаба, давая понять, что не собирается менять командующего эскадрой.

– Пусть будет он. – Председатель не спорит. – Что же касается даты операции, то она пока не определена. – Выдерживает паузу. – Однако все вопросы со Станцией необходимо снять в течение двух ближайших месяцев.

* * *

Анклав: Москва
Территория: Болото
«Инновационное бюро Лакри»

«Еще не поздно отступить!»

«Неужели?»

«Зачем тебе это? Ты всегда был сам по себе, пусть так и остается!»

«Я понимаю, что меня посадили на крючок, но… мне понравилась наживка. – Чайка улыбается. – Пора что-то поменять в моей чертовой жизни».

«Ты уже пытался!»

«Вот именно…»

Чайка улыбается, а его лицо омывают крупные капли теплого летнего дождя. В такую погоду хорошо начинать новые дела – дождь смывает прошлое, помогает начать все с чистого листа.

«Я должен идти вперед! Я должен!»

Чайка в одиночестве бредет по тротуару. От станции метро до «меха-анической ма-астерской», как обозвал его конечную цель Олово, не больше десяти минут. Вполне достаточно, чтобы в последний раз все обдумать. Вполне достаточно, чтобы насквозь промокнуть. И хорошо, что дождь прогнал людей с улиц – чужие плечи сбивают с мысли.

«Я должен измениться! Потому что иначе я умру».

Великому ломщику нужен великий подвиг. Давно, слишком давно он не совершал невозможного. Нужно бросить вызов. Нужно снова начать игру по самым высоким ставкам. Если все вокруг шагнули на следующую ступеньку, мне пора подняться еще выше. Великий ломщик привык стоять над остальными. В этом он весь. В этом его величие.

Чайка сворачивает с улицы, проходит мимо мотоциклов и мобилей, мимо работающих механиков и толкает дверь в маленький ангар.

– Есть кто?

– Илья!

Патриция подходит первой, обнимает, отстраняется и, продолжая держать Чайку за плечи, негромко произносит:

– Я рада, что ты смог.

Смог вырваться из Африки или смог прийти сюда? Или и то и другое?

Смысл фразы ускользает, однако Чайка чувствует, что произнесена она искренне, а потому неловко улыбается:

– Я тоже.

Звучит коряво, но тоже искренне.

– Меня зовут Рус. – Худощавый, подвижный, с темными глазами и темными от смазки руками. И очень крепким рукопожатием.

– Илья.

– Хочешь пива?

– Холодного?

Дождь сильный, но теплый. Промокшая одежда не холодит, наоборот, Илье становится жарко.

– Другого не держим.

Рус идет к холодильнику, а Чайка поворачивается к последнему участнику встречи, к длинному нескладному мужчине лет тридцати пяти.

– Илья.

– Ганза, – громко сообщает мужчина и долго трясет Чайке руку. – Я рад познакомиться, я много о тебе слышал! Ты… ты молодец. Твой π-вирус – совершенство!

Чайка недоуменно смотрит на Патрицию.

– Мы собрались ради очень серьезного дела, – с улыбкой объясняет девушка. – И мы знаем друг о друге все.

– Я твой большой поклонник!

К счастью, Рус приносит пиво, и этот бред заканчивается.

Они рассаживаются за столом и некоторое время, не стесняясь, смотрят друг на друга. Не забывая потягивать пиво.

У Руса короткие черные волосы, заусенцы на пальцах, левая щека плохо выбрита. Неряшлив? Или увлечен?

«Кто ты, Рус?»

У Ганзы длинный нос и длинный подбородок. Уши, наверное, тоже длинные, но их прикрывают спадающие до самых плеч волосы. Ганза жадно пьет пиво, не замечая, что капает на волосатую грудь и расстегнутую до пупа рубашку. Ладонь, сжимающая банку, широкая, как лопата.

«Кто ты, Ганза?»

Патриция прекрасна: каштановые волосы собраны в хвост, на

дышащем свежестью лице минимум косметики, глаза блестят… Патриция привычно великолепная и непривычно взрослая. Вроде все осталось прежним, но Чайка чувствует, что сидящая за столом женщина в разы мудрее малолетки, которую он помнит.

«Кто ты, Патриция?»

И слышит ответ:

– Мы собрались, чтобы совершить невозможное.

И шепчет:

– Что?

– Мы повлияем на ход истории.

По тону Патриции Чайка понимает, что она не лжет. И не преувеличивает. И еще чувствует, что она, возможно, преуменьшает, и это чувство приятно будоражит.

– Мир, который мы знаем, исчезнет через несколько месяцев, и причиной тому – Станция, – жестко произносит девушка.

– Что плохого в новой энергии?

– То, что ее не смогут поделить.

– Ерунда! – Чайка несколько разочарован, он жаждал услышать нечто… нечто невозможное, а оказывается, все дело в политике. Душою он уже там, в подвиге, а потому не скрывает досады: – Верхолазы договорятся!

– Ты знаешь Мертвого, – парирует девушка. – Он пойдет до конца.

– Взорвет Станцию?

– Да, – спокойно подтверждает Пэт. – Станция – его трон. Или он будет на нем сидеть, или Станции не будет. Другие игроки это понимают, но готовы рискнуть, потому что не хотят, чтобы Мертвый взял за горло весь мир.

Ну, ладно, цель определена – Станция. Достойная цель и… невозможная. Цель великому подходит, однако досада не отпускает. Досада заставляет противоречить Патриции.

– Военная операция, потом большой «Бум!». – Чайка пожимает плечами. – Станции нет. Как изменится мир, если она даже не заработает?

– Я не сказала «изменится». Мир исчезнет.

– «Бум!» будет слишком большим?

– «Бум!» не взорвет Землю, но мы останемся в тупике. А Станция – наш единственный из него выход.

И тут Чайка догадывается:

– Ты хочешь похитить информацию о новой энергии!

Все возвращается к тому, с чего начиналось.

– Не совсем.

– Пэт задумала «Бум!», только маленький, – ворчит Рус. И вопросительно смотрит на девушку: – Без жертв.

– Без жертв, – подтверждает та. Судя по тону – не в первый раз.

– Объясните! – Чайка сбит с толку.

– Я планирую раздавить Мертвого, а для этого нужна авария, – твердо произносит Патриция, глядя Илье в глаза. – Если информация уйдет, а строительство его драгоценной Станции существенно затормозится, он потеряет преимущество. Другие игроки начнут строить свои объекты, одновременно изучая новую энергию и создавая новые машины. Не случится войны, и мир мягко перейдет в следующую фазу.

– Благодаря бывшему зэку, специалисту по мотоциклам, взбалмошной девице и этому невротику? Ничего личного, ребята, но, кажется, в пиво добавили галлюциногены.

Чайка не хотел грубить, вырвалось. Выплеснулись сомнения, терзавшие его, пока он шел в мастерскую. А может, просто захотелось показать себя.

– Бывший зэк оказался неплохим машинистом, – мягко улыбается Пэт. – Кое-кто даже называет его великим.

– Да! – С энтузиазмом поддерживает ее Ганза. Лохматый придурок совсем не обиделся на невротика.

– Специалист по мотоциклам каждый день выбрасывает в мусор толстые письма из «Науком», в которых его умоляют вернуться, обещая любую зарплату.

Чайка смотрит на Руса.

– Правда?

– Я больше не буду создавать оружие, – мрачно отвечает механик.

– Ну а нашего невротика рано или поздно назовут «человеком тысячелетия», – продолжает Патриция. – Потому что именно он придумал новую энергию.

У Чайки отвисает челюсть.

– Когда Пэт познакомила нас, я сразу почувствовал себя специалистом по мотоциклам, – добродушно ухмыляется Рус. – Понял, бывший зэк?

– Не надо лизать мне сапоги, – смущенно бормочет Ганза. – Теперь, когда все прояснилось, мы можем вернуться к пиву.

И тянется за следующей банкой.

Илья ошарашенно наблюдает за широкой, как лопата, ладонью гения, смотрит на поднесенную ко рту банку – она едва не задевает длиннющий нос, а потом долго-долго трет лоб. Его никто не торопит.

«Я – велик, Рус, видимо, тоже, Ганза – супервелик. У нас получается невероятная команда».

Очень подходящая для невозможного свершения.

Мысли путаются. Хочется приступить к делам. Хочется все тщательно обдумать. Хочется узнать, в чем план. Хочется…

Илья открывает следующую банку пива, делает два больших глотка и бурчит:

– У меня в башке фальшивый чип, Рус – владелец тюнинговой мастерской. Кто нас пустит на Станцию?

– Ты забыл о взбалмошной девчонке. – Патриция тянется через стол и кладет ладонь на руку Ильи. – Я не только дочь Кирилла. Я – внучка Романа Фадеева.

– О, черт!

– А это значит, что Станция принадлежит мне. – Пэт выдерживает паузу. – А еще это значит, что я хочу уничтожить Мертвого.

И смотрит так, что мурашки бегут по спине.

– Ты хочешь убить его еще сильнее, чем я, – шепчет в ответ Илья.

Ему известно, что отнял у девушки Кауфман.

– Ненависть не знает понятия «сильнее», – говорит взрослая Пэт. – Или она есть, или ее нет. Мы совершим невозможное, Илья, мы построим новый мир, изменим ход истории и расплатимся по всем счетам. – Ее рука горяча, а слова еще горячее. – Ты с нами?

Как можно отказаться от невозможного?

– Я с вами. – И Чайка накрывает ладонью руку девушки. – Я с вами.

Словарь

dd (dark dog, «темная собака») – 1. Сетевое сообщество наемников. 2. Агенты сетевого сообщества наемников.

АММИЯ – аравийский диалект арабского языка.

АСА (Административный Совет Анклавов) – структура управления Анклавами, координационный совет, решения которого носят рекомендательный характер.

АССОЦИАЦИЯ (Всемирная Ассоциация Поставщиков Биоресурсов) – трансконтинентальная криминальная организация, специализирующаяся на работорговле, поставке оригинальных (не клонированных) органов и похищении людей.

АРАВИЯ – территория Анклава Москва, заселенная выходцами из стран Европы, Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Аравийского полуострова.

БАЛАЛАЙКА (*сленг*.) – чип беспроводного подключения к информационной сети, вставляемый во вживленный в голову разъем. Сленговое название объясняется треугольной формой устройства. Первые Б. управлялись голосом, а роль экрана выполняли специальные очки, подключаемые к Б. с помощью *психопривода*. В настоящее время экран наносится на глаза, а помимо голосового управления предусмотрено вживление активных элементов в подушечки пальцев.

БАТАРЕЯ ЛЛЕЙТОНА – аккумулятор большой емкости, применяемый в качестве источника питания для двигателей *мобилей*. Изобретение БЛ позволило в краткие сроки перевести наземный транспорт на электричество.

БЕЗ (множ.: безы) (*сленг*.) – сотрудник СБА.

БЛОХА (*сленг*.) – нелегальный пассажир, пытающийся попасть в Анклавы на *суперсобаке*.

БОЛОТО (*сленг*.) – территория Анклава Москва.

БОЛЬШОЙ НЕФТЯНОЙ ГОЛОД – топливный кризис, разрушивший предыдущую версию мировой экономики. БНГ стал результатом непродуманной политики и неоправдавшихся надежд на открытие новых месторождений нефти. Постоянное увеличение объемов добычи и оказавшийся пузырем проект «Атлантические скважины» привели к тому, что ни одно государство мира не оказалось готово к кризису. Мировую экономику лихорадило в течение пяти лет. Прошла череда локальных конфликтов, получивших название *Нефтяные войны*, в ходе которых государства пытались установить контроль над

последними разведанными месторождениями. В настоящее время потребности мировой экономики в перевозках удовлетворяются с помощью электричества (см. *Батарея Ллейтона* и *Суперсобака*), основным поставщиком которого стали атомные станции. Добыча нефти осуществляется на Тихоокеанских глубоководных месторождениях и Полярных скважинах Русского Севера.

ВЕРХОЛАЗ (*сленг.*) – человек, обладающий высоким положением в обществе. Как правило, *капер* высшего звена.

ВАГОН (*сленг.*) – общее обозначение клана байкеров.

ВУДУИСТ (*сленг.*) – адепт Католического Вуду.

ГАДЖЕТ (*сленг.*) – небольшое электронное устройство.

ГЕМОДИФИКАЦИЯ – операция по изменению человека с целью получения дополнительных, передаваемых по наследству свойств.

ГЕНАВР – человек, прошедший *Гемодификацию*.

ГЕТРАНСПЛАНТАЦИЯ – операция по трансплантации натуральных или специально разработанных органов. Используется для получения тех или иных качеств (улучшение зрения, слуха, вживление ядовитых желез, когтей и т. п.). Изменения не передаются по наследству, Г. влияет на чистоту генетической карты.

ГРАВЕР (*сленг.*) – специалист по производству электронного оборудования: наносхем, процессоров и т. д.

ДРЕЛЬ (*сленг.*) – пистолет-пулемет «Р16-88 м» разработки «Науком». Сленговое название получил благодаря высокому звуку, издаваемому при стрельбе очередями.

ДЫРОДЕЛ (*сленг.*) – пистолет крупного калибра. Пример: «Рудобой» производства «Науком».

ЕВРОДИН (европейский динар) – денежная единица Европейского Исламского Союза.

ЕВРОПОЛ (Европейская полиция) – полицейская служба стран Европейского Исламского Союза.

ЗАНЗИБАР – территория Анклава Москва, заселенная выходцами из Африки и Северной Америки, исповедующими *Католическое Вуду*.

ЗАМБИЕЦ (множ. замбийцы) – монах *Католического Вуду*, член ордена Замби Всемогущего.

ЗАПРЕТНЫЙ САД – особо охраняемая зона на территории Шанхайчик, место проживания и работы лидеров китайской

диаспоры.

КАНТОРА (*сленг*.) – организованная преступная группировка.

КАНТОРЩИК (*сленг*.) – член организованной преступной группировки.

КАПЕР (*сленг*.) – сотрудник корпораций.

КАТОЛИЧЕСКОЕ ВУДУ – религиозное течение, основанное на смешении классического католичества и культа Вуду. КВ зародилось в Северной Америке и сравнительно быстро стало религией мирового масштаба. В настоящее время КВ исповедуют в странах Южной и Центральной Америк и большей части Африки, которые образуют Конфедерацию стран Католического Вуду.

КОЛЫМА (*сленг*.) – территория Анклава Москва, на которой размещены промышленные объекты корпораций.

КОНСОРЦИУМ (Консорциум Транснациональных Перевозчиков) – трансконтинентальная криминальная организация, специализирующаяся на контрабанде.

КОНСТРУКТОР (*сленг*.) – хирург (как правило – подпольный), специалист по трансплантации.

ЛОМЩИК (*сленг*.) – специалист по несанкционированному извлечению информации из компьютерных сетей.

МАМБО – женщина-священник *Католического Вуду*.

МАШИНИСТ (*сленг*.) – специалист по работе с компьютерами и информационными сетями.

МОБИЛЬ – общее название электромобилей, работающих на *батареях Ллейтона*. В силу невысоких тактико-технических данных (мощность двигателя, запас хода) М рекомендуется использовать на дорогах с хорошим покрытием и не удаляться от станций подзарядки.

МОЛОТОК (*сленг*.) – ПС9399 «Молотов», станковый пулемет производства «Науком».

МУТАБОР – 1. Транснациональная корпорация, лидер в области генной инженерии и генной медицины. 2. Территория Анклава Москва, занимаемая корпорацией Мутабор. (См. также: *Храм Истинной Эволюции*.)

НЕВЫНИМАЙКА *(сленг.)* – «балалайка», в обязательном порядке вживляемая гражданам некоторых государств.

НЕЙК Эммануэль Мария – автор романа «Числа праведности», считавшегося библией *машинистов*. В своих работах Нейк поднимает сложные вопросы жизни человека в современном

обществе и выводит идеалы, к которым следует стремиться. Не рекомендуется к прочтению. Если вы обнаружите электронную или печатную копию романа «Числа праведности», немедленно сообщите об этом представителям власти. Спасибо за понимание.

НЕЙКИСТ – последователь учения, сложившегося под влиянием романа *Нейк* «Числа праведности».

НЕФТЯНЫЕ ВОЙНЫ – локальные конфликты, ставшие следствием *Большого Нефтяного Голода*. Отличались особым ожесточением и широким применением биологического оружия.

ОКР – Объединенный Комитет Расследований, спецслужба РФ. Находится в прямом подчинении президента РФ.

ОРДЕН ЗАМБИ ВСЕМОГУЩЕГО – монашеский орден *Католического Вуду*.

ОТКРЫВАЛКА (*сленг*.) – сыворотка правды.

ПИНГВИН (*сленг*.) – Индивидуальный Боевой Комплекс (ИБК).

ПЛАСТИК (*сленг*.) – специалист в пластической хирургии.

ПОДНЕБЕСНИК (*сленг*.) – китаец.

ПОПЛАВОК (*сленг*.) – процессор, построенный по «плавающей» технологии Копперфильда – Найденова.

ПОЭТЕССА – см. *Нейк*.

ПРЯТКИ (ед. число: прятка) (*сленг*.) – *генавры*, находящиеся на службе в *Мутабор*.

ПСИХОПРИВОД – устройство подключения *«балалайки»* к компьютерным системам.

ПУШЕР (*сленг*.) – торговец наркотиками.

РАЛЛЕР (*сленг*.) – сверхбыстрый компьютер *ломщика*. Не следует думать, что так можно называть любой мощный компактный компьютер. Настоящий Р. производится *граверами* вручную, по индивидуальному заказу, все его параметры, вплоть до формы корпуса и положения кнопок, подогнаны под конкретного человека. Не бывает двух одинаковых Р.! При этом даже в эпоху наноэлектроники размеры Р. достаточно велики (до десяти дюймов длиной), а весит средний Р. порядка пятисот граммов.

РЕВУН (*сленг*.) – Тяжелый Штурмовой Комплекс (ТШК) 9899 разработки «Науком». Калибр снарядов 11,4 мм, стандартный боезапас 400 выстрелов, расширенный – 600 выстрелов. Возможна ленточная подача боеприпасов. Также в стандартную комплектацию входит подствольный гранатомет.

РУБЛЬ – денежная единица Российской Федерации.

РУКАВА – территории Анклава Москва, плохо

приспособленные для жизни человека.

САМУРАЙ (*сленг*.) – выходец из Японии.

САРАНЧА (*сленг*.) – Индивидуальный Боевой Комплекс (ИБК).

САШИМИ – территория Анклава Москва, заселенная выходцами из Автономной Восточной Провинции КНР.

СБА (Служба Безопасности Анклавов) – охранная структура. СБА разбита на филиалы, во главе каждого из которых стоит директор. Общее руководство осуществляет президент СБА (должность выборная). Центральная штаб-квартира расположена в Анклаве Цюрих. СБА исполняет полицейские функции в Анклавах и обеспечивает безопасность корпораций. СБА выступает перед государствами гарантом соблюдения корпорациями Положения об Анклавах.

СИНДИН – синтетический динамический наркотик. По некоторым данным, С. был разработан *Мутабор* по специальному заказу *машинистов*, поскольку при определенных обстоятельствах позволяет необычайно глубоко погрузить сознание в виртуальную реальность.

СИТИ – территория Анклава Москва, занятая корпорациями.

СОСЬЕТТЕ – монастырь *Католического Вуду*, в котором в том числе проходит обучение будущих жрецов.

СТРАТ (*сленг*.) – самолет межконтинентальных рейсов, в процессе полета выходящий за пределы атмосферы.

СУПЕРСОБАКА (*сленг*.) – суперскоростной экспресс на электромагнитной подушке. Основное средство международного транспорта.

ТАБУРЕТКА (*сленг*.) – мопед на электродвигателе.

ТРАНСЕР – человек (животное), прошедший *Гетрансплантацию*.

ТРИТОН (*сленг*.) – человек (как правило, *машинист*), принявший *троицу Сорок Два*.

ТРОИЦА СОРОК ДВА – *«поплавок», «синдин»* и особые наноботы – три компонента, обеспечивающие машинисту широчайшие возможности в сети.

УРУС – территория Анклава Москва, заселенная выходцами из России.

УНИВЕРСИТЕТ – территория Анклава Москва, занимаемая одноименным учебным заведением.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР – территория Анклава Москва, занимаемая представительствами государственных организаций

России.

ХРАМ ИСТИННОЙ ЭВОЛЮЦИИ – 1. Религиозное учение, исповедуемое *Мутабор*; 2. Второе название корпорации Мутабор.

ХРАМОВНИК (*сленг.*) – адепт *Храма Истинной Эволюции*.

ХУНГАН – священник *Католического Вуду*.

ЧЕРНОБУРКА (*сленг.*) – женщины-офицеры ОКР. Как правило, сироты и полукровки, отбираемые в детских домах и исправительных учреждениях. Неоднократно доказывали преданность Президенту.

ЧЕРЕНОК (*сленг.*) – подросток.

ШАРИК (*сленг.*) – Центральный Транспортный Узел «Шереметьево», включающий в себя аэропорт, терминал скоростных поездов, четыре станции метро и складской комплекс.

ШАНХАЙЧИК – территория Анклава Москва, заселенная выходцами из Юго-Восточной Азии, преимущественно из Китая.

ЭЛЕКТРОЛАБА (*сленг.*) – рабочая лаборатория *гравера*.

notes

Примечания

1

Болото (*сленг.*) – название одной из территорий Анклава Москва. Значения других слов и выражений (в том числе сленговых) вы можете узнать в словаре. (*Прим. ред.*)

2

И тонкий волос тенью обладает (*лат.*).

З

Само собою (*лат.*).

4

Память слабеет, если ее не упражняешь (*лат.*).

5

Незачем откладывать решенное дело (*лат.*).

Без сомнения (*лат.*).

7

Праздность расслабляет тело, а труд укрепляет (*лат.*).

Что и требовалось доказать (*лат.*).

9

Поздно приходящим – кости (*лат.*).

10

Владимир Высоцкий. «Охота с вертолета».

11

Одни живые существа имеют дух, другие – только душу (лат.).